
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 11 (433). Экономические науки. Вып. 67. С. 7—14.

УДК 339.9.01
ББК 65.428.803

DOI 10.24411/1994-2796-2019-11101

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДЛИННЫХ ВОЛН Н. Д. КОНДРАТЬЕВА

Д. И. Соколова¹, В. Н. Ковнир²

¹ *Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия*

² *Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия*

Показана возможность применения концепции длинных волн в анализе торговых связей и развития ВТО. Особое внимание уделено вопросам возможных внешних эффектов периодов циклов Кондратьева на характер и интенсивность развития ВТО. Новизна исследования заключается в анализе соотношения теории Н. Д. Кондратьева не только с общей ситуацией на мировой арене, но и с периодами развития ВТО. Сделан вывод о том, что длинные волны теории цикличности Кондратьева оказывают прямое воздействие на глобальные экономические и политические процессы, в том числе на тенденции и динамику внешней торговли, что сказывается и на деятельности ВТО. Это обосновывает необходимость значительных изменений экономических и политических институтов, в том числе эффективное реформирование структуры и принципов деятельности ВТО.

Ключевые слова: *теория длинных волн Н. Д. Кондратьева, экономическая цикличность, Всемирная торговая организация, либерализация торговли, экономические санкции, мировая торговля, Генеральное соглашение по тарифам и торговле.*

Тенденции развития внешнеторговой активности ведущих участников мирового рынка постоянно меняются. Волны либерализма и фритредерства сменяются стремлением к обособлению национальных экономик и протекционизму. Главы многих ведущих мировых держав в последнее время направляют вектор торговой политики государств на поддержание национальных хозяйств и прерывание ряда международных торговых соглашений, контрактов, договоров, что обычно связывается с политической обостренностью последних лет. В связи с этим многие эксперты ставят под сомнение роль или даже необходимость существования *Всемирной торговой организации* (ВТО), как регулятора международных торговых отношений.

При этом необходимо отметить, что многие мировые экономические и политические сдвиги, изменения в концепциях и направлении проводимой политики обосновываются различными экспертами через теорию длинных волн Кондратьева. Теоретическое наследие русского ученого получило свое развитие в работах различных направлений и школ экономической мысли, как отечественных ученых: С. Ю. Глазьев («Современные теории длинных волн в развитии экономики»), Ю. В. Яковец

(«Циклы. Кризисы. Прогнозы»), так и зарубежных: Дж. Форрестер («Мировая динамика»), Г. Менш («Технологический пат»).

Формирование длинных волн Кондратьева связано с неравномерностью динамики развития технологий и сменой доминирующего технологического уклада, что приводит, в свою очередь, к изменению экономических, политических и социальных институтов. Таким образом, кризисы и тяжелые депрессии в период понижательной волны цикла, сменяющиеся подъемом и бурным экономическим ростом в период повышательной волны, оказывают непосредственное влияние на геополитические настроения, динамику внешней торговли и направления движения потоков капитала.

Авторы данной статьи стремились показать возможность эффективного применения концепции длинных волн Кондратьева, цикличности развития мировой экономики для анализа динамики международных торговых связей и вопросов развития ВТО как инструмента регулирования международной торговли. Задачами исследования является анализ перспектив развития ВТО в контексте меняющихся геополитических условий в разрезе длинных волн Кондратьева. Используемый нами

подход основывается на исследовании развития ВТО и ее становления, как основного регулятора международной торговли в контексте анализа соответствующих данному процессу фаз длинных волн экономических циклов, а также на выявлении переломных точек, являющихся поворотными пунктами в отношении ряда мировых держав к ВТО.

Связь тенденций динамики экономической конъюнктуры и изменений в политическом, социальном и других сегментах общества являлась объектом многих исследований, в числе которых: «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени» Дж. Арриги, «Циклы деловой активности» Й. Шумпетера, «Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ» В. И. Умова и В. В. Лапкина. Но, несмотря на то что взаимосвязь между фазами длинного цикла и процессами глобализации была выявлена рядом исследователей, проблема воздействия длинных волн на возникновение и развитие важнейшего инструмента регулирования международной торговли — Всемирной торговой организации — практически не исследовалась.

Необходимо также отметить: невзирая на тот факт, что некоторые ученые выражают сомнения относительно существования циклов Кондратьева, множество кризисов или, напротив, периодов процветания были достоверно спрогнозированы на основе теории длинных циклов. Речь идет не только о Великой депрессии 1929—1932 гг. и кризисах 1970—1980 гг., но также о мировом экономическом кризисе 2000—2001 гг. и глобальном кризисе 2008—2010 гг. [8. С. 57]. Таким образом, не только анализ экономических показателей, выявляющий циклические колебания, но и верные прогнозы, основанные на данной теории, свидетельствуют о существовании длинных волн.

Согласно теории длинных волн Кондратьева, циклы состоят из восходящей фазы — повышательной волны, которая характеризуется энергичным приростом деловой активности и макроэкономических показателей, и нисходящей фазы — понижательной волны, для которой характерны затяжные и глубокие кризисы и депрессии. При этом длинные волны также подвержены колебаниям экономической конъюнктуры, малым циклам, неглубоким кризисам.

Основополагающим фактором существования длинных циклов Кондратьев называл периодичность смены технико-экономических укладов, уровня техники и технологий. В период понижательной волны происходит формирование нового технологического уклада и его частичное внедрение в от-

дельные отрасли экономики, тогда как широкое мировое распространение и интенсивное развитие прогрессивных технологий соответствует фазе восходящей волны нового экономического цикла, что дополнительно сопровождается и обеспечивается соответствующим развитием политических, экономических и прочих институтов.

Повышательная волна сменяется понижательной, в период которой происходит замедление экономического роста и развития технологического уклада; технологии и сложившиеся устойчивые институты исчерпывают себя; это вызывает необходимость разработки и создания новых технологий, трансформации технико-экономического уклада и соответствующих институтов.

Обратимся к конкретной периодизации волн Кондратьева. Первый цикл, в котором сложился первый технологический уклад, а базой его стали водяные и паровые двигатели, имел продолжительность около 60 лет — с конца 1780-х гг. до конца 1840-х — 1850-х гг. Второй цикл и, соответственно, второй технологический уклад характеризовались активным развитием черной металлургии, железнодорожным строительством — с 1850-х гг. до конца 1890-х гг. Третий цикл с третьим технологическим укладом основывался на развитии тяжелого машиностроения, электротехнике и электродвигателях и продлился с конца 1890-х гг. до середины 1940-х гг. Четвертый цикл, сопровождавшийся развитием четвертого технологического уклада, основывался на развитии цветной металлургии, переработке нефти, автомобилестроении, длился с середины 1940-х до середины 1980-х гг. Пятый цикл и пятый технологический уклад имеют в своей основе микроэлектронику, телекоммуникации, развитие персональных компьютеров и глобальных электронных сетей, он длится с середины 1980-х гг. и должен завершаться к началу 2020-х гг. [1].

В данной хронологии можно проследить тенденцию сокращения продолжительности циклов. В связи с этим существуют предположения, являющиеся предметом споров в научном сообществе, о том, что шестой технологический уклад и шестой цикл уже наступили, хотя прогноз становления шестого уклада приходится на начало 2020-х гг. Данный цикл должен будет основываться на нанотехнологиях, экологически чистых источниках энергии, усовершенствовании техники и технологий.

Тем ни менее исходя из множества предпосылок можно сделать вывод о том, что в большинстве развитых стран до сих пор продолжает доминировать

пятый технологический уклад, в рамках которого ресурсные и технологические возможности расширения воспроизводства исчерпывают себя. В связи с этим очевидны проявления дисфункции экономических, социальных и политических институтов, кризисные явления современной эпохи. Как в развитых, так и в развивающихся странах наблюдается углубление дифференциации доходов, усиление позиций олигархии, множественные финансовые проблемы, которые приводят к деградации социальных программ. При этом очевидна также взаимосвязь кризисных явлений понижательной волны длинного цикла с увеличением нестабильности в мировой экономике.

Попробуем установить взаимосвязь между тенденциями международных торговых взаимоотношений, этапами развития ВТО и теорией цикличности Кондратьева. Важно отметить, что Н. Д. Кондратьев не стремился объяснить теорию длинных циклов некими внешними факторами. Напротив, по мнению ученого, эти внешние факторы, в том числе изменения в структуре мировой экономики, войны и революции, являются «не исходными силами этого развития, а формой его проявления» [5].

Как отмечает В. И. Пантин, каждая из понижательных волн независимо от ее продолжительности оканчивается достаточно глубоким экономическим кризисом, каждый из которых так или иначе выступает своеобразной точной резонанса в мировой экономике и политике [10]. К примеру, период 1945—1947 гг. характеризовался многими чрезвычайно важными политическими и экономическими событиями, которые в совокупности определили вектор развития мира на годы вперед.

Кризис можно толковать как резкий, крутой перелом в чем-либо [7. С. 469]. ВТО, как международная организация, деятельность которой направлена на регулирование внешнеторговых аспектов мирового хозяйства, обеспечение организационно-правовой основы системы международной торговли, также должна испытывать воздействие напряжений, формирующихся в подобных точках перегиба. Сопоставление фаз циклов Кондратьева с этапами развития ВТО приведено в таблице.

Выделенные периоды понижательных волн являются важными переломными моментами мирового экономического и политического развития.

Учреждение Всемирной торговой организации в 1995 г. явилось одним из важнейших проявлений процесса глобализации мирового хозяйства, что сопровождалось наделением многосторонних структур полномочиями по разработке и примене-

нию норм регулирования внешней торговли с целью повышения прозрачности и либерализации. По существу, ВТО оказывает не только воздействие на внешнеторговые связи, но и серьезное влияние на хозяйственную жизнь и внутренние механизмы развития своих членов. Сфера деятельности ВТО постоянно расширяется, растет ее число участников.

Вопрос необходимости создания особого института по регулированию процессов международной торговли обсуждался еще в 1919 г., тогда идея создания международной организации, способствующей прогрессивному развитию торговых многосторонних отношений с равным подходом ко всем участникам, была впервые зафиксирована в Уставе Лиги наций. Данный период соответствует повышательной волне третьего цикла Кондратьева (конец 1890-х — 1920 г.) Понижательная волна третьего цикла 1920—1945 (1947) гг. сопровождалась созданием дополнительных военных нетарифных ограничений, которые дополнили уже существовавшие довоенные сверхвысокие тарифные барьеры. Это вошло в историю под названием «мировой торговой войны» середины 1930-х гг. К окончанию понижательной волны по инициативе США начались активные обсуждения устройства мировой торговой системы и *Международной торговой организации* (МТО). Безусловно, США преследовали собственные интересы по максимальной либерализации торговли и обеспечению наилучших условий для продвижения американских товаров [10].

Примечательно, что первые результаты данных обсуждений появились именно в начале повышательной волны нового, четвертого цикла Кондратьева. Послевоенный мир нуждался в восстановлении, в том числе в расширении внешнеторговых связей. В 1947 г. было создано *Генеральное соглашение по тарифам и торговле* (ГАТТ), которое впоследствии стало основой современной ВТО. Еще в 1946 г. на сессии Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС) было принято решение о проведении специализированной конференции по торговле и занятости, что послужило толчком к разработке устава МТО, но ей так и не суждено было появиться в то время. Предполагалось, что МТО должна взять на себя координирующую роль в вопросах упрощения внешней торговли и снижения таможенного бремени на пути товаров. Но в 1950 г. США, иницировавшие старт переговоров об устройстве послевоенной мировой торговой системы, отказались ратифицировать устав МТО, исходя из собственных интересов. Одним из ключевых пунктов, с которым не смогли смириться США, был отказ от идеи

Фазы циклов Кондратьева в сопоставлении с этапами развития ВТО

Периодизация волн теории цикличности		Входящие в периодизацию циклов Кондратьева	
Повышающаяся волна цикла	Понижающаяся волна цикла	События, стимулирующие развитие ВТО и либерализацию международной торговли	События, замедляющие либерализацию международной торговли и развитие ВТО
Конец 1780 — 1813(15) гг.	1813(15) — 1847(50) гг.	Состояние таможенной войны между крупнейшими державами — Англией и Францией, длившееся более ста лет, сводилось практически к полному запрету обмена товарами. Такая тенденция резко меняется с подписанием Францией и Англией торгового трактата 1786 г., который давал некоторые преимущества французским виноделам и согласно которому импортные пошлины на английские товары были значительно снижены Францией	В начале XIX в. имела место торговая политика континентальной системы, или блокады, политика торгового бойкота Англии соединенными силами Европы во главе с Францией. В России «Положение о нейтральной торговле на 1811 год» также имело протекционистский характер
Конец 1840-х — 1873 гг.	1873 — 1890 (1900) гг.	В общественном и правительственном мнении ряда европейских стран утверждается уклон в сторону фритредерства. В 1840-х гг. под влиянием расцвета английской промышленности, что требовало расширения рынков сбыта, Англия стала отменять таможенные пошлины, переходя к свободной торговле. Интересы русского экспорта не противоречили предложениям Англии, в связи с чем в 1845, 1850, 1857 и 1868 гг. были проведены реформы по отмене или снижению пошлин. Во времена Крымской кампании также было проведено общее снижение таможенных пошлин Российской империей	Введение Российской империей «золотых пошлин» в 1876—1877 гг., повышение пошлин в 1880 г. и введение дополнительных протекционистских тарифов в 1891 г. Англия теряет монопольное положение в области промышленности и торговли после экономического кризиса 1873 г. Доля Англии в мировом хозяйстве с 1873 по 1900 г. сократилась в два раза. В 1879 г. власти Германии под влиянием крупных компаний ввели протекционистский тариф, что привело к протекционистским мерам по всей Европе
Конец 1890-х (1900) — 1920 гг.	1920 — 1945(47) гг.	1919 г. — идея создания института по регулированию международной торговли зафиксирована в Уставе Лиги наций	К середине 1940-х гг. к довоенным тарифным барьерам добавились военные нетарифные ограничения. В 1944 г. СССР отказался быть участником МВФ и МБРР
1945(47) — 1969 гг.	1969 — 1982 гг.	1946 г. — на сессии ЭКОСОС принято решение о проведении конференции ООН по торговле и занятости (ноябрь 1947 — март 1948 г.), в результате чего началась разработка проекта Устава МТО 1947 г. — создание ГАТТ 1950-е гг. — значительное снижение пошлин С 1947 по 1967 г. прошло шесть раундов переговоров ГАТТ	1973—1979 гг. — проведение седьмого, Токийского раунда: разработка процедур переговоров и разрешения споров
Середина 1980-х — 2003 гг.	2003 — 2019(20-е) гг.	1986—1994 гг. — Уругвайский раунд Создание новой редакции ГАТТ (1994) 1995 г. — создание ВТО и начало ее функционирования	Середина 2000-х гг. знаменуется усилением тенденций к обособлению государств. Торговые войны, санкционные режимы, увеличение пошлин рядом стран. Очевидна необходимость реформирования ВТО

Составлено на основании данных источников: Бартлетт Б. Об истории торговли и протекционизма (<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2008/1697>); Струве П. Б. Торговая политика России. Челябинск: Социум, 2007. 282 с.; Дюмулен И. И. Всемирная торговая организация. М.: Экономика, 2003. 271 с.

«взвешенного голосования», которое обеспечивало бы большую долю голосов странам, имевшим больший вес в мировой торговле.

Несмотря на то что ГАТТ никогда не являлось официальной организацией, в результате функционирования ГАТТ, как единственного регулятора внешнеторговых отношений, произошло снижение средней величины таможенных пошлин примерно с 60% в 1947 г. до 40% в середине 1950-х гг. и примерно до 10% — к 1970-м гг. [2].

ГАТТ не имело в своем составе специализированных органов по регулированию и контролю над соблюдением договоров, однако практика созыва различных сессий с целью обсуждения ряда торговых вопросов зародилась уже тогда. Снижение таможенных тарифов и решение прочих вопросов мировой торговли происходило на базе конференций ГАТТ, называемых раундами по торговле и тарифам. В рамках деятельности Соглашения было проведено восемь крупных раундов, шесть из которых состоялись именно в период повышательной волны четвертого цикла Кондратьева: 1945 (1947) — 1969 гг.

За время существования ГАТТ число присоединившихся к нему стран выросло с 23 более чем в пять раз: в Уругвайском раунде 1986—1994 гг. принимали участие уже 125 стран. Данный раунд был проведен в период повышательной волны пятого цикла Кондратьева (середина 1980-х — 2003 гг.). По окончании Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров в результате подписания Марракешского соглашения 15 апреля 1994 г. была учреждена Всемирная торговая организация, которая начала свою деятельность 1 января 1995 г. [3].

В рамках Уругвайского раунда переговоры охватили гораздо более широкий спектр вопросов, чем ранее. Еще одним важным результатом данного раунда стала новая редакция ГАТТ 1994 г., которая несет в себе более значительные требования по соблюдению данного международного договора: национальное законодательство должно полностью соответствовать ГАТТ, а некоторые необязательные ранее соглашения стали обязательными для всех стран — членов ВТО. Регулируемые ранее ГАТТ условия свободной торговли дополнились двумя важными секторами: торговля услугами (ГАТС) и торговля объектами интеллектуальной собственности (ТРИПС). Таким образом, повышательная волна пятого цикла Кондратьева сопровождалась широкой либерализацией внешней торговли, расширением мировых торговых связей и активным контактом лидеров стран — участниц мирового обмена.

В рамках теории длинных волн Кондратьева прослеживается несколько этапов развития кризисных явлений и последующих за ними периодов подъема, что затрагивает и развитие мировой экономики. Возникающие ввиду исчерпания имеющихся технологий и соответствующих им экономических и социальных институтов кризисные явления сменяются затяжной депрессией и усиливающейся нестабильностью социально-экономического и политического развития. Все это неминуемо приводит к социальным и геополитическими трансформационным сдвигам, что может проявляться как в усилении конфронтации отдельных государств, нарастающих торговых войнах, так и в виде военных конфликтов. Такого рода кардинальные перемены создают условия для нового витка развития социальных институтов, техники и технологий, что в дальнейшем обеспечивает новый экономический подъем.

Мировые политические и экономические системы существенно дестабилизируются на стыке циклов, что происходит в том числе из-за неравномерных темпов развития государств. Подобного рода нестабильность в рамках понижательной волны пятого цикла привела к обострению ряда международных конфликтов, в том числе с участием исламских государств. Следствием подобных военно-политических конфликтов становится изменение настроений и баланса сил в отношениях ведущих мировых держав: России, США, стран Евросоюза, Китая.

Подобного рода проявления смены циклов уже происходили ранее: обострение восточного вопроса в середине XIX в., Крымская война, война Японии с Китаем, Вторая мировая война, война СССР в Афганистане, война в Сирии. При этом обострения на мировой арене в современных условиях проявляются не в открытых противостояниях, а в торговых, экономических и кибервойнах. На фоне этого меняется отношение отдельных стран к вопросу функционирования ВТО, как регулятора международной торговли.

Сложившийся уклад и сама структура отношений на мировой арене последние годы сопровождаются проявлением тенденций к обособлению стран, что, как правило, является следствием скрытых и открытых политических конфликтов. Подобные явления коснулись и России: многие торгово-экономические связи РФ с западными партнерами оказались частично или полностью прерваны экономическими санкциями, введенными в связи с политическим конфликтом на Украине [4].

В США сформировалась явная тенденция к протекционизму, продвигаемая аппаратом действующего президента. Это проявляется в торговой войне с Китаем, заявлениях Д. Трампа о возможном выходе США из ВТО, введении дополнительных пошлин на импорт стали и алюминия в США, прекращении партнерства американских компаний с китайской компанией Huawei, многом другом.

ВТО функционирует с целью либерализации мировой торговли, а современные экономические санкции, наложенные в том числе странами — членами ВТО, неминуемо ведут к снижению общего уровня предложения, качества продукции, повышению уровня цен и, как следствие, к снижению благосостояния граждан.

Современная ВТО обладает определенным структурным образованием, позволяющим рассматривать спорные ситуации, возникающие между странами — ее членами. Им является *Орган по разрешению споров* (ОРС), находящийся под контролем Генерального совета ВТО. Основной целью его деятельности является восстановление нарушенного баланса прав и обязанностей участников ВТО. В рамках ОРС раз-

решаются некоторые вопросы современных торговых ограничений, в том числе и Россия выигрывала ряд споров на платформе ВТО. Но данный инструмент недостаточно эффективен в условиях современных торговых войн.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что длинные волны теории цикличности Н. Д. Кондратьева оказывают прямое воздействие на глобальные экономические и политические процессы, в том числе на тенденции и динамику внешней торговли, что сказывается и на деятельности ВТО. Повышательная волна шестого цикла Кондратьева, на пороге которой сейчас находится мир, потребует значительных изменений многих политических, социальных и экономических институтов. Несомненно, это коснется международных регуляторов, их структуры или состава участников. Вероятны такие изменения в МВФ, Всемирном банке и ВТО. Последняя из них давно требует серьезного реформирования с целью увеличения эффективности функционирования встроенных стабилизаторов, инструментов и действия международных договоров.

Список литературы

1. Глазьев, С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики / С. Ю. Глазьев // Экон. наука соврем. России. — 2012. — № 2 (57). — С. 27—42.
2. Горбунова, О. А. ВТО: основы функционирования и проблемы присоединения России / О. А. Горбунова, И. В. Минченкова. — М. : Дашков и К, 2011. — 152 с.
3. Форрестер, Дж. Мировая динамика / Дж. Форрестер. — М. : АСТ, 2003. — 384 с.
4. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. — М. : Территория будущего, 2007. — 472 с.
5. Дюмулен, И. И. Всемирная торговая организация / И. И. Дюмулен. — М. : Экономика, 2003. — 271 с.
6. Кожеуров, Я. С. Международная ответственность за нарушения «права ВТО»: соотношение с общим международным правом / Я. С. Кожеуров // Актуал. проблемы междунар. права. — 2013. — № 10 (35). — С. 1334—1340.
7. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры / Н. Д. Кондратьев, Д. И. Опарин // Доклады и их обсуждение в Институте экономики. — 1927; 1928. — 421 с.
8. Н. Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн. Взгляд из современности : монография / под ред. Л. Е. Гринина, А. В. Коротаева, В. М. Бондаренко. — М. : Моск. учитель, 2017. — 384 с.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 2000. — 736 с.
10. Пантин, В. И. Циклы и ритмы истории / В. И. Пантин. — Рязань : Аракс, 1996. — 156 с.
11. Струве П. Б. Торговая политика России. — Челябинск : Социум, 2007. — 282 с. — (Русский тариф. Вып. 3).
12. Умов, В. И. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ / В. И. Умов, В. В. Лапкин. — Полит. исследования. — 1992. — № 4. — С. 51—64.
13. Шумилов, В. М. Всемирная торговая организация: право и система / В. М. Шумилов. — М. : Велби ; Проспект, 2006. — 219 с.
14. Яковец, Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю. В. Яковец. — М. : Наука, 1999. — 448 с.
15. Бартлет, Б. Об истории торговли и протекционизма [Электронный ресурс] / Б. Бартлет — URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2008/1697> (дата обращения 06.09.2019).

Сведения об авторах

Соколова Дарья Ивановна — старший преподаватель кафедры «Экономика и бизнес» Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. glebova.bmstu@gmail.com

Ковнир Владимир Николаевич — профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. horsereх@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 7—14.*

WORLD TRADE ORGANISATION IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF LONG WAVES N.D. KONDRATIEV

D.I. Sokolova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia. glebova.bmstu@gmail.com

V.N. Kovnir

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia. horsereх@yandex.ru

The article shows the possibility of applying the concept of long waves in the analysis of trade relations and the development of the WTO. Particular attention paid to the possible external effects of the periods of the Kondratiev cycles on the nature and intensity of the development of the WTO. The novelty of the study lies in the analysis of the correlation of the theory of N.D. Kondratiev not only with the general situation on the world stage but also with the periods of development of the WTO. According to the results of the work, it was concluded that the long waves of Kondratiev's theory of cyclicity have a direct impact on global economic and political processes, including the trends and dynamics of foreign trade, which affects the activities of the WTO. This justifies the need for significant changes in economic and political institutions, including the effective reform of the structure and principles of the WTO.

Keywords: *the theory of long waves of N. D. Kondratiev, economic cycles, world trade organization, trade liberalization, economic sanctions, world trade, General agreement on tariffs and trade.*

References

1. Glazyev S.Y. *Sovremennaya teoriya dlinnih voln v razvitii ekonomiki* [Modern theory of long waves in economic development]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic science of modern Russia], 2012, no. 2 (57), pp. 27-42. (In Russ.).
2. Gorbunova O.A., Minchenkova I.V. *VTO: osnovi funkcionirovaniya i problem prisoedineniya Rossii* [WTO: fundamentals of functioning and problems of Russia's accession]. Moscow, Dashkov and K Publ., 2011. 152 p. (In Russ.).
3. Forrester J. *Mirovaya dinamika* [World dynamics]. Moscow, AST Publ., 2003. 384 p. (In Russ.).
4. Giovanni Arrighi *Dolgiy dvadtsatiy vek. Den'gi, vlast' i istoki nashogo vremeni* [The long twentieth century. Money, power and the origins of our time]. Moscow, Territory of the future Publ., 2007. 472 p. (In Russ.).
5. Dumoulin I.I. *Vsemirnaya trgovaya organizatsiya* [World trade organization]. Moscow, Economy Publ., 2003. 271 p. (In Russ.).
6. Kozheurov Y.S. *Mejdunarodnaya otvetstvennost' za narushenie prava VTO: sootnoshenie s obsh'im mejdunarodnim pravom* [International responsibility for violations of "WTO law": the relationship with General international law]. *Aktual'nie problem mejdunarodnogo prava* [Actual problems of international law], 2013, no. 10 (35), pp. 1334-1340. (In Russ.).
7. Kondratyev N.D., Oparin D.I. *Bol'shie cikli kon'unkturi* [Large cycles of conjuncture]. Moscow, Reports and their discussion at the Institute of Economics Publ., 1927, 1928. 421 p. (In Russ.).
8. Grinin L.E., Korotayev A.V., Bondarenko V. M. (eds.). *N.D. Kondratyev: krizisy i prognozi v svete teorii dlinnih voln. Vzglyad iz sovremennosti* [N.D. Kondratyev: crises and forecasts in the light of the theory of long waves. View from the present"]. Moscow, Teacher Publ., 2017. 384 p. (In Russ.).

9. Ozhegov S.I. *Tolkovii slovar' russkogo yazika* [Dictionary of Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. 736 p. (In Russ.).
10. Pantin V.I. *Cikli I ritmi istorii* [Cycles and rhythms of history]. Ryazan, Araks Publ., 1996. 156 p. (In Russ.).
11. *Struve P.B. Torgovaya politika Rossii* [Trade policy of Russia]. Chelyabinsk, Socium Publ., 2007. 282 p. (In Russ.).
12. Umov V.I., Lapkin V.V. Kondrat'evskie cikli I Rossiya: prognoz reform [Kondratieff cycles and Russia: reform forecast]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [The policy. Policy research], 1992, no. 4, pp. 51-64. (In Russ.).
13. Shumilov V.M. *Vsemirnaya torgovaya organizaciya: parvo i sistema* [World trade organization: law and system]. Moscow, Prospect Publ., 2006. 219 p. (In Russ.).
14. Yakovec U.V. *Cikli. Krizisi. Prognozi* [Cycles. Crises. Forecasts]. Moscow, Science Publ., 1999. 448 p. (In Russ.).
15. Bartlet B. *Ob istorii torgovli I protekcionizma* [On the history of trade and protectionism]. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2008/1697>, accessed 28.06.2019. (In Russ.).

ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

А. Е. Кисова

Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

Анализируются подходы (ресурсно-эволюционный, поведенческий, ценностно-ориентированный, институциональный), отражающие сущностные и содержательные аспекты такого явления, как социальные инновации. Показана эволюция взглядов на социальные инновации. Определено, что природа социальных инноваций многогранна: они обладают различными особенностями, чертами. Применение различных подходов позволило определить объективно-субъективные стороны социальных инноваций, их материально-вещественную и общественную стороны. Кроме того, фрагментарно исследованы формы социальных инноваций, а также их уровни. Особое внимание уделено материально-вещественной стороне социальных инноваций, под которой автор подразумевает совокупность человеческого и социального капиталов. Предположено, что социальные инновации затрагивают не одну только социальную сферу жизнедеятельности человека, а все его сферы, в результате чего они обладают синергетическим и мультипликационным эффектом и могут выступать источником технологических инноваций.

Ключевые слова: *социальные инновации; ресурсно-эволюционный, поведенческий, ценностно-ориентированный, институциональный подходы; новшество; изменения; человеческий и социальный капитал.*

В условиях глобализации и турбулентности мировой экономической динамики исследование такого явления, как социальные инновации приобрело особое значение. На данный момент социальные инновации являются одним из самых эффективных методов нивелирования противоречий в интересах хозяйствующих субъектов и разрешения конфликтных ситуаций в обществе.

Несмотря на несомненную актуальность социальных инноваций, единая концептуальная база в данной области отсутствует, а небольшие прорывы в этом направлении представлены только отдельными учеными и исследовательскими проектами. Среди иностранных исследователей данного направления можно выделить П. Друкера, Н. Кондратьева, К. Маркса, Э. Мейо, Ф. Тейлора, Э. Тоффлера, Й. Шумпетера и др. В то же время отечественных исследователей данной сферы гораздо меньше (А. Голубева, Х. З. Ксенофонтова, Е. Соколова [1. С. 128]).

Используя генезис категории «социальные инновации» и руководствуясь при этом принципом единства исторического и логического, следует учитывать процесс зарождения не только категории «социальные инновации», но и категории «инновации» в целом.

Генезис теоретических представлений о возникновении такого термина, как «инновация», выявил его неоднозначность как в сферах деятельности, так и по времени появления в научных исследованиях.

Например, А. В. Непомнящий, В. И. Писаренко относят появление термина к концу XIII в. во французском языке и к середине XVI в. — в английском для обозначения нового в лингвистике и правоведеии [2. С. 14]. С. Н. Кройтор пишет, что впервые данный термин возник в XIX в. в научных исследованиях по культурологии и означал введение элементов одной культуры в другую [3. С. 122].

Если рассматривать сферы деятельности, то в лингвистике за термином «инновация» скрывалось явление изменения грамматических форм при их переносе из одного культурного ареала в другой. В юриспруденции под инновацией понимался акт замены существующего обязательства на другое.

Кроме того, проблемы инноватики нашли свое отражение в социологических науках. Первопроходцами социальной инноватики стали американские социологи Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Э. Мейо в начале XX в. Их исследования были связаны с задачей преодоления психологического сопротивления людей нововведениям в сфере организации труда [4. С. 147].

Социологи пришли к общему выводу, что потребность в социальной инноватике в первую очередь определяется необходимостью в разработке новых социально-экономических и идеологических программ развития, поиске новых идей, способных стать движущей преобразовательной силой общества, тогда как на протяжении достаточно большого количества времени социологическая мысль

не предложила обществу ни одной прогрессивной модели развития [4. С. 147]. Вместе с тем К. Маркс подчеркивал, что философия (а следовательно, и социология) не должны лишь различным способом объяснять мир, но и изменять его в соответствии с постоянно растущими потребностями [5. С. 128]. Гегель справедливо замечал, что «истинная природа предмета только и может быть познанной в процессе его изменения» [6].

В XX в. категория «инновация» стала использоваться в экономической теории.

Ретроспективный анализ научной литературы показал, что термин «инновация» вошел в науку в XIX в. как необходимый показатель развития общества и отдельных его сторон. Первоначально дефиницию «инновация» ввел в научный оборот Й. Шумпетер, который понимал под ней внедрение в практическую деятельность новых технологий, форм, продуктов. В целом содержание инновации он определил понятием «осуществление новых комбинаций», выражаемое в пяти комбинациях: «изменение с целью внедрения и использования новых потребительских товаров, новых производственных, транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности» [7. С. 176].

Теорию инноваций продолжил Н. Кондратьев. Он вывел понятие экономической конъюнктуры через взаимосвязь терминов экономической динамики и статистики как «направление и степень изменения совокупности элементов народнохозяйственной жизни по сравнению с предшествующим моментом» [8. С. 33], а также увязал теорию цикличности и конъюнктуры с теорией инноваций.

Важно отметить, что свой вклад в теорию инноватики внесли К. Маркс и Ф. Энгельс. Их труды послужили основой теории инноваций. В частности, согласно К. Марксу, внедрение крупных изобретений является базой для технических революций, определяющим фактором в развитии и дальнейшем функционировании производительных сил общества. Вследствие этого происходят изменения в общественных отношениях: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда — не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [9. С. 191].

Значительный интерес ученых к теории инноваций вырос в середине прошлого столетия, когда характеристики и свойства инноваций начали использовать для исследования постиндустриальной фор-

мации, ее развития и функционирования. Согласно формационному подходу, возникновение и внедрение качественных изменений в социально-экономическую систему значительно интенсифицирует экономические основы всех ее элементов, повышает производительность труда, приводит в конечном счете к росту уровня личного и общественного благосостояния [10. С. 70]. Соответственно, со временем социально-экономическая система приобретает статус инновационной экономики, главными товарами которой на мировой арене становятся различные виды инноваций [11].

О. А. Антончева, Г. А. Величко указывают: «Особенностью экономической позиции является то, что научно-технические, технологические, инновационные, организационно-технологические нововведения не могут быть осуществлены без изменения социальных отношений, при этом социальные новшества здесь рассматриваются, скорее, как неперемное сопровождение экономических преобразований» [12. С. 131].

Анализ научной литературы по исследуемой проблеме позволяет сделать вывод о наличии ряда концептуальных подходов к исследованию социальных инноваций. Наиболее значимыми, на наш взгляд, являются ресурсно-эволюционный, поведенческий, ценностно-ориентированный, институциональный.

Представляется, что воззрения Г. Тарда характеризуют ресурсно-эволюционный подход, в соответствии с которым, с одной стороны, изобретения удовлетворяют определенные личные и общественные потребности, которые, в свою очередь, продуцируются интересами, являющимися формой и основой проявления социально-экономических отношений; с другой стороны, социальные инновации — это источник прогресса, в частности социального.

Согласно поведенческому подходу Р. Мертона, социальная инновация является разновидностью девиантного поведения. «Такая реакция возникает, когда индивид ассимилировал акцентирование цели без равнозначного усвоения институциональных норм, регулирующих пути и средства ее достижения» [13], то есть инновационное поведение, по сути, отождествляется с девиацией, ведь индивид использует недопустимые в данном социуме модели поведения и, соответственно, должен быть за это наказан.

Ценностно-ориентированный подход (П. Друкер, М. Янг) рассматривает социальные инновации с позиции социального предпринимательства.

Социальное предпринимательство стимулирует социальные и экологические инновации, выступая одним из факторов и условий функционирования и развития бизнеса. По мнению О. А. Джинджолии, развитие социального предпринимательства влияет на рост социальной ответственности традиционно-го бизнеса, который должен стремиться интегрировать в новую парадигму взаимодействия общества и предпринимателей. В результате этого можно сделать вывод, что социальная инновация — это результат социально ориентированной предпринимательской деятельности. Значимость социальной инновации — ее ценность — определяется способностью к удовлетворению социальных потребностей получателя услуги новым, удобным для него, способом [14. С. 62].

Согласно институциональному подходу Э. Тоффлера инновация как явление, во-первых, отражает существующие тенденции культуры общества, во-вторых, обладает определенным уровнем новизны и характеризует будущие целевые установки. Потребность в качественных структурных изменениях определяется наличием различных социально-экономических проблем, которые нельзя решить традиционными методами. В соответствии с этим имманентным свойством инновации выступает качественная определенность, приводящая в конечном счете к устойчивому развитию социально-экономической системы. Иными словами, социальные инновации — это не точечные изменения, например увеличение пособий, дотаций, а закрепление новых социокультурных норм в поведении и сознании человека, общества в целом.

Не умаляя значимости результатов исследования указанных авторов, все же подчеркнем, что в рассмотрении социальных инноваций не следует рассчитывать на использование одного подхода, наиболее целесообразно использовать интегративно-конвергенциальный подход.

Отметим, что в первую очередь социальные инновации нужно рассматривать как явление, обладающее следующими особенностями:

- определенный уровень новизны. В соответствии с этим тезисом антонимом инновации является традиция, при этом данная характеристика (новизна) может определяться территориальным аспектом, технологией, институциональным элементом (новые правила, нормы и т. д.) и др.;

- взаимодействие различных хозяйствующих субъектов. В этом случае реализуется конвергентная функция социальных инноваций, когда для решения общественных проблем иным, нетради-

ционным способом начинают взаимодействовать иные акторы, появляются новые формы объединения и партнерства, расширение доступа к услугам, стремление к равенству и справедливости;

- изменения происходят в сферах непрерывного воспроизводства человеческого капитала, причем данные изменения носят необратимый характер;

- инициатива может исходить от различных субъектов, как от домашних хозяйств (снизу вверх), так и от государства (сверху вниз);

- удовлетворение социальной потребности и снятие противоречий в интересах между различными субъектами экономики — один из основных критериев социальных инноваций;

- территориальная определенность — одни и те же решения в разных странах или регионах могут быть или не быть социальными инновациями;

- практическая реализация и временные границы. Согласно результативному подходу, социальные инновации — это реализованные и внедренные в практику изменения. При этом любая инновация имеет свой временной горизонт: ориентировочно это три года прохождения таких этапов жизненного цикла, как: внедрение — повсеместное распространение — мейнстрим.

Таким образом, с учетом вышеизложенных положений можно сказать, что социальные инновации — это трансформационные изменения в сферах формирования и развития человеческого и социального капитала с целью нивелирования противоречий в интересах и повышения личного и общественного благосостояния.

Качественная определенность социальных инноваций обусловлена рядом их характерных черт: антропоцентризм, стратегический характер, инертность, специфичность, синергизм, творчество, высокая степень риска.

Объектом социальных инноваций является человек, его отношения с обществом, государством, его интересы, потребности и цели.

Для того чтобы инновации были восприняты и реализованы, необходимы определенные объективные и субъективные условия, обуславливающие готовность к их принятию. Учитывая специфичность внешней и внутренней среды социально-экономической системы, носитель социальных инноваций должен быть целеустремленным и понимать, что сама среда достаточно неустойчива и чувствительна к различным воздействиям. Именно благодаря нелинейности социальных процессов в обществе возникают социальные явления, которые актуализируют потребность в изменении,

совершенствовании или формировании их нового качества, что и является в конечном счете источником самих социальных инноваций.

Что касается субъектов социальных инноваций, то, согласно проектному подходу, субъектами социальных инноваций являются:

— заказчик (это субъект, целью которого является решение социальных проблем и задач);

— инвестор (в качестве инвестора могут выступать государственные, муниципальные органы власти, коммерческие и некоммерческие организации, а также отдельные домашние хозяйства; цель инвестора — это финансовое обеспечение социально-инновационного процесса);

— производитель (социальные новаторы выступают непосредственным производителем социальных инноваций);

— потребитель — общество в целом и человек в частности.

Стоит отметить, что социальные инновации достаточно разнообразны и могут проявляться в следующих формах:

• Первая — нововведения в социальной политике государства, направленные на повышение эффективности воспроизводства человеческого капитала. При рассмотрении уровня хозяйствующего субъекта речь идет об эффективной реализации его социальной политики. Анализируя региональный и федеральный уровни, следует говорить о развитии сектора общественных и коллективных благ, а именно сферы образования, здравоохранения и т. д.

• Вторая форма — социальные инновации как направление развития предпринимательской деятельности. Это является одной из форм бизнеса, в частности социального предпринимательства. Особенностью вышеуказанной формы бизнеса является совмещение коммерческой деятельности с социальными целями.

• Третья форма представлена в виде социальных инноваций как части управления предприятием. Например, в сфере маркетинговой политики организации. Концепция социальных инноваций в данном случае выступает как инструмент роста интереса со стороны внешних контрагентов с позиции социально ориентированной организации.

Исходя из вышерассмотренных форм социальных инноваций данное явление с точки зрения структурного подхода можно рассматривать на нескольких уровнях: социальные инновации для решения проблем группы людей (инвалиды,

пенсионеры, дети и т. д.) (наноуровень), социальные инновации на уровне фирмы (микроуровень), социальные инновации на уровне региона (мезоуровень), социальные инновации на уровне страны (макроуровень), социальные инновации на мировом уровне (мегауровень).

Заметим, что любое явление имеет материально-вещественную и общественную стороны. Материально-вещественной стороной выступает капитал [15]. Если мы говорим о материально-вещественной стороне социальных инноваций, то в этом случае ее основа — это человеческий и социальный капитал.

Необходимо учитывать, что гипотетически каждый человек может заниматься инновационной деятельностью, потенциально это заложено самой природой, но актуализирует ли он свои творческие возможности в конкретный момент в данных условиях, неизвестно. В связи с этим тезисом целесообразно говорить не о человеческом потенциале, а о капитале, поскольку социальная инновация, как и сама инновация в целом, — это именно результат, а не возможность ее возникновения.

Основным элементом творчества при создании социальных инноваций является креативность. Творчество, или креативность — это создание новых идей, потенциально возможных. Оно становится инновацией лишь в случае внедрения в практическую деятельность человека. Мы согласны с представителями института психологии РАН, которые рассматривают творчество в качестве источника социального развития, делая основной акцент на интеллектуальном человеческом капитале [16. С. 215]. Ученые указывают, что человеческое мышление является определяющим условием отбора и классификации необходимой информации. В то же время они подчеркивают его двойственную природу, уточняя, что, с другой стороны, мышление — это фактор ограничения, в частности знаний о мире, о системе, исходя из той части, которой человек в процессе инновационной деятельности непосредственно касается [17. С. 235].

Таким образом, условием создания и постоянного воспроизводства социальных инноваций является человеческий капитал. Но в большей степени важно для эффективной реализации результатов человеческого капитала уровень социального капитала, т. е. наличие сети взаимоотношений, существующих между людьми, «сети, обслуживающие коллективное действие» [18. Р. 151].

По мнению И. В. Копотевой, основными условиями возникновения и функционирования со-

циального капитала в системе является наличие согласованности в области социальных норм и правил, а также развитие социальных сетей, которые, в свою очередь, свидетельствуют ее о коллективном характере [19. С. 77]. Социальный капитал как специфическая форма капитала имеет общие черты и специфические в сравнении с физическим и человеческим капиталом. К общим чертам относится, например, то, что он:

- существует в форме запаса, который индуцирует поток ценностей, воздействующих на экономику;

- требует инвестиций и периодических вложений на поддержание уровня доверия в стране, в регионе между субъектами;

- накапливается и характеризуется долгосрочной направленностью.

При этом социальный капитал обладает специфическими свойствами: во-первых, он менее осязаем, во-вторых, амортизация у данного вида капитала отсутствует; в-третьих, он не может быть создан на индивидуальной основе, поскольку является сугубо социальным явлением.

В целом социальные инновации распространяются или обмениваются, в частности, через личные контакты и социальные сети.

Таким образом, на всех стадиях воспроизводственного процесса социальных инноваций необходимо инвестировать не только в человеческие ресурсы и человеческий капитал, но и в социальный, «поскольку социальный капитал — это ценность, создаваемая экономическими агентами через отношения с другими не только для себя, но и для социально-экономической системы в целом [20. С. 75]. В результате взаимодействия данных видов капиталов возникает синергетический эффект.

При взаимодействии социального и человеческого капиталов происходит взаимное усиление интеграционных процессов. В результате образуется синергетический эффект, который подразумевает, что социально-экономическая система обладает гораздо большими свойствами, чем каждый из отдельных ее элементов.

Благодаря синергетическому эффекту инновационный способ производства побуждает к изменению не только среды человека, средств труда, технологий, но и его самого. Меняются его потребности, их структура, цели производства, задачи. Соответственно, главной целью экономического роста страны становится не просто количественное увеличение всех факторов и результатов общественного производства, а их качественное совершен-

ствование с целью повышения уровня и качества жизни человека. Поскольку социальные инновации затрагивают не только социальную сферу жизнедеятельности человека, а все его сферы, они несут огромный синергетический и мультипликационный эффект и выступают источником для технологических инноваций.

При анализе содержания социальных инноваций важно отметить их движущие силы, которыми выступают различного рода экономические противоречия.

Вследствие столкновения экономических интересов хозяйствующих субъектов в системе социально-экономических отношений по поводу возникновения, развития и внедрения социальных инноваций могут возникнуть различного рода противоречия. К ним, в частности, можно отнести:

- желание фирм как можно скорее получить экономический эффект, тогда как его может и не быть вообще или он будет через несколько лет. В результате экономические агенты имеют слабое стимулирование к внедрению социальных инноваций в деятельность своих компания (такие инновации носят в большей степени организационный и управленческий характер), что способствует массовому оттоку человеческого капитала в другие страны; оппортунистическое поведение;
- проблемы перепроизводства, возникшие в результате формирования избытка благ.

Соответственно, основной целью социальных инноваций является смягчение, нивелирование противоречий в экономических интересах хозяйствующих субъектов, а их миссией — рост личного и общественного благосостояния.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- социальные инновации — это трансформационные изменения в сферах формирования и развития человеческого и социального капитала с целью нивелирования противоречий в интересах и повышения личного и общественного благосостояния;

- содержание социальных инноваций представляет собой метод согласования разнообразных интересов субъектов экономики, позволяющих разрешать существующие противоречия и снимать назревающие конфликты с целью повышения благосостояния общества и отдельного человека в частности;

- материально-вещественной основой формирования, развития и внедрения социальных инноваций является человеческий и социальный капитал;

- движущей силой возникновения, внедрения и распространения социальной инновации

являются противоречия в интересах хозяйствующих субъектов;
 — критерием идентификации социальной инновации является наличие качественных и количественных параметров новшества, которого не было на предыдущей стадии развития социально-экономической системы.

Список литературы

1. Омонов, Ж. К. Сущность социальных инноваций / Ж. К. Омонов // Сборник научных статей XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых по региональной экономике. — Екатеринбург, 2015. — С. 128—131.
2. Непомнящий, А. В. Инновационное образование: достижения и перспективы / А. В. Непомнящий, В. И. Писаренко // Высшее образование сегодня. — 2007. — № 7. — С. 14—19.
3. Кройтон, С. Н. Инновация, нововведения, новшество как социологические категории / С. Н. Кройтон // Социология. — 2008. — № 4. — С. 122—128.
4. Кондауров, В. И. Инновационная социология (социология социальных нововведений) / В. И. Кондауров // Вестн. ун-та (Гос. ун-т упр.). — 2012. — № 1. — С. 147—150.
5. Маркс, К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. — 677 с.
6. Гегель, Г. В. Ф. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель // Энциклопедия философских наук. Т. 3. — М., 1977. — 471 с.
7. Шумпетер, Й. А. Капитализм, социализм и демократия : пер. с нем ; пер. с англ. / Й. А. Шумпетер — М. : Эксмо, 2008. — 864 с.
8. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения : избр. тр. / Н. Д. Кондратьев. — М. : Экономика, 2002. — 767 с.
9. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 23, ч. I. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1962.
10. Дорошенко, С. В. Стратегическая адаптация как императив инновационного развития региональной социально-экономической системы / С. В. Дорошенко // Экономика региона. — 2010. — № 3. — С. 69—77.
11. Проблемное поле феномена инноваций в общественной практике [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.unokrug.ru/lib/articles/id/18920.php> (дата обращения 25.08.2019).
12. Антончева, О. А. Инновации как экономический и социокультурный феномен / О. А. Антончева, Г. А. Величко // Управленч. консультирование. — 2014. — № 9 — С. 127—136.
13. Королева, В. А. Исследование инноваций в социальной сфере в рамках психологических наук / В. А. Королева // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. — 2017. — С. 234—237.
14. Джинджолия, О. А. Социальное предпринимательство как институциональная форма обеспечения устойчивости малых предприятий / О. А. Джинджолия // Изв. Волгоград. гос. техн. ун-та. — 2011. — Т. 14, № 12. — С. 62—65.
15. Корогодина, И. Т. Методология социально-экономического и диссертационного исследования : учеб. пособие / И. Т. Корогодина. — Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2016. — 303 с.
16. Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / под общ. ред. Д. В. Ушакова. — М. : Ин-т психологии РАН, 2011. — 716 с.
17. Сафаров, С. М. Основы социального предпринимательства / С. М. Сафаров. — Иваново : Роцца, 2014. — 295 с.
18. Woolcock, M. Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework / M. Woolcock // Theory and Society, Springer Netherlands. — 1998. — Vol. 27, no. 2, April. — P. 151—208.
19. Копотева, И. В. Социальные инновации в изменяющейся сельской среде России / И. В. Копотева, Н. Йоуко // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2008. — № 2 (2). — С. 74—84.
20. Лукичева, Л. И. Синергия капиталов как фактор развития современных предприятий / Л. И. Лукичева, И. А. Вендина // Актуальные проблемы менеджмента и экономики в России и за рубежом : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конференции. — 2016. — С. 72—75.

Сведения об авторе

Кисова Анна Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики Липецкого государственного технического университета. zaumka84@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 15—22.*

THE NATURE AND ESSENCE OF SOCIAL INNOVATION

A.E. Kisova

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia. zaumka84@mail.ru

The article analyzes approaches (resource-evolutionary, behavioral, value-oriented, institutional), reflecting the essential and meaningful aspects of such a phenomenon as social innovation. The evolution of views on social innovation shown. It is determined that the nature of social innovations is multifaceted: they have various features and features. The use of various approaches allowed us to determine the objective-subjective aspects of social innovations, their material, material, and social aspects. Besides, the forms of social innovations, as well as their levels, were fragmented. Particular attention paid to the material side of social innovation, by which the author means a combination of human and social capital. It is assumed that social innovations affect not only the social sphere of human life but all its spheres, as a result of which they have a synergistic and animated effect and can act as a source for technological innovations.

Keywords: *social innovation, resource-evolutionary, behavioral, value-oriented, institutional approaches, innovation, change, human and social capital.*

References

1. Omonov J.K. Sushchnost' social'nyh innovacij [The essence of social innovation]. *Sbornik nauchnyh statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenykh po regional'noj ekonomike* [Collection of scientific articles of the XIII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists on Regional Economics]. 2015. pp. 128-131. (In Russ.).
2. Nepomnyashchy A.V. Innovacionnoe obrazovanie: dostizheniya i perspektivy [Innovative education: achievements and prospects]. *Vysshye obrazovanie segodnya* [Higher education today], 2007, no. 7, pp. 14-19. (In Russ.).
3. Croyton S.N. Innovaciya, novovvedeniya, novshestvo kak sociologicheskie kategorii [Innovation, innovations, innovation as sociological categories]. *Sociologiya* [Sociology]. 2008. No. 4. pp. 122-128. (In Russ.).
4. Kondaurov V.I. Innovacionnaya sociologiya (sociologiya social'nyh novovvedenij) [Innovative sociology (sociology of social innovations)]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravleniya)* [Bulletin of the University (State University of Management)], 2012, no. 1, pp. 147-150.
5. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Compositions], 2nd ed., vol. 3. Moscow, State publishing house of political literature, 1955. 677 p. (In Russ.).
6. Hegel G.V.F. *Filosofiya duha* [Philosophy of the Spirit]. *Enciklopediya filosofskih nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Moscow, 1977. 471 p. (In Russ.).
7. Schumpeter J.A. *Kapitalizm, socializm i demokratiya* [Capitalism, socialism and democracy]. Moscow, Eksmo, 2008. 864 p. (In Russ.).
8. Kondratiev ND. *Bol'shie cikly kon'yunktury i teoriya predvideniya* [Big conjuncture cycles and foresight theory]. Moscow, CJSC Publishing House Economics, 2002. 767 p. (In Russ.).
9. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Compositions], 2nd ed., vol. 23, pt. I. Moscow, State publishing house of political literature, 1962. (In Russ.).
10. Doroshenko S.V. Strategicheskaya adaptaciya kak imperativ innovacionnogo razvitiya regional'noj social'no-ekonomicheskoy sistemy [Strategic adaptation as an imperative of innovative development of the regional socio-economic system]. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2010, no. 3, pp. 69-77. (In Russ.).
11. The problem field of the phenomenon of innovation in public practice. Available at: <http://www.unokrug.ru/lib/articles/id/18920.php>.
12. Antoncheva O.A., Velichko G.A. Innovacii kak ekonomicheskij i sotciokul'turnyy fenomen [Innovation as an economic and socio-cultural phenomenon]. *Upravlencheskoe konsul'tirovaniye* [Management consultation], 2014, no. 9, pp. 127-136. (In Russ.).

13. Koroleva V.A. Issledovanie innovacij v social'noj sfere v ramkah psihologicheskikh nauk [The study of innovation in the social sphere in the framework of psychological sciences]. *Nauka i innovacii v XXI veke: aktual'nye voprosy, otkrytiya i dostizheniya: sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v 3 chastyah* [Science and innovation in the XXI century: topical issues, discoveries and achievements: a collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference in 3 parts]. 2017. Pp. 234-237. (In Russ.).
14. Ginjolia O.A. Social'noe predprinimatel'stvo kak institucional'naya forma obespecheniya ustojchivosti malyh predpriyatij [Social entrepreneurship as an institutional form of ensuring the sustainability of small enterprises]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Technical University], 2011, vol. 14, no. 12. pp. 62-65. (In Russ.).
15. Korogodin I.T. *Metodologiya social'no-ekonomicheskogo i dissertacionnogo issledovaniya* [Methodology of socio-economic and dissertation research]. Voronezh, 2016. (In Russ.).
16. *Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovanij k social'nym i kul'turnym fenomenam* [Creativity: from biological foundations to social and cultural phenomena]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2011. 716 p. (In Russ.).
17. Safarov S.M. *Osnovy social'nogo predprinimatel'stva* [Fundamentals of social entrepreneurship]. Ivanovo, Roshcha Publ., 2014. 295 p. (In Russ.).
18. Woolcock M. *Social capital and economic development: Toward a theoretical synthesis and policy framework. Theory and Society*. Springer Netherlands, Volume 27, Number 2, April, 1998, pp. 151-208.
19. Kopoteva I.V. Social'nye innovacii v izmenyayushchejsya sel'skoj srede Rossii [Social Innovations in the Changing Rural Environment of Russia]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2008, no. 2 (2), pp. 74-84. (In Russ.).
20. Lukicheva L.I., Vendina I.A. Sinergiya kapitalov kak faktor razvitiya sovremennyh predpriyatij [Synergy of capital as a factor in the development of modern enterprises]. *Aktual'nye problemy menedzhmenta i ekonomiki v Rossii i za rubezhom* [Actual problems of management and the economy in Russia and abroad. A collection of scientific papers based on the results of an international scientific and practical conference], 2016. Pp. 72-75. (In Russ.).

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «РЫНОЧНАЯ ВЛАСТЬ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ю. Ш. Капкаев, А. С. Исаева, Р. И. Латыпов

Челябинский государственный университет, Россия

В научном сообществе остается острой дискуссия о содержании понятия «рыночная власть». Несмотря на широкое распространение исследуемого явления, в экономической литературе существуют различные трактовки рыночной власти, нет однозначной формулировки. В связи с этим в данной статье представлены результаты анализа, полученного при систематизации определений рыночной власти в экономической науке. На основе литературного обзора рассмотрена история формирования и развития понятия. В результате предложен подход к определению понятия рыночной власти, более конкретно раскрывающему ее экономическую сущность: способность, которая возникает при применении экономических законов на уровне фирмы, целенаправленном определении действий других участников рынка, в целях повышения доли участия на рынке, влияния и получаемых благ. Целью статьи является содействие лучшему пониманию рыночной власти посредством анализа эволюции этого понятия, в частности разграничения понятия рыночной и монопольной властей. Кроме того, полученные выводы могут быть использованы при разработке теоретической модели формирования конкурентности фирмы.

Ключевые слова: рыночная власть, конкурентоспособность, фирма, рынок, экономическая теория.

Проблема результативности деятельности экономических систем занимает центральное место в исследованиях на протяжении десятилетий и охватывает большинство вопросов. Особую актуальность приобретает теоретическое обоснование экономических трансформаций в глобальном мире с историческим дискурсом.

На данный момент именно уровень развития рыночных и отраслевых сегментов определяет возможность конкурентоспособности. К одному из наиболее значимых параметров, отражающих положение отраслевого рынка, относится рыночная власть фирм, функционирующих на различных рынках.

Прежде всего представим трактовку того, что мы понимаем под термином «рынок» в целях исследования, обобщим все изученные положения. Рынок является взаимодействием производителей и потребителей, которое возможно при распределенном, безличном формировании цен; может быть охарактеризован стихийностью. Обмен ресурсами (услугами) — основной процесс внутри рынка. Исследования форм отношений рыночной экономики охватывают всю систему и всех субъектов хозяйствования. Участниками рынка являются как предприниматели, так и работники, которые продают свой труд, а также конечные пользователи и владельцы ссудного капитала, владельцы ценных бумаг и др.

Рынок обычно определяется с точки зрения покупки, продажи и установления цен или связан с ними [9]. Так, например, в работах Л. Мизеса [25. С. 285] характеризуются рыночные явления как «определение рыночных обменных отношений товаров и услуг, обсуждаемых на рынках, их происхождения в результате действий человека и их влияния на последующие действия». Рынок является центром, к которому «сходятся действия людей», из которого «излучается» деятельность отдельных лиц.

Возможно представить строгую централизованную подчиненность таких явлений, как разделение труда, специализация и обмен, в отличие от свободного обмена, существующего спонтанным (естественным) способом. Он позволяет формировать свободные цены, при которых экономические агенты, будут стремиться к развитию. Рыночная власть означает относительную способность компании манипулировать ценой товара на рынке путем манипулирования уровнем спроса, предложения или того и другого. Компания, обладающая значительным влиянием на рынке, обладает способностью манипулировать рыночной ценой и, таким образом, контролировать свою норму прибыли, а, возможно, и усиливать препятствия для потенциальных новых участников рынка. Фирмы, которые имеют рыночную власть, часто описываются как «производители цен», потому что они могут

устанавливать или корректировать рыночную цену товара, не уступая доли рынка [2]. На данном этапе глобализации фирмы должны быть в состоянии поддерживать занимаемые позиции в условиях все более жесткой конкуренции и быть готовыми захватывать рынок у конкурентов.

В дополнение стоит упомянуть о том, что рынки функционируют эффективнее при некоторой доле легитимизации. Опираясь на конкретные примеры из политической практики стран, становится возможным подвергнуть сомнению ситуацию применения множества инструментов регуляторного, законодательного, монетарного и фискального контроля, предопределяющих серьезный урон рынкам труда, финансов, товарным рынкам. Рынки функционируют эффективнее, когда есть согласованные или навязанные стандарты, которые создают ясность и ситуацию условного доверия.

В целях повышения конкурентоспособности у участников открывается сверхъестественная способность предвидеть человеческие потребности, даже не выраженные на рынке на данном этапе развития.

Вышеописанные факторы позволяют детерминировать актуальность данной работы: необходимость освещения аспектов развития «понятия рыночная власть» в историческом дискурсе; возможность содействия лучшему пониманию рыночной власти обусловили выбор тематики данной работы и постановку задач: проанализировать литературу, описать имеющуюся эволюцию, дать синтезированное понятие экономической сущности рыночной власти, способам ее достижения, отвечающим новым вызовам и реалиям.

На данный момент наблюдается положительная тенденция к повышению заинтересованности такой проблематикой, так как современное интегрирование мировых экономических систем расширяет возможности для фирм. Вопросы брендинга, разработки уникальных торговых предложений все чаще оказываются в фокусе исследовательского внимания. Брендинг трансформируется: становится многоуровневым, вырабатывается, тестируется и отражает то, что нужно клиенту от компании-производителя, а не то, что нужно от клиента.

В экономической науке проблема рыночной власти фирм впервые начинает рассматриваться в середине 1950-х гг. Преимущественно работы экономистов до периода выделения рыночной власти как самостоятельного субъекта исследования связывают с процессом принуждения всех субъектов, изменением зависимости составляющих стоимости.

В этой связи интересен постулат, сформулированный в трудах К. Менгера [24], заключающийся в объяснении того, что стоимость обусловлена не автоматически, а в большей степени деятельностью определенных организаций. Развитие мысли о субъективных оценках готовых продуктов их потребителями нашло отражение в работах его последователей О. Бем-Баверка, Ф. Визера.

Отдельное внимание стоит уделить трудам Ж. Тироля, нобелевского лауреата 2014 г. В 1980-х гг., до того как Тироль опубликовал свою первую работу, исследования в области регулирования были относительно редкими, в основном они касались осмысления необходимой степени вмешательства государственных институтов, их контроля за ценообразованием в двух крайностях рыночной власти: монополии и совершенной конкуренции. В это время исследователи были сосредоточены на общих принципах, применимых к каждой отрасли, выступали за простые правила для регуляторной политики, такие как ограничение цен для монополистов и запрещение сотрудничества между конкурентами на одном и том же рынке, в то же время разрешая сотрудничество между компаниями на разных позициях в цепочке создания стоимости. Исследования Ж. Тироля показали, что такие правила не всегда работают с положительным эффектом. Что касается определения рыночной власти, то ученый характеризовал ее так: «Это установление цен выше предельных затрат» [16].

Схожее использование терминологии также у известного экономиста Дж. К. Гэлбрейта; согласно его трудам, рыночная власть — это «способность навязывать свои цели другим» [6. С. 23]. Данный термин недостаточно исчерпывающий, не детализирован для такого многоаспектного понятия.

Здесь уместно упомянуть высказывание О. Уильямсона: «Основная проблема концепции власти состоит в настолько нечетком определении», что зачастую термином «рыночная» и «экономическая власть» обозначаются многие весьма различные явления. «Такой подход к изучению сложных социальных явлений неудовлетворителен» [11].

Недостаточно ограничиваться общими трактовками «рыночной власти». По мнению отечественного ученого В. В. Радаева, определение рыночной власти необходимо исследовать через призму конкретных условий заключения и исполнения контрактов. У каждого субъекта, участвующего в обмене, есть возможность контролировать условия, возникает состояние взаимной ответственности. Но для того,

чтобы охарактеризовать тенденции в рыночной власти: какой субъект наиболее влиятелен, — перво-степенное значение принимает обладание ресурсами вследствие неравномерного распределения благ. В этом аспекте необходимо понимание причин возникновения подобной дифференциации. В любом случае реальный экономический мир — это мир неравных отношений, «отношений между такими агентами, которые занимают неравные позиции в обмене и имеют неравные возможности подчинять (принуждать) друг друга» [6. С. 2].

В аспекте рыночной власти также существует разграничение фирм, определенное Дж. Ричардом Хиксом: фирмы-актанты и пассивные фирмы [18]. По такой теории, пассивное поведение равнозначно максимизации достижения целей в уже существующих временных и ресурсных пределах, фирма берет на себя ограничения по затратам и спросу и стремится к получению максимальной прибыли на существующей основе. В свою очередь активное поведение заключается в ориентации на совершенствование и расширении используемых ресурсов, то есть на повышение эффективности деятельности. Особое значение в свете новых задач приобретают пути достижения большей степени рыночной власти, удержания позиций на рынке (посвящены работы Д. С. Бенц [3], А. В. Граблина [4], Дж. Хикса [18], Ю. Ш. Капкаева [12]. Если обобщить научные изыскания ученых за последнее десятилетие, основными способами приобретения рыночной власти могут считаться: объединение, сговор, монополия, приобретение конкурентоспособности.

В дополнение мы проанализировали ряд работ, посвященных каждому из способов среди зарубежных и отечественных ученых за период 1990—2019 гг. с помощью поисковых систем баз данных Scopus и Web of Science. Выяснено, что подавляющая доля работ (значение доли в разные годы колеблется приблизительно от 45,76 до 76,2% от общего числа) исследует именно формы, инструменты, способы повышения конкурентоспособности, что мы можем объяснить нормативно-правовыми ограничениями в каждой из стран. Второе место по популярности выбранной тематики работ занимает такой способ захвата рыночной власти, как «монополия» (в среднем около 20%), из-за глобализации; третье место занимает «объединение», четвертое — «сговор».

Идеальное состояние рынка — это то, что называется состоянием совершенной конкуренции, в котором есть множество компаний, производящих конкурирующие продукты, и ни одна компания не обладает каким-либо значительным уровнем

рыночной власти [1]. На рынках с совершенной или почти идеальной конкуренцией производители не имеют достаточных ценовых возможностей, и поэтому они должны быть ценовыми. Конечно, это просто теоретический идеал, который редко существует в реальной практике. Во многих странах действуют антимонопольные законы или аналогичные законы, предназначенные для ограничения рыночной власти какой-либо одной компании.

В связи с проведенным анализом хотим отметить, что в XXI в. компании увеличивают долю на рынке благодаря таким инструментам, как инновации, укрепление отношений с клиентами, умный найм.

Также хотелось бы выделить значимую работу в области изучения монополий Ф. М. Шерера и Д. Росса, которые при изучении монополярной власти фирм, особое внимание обращают на ее характеристику с точки зрения определенной степени влияния на цены [19]. Они трактуют степень монополярной власти как разницу между ценой и предельными издержками и определяют прямую зависимость монополярной власти фирмы от данной разности, то есть с ее увеличением растет и степень монополизации компании. Специфическое отличие подхода ученых Шерера и Росса заключается в том, что в их трудах основной упор делается на популярную практику работы антимонопольных структур США, а также акцентируется внимание именно на монополярной власти. Стоит также упомянуть, что особенности их определения монополярной власти имеют сходство с рассматриваемыми положениями А. Лернера в его теории монополярной власти. В их исследованиях осуществляется подкрепление ключевой идеи А. Лернера в виде фактических данных и специальных моделей, которые углубляют его представление о монополярной власти.

Сегодня сохраняются многообразие трактовок, разница между определяющими словами, используемыми определениями. Нами была выявлена общая динамика использования смыслообразующих слов в определении. Для наглядности изменений составлена таблица с трактовкой термина наиболее часто цитируемыми авторами, занимающимися научными разработками в данной сфере, в период с 1990 г. по настоящее время (см. таблицу на с.26).

На данный момент классическое определение рыночной власти таково: способность влиять на цену, по которой она продает свой продукт. Другими словами, если фирма не сталкивается с совершенно эластичной кривой остаточного спроса, она обладает рыночной властью. Смысл этого определения, иногда оставляемого неявным, заключается в том, что фирма

использует эту способность для удержания цены выше предельных издержек. По этому определению, величина рыночной власти привязана к величине разрыва между ценой и предельными издержками на прибыль, максимизирующую уровень производства фирмы. Интересно, что в процессе исследования идей рыночной власти в качестве определяющего слова авторы вернулись от «степени» к «способности».

Эволюция понятия определения рыночной власти в экономической науке (1990—2019)

Используемый термин	Ученые
Способность устанавливать такую цену, которая превышает издержки, в частности дополнительные, или предельные издержки, то есть издержки производства одной дополнительной единицы продукции [21]	Луис К. Кабраль
Степень влияния, которой обладают отдельная фирма или несколько фирм, на уровень цен и объем производства в отрасли [23]	К. Макконнелл, С. Брю
Возможность влиять на рынки благодаря инновационному продукту, связанному с достижением конкретного технологического уклада [15]	С. Глазьев
Способность влиять на цену, по которой фирма продает свой продукт [22]	Дж. Локер

Необходимо сделать вывод, что представленные точки зрения различных авторов носят систематический характер и обобщают исследования в данной области.

В итоге, обобщим, эволюция понятия «рыночная власть» и исследований в этой области заключается в постепенном уходе от изучения степени вмешательства государства к изучению форм достижения. Анализируя содержательный аспект научных работ, мы приходим к выводу о целесообразности формулировки авторского термина «рыночная власть»: власть, которая возникает при применении экономических законов на уровне фирмы, целенаправленном определении действий других участников рынка, в целях повышения доли участия на рынке,

влияния и получаемых благ. Такая формулировка дает наиболее полную характеристику явлений, акцентирует внимание на влиянии фирмы на деятельность своих конкурентов. Изменения в главном предмете исследований в области рыночной власти претерпевали изменения: начиная от осмысления ценовой политики, формирования цен перешли к роли государства, степени вмешательства оно и на данный момент все чаще изучается развитие форм захвата, повышения конкурентоспособности.

Чаще всего для исследований ученые-экономисты выбирают такие способы достижения рыночной власти, как «достижение конкурентоспособности» — ввиду трансформации глобализированных рынков, и «монополия» — по причине частого создания картелей и др.

Задачей нашего исследования также являлось разграничение определений свободной рыночной и монополярной власти: понятие рыночной власти более широкое, чем монополярной. Под монополярной властью понимается власть продавца на рынке монополии. Характерной чертой монополярного рынка является, то, что при формировании цен, равным предельным издержкам, для потребителя не будет иметь значение, принадлежит этот рынок к совершенно конкурентным или нет. Условия же свободной рыночной власти дают возможность компаниям быть конкурентными: распределять свои внутренние ресурсы в качестве источника конкурентного преимущества. Кроме того, они создают такую ситуацию, когда необходимы вложения в развитие для создания нового инновационного продукта, что, в свою очередь, влияет на лояльность потребителей, экономию времени, полное удовлетворение потребностей, тем самым повышая благосостояние и качество жизни населения в целом.

Оценка явления «рыночная власть» в экономической литературе неоднозначна. Стремление к максимизации рыночной власти не должно оцениваться негативно, факторы необходимо исследовать и регулировать.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. История экономических учений: от древних времен до маржинализма / В. И. Бархатов, Д. С. Бенц, Ю. Ш. Капкаев. — М. : Перо, — 2015. — 201 с.
2. Бархатов, В. И. Институциональная экономика / В. И. Бархатов, Е. С. Силова, Д. А. Плетнев, Е. В. Николаева, Д. С. Бенц. — Челябинск : Челябинский государственный университет, 2017. — 288 с.
3. Бенц, Д. С. Теория конкуренции: pro et contra / Д. С. Бенц, Е. С. Силова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 3(413). — С. 157—164.
4. Граблин, А. В. Стратегия упреждающего развития в условиях трансформации мировой экономики / А. В. Граблин, Ю. Ш. Капкаев // Сборник научных статей Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, магистрантов и молодых ученых «Теория и практика управления: ответы на вызовы инновационного развития». — М. : Палеотип, 2013. — С. 269—272.

5. Гуриев, С. С. Три источника — три составные части экономического империализма / С. С. Гуриев // *Общественные науки и современность*. — 2008. — № 3. — С. 134—141.
6. Гэлбрейт, Дж. К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени / Дж. К. Гэлбрейт. — М. : Европа, 2009. — 88 с.
7. Деменьев, В. В. Экономика как система власти : монография / В. В. Деменьев ; науч. ред. А. Г. Семенов. — Донецк : Каштан, 2003. — 403 с.
8. Капкаев, Ю. Ш. Особенности цикличности развития экономики [Электронный ресурс] / Ю. Ш. Капкаев, П. Р. Кадыров // *Фундаментальные исследования*. — 2017. — № 10-3. — С. 587—593. — URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41880> (дата обращения 31.05.2019).
9. Капкаев, Ю. Ш. Социальные эффекты рынка и роль государства в переходной экономике / Ю. Ш. Капкаев // *Всероссийская научно-практическая конференция «Россия в условиях рыночной экономики» : материалы конференции, 25 апреля 2003 г. / сост. Н. А. Любимова*. — Челябинск : Урал ЛТД, 2003. — С. 104—107.
10. Капкаев, Ю. Ш. Масштабы и цели регулирования экономики: государственный капитализм или рынок / Ю. Ш. Капкаев // *Новый университет. Серия: Экономика и право*. — 2013. — № 12 (34). — С. 9—13.
11. Капкаев, Ю. Ш. Цикличность подходов к экономической политике и движение к социальному государству / Ю. Ш. Капкаев // *Материалы Международной научно-практической конференции «Экономическая политика: на пути к новой парадигме». Пятнадцатые Друкеровские чтения : 2 т. Т. 1 / под редакцией Р. М. Нижегородцева, А. И. Тихонова, Н. В. Финько*. — М. : Доброе слово, 2013. — С. 156—166.
12. Капкаев, Ю. Ш. Анализ качества человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики / Ю. Ш. Капкаев, А. С. Исаева, В. В. Лешинина // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2019. — № 3 (425). *Экономические науки*. Вып. 64. — С. 158—167.
13. Латыпов, Р. И. Развитие конкурентоспособности на основе рыночной власти / Р. И. Латыпов, Ю. Ш. Капкаев // *Сборник докладов Всероссийской это научной конференции на памяти оно академика А. И. Татаркина*. — Челябинск : Челябинский государственный университет, 2019.
14. Плетнев, Д. А. Концепция корпорации: опыт системно-институционального исследования : монография : в 2 ч. Ч. 2 / Д. А. Плетнев // *Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2013*. — 252 с.
15. Радаев, В. В. Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России / В. В. Радаев. — М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2011. — 383 с.
16. Тироль, Ж. Рынки и рыночная власть. Теория организации промышленности / Ж. Тироль. — М. : Инфра-М, 2000. — 332 с.
17. Хей, Д. Теория организации промышленности / Д. Хей, Д. Моррис. — М. : Инфра-М, 1999. — 384 с.
18. Хикс, Дж. Теория экономической истории / Дж. Хикс ; пер.: Б. М. Болотин, С. Ю. Винокур. — М. : Вопросы экономики, 2006. — 224 с.
19. Шерер, Ф. Структура отраслевых рынков / Ф. Шерер, Д. Росс // М. : Инфра-М, 1997. — 698 с.
20. Barkhatov, V. I. The state capitalism in Russia: new economic ideology / V. I. Barkhatov, A. Kamra, D. S. Benz, Yu. Sh. Kapkaev // *Economic and social development, Varazdin Development and Entrepreneurship Agency, 2018*. — P. 73—74. — ISSN/ISBN1849-7543.
21. Keller, W. Multinational Enterprises, International Trade, and Productivity Growth: Firm-Level Evidence from the United States / W. Keller, S. Yeaple // *Review of Economics and Statistics*. — 2009. — № 91 (4). — P. 821—831.
22. Loecker J. The rise of market power and the macroeconomic implications / J. Loecker, J. Eeckhout. — Cambridge : National bureau of economic research, 2017. — 41 p.
23. McConnell, C. R. Economics: Principles, Problems, and Policies / C. R. McConnell, S. Brue. — McGraw. Irwin, 2005. — 733 p.
24. Menger, K. Morality, Decision and Social Organization: Toward a Logic of Ethics / K. Menger // *Vieanna Circle*. — Collection 6. — D. Reidel Publishing Company, 2012. — 115 p.
25. Mises, L. Human Action: A Treatise on Economics / L. Mises. — 4th rev. ed. — San Francisco : Fox and Wilkes, 1996. — 906 p.
26. Porter, M. The Structure within Industries and Companies Performanc / M. Porter. — *Review of Economics and Statistics*. — 1979. — № 61. — P. 214—227.

Сведения об авторах

Капкаев Юнер Шамильевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. zam@csu.ru

Исаева Анна Сергеевна — аспирантка, старший лаборант кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. isaeva@csu.ru

Латыпов Руслан Ильгизович — аспирант кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. latypov3030@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 23–29.

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF MARKET POWER IN ECONOMIC SCIENCE

Yu.Sh. Kapkayev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. zam@csu.ru

A.S. Isaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. isaeva@csu.ru

R.I. Latypov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. latypov3030@mail.ru

The question about the essence of the concept of «market power of the firm» is debatable in the scientific community. Despite the wide distribution of this phenomenon, in the economic literature, there are various interpretations of the concept of market power, there is no unambiguous formulation. In this regard, this article presents the results of the analysis obtained while systematizing the definitions and concepts of market power by scientists. Based on the literature review, the history of the formation and development of the concept considered, and a parallel drawn with the development of the original concepts. As a result, an approach proposed to the definition of market power, which more reveals its economic essence explicitly: power that arises when applying economic laws at the firm level, purposefully determining the actions of other market participants, in order to increase the share of participation, influence and benefits received. The purpose of this article is to promote a better understanding of market power by explaining the evolution of its concept, in particular, to distinguish between the concepts of market and monopoly power. Besides, the results can be used to develop a theoretical model for the formation of competitiveness of a company.

Keywords: *market power, competitiveness, company, market, economic theory.*

References

1. Barkhatov V.I., Bents D.S., Kapkayev Yu.Sh. *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy: ot drevnikh vremen do marzhinalizma* [History of Economic Thought: From Ancient Times to Marginalism]. Moscow, Pero, 2015. 201 p. (In Russ.).
2. Barkhatov V.I., Silova Ye.S., Pletnev D.A., Nikolayeva Ye.V., Bents D.S. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional economy]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2017. 288 p. (In Russ.).
3. Bents D.S., Silova Ye.S. *Teoriya konkurentsii: pro et contra* [Competition theory: pro et contra]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 3(413), pp. 157-164. (In Russ.).
4. Grablin A.V. *Strategiya uprezhdayushchego razvitiya v usloviyakh transformatsii mirovoy ekonomiki* [A strategy of pre-emptive development in the context of the transformation of the world economy]. *Teoriya i praktika upravleniya: otvety na vyzovy innovatsionnogo razvitiya* [Management Theory and Practice: Answers to the Challenges of Innovation Development]. Moscow, Paleotip, 2013. Pp. 269-272. (In Russ.).
5. Guriyev S.S. *Tri istochnika — tri sostavnyye chasti ekonomicheskogo imperializma* [Three sources, three components of economic imperialism]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social science and modernity], 2008, no. 3, pp. 134-141. (In Russ.).
6. Gelbrejt Dzh. K. *Ekonomika nevinno obmana: pravda nashego vremeni* [The economy of innocent deception: the truth of our time]. Moscow, Yevropa, 2009. 88 p. (In Russ.).

7. Demen'yev V.V. *Ekonomika kak sistema vlasti* [Economy as a system of power]. Donetsk, Kashtan, 2003. 403 p. (In Russ.).
8. Kadyrov P.R. Osobennosti tsiklichnosti razvitiya ekonomiki [Features of the cyclical nature of the economy]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental research]. Available at: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41880>, assessed 31.05.2019. (In Russ.).
9. Kapkayev Yu.Sh. Sotsial'nyye efekty rynka i rol' gosudarstva v perekhodnoy ekonomike [The social effects of the market and the role of the state in the transitional economy]. *Rossiya v usloviyakh rynochnoy ekonomiki* [Russia in a market economy]. Chelyabinsk, Ural LTD, 2003. Pp. 104-107. (In Russ.).
10. Kapkayev Yu.Sh. Masshtaby i tseli regulirovaniya ekonomiki: gosudarstvennyy kapitalizm ili rynek [The scale and purpose of economic regulation: state capitalism or the market]. *Novyy universitet. Seriya: Ekonomika i pravo* [A new university. Series: Economy and law], 2013, no. 12 (34), pp. 9-13. (In Russ.).
11. Kapkayev Yu.Sh. Tsiklichnost' podkhodov k ekonomicheskoy politike i dvizheniye k sotsial'nomu gosudarstvu [Cyclical approaches to economic policy and movement towards a social state]. *Ekonomicheskaya politika: na puti k novoy paradigme. Pyatnadsyatyye Drukerovskiye chteniya* [Economic policy: on the way to a new paradigm. Fifteenth Drucker Readings]. Moscow, Dobroye slovo, 2013. Pp. 156-166. (In Russ.).
12. Kapkayev Yu.Sh., Isayeva A.S., Leshinina V. V. Analiz kachestva chelovecheskogo kapitala v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Analysis of the quality of human capital in the digital economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2019, no. 3 (425), pp. 158-167. (In Russ.).
13. Latypov R.I., Kapkayev Yu.Sh. Razvitiye konkurentosposobnosti na osnove rynochnoy vlasti [Development of competitiveness on the basis of market power]. *Sbornik dokladov Vserossiyskoy eto nauchnoy konferentsii na pamyati ono akademika A.I. Tatarkina* [Collection of reports of the all-Russian international scientific conference in memory of academician A.I. Tatarkin]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2019. (In Russ.).
14. Pletnov D.A. *Kontseptsiya korporatsii: opyt sistemno-institutsional'nogo issledovaniya* [The concept of corporations: the experience of systemic institutional research]. Chelyabinsk, 2013. (In Russ.).
15. Radayev V.V. *Komu prinadlezhit vlast' na potrebitel'skikh ryunkakh: otnosheniya roznichnykh setey i postavshchikov v sovremennoy Rossii* [Who owns power in consumer markets: the relationship of retail chains and suppliers in modern Russia]. Moscow, 2011. (In Russ.).
16. Tirol' Zh. *Rynki i rynochnaya vlast'. Teoriya organizatsii promyshlennosti* [Markets and market power. Theory of industrial organization]. Moscow, Infra-M, 2000. (In Russ.).
17. Khey D., Morris D. *Teoriya organizatsii promyshlennosti*. Moscow, Infra-M, 1999. 384 p. (In Russ.).
18. Khiks Dz. *Teoriya ekonomicheskoy istorii* [Theory of economic history]. Moscow, Voprosy ekonomiki, 2006. 224 p. (In Russ.).
19. Sherer F., Ross D. *Struktura otraslevykh rynkov* [The structure of industry markets]. Moscow, Infra-M, 1997. 698 p.
20. Barkhatov V.I., Kampa A., Benz D.S., Kapkaev Yu.Sh. *The state capitalism in Russia: new economic ideology, Economic and social development*, 2018, Varazdin Development and Entrepreneurship Agency. Pp. 73-74.
21. Keller W., Yeaple S. Multinational Enterprises, International Trade, and Productivity Growth: Firm-Level Evidence from the United States. *Review of Economics and Statistics*, 2009, no. 91 (4), pp. 821-831.
22. Loecker J., Eeckhout J. The rise of market power and the macroeconomic implications. *National bureau of economic research*. Cambridge, 2017. 41 p.
23. McConnell C.R., Brue S. *Economics. Principles, Problems, and Policies*. McGraw-Hill. Irwin, 2005. 733 p.
24. Menger K. *Morality, Decision and Social Organization: Toward a Logic of Ethics. Vieanna Circle Collection*, 6. D.Reidel Publishing Company, 2012.
25. Mises L. v. *Human Action: A Treatise on Economics*. 4th rev. ed. San Francisco, Fox and Wilkes, 1996, 906 p.
26. Porter M. The Structure Within Industries and Companies Performance. *Review of Economics and Statistics*, 1979, no. 61, pp. 214-227.

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 11 (433). Экономические науки. Вып. 67. С. 30—37.

УДК 338.2
ББК 65.9(2Рос)

DOI 10.24411/1994-2796-2019-11104

СТРУКТУРНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

В. И. Бархатов, П. Р. Кадыров

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследованы факторы, влияющие на формирование пропорций национальной экономики России и на основе анализа выявлены точки структурной деформации. Большое внимание уделено анализу теоретических подходов к определению таких процессов, как структурные преобразования, структурные сдвиги и структурные деформации, с целью систематизации теоретических подходов к определению данных понятий. Также проведен сравнительный анализ структуры экономики России с 2002 по 2018 г. и на основе этого — выявленных структурных деформаций, которые позволили установить определенные тенденции в развитии российской экономики.

Ключевые слова: *структурная деформация, структурный сдвиг, структурные преобразования, структура национальной экономики.*

В современных условиях развитие любой страны в большей степени определяется тем, насколько качественно сформирована структура экономики. Сегодня мир потрясают множественные глобальные экономические шоки, что является следствием трансформационных процессов в национальных экономиках ведущих стран мира. Оценка текущих пропорций народного хозяйства, определение ключевых ориентиров дальнейших преобразований и результаты таких преобразований имеют важнейшее значение для развития любого государства. Каждое государство исходя из исторических предпосылок имеет разные условия и различные параметры, что порождает поиск каждым из них собственных приоритетных направлений структурной политики и разработку наиболее эффективной модели межотраслевой сбалансированности.

Для современной России проблема структурной трансформации экономики стоит очень остро и сегодня имеет большую актуальность. Резкий переход от административно-командной системы хозяйствования к рыночной не решил накопившихся проблем, а только их усугубил. Сегодня рыночный механизм практически не способен своими силами изменить сложившуюся ситуацию и создать условия для столь необходимых российской экономике прог-

рессивных структурных сдвигов. Существующая стратегия социально-экономического развития выстроена на основе экспортно-ориентированного подхода и неспособна генерировать инновационную траекторию развития в условиях глобальных вызовов. Проблема структурной деформации осложняется также влиянием внешних факторов: с одной стороны, это замещение информационными технологиями технологий индустриальных, что является первыми результатами четвертой технологической революции в рамках которой происходит трансформация технологической основы производственных процессов, а это сказывается на обострении конкурентной борьбы на мировых рынках. По мнению Р. М. Нижегородцева, выработка стратегических инициатив должна учитывать два направления: «с точки зрения институционального направления, важнейшей задачей является импортозамещение институтов, а именно: замена шаблонов поведения, регламентов, процедур принятия решений и в определенной мере даже образа мыслей, навязанных нам извне, системой институтов, обеспечивающих поступательное развитие страны и отвечающих задачам и приоритетам развития нашей экономики. С точки зрения технологического направления, важнейшая трансформация заключается в необхо-

димости стимулировать переход к цифровой экономике, создающий предпосылки инновационного прорыва в ключевых областях хозяйства и обеспечивающий стране достойное место в мировом разделении труда» [9]. Данные положения являются основополагающими в разработке качественно новой стратегии социально-экономического развития для современной России; должна произойти смена приоритетов от встраивания в глобальные технологические цепочки в сторону становления системных интеграторов инновационных, высокотехнологичных производств.

Цель настоящего исследования заключается в определении существующих структурных диспропорций в национальной экономике России, определении объективных предпосылок формирования структурных диспропорций и оценке влияния глобальных экономических шоков на российскую экономику.

Большой вклад в исследование проблематики структурных деформаций мировой и национальных экономик заложили представители как отечественных, так и зарубежных направлений экономической мысли. В частности, Ф. Кенэ сформировал подход к определению оптимальной сбалансированности отраслей экономики, вследствие чего предложил оптимальную структуру экономики [11]. К. Маркс, исследуя структурную деформацию экономических систем, в качестве элемента новизны предложил динамический характер деформационных процессов экономических систем [15]. Дж. Б. Кларк, исследуя процесс структурных трансформаций экономической системы, установил наличие диспропорций между отраслями экономики, что в последующем стало основным движущим фактором, предопределяющим дальнейшие структурные сдвиги. [13].

В современных условиях в развитии мировой и национальных экономик особое внимание уделяется исследованию воздействия циклической динамики на структурные деформации экономики. Неоценимый вклад в становление представлений о циклических закономерностях формирования структуры национальной экономики внес Й. Шумпетер, который говорил о том, что дальнейшее развитие социально-экономических систем немислимо без качественного обновления теоретической платформы обоснования влияния циклического характера развития экономических систем на формирование структурных характеристик экономического развития [18].

В работах М. Портера [16] и Д. Белла [6] огромное внимание уделено исследованию моделей

структурного развития в условиях динамично развивающихся и активно реформирующихся экономических систем. Исследования процесса структурных деформаций экономических систем послужили началом организации новых исследований структурных сдвигов с позиции более глубокого изучения данных процессов, в частности технико-технологической основы структурного сдвига и трансформации под его влиянием новой институциональной среды.

В период стихийных экономических реформ, преобразивших экономическую систему СССР, а впоследствии и России, большой вклад в решение проблем структурных деформаций российской экономики внесли отечественные ученые С. Ю. Глазьев [7], Ю. В. Яковец [19], В. И. Данилов-Данильян [8], Н. Д. Кондратьев [12], В. Мау [14] и др. Однако относительно стабильный экономический рост «нулевых», сменившийся финансово-экономическим кризисом 2008—2009 гг., только оголил существующие подходы к формированию структуры экономики, которые привели к расширению ее диспропорций. В связи с этим более чем актуальными остаются вопросы, связанные с необходимостью преобразований в технологическом базисе экономики, главная цель которых заключается в модернизации сферы материального производства.

По мнению В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева и А. Кампы [4], одним из факторов, влияющих на содержание структурного сдвига на уровне национальной экономики, является определенная совокупность исторически сложившихся, традиционных видов деятельности отдельного взятой экономической системы. Эти авторы, рассмотрев специфику деятельности субъектов малого и среднего бизнеса в отдельно взятых регионах мира, определили, что основными драйверами модернизации сферы материального производства являются субъекты малого и среднего предпринимательства, которые являются инициаторами появления инноваций, способных кардинальным образом менять различные отрасли национальной экономики.

В работе Д. С. Бенц и Е. С. Силовой [5] в качестве основной идеи можно выделить, что ключевым фактором преодоления негативных структурных сдвигов в национальной экономике являются субъекты малого и среднего бизнеса. В данном исследовании основные драйверы роста национальной экономики — малые и средние предприниматели — рассматриваются с позиции национальной продовольственной безопасности, то есть это предприятия

сельскохозяйственные. В ходе работы выявлено, что основным источником богатства является сельское хозяйство, так как избыточный продукт создается непосредственно руками фермеров и обеспечивает благосостояние всего общества, становясь, таким образом, центральным сектором любой экономики. Поскольку большая часть сельскохозяйственных предприятий относится к малым и средним субъектам предпринимательства, можно говорить о том, что малые и средние предприниматели в большей степени задействованы в создании кардинально новых, инновационных продуктов.

В работах В. И. Бархатова, Ю. Ш. Капкаева, Д. С. Бенц, И. А. Беловой, Е. С. Силовой и А. Кампы [1—4] подробно проанализирован инновационно-технологический потенциал крупных предприятий России в региональном разрезе. Выявлены предприятия-лидеры и их конкурентные преимущества. Исследован научно-технический потенциал крупных российских предприятий и их влияние на количественные и качественные характеристики структуры национальной экономики. В работе, посвященной новой форме капитализма — государственному капитализму, обоснована необходимость дальнейшего скачка в научно-техническом и технологическом развитии для формирования в России государственного капитализма как новой экономической идеологии; выявлены основные противоречия и движущие силы формирования новой парадигмы.

Исходя из положений вышеописанных авторов структурная деформация российской экономики — это есть определенные диспропорции в национальной экономике, которые приводят к искажению ее структуры, размеров, исчезновению отдельных элементов, трансформации взаимодействия между элементами (объектами и субъектами) и вызывают кардинальные нарушения воспроизводства в экономике и социальные обострения в обществе, угрожающие национальной безопасности.

В качестве теоретической базы исследования выступили аналитические и обзорные статьи, в которых подробно рассматривался вопрос структурных деформаций в национальной экономике, исследовались противоречия в структуре национальной экономики, на основе выявленных противоречий и описания их разрешения формировались пропорции отдельных элементов структуры национальной экономики, а также показано влияние концентрации инноваций на смену технологического уклада национальной экономики и др.

В качестве методологической базы исследования

выступили идеи институционального и неинституционального структуралистского направления экономической теории, основным тезисом которых было то, что институты в рамках национальной экономики есть фактор (движущие силы), определяющий структуру национальной экономики. Институты, с позиции неоклассиков, обеспечивают стабильность и предсказуемость, устойчивость и регулярность поведения субъектов и объектов хозяйственной деятельности.

Информационной базой исследования являются открытые источники статистических данных, в частности официальные отчеты Росстата, аналитические отчеты, и методические материалы Правительства РФ, Министерства экономического развития РФ, Министерства промышленности и торговли РФ, Счетной палаты РФ, материалы научных конференций и семинаров, справочные аналитические сборники и отчеты аудиторских и консалтинговых организаций, бухгалтерская документация предприятий разной отраслевой принадлежности. На основе классификации общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) сформирована актуальная структура российской экономики в целом и внутриотраслевая структура в частности. На основе методологии определения оптимальной структуры национальной экономики, предложенной О. Сухаревым [17], выявлены ключевые точки структурной деформации российской экономики в промежутке с конца XX до начала XXI в.

В результате обработки статистических данных на рис. 1 представлена динамика изменения структуры национальной экономики России в диапазоне 2002 — 2008 — 2018 гг.

На рис. 2 отображена структура национальной экономики России на 2018 год; здесь мы можем наблюдать, что лидирующие позиции занимают такие направления деятельности, как операции с недвижимым имуществом и услуги, оптовая и розничная торговля, обрабатывающие производства. В числе менее развитых видов деятельности находятся здоровье, образование и сельское хозяйство.

Как уже говорилось, на основе методологии структурного анализа, предложенного О. Сухаревым, выявлены точки структурной деформации, а именно группы структурных сдвигов. Расчет проводился по следующим группам: государственный и частный сектор, выпускаемая продукция, занятость населения, инвестиции и основные фонды. Подробные характеристики структурных сдвигов приведены в таблице (на с. 34). Основываясь

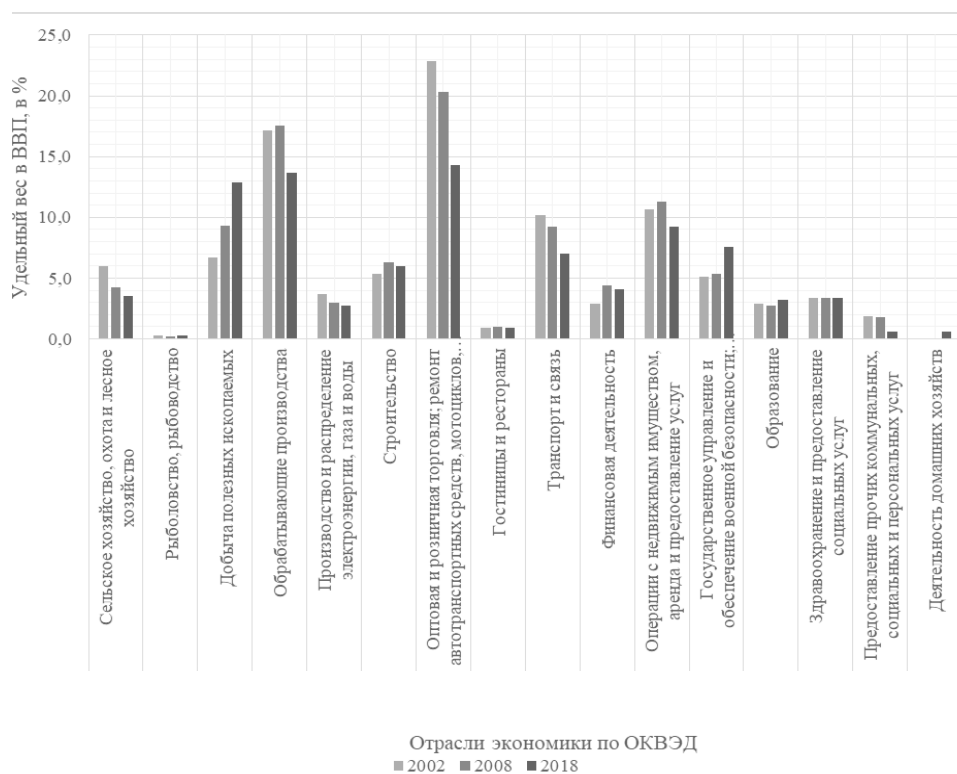

Рис. 1. Изменение структуры национальной экономики России в 2002—2018 гг., определенное по показателю удельного веса каждой отрасли ВВП согласно ОКВЭД

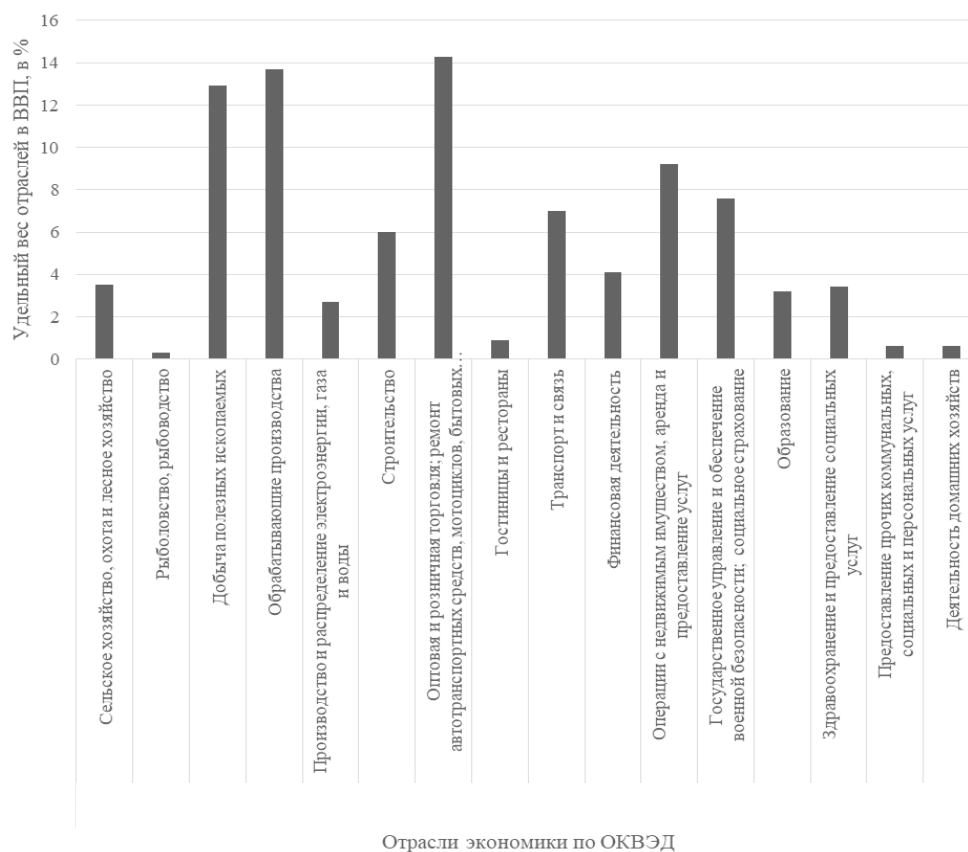

Рис. 2. Структура национальной экономики России в 2018 г., определенная по показателю удельного веса каждой отрасли в ВВП согласно ОКВЭД

на сформулированных в ней результатах исследований, можно определить характер существующей структуры национальной экономики России и формирующих ее облик структурных деформаций, а именно:

- структурная деформация, сформированная при переходе от одной системы хозяйствования к другой, кардинально отличающейся по своей сути системе, нанесла критический урон структуре промышленного производства и одновременно укрепила сырьевой и финансовый секторы в структуре российской экономики. Как итог данного де-

индустриального процесса — частичная потеря контроля над внутренним рынком и проявившиеся трудности во внешнем, которые стали возможны под влиянием технико-технологического отставания отечественных производственных комплексов;

- структурный сдвиг в финансовом и добывающем секторах более динамичен по своей сути, чем структурный сдвиг в промышленности и сельском хозяйстве, и в целом демонстрирует быстрый рост. Такие направления деятельности, как обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство, находясь в процессе деиндустриализации, то есть

Характеристики структурной деформации российской экономики

<i>Взаимодействие государственного и частного секторов</i>	
Трудоустройство	До 1995 г. большая часть занятых были трудоустроены в структуре государственного сектора экономики. Период 1995—1997 гг. характеризуется уравниванием числа занятых между государственным и частным секторами экономики. После 1997 г. большая часть занятых относились уже к частному сектору экономики. Углубление тенденции к перетеканию занятых из государственного в частный сектор экономики. С 1992 по 2012 г. доля государственного сектора экономики по показателю занятости сократилась с 71 до 32,6%. Согласно рис. 2, сегодня в структуре экономики преобладают такие сферы деятельности, как операции с недвижимым имуществом и услуги, оптовая и розничная торговля и обрабатывающие производства, что говорит о переводе значительной доли рабочей силы из производственной в непроизводственную сферу, или сферу с более низким уровнем переработки ресурсов. Получается так, что производственная платформа государственного сектора экономики разрушается, а частный сектор формируется на примитивной, непроизводственной основе, где предприниматель не заинтересован вкладывать средства в инновации
Инвестиции в основной капитал	До конца 1990-х гг. основной объем капитальных вложений осуществлялся в государственном секторе экономики, в то же время доля инвестиций в частном секторе была невелика. В начале 2000-х гг. прослеживается отчетливая тенденция к перетеканию инвестиций из государственного в частный сектор экономики. В середине 2000-х гг. преобладает тенденция расширения частного сектора экономики и значительного снижения доли государственного сектора экономики. С 1992 по 2012 г. доля частного сектора экономики по отношению к государственному сектору возросла с 9,7 до 57,2%, а доля государственного сектора, соответственно, сократилась с 82 до 19,8%
Выпуск продукции	Основной критерий структурной деформации по данной группе — эффективность. Так, эффективность по доле выпуска продукции до начала 2000-х гг. была возрастающей в государственном секторе, а в частном нисходящей. С начала 2000-х гг. эффективность по доле выпуска продукции изменилась: в частном секторе наблюдалась возрастающая эффективность, а в государственном — нисходящая.
<i>Частный сектор экономики</i>	
Выпуск продукции	С 1996 по 2012 гг. происходит усиление добывающего сектора с максимально возможной динамикой и одновременная стагнация обрабатывающих производственных комплексов национальной экономики, в частности промышленности и сельского хозяйства. С 2000 г. по 2011 г. наблюдается экономический рост, но индекс структурного сдвига остается на всем промежутке незначительно отрицательной. Это связано с тем, что структурный сдвиг произошёл в сторону некоторых транзакционных и добывающих отраслей национальной экономики, в то время как промышленность и сельское хозяйство продолжают стагнировать.
Трудоустройство	С 2000 г. наблюдается позитивная динамика в сфере услуг и добывающего производства, негативная — в сфере обрабатывающего производства и сельского хозяйства
Инвестиции в основной капитал	С 2000 г. по показателю инвестиций в основной капитал лидирует сфера транспортных перевозок и связи. В дальнейшем структурные изменения по основным фондам можно значительно наблюдать в добывающем секторе экономики. В обрабатывающем секторе (промышленность и сельское хозяйство) наблюдается глубокая стагнация. Сегодня возникает необходимость привлечения инвестиционных ресурсов извне (иностраных) и концентрации ресурсов в государственных руках при распределении на приоритетных направлениях научно-технологического развития

постоянно стагнируют с малозначимыми и кратковременными периодами положительной динамики;

- более динамичный характер структурных сдвигов вывел финансовый и добывающий секторы в лидеры по накоплению сальдированного финансового эффекта; как следствие, они показывают наибольшую эффективность и скорость структурной динамики в ВВП, явно занимая лидирующее положение;

- происходит дисбаланс в системе занятости в промышленности и сельском хозяйстве, проявляющийся в стремительном сокращении удельного числа занятых в данных отраслях. В финансовом и добывающем секторах формируется противоположная тенденция, число занятых стремительно растет.

В рамках проведенного исследования можно сделать ряд выводов, которые будут положены в основу дальнейших исследований природы и сущности структурной деформации российской экономики, а также механизма процесса структурной деформации в российской экономике под влиянием как внутренних, так и внешних вызовов, в частности:

- государственный сектор России на протяжении последних 15—20 лет неуклонно сокращался, вместе с чем темпы роста его также были малы или же вовсе отрицательны, число занятых, напротив, сохранялось высоким. Доля населения, занятого в государственном секторе, в несколько раз превышает аналогичный показатель в ведущих странах. В начале реформационного периода сформировалась тенденция сокращения объема за-

нятых в государственном секторе, что в конечном счете сократило долю государственного сектора в 2,5 раза. Сокращение государственного сектора происходило преимущественно в пользу частного сектора экономики: сырьевого, финансово-посреднического и торговли, но одновременно при существенно высоком сокращении обрабатывающего сектора и сельского хозяйства. Эффективность частного сектора сопровождается низким уровнем технико-технологического развития, так как под влиянием вышеописанных тенденций происходил переход трудовых ресурсов из сферы производственной преимущественно в непроектируемую, в рамках которой предприниматель не заинтересован в поиске и коммерциализации новшеств, то есть в инновационной деятельности;

- сокращение объема инвестиций в основной капитал со стороны государственного сектора осуществлялось быстрее, чем расширение частного сектора экономики и накопление им капитала для возможности инвестиций в основной капитал эффективно; причина кроется в вышеописанных тенденциях, а именно в том, что направление инвестиций не всегда связано с решением задачи обновления и технико-технологического перевооружения основного капитала.

- в структуре экономики прослеживается деформация по добывающей отрасли, а именно увеличение ее доли в структуре экономики в сравнении с 2002 и 2008 гг., противоположная тенденция прослеживается в отношении обрабатывающей отрасли.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Внешние факторы успеха малых и средних предприятий России: экономический аспект / В. И. Бархатов, И. А. Белова // Опыт стран в области экономического развития, управления и предпринимательства : материалы 17-й конференции Евразийского делового и экономического общества. — 2017. — С. 453—468.
2. Бархатов, В. И. Крупные предприятия в России: Анализ федеральных округов / В. И. Бархатов, И. А. Белова, Д. С. Бенц // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. — 2017. — С. 303—312.
3. Бархатова, В. И. Научно-технический «прорыв» в России: потенциал монополистических структур / В. И. Бархатов, Е. С. Силова, Д. С. Бенц, Ю. Ш. Капкаев // Экономическое и социальное развитие. Книга судопроизводства. 31-я Международная научная конференция по экономическому и социальному развитию — правовые вызовы современного мира. — 2018. — С. 132—140.
4. Бархатов В. И. Ключевые факторы успеха и барьеры для малого бизнеса: сравнительный анализ / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев, А. Кампа // Социальные и поведенческие науки. — 2016. — С. 29—38.
5. Бенц, Д. С. Несовершенство договорных отношений в аграрном секторе региона / Д. С. Бенц, Е. С. Силова // *Средиземноморский журнал социальных наук*. — 2017 — № 6. — С. 615—624.
6. Белл, Д. Приход постиндустриального общества / Д. Белл. — М. : Академия, 1999. — 960 с.
7. Глазьев, С. Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике / С. Ю. Глазьев. — М., 2008. — 91 с.

8. Данилов-Данильян, В. Бегство к рынку: десять лет спустя / В. Данилов-Данильян. — М. : МНЭПУ, 2001. — 232 с.
9. Нижегородцев, Р. М. Импортзамещение институтов: ключевая задача обеспечения национальной безопасности / Р. М. Нижегородцев // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — № 4 (66).
10. Иноземцев, В. Структурирование общественного производства в системе постиндустриальных координат / В. Иноземцев. — Российский экономический журнал. — 1997. — № 11. — С. 59—63.
11. Кенэ, Ф. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ. — М. : Соцэкгиз, 1960. — 552 с.
12. Кондратьев, Н. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Кондратьев, Ю. Яковец, Л. Алабкин. — М. : Экономика, 2002. — 766 с.
13. Кларк, Дж. Б. Распределение богатства / Дж. Б. Кларк. — М. : Экономика, 1992. — 447 с.
14. Мау, В. Российская экономика: сильные и слабые стороны / В. Мау // Экономическая политика. — 2006. — № 2. — С. 42—45.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сборник : в 30 т. — М.: Государственная Политика, 1964. — Часть III. — 674 с.
16. Портер М. Интернет и структура отраслей / М. Портер // Логинфо — 2001. — № 11.
17. Сухарев, О. Структурная задача определения приоритетов, форм организации и правил / О. Сухарев // Инвестиции в Россию. — 2009. — № 2. — 20—26 с.
18. Шумпетер, И. Теория экономического развития / И. Шумпер. — М. : Прогресс, 1982. — 358 с.
19. Яковец, Ю. Циклы. Кризисные ситуации. Прогнозы / Ю. Яковец. — М. : Наука, 1999. — 447 с.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 30—37.

STRUCTURAL DEFORMATIONS IN THE NATIONAL ECONOMY OF RUSSIA

V.I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ecoba@csu.ru

P.R. Kadyrov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pavel@csu.ru

In current conditions, the development of any country is primarily determined by how well the structure of the economy is formed. Today, the world is shaken by multiple global economic shocks, which is a consequence of the transformation processes in the economies of the world's leading national economies. The assessment of the current proportions of the national economy, the identification of key benchmarks for further reforms, and the results of such reforms are essential for the development of any state. Each state, based on historical assumptions, has different conditions and different parameters, which gives rise to the search for each of their priorities of structural policy and the development of the most effective model of inter-sectoral balance. In this regard, the article investigates the factors affecting the formation of proportions of the national economy of Russia and based on the analysis, revealed the points of structural deformation.

Keywords: *structural deformation, structural shift, structural transformations, structure of the national economy.*

References

1. Barhatov V.I., Belova I.A. Vneshnie faktory uspekha malyh i srednih predpriyatij Rossii: ekonomicheskij aspekt [External factors of success of small and medium enterprises of Russia: economic aspect]. *Opyt stran v oblasti ekonomicheskogo razvitiya, upravleniya i predprinimatel'stva. Materialy 17-j konferencii Evrazijskogo delovogo i ekonomicheskogo obshchestva* [Countries experience in economic development, governance and entrepreneurship. Proceedings of the 17th conference of the Eurasian business and economic society]. 2017. Pp. 453-468. (In Russ.).
2. Barhatov V.I., Belova I.A., Benz D.S. Krupnye predpriyatiya v Rossii: Analiz federal'nyh okrugov [Large enterprises in Russia: Analysis of Federal districts]. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2017, pp. 303-312. (In Russ.).

3. Barhatov V.I., Silova E.S., Benz D.S., Kapkaev Yu.Sh. Nauchno-tehnicheskij "proryv" v Rossii: potencial monopolisticheskikh struktur [Scientific and technical "breakthrough" in Russia: the potential of monopolistic structures]. *Ekonomicheskoe i social'noe razvitie. Kniga sudoproizvodstva. 31-ya Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po ekonomicheskomu i social'nomu razvitiyu — pravovye vyzovy sovremennogo mira* [Economic and social development. Book of proceedings. 31st international scientific conference on economic and social development-legal challenges of the modern world]. 2018. Pp. 132-140. (In Russ.).
4. Barhatov V.I., Pletnev D.A., Kampa A. Klyuchevye faktory uspekha i bar'ery dlya malogo biznesa: sravnitel'nyj analiz [Key success factors and barriers for small business: comparative analysis]. *Social'nye i povedencheskie nauki* [Social and behavioral Sciences], 2017, pp. 29-38. (In Russ.).
5. Benz D.S., Silova E.S. Nesovershenstvo dogovornyh otnoshenij v agrarnom sektore regiona [Imperfection of contractual relations in the agricultural sector of the region]. *Sredizemnomorskij zhurnal social'nyh nauk* [Mediterranean journal of social Sciences], 2017, no. 6, pp. 615-624.
6. Bell D. *Prihod postindustrial'nogo obshchestva* [The arrival of post-industrial society]. Moscow, Akademiya Publ. 1999. 960 p. (In Russ.).
7. Glaz'ev S.Yu. *Vozmozhnosti i ogranicheniya tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya Rossii v usloviyah strukturnyh izmenenij v mirovoj ekonomike* [Opportunities and limitations of Russia's technical and economic development in the context of structural changes in the world economy]. Moscow, 2008, pp. 59. (In Russ.).
8. Danilov-Danil'yan V. *Begstvo k rynku: desyat' let spustya* [Escape to the market: ten years later]. Moscow, MNEPU. Publ. 2001. 232 p. (In Russ.).
9. Nizhegorodcev R.M. Importozameshchenie institutov: klyuchevaya zadacha obespecheniya nacional'noj bezopasnosti [Import substitution of institutions: the key task of ensuring national security]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of the Ural State Economic University], 2016, no. 4 (66). (In Russ.).
10. Inozemcev V. Strukturirovanie obshchestvennogo proizvodstva v sisteme postindustrial'nyh koordinat [Structuring of social production in the system of post-industrial coordinates]. *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal* [Russian economic journal], 1997, no. 11, pp. 59-63. (In Russ.).
11. Kene F. *Izbrannye ekonomicheskie proizvedeniya* [Selected economic works]. Moscow, Socekgiz, 1960. 552 p. (In Russ.).
12. Kondrat'ev N., Yakovec Yu., Abalkin L. *Bol'shie cikly kon'yunktury i teoriya predvideniya* [Big cycles of conjuncture and the theory of foresight]. Moscow, Ekonomika, 2002. 766 p. (In Russ.).
13. Klark Dzh.B. *Raspredelenie bogatstva* [Distribution of wealth]. Moscow, Economy, 1992. 447 p. (In Russ.).
14. Mau V. *Rossijskaya ekonomika: sil'nye i slabye storony* [Russian economy: strengths and weaknesses] *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 2006, no. 2, pp. 42-45. (In Russ.).
15. Marks K., Engels F. *Sbornik v 30 t.* [Collection in 30 volumes]. Moscow, Gosudarstvennaya Politika, 1964. Pt. III. 674 p. (In Russ.).
16. Porter M. Internet i struktura otraslej [Internet and industry structure]. *Loginfo* [Loginfo], 2001, no. 11. (In Russ.).
17. Suharev O. Strukturnaya zadacha opredeleniya prioritetoj, form organizacii i pravil [The structural task of defining priorities, forms of organization and rules]. *Investicii v Rossiju* [Investment in Russia], 2009, no. 2, pp. 20-26. (In Russ.).
18. Shumpeter I. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of economic development]. Moscow, Progress Publ., 1982. 358 p. (In Russ.).
19. Yakovec Yu. *Cikly. Krizisnye situacii. Prognozy* [Cycles. Crisis situation. Forecasts]. Moscow, Nauka, 1999. 447 p. (In Russ.).

ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

С. С. Гордеев, С. Г. Зырянов, А. М. Ситковский

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал, Челябинск, Россия*

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант РФФИ 19-010-00964\19 «Моделирование и визуализация сценариев пространственного развития трансграничного макрорегиона на примере Урала и Северного Казахстана».

Представлены основы оценки качества жизни на базе векторных оценок с использованием качественно новой информационной основы и применением социологической информации как дополнительного ресурса. Рассмотрено обновление как методических основ формирования оценок, так и инструментария. Как ключевая характеристика качества жизни рассматривается социальное благополучие. Основные моменты процедуры оценки используют технологии визуализации цифровой информации и представлены на примере типичных сельских муниципальных образований Южного Урала.

Ключевые слова: *качество жизни, регион, социология, социальные приоритеты, векторные оценки, информация.*

Конечной целью социально-экономических преобразований является обеспечение роста качества жизни населения. Качество жизни с точки зрения управления рассматривается как некоторый набор условий и характеристик проживания человека. Корректность приоритетов в целеполагании стратегического развития, не только настоящего, но и будущего, во многом определяет перспективы улучшения или ухудшения качества жизни населения. Это особенно важно при изучении ситуации в конкретных территориях в условиях хаотичных перемен. Количественные или качественные изменения потребностей социума, смена трендов в текущей социально-экономической динамике, дифференциация развития различных территорий — все это предопределяет необходимость совершенствования методических подходов и обновления инструментария оценки качества жизни в практике управления. Подобные преобразования связаны как с общими тенденциями совершенствования процессов принятия решений (с расширением открывающихся новых возможностей использования современных информационных технологий при их проработке), так и со сменой стереотипов управления социально-экономическими процессами (ориентацией на детальное изучение интересов и предпочтений социума).

В общем случае качество жизни отражает не какая-либо экономико-статистическая оценка условий жизни, а *собственное восприятие челове-*

ка — удовлетворенность своими условиями жизни. Принципиально новую основу оценки качества жизни обеспечивает использование существенно расширенной информационной составляющей, а именно данных социологических опросов, что дополнено соответствующим обновлением ряда методических принципов формирования общей оценки. Рассмотрению этих вопросов посвящена данная работа.

Особенности методической и информационной составляющих оценки качества жизни

Внимание к проблеме оценки качества жизни возрастает в периоды кризисных проблем социума с характерными для этого времени экономической и социальной нестабильностью, высокой степенью неопределенности ближайшего будущего [17]. При множестве и многообразии затрагиваемых проблем методология оценки качества жизни, представленная в настоящее время в международной практике [18], объединяет ряд направлений. По некоторым существенным моментам вопросы оценки качества жизни относятся к междисциплинарной проблематике.

В настоящее время часть традиционных подходов к оценке перспектив роста социально-экономического развития территории постепенно уходят на второй план. Это касается прежде всего оценки социально-экономической ситуации

по агрегированным экономическим показателям начиная с наиболее распространенного — валового внутреннего продукта. Этот показатель, в последнее время подвергается серьезной критике из-за его абстрактности и неоперативности [14]. Использование показателей человеческого капитала вместо традиционных оценок экономического роста [2] в реальности сталкивается с немалыми трудностями. Вопросы оценки социальных процессов, определяющих качество жизни, традиционно проблемные для статистики как с точки зрения методологии получения достоверной оценки, так и в плане дефицита корректных и своевременных исходных данных.

Отдельные статистические социальные, а иногда и демографические показатели весьма односторонне и локально характеризуют сложные социальные процессы. В условиях перемен оценки на базе традиционных статистических характеристик социальной сферы (например: до сих пор анализируемых значений обеспеченности больничными койками на 1 тыс. чел. населения и другие подобные им) могут существенно исказить реальное положение дел с качеством жизни населения.

Применение традиционных подходов к оценке условий жизни, основанных преимущественно на статистических данных, в ситуации нестабильности развития социально-экономических систем сильно затруднено. Традиционные статистические показатели помимо издержек усреднения могут иметь еще систематические ошибки — «лукавые цифры». Проблема «лукавства статистики», отмеченная в резонансной публикации уже 30 лет тому назад [15], во многом сохраняется и сегодня [10].

При наблюдаемой неоднородности и неравномерности развития территорий в условиях современной России [1] проблема неопределенности и низкой репрезентативности в оценке ими социально-экономических и пространственных перспектив очевидна. Риски подобных погрешностей измерения существенно возрастают для территориально небольших, внутренне неоднородных или изменчивых систем. В условиях высокой неопределенности риски погрешностей оценки и некорректного, одностороннего отражения ситуации в социальной сфере особенно возрастают (например, за счет возрастающей доли теневой экономики и др.). В кризисных условиях нестабильности к использованию общих традиционных положений методологии для оценки ситуации возникает немало дополнительных вопросов [3].

При нестабильной динамике [16] и резкой смене трендов развития, особо характерных для отдельных регионов и территорий [12], требования к состоятельности оценок повышаются. Далее для небольших региональных и муниципальных социально-экономических систем при разработке планов и программ пространственного развития остро встает проблема «информационного дефицита» — недостатка корректной и достоверной информации.

С учетом всего вышесказанного обновление подходов к оценке качества жизни в общем случае связано с увеличением числа рассматриваемых факторов и использованием более сложных многомерных векторных оценок. Подобное направление анализа в последнее время получило значительное развитие как экономика качества жизни, при рассмотрении этой категории в системе естественных, технических, социальных составляющих функционирования сложных социально-экономических систем [11].

Дальнейшая детализация характеристик качества жизни и социальных процессов в целом во многом связаны с использованием самооценок социума в рамках проводимых социологических исследований. Социологическая информация открывает возможности рассмотрения характеристики анализируемого социального объекта с точки зрения различных групп социума в разрезе отдельных ключевых аспектов развития. Обработка данных при этом связана с обновлением и интеграцией специализированных информационных систем, как социологических, так и традиционных экономико-аналитических, включая инструментарий анализа и оценки. Например, система показателей уровня жизни, содержащая экономические показатели, может быть скорректирована и дополнена индексами, полученными в ходе регулярно проводимых социологических опросов населения [7].

Использование векторных оценок социальных процессов неизбежно связано с расширением информационной составляющей поиска решений и цифровизацией управления. Это обеспечивает, как обработку значительно возрастающих объемов данных, так и сглаживание определенных погрешностей [9].

В общем случае кардинальное изменение требований к оценке качества жизни неизбежно предполагает существенное обновление, как методических основ формирования оценок, так и используемого инструментария.

Благополучие населения и концептуальные основы многокритериальной оценки качества жизни

Сложившаяся практика оценок с использованием статистической информации показателей экономического роста позволяет характеризовать только предпосылки роста качества жизни. Это относится к таким показателям, как размер заработной платы, объем товарооборота, объем прибыли организаций и др. В общем случае динамика экономических показателей отражает только потенциальные возможности повышения качества жизни вследствие роста общественного благосостояния. Причем повышение общественного благосостояния здесь рассматривается без учета качественной составляющей потребления материальных благ населением. Кроме того, ряд потребностей, существенных для рассмотрения качества жизни, может полностью или частично выпадать из статистической отчетности.

Вопросы концептуальных основ оценок качества жизни и социального благополучия в управлении развитием региональных социально-экономических систем затрагивались ранее [4]. *Уровень социально-го благополучия* в подобных случаях рассматривается как *субъективная оценка данных конкретным социумом степени своего удовлетворения, обеспечения материальных и духовных потребностей*.

Фундаментальный анализ используемых подходов к диагностике благосостояния личности на территории проживания [8] показывает, что даже в этой более узкой и поддающейся относительно простой оцифровке сферы качества жизни при попытке получить оперативную и многоаспектную информацию остается немало вопросов. В общем случае социальное благополучие характеризуется более широкой системой показателей, нежели материальное благополучие, — благосостояние населения.

Очевидно, что субъективная оценка социумом многих составляющих качества жизни по ощущениям удовлетворенности комфортностью проживания, степени удовлетворения своих материальных и духовных потребностей, в общем случае характеризует социальное благополучие. Динамика социального благополучия может отличаться от динамики материального благополучия. Известны ситуации, когда падение материального благосостояния может компенсироваться улучшением условий и сопровождаться ростом самооценок социального благополучия. На наш взгляд, в ситуа-

ции «информационного дефицита» и ограниченности возможностей использования статистических данных реальное положение дел более достоверно охарактеризуют *показатели социального благополучия (удовлетворенности), отражающие мнение населения*.

Как правило, система показателей, отражающая мнение населения о качестве жизни, может выступать в *как основа для ключевой определяющей оценки благосостояния социума* — то есть рассматриваться как *вектор предпочтений (ожиданий) социума*. При рассмотрении перспектив позитивных изменений, учитывая необходимость реализации потребностей конкретного социума, на базе такой системы показателей определяются его ожидания и с учетом этого формируется *вектор приоритетов социально-экономического развития*. Последний вектор характеризует приоритет (предпочтительность) ожидаемых социальных преобразований, обеспечивающих рост благосостояния населения.

Отражение предпочтений социума в условиях недостатка традиционно рассматриваемых статистических данных становится ключевым элементом для определения приоритетов и целей социально-экономического развития территориального социума. Кроме того, они становятся неким индикатором корректности отражения текущей ситуации в доступных для анализа официальных статистических данных. Однако следует отметить, что в управленческой практике современной России использование многокритериальных векторных оценок благополучия по восприятию социума пока ограничено. Тем более если это касается стратегических вопросов социально-экономического развития.

Итак, основные концептуальные положения управления благополучием населения в регионе при использовании *многокритериальных векторных оценок* следующие:

1. *Социальное благополучие* рассматривается как одна из основных характеристик социального и экономического развития. При этом факт и рост социального неблагополучия всегда свидетельствует о неудовлетворительном уровне жизни, то есть о недостатке каких-то благ на той или иной территории. *Необходимость устранения такой ситуации во многом предопределяет выбор приоритетов социального развития*.

2. Состав системы показателей может расширяться по мере необходимости (в том числе за счет специфических новых показателей, характеризующих социальные *общественные пред-*

почтения населения с учетом состояния массового сознания и социальной психологии). Основу для оценки благосостояния населения образуют данные социологических опросов об удовлетворенности (неудовлетворенности) населения условиями жизни.

3. Оценку динамики социального благополучия следует начинать с мониторинга основных социально-экономических процессов. Особое место здесь занимают диагностика и исследование условий жизни. Как в настоящее время, так и в обозримом будущем здесь целесообразно рассматривать изменение масштабов абсолютной и относительной бедности.

Информационный аспект оценки социального благополучия территорий

Информационный аспект оценки социального благополучия и приоритетов социального развития, во многом связан с вопросами корректной интеграции разнородных источников информации. В настоящее время цифровизация кардинально меняет возможности внедрения информационно-адаптированных подходов в практику управления. Особо здесь следует выделить интеграцию результатов социологических опросов в практику управления для решений ряда задач социально-экономического прогнозирования и подготовки программных управленческих решений.

Использование социологических оценок текущего состояния качества жизни, в частности самооценки социального благополучия населения, становится важным условием преодоления ситуации «информационно-статистического вакуума», весьма остро стоящей в условиях управления небольшими муниципальными территориями с проблемной нестабильной динамикой жизни. Использование социологических оценок (уровня удовлетворенности теми или иными условиями жизни) позволяет значительно увеличить число рассматриваемых факторов, помогающих оценить специфику социально-экономических процессов данной территории.

Формирование информационной составляющей для максимально корректного отражения имеющейся реальной социальной картины при использовании оценок и предпочтений социума требует обновления ряда методических положений по новой постановке задач определения социальных приоритетов. Использование социологической информации для выявления вектора текущих предпочтений в условиях практики регионального управления

базируется на следующих положениях оценки благополучия населения:

1. Информационная база для оценки строится прежде всего на основании репрезентативного социологического опроса удовлетворенности качеством и условиями жизни, репрезентативно отражающего общественные предпочтения населения, с учетом состояния общественного сознания и социальной психологии.

2. Величина, обратная социальному благополучию, — *неудовлетворенность* — в данном случае определяет основы выявления выбора приоритетов: *выбор стратегических перспектив социального развития*. Отмеченные социумом недостатки тех или иных условий качества жизни фиксируют необходимость первоочередного устранения выявленной проблемной ситуации.

3. Состав системы показателей, определяющих вектор развития территории, может меняться с учетом специфики рассматриваемой социально-экономической системы (в данном случае территории) за счет использования специфических частных характеристик социального благополучия.

В общем случае система показателей будет и может отражать следующие аспекты в оценке социально-экономического мониторинга территорий:

- заработная плата, доходы;
- жилье, собственность, имущество;
- доступность образования;
- обеспеченность работой;
- здоровье и медицинское обслуживание;
- жилищно-коммунальные услуги;
- общественный транспорт;
- преступность и др.

Минимизация субъективности и обеспечение доверия к подобным оценкам требуют: максимальной репрезентативности социологических исследований, прозрачности процедуры анализа и оценки, обеспечения визуализации цифровой информации. Это предполагает использование информационно адаптированного инструментария [5], построенного на принципах открытости процесса анализа и максимальной представительности получаемых результатов с учетом фактора доверия [13].

Основные моменты процедуры оценки, а также результаты, полученные с использованием технологий визуализации цифровой информации, представлены ниже на примере анализа ситуации в типичных сельских муниципальных образованиях Южного Урала — Уйского и Троицкого муниципальных районов Челябинской области [6].

Особенности формирования векторов социальных предпочтений и развития муниципального района

Ниже рассматривается пример опыта по разработке индикаторов оценки качества жизни по системе показателей — *вектор предпочтений социума*. Оценки социального развития территории, по *удовлетворенности — неудовлетворенности условиями жизни* (по данным социологических исследований) связаны с определением приоритетов для стратегии развития муниципального района.

В рассматриваемом примере вектор предпочтений социума формируется по ответам респондентов в рамках опроса «оцените, по критерию *качество*», состояния инфраструктуры и бытового обслуживания сферы вашего города (района) с тремя вариантами ответа: «высокое», «среднее», «низкое». Вопросы касаются развития имеющих наибольшее значение для социума составляющих: транспортное обслуживание; качество автомобильных дорог; медицинская помощь; дошкольное образование и др. В общем случае социологические оценки удовлетворенности населения условиями жизни позволяют сформировать опирающуюся на мнение социума региональную или муниципальную систему приоритетов социально-экономического развития территорий, в зависимости от решаемой управленческой задачи.

Например, если взять территории сельских муниципальных образований с малой численностью населения, то они характеризуются как общими региональными, так и специфическими локальными проблемами. Это требует более детализированного представления о специфике развития данных территорий. В подобном случае оценки качества жизни и приоритеты развития территорий определяются в несколько этапов.

Первый этап — это общая оценка по обработке данных о самооценке в отношении удовлетворенности (неудовлетворенности) условиями жизни на территории, а также качества инфраструктуры и услуг социальной сферы. Острота проблем при оценке качества *характеризуется долей неудовлетворенного условиями жизни населения. Совокупность таких социологических оценок образует вектор предпочтений (или исходя из характера рассматриваемых вопросов — вектор ожиданий социума)*.

В общем случае численность населения с негативным восприятием существующих условий (процент неудовлетворенных условиями жизни) характеризует мнение социума по критичности

ситуации. Оценки, характеризующие неудовлетворенность условиями жизни, отражают предпочтительные направления желательных перемен — приоритеты стратегии социального развития.

Далее особое место занимает анализ расхождения между ожиданиями населения для различных территорий (сопоставление векторов предпочтений). На этом этапе анализ предполагает сравнение ожиданий социума для региона в целом и ожиданий социума для конкретной территории — сельского муниципального района. Различие в ожиданиях (по разности в проценте неудовлетворенных условиями жизни) указывает на расхождение ожиданий общего регионального и конкретного местного муниципального уровня и, соответственно, демонстрирует особенные «местные» приоритеты социально-экономического развития, зафиксированные как ожидания населения.

В рассматриваемом случае векторы предпочтений локальных социумов для Уйского и Троицкого муниципальных районов на фоне аналогичной общей региональной оценки (итоговой по всем муниципальным районам Челябинской области) представлены на рис. 1 по результатам социологического исследования 2017 года¹. Значения неудовлетворенности условиями жизни на исследуемых по многим показателям территориях, являющихся депрессивными, по большинству направлений превышают аналогичные для района. Исключением здесь являются некоторые «наименее критичные» направления, которые представляют не что иное, как относительные конкурентные преимущества территории. В общем случае высокая *критичность оценок населения* означает: либо состояние исследуемых сфер жизнедеятельности действительно хуже, либо население исследуемой территории более критично в своих оценках (более требовательно к качеству условий жизни).

Отраженная на рис. 1 структура векторов предпочтений крайне неоднородна (по проценту неудовлетворенных условиями). Это характерно как для регионального уровня (для муниципальных районов Челябинской области в целом), так и для рассматриваемых территорий. Процент неудов-

¹ См.: Результаты опроса потребителей Уйского муниципального района Челябинской области 2017 г. (http://уйский-район.рф/images/pages/1272_uyskiy-potrebiteli-2017.docx; дата обращения 14.10.2019); Результаты опроса потребителей Троицкого муниципального района Челябинской области 2017 г. (<http://troitsk-rayon.ru/Upload/files/Троицкий%20район%20потребители%202017.pdf>; дата обращения 14.10.2019).

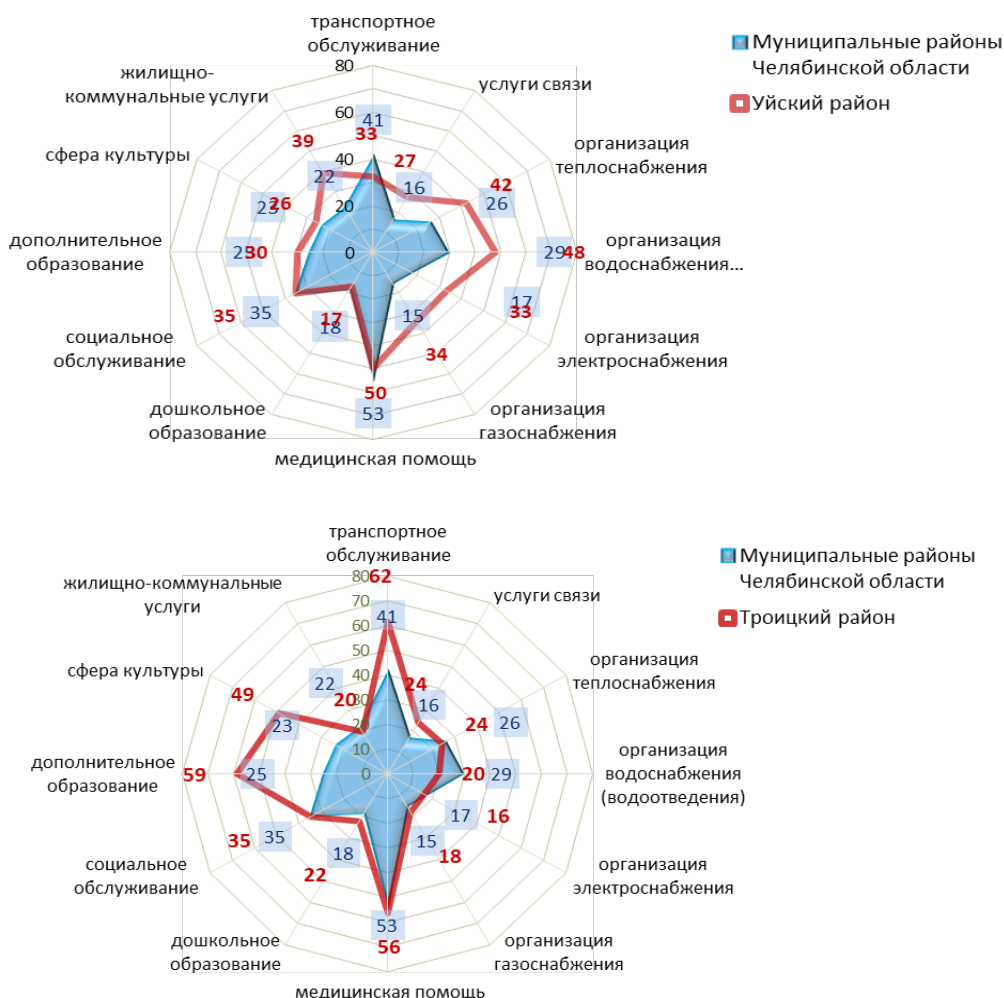

Рис. 1. Векторы предпочтений (приоритетов) социума (по проценту неудовлетворенных условиями жизни) муниципальных образований (Уйского и Троицкого муниципальных районов) на фоне среднего регионального (для муниципальных районов Челябинской области)

летворенных условиями жизни (доля населения, отметившая в социологическом опросе «низкое качество») заметно различается. Для регионального вектора предпочтений диапазон оценок (по составляющим) 10—70%, а для локальных векторов муниципальных районов верхняя граница еще выше, до 80%.

Дальнейшее изучение ожиданий социума предполагает сопоставление оценок исследуемых территорий с общерегиональными (для всех муниципальных образований области). Различие — разность между значениями составляющих исследуемых территорий и общими региональными образуют вектор «локальных (местных)» предпочтений (ожиданий). Для рассматриваемых территорий он отображен в формате столбчатой диаграммы на рис. 2.

На рис. 2 представлены «локальные (местные)» векторы предпочтений, конкретных для двух рассматриваемых сельских территорий.

Неоднородность этих векторов также достаточно велика. Процент неудовлетворенных условиями жизни на рассматриваемых муниципальных территориях, по отдельным составляющим более чем на треть превышает региональный. Значения, наиболее заметно уходящие в отрицательную зону, указывают на исключительно острые проблемы, характерные для данной территории и требующие особого внимания на уровне как исполнительной власти муниципального района, так и региональных властей. Именно эти проблемы чаще всего являются основными факторами, влияющими на рост недовольства населения муниципалитета. С другой стороны, значения, превышающие нулевую отметку, указывают на фоне сопоставимых территорий на наличие местных конкурентных преимуществ и достижений. Сумму оценок по составляющим локального вектора можно рассматривать как интегральный показатель качества жизни на территории.

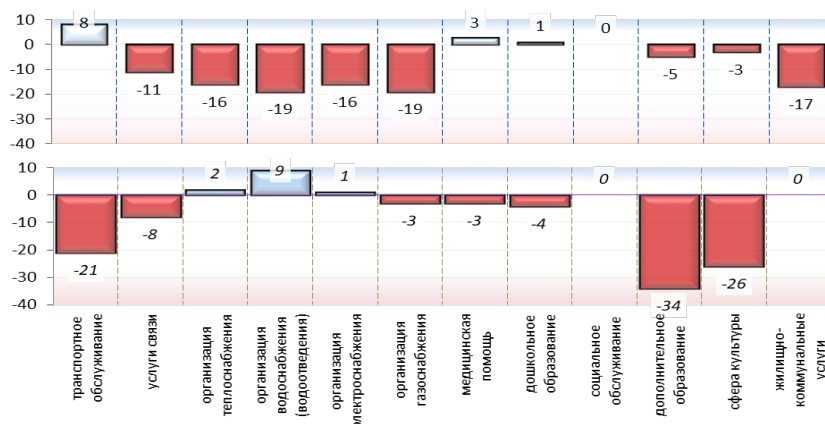

Рис 2. Сравнительная векторная оценка ожиданий социума — «локальные (местные)» векторы предпочтений: отличия ожиданий Уйского и Троицкого муниципальных районов от средних региональных для данной группы территорий (по разнице между процентами неудовлетворенных условиями жизни)

Перспективы применения векторных оценок ожиданий социума

Изложенные основы методического подхода, с элементами инструментария визуализации векторных оценок, позволяют решать на новом качественном уровне вопросы целеполагания социально-экономического развития муниципального района, опираясь на мнение социума. При этом рассматривается ситуация на уровне как конкретного муниципального образования, так и региона. Все это упрощает определение программных приоритетов для концентрации ресурсов на ключевых направлениях развития территорий. Накопление информации о векторах предпочтений при систематизации и формировании специализированной информационно-аналитической базы данных создает основу для рассмотрения более сложных вопросов детального анализа и прогнозирования ожиданий социума.

Использование рассматриваемого методического подхода при разработке стратегий пространственного развития Уйского и Троицкого муниципальных районов Челябинской области указывает на широкие возможности его применения [6]. Дальнейшее расширение практики использования векторных оценок на базе данных социологических исследований открывает перспективы решения широкого спектра задач регионального социального управления. Среди них: оценка изменений качества жизни по социальным группам; оценка реакции основных социальных групп и слоев на решения власти; выявление ситуаций роста социального напряжения по группам и др. Все это способствует повышению роста эффективности социально-экономической политики, пространственного развития.

Список литературы

1. Анимца, Е. Г. Экономический рост в дискурсе пространственно-временной парадигмы / Е. Г. Анимца // Экономика региона. — 2010. — № 2 (22). — С. 24—28.
2. Бархатов, В. И. Человек как активный субъект экономического роста: к проблеме человеческого капитала и роли элит / В. И. Бархатов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 8 (363). — С. 7—13.
3. Бобылев, С. Н. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? / С. Н. Бобылев, Н. В. Зубаревич, С. В. Соловьева // Вопросы экономики. — 2015. — № 1. — С. — 147—160.
4. Голиков, А. А. Концептуальные основы динамики благополучия населения в регионе / А. А. Голиков, С. С. Гордеев, А. Ю. Даванков, В. Н. Козлов // Голиковские чтения. — Челябинск, 2015. — С. 6—10.
5. Гордеев, С. С. Поиск социо-эколого-экономических решений в информационной среде / С. С. Гордеев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 8 (299). — С. 47—52.
6. Зырянов С. Г. Интеграционные приоритеты пространственного развития муниципальных образований в условиях формирования цифровой экономики / С. Г. Зырянов, С. С. Гордеев, А. О. Понькина // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. — 2018. — № 2. — С. 9—18.

7. Козлова, О. А. Методический подход к измерению качества жизни населения региона / О. А. Козлова, Т. В. Гладкова, М. Н. Макарова, Е. Х. Тухтарова // Экономика региона. — 2015. — № 2 (42). — С. 182—193.
8. Куклин, А. А. Трансформация теоретико-методологических подходов и методического инструментария диагностики благосостояния личности и территории проживания. Часть 1. От распространенных до альтернативных подходов к диагностике (история вопроса) / А. А. Куклин, А. С. Найденов, Н. Л. Никулина, Т. В. Тарасьева // Экономика региона. — 2014. — № 3. — С. 22—36.
9. Масленников М. И. Технологические инновации и их влияние на экономику / М. И. Масленников // Экономика региона. — 2017. — Т. 13, № 4. — С. 1221—1235.
10. Мау, В. С. Экономические кризисы в Новейшей истории России / В. С. Мау // Экономическая политика. — 2015. — Т. 10, № 2. — С. 7—19.
11. Окрепилов В. В., Макаров В. Л. Применение суперкомпьютерных технологий для моделирования социально-экономических систем / В. В. Окрепилов, В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин, С. Н. Кузьмина // Экономика региона. — 2015. — № 2 (42). — С. 301—312.
12. Селюнин, В. И., Ханин Г. И. Лукавая цифра / В. И. Селюнин, Г. И. Ханин // Новый мир. — 1987. — № 2. — С. 181—201.
13. Сорокин, Д. Е. Фактор доверия / Д. Е. Сорокин // Журнал экономической теории. — 2016. — № 3. — С. 133—138.
14. Стиглиц, Д. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса = Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up / Д. Стиглиц, А. Сен, Ж.-П. Фитусси // М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. — 216 с.
15. Ханин, Г. И. «Лукавая цифра»: 30 лет спустя / Г. И. Ханин // Идеи и идеалы. — 2018. — № 2, т. 1. — С. 139—163.
16. Gordeev, S. S. The economic dynamics of Russia and its regions in the context of a structural crisis: analysis and forecasting / S. S. Gordeev, S. G. Zyryanov, O. P. Ivanov, A. V. Kocherov // Социум и власть. — 2016. — № 6 (62). — С. 39—46.
17. Kilimova, L. Quality of life as a human development determinant in the context of economic instability / L. Kilimova // Economic Annals-XXI. — 2016. — № 3-4-1 (157). — P. 59—61.
18. Madzikova, A. Quality of life of seniors in the context of population ageing in Slovakia / A. Madzikova, Ja. Mitrikova, A. Senkova // Economic Annals-XXI. — 2015. — № 7-8-1. — P. 109—112.

Сведения об авторах

Гордеев Сергей Сергеевич — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск, Россия. sgordeev222@gmail.com

Зырянов Сергей Григорьевич — профессор, доктор политических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск, Россия. director@chel.ranepa.ru

Ситковский Арсений Михайлович — магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, Челябинск, Россия. arseniy24gamer@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 11 (433). Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 38—47.

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE AND SOCIAL PRIORITIES FOR THE DEVELOPMENT OF TERRITORIES

S.S. Gordeev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia.
sgordeev222@gmail.com

S.G. Zyryanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia. director@chel.ranepa.ru

A.M. Sitkovskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia. arseniy24gamer@yandex.ru

The basics of assessing the quality of life based on vector assessments with a qualitatively new information basis using sociological information are presented. The updating of both the methodological foundations of the formation of assessments and tools is considered. A key characteristic of quality of life is social well-being. A system of indicators based on sociological assessments of population satisfaction forms a vector of preferences or expectations of society. Assessments characterizing dissatisfaction with living conditions make it possible to determine the priority areas of living conditions and the vector of priorities for socio-economic development in the face of limited possibilities for using statistical reporting. The main points of the assessment procedure use digital information visualization technologies and are presented on the example of typical rural municipalities of the Southern Urals.

Keywords: *quality of life, region, sociology, social priorities, vector ratings, information.*

References

1. Animica E.G. Ekonomicheskiy rost v diskurse prostranstvenno-vremennoj paradigme [Economic growth in the discourse of the spatio-temporal paradigm]. *Ekonomika regiona* [Economics of the region], 2010, no. 2 (22), pp. 24-28. (In Russ.).
2. Barhatov V.I. Chelovek kak aktivnyj sub'ekt ekonomicheskogo rosta: k probleme chelovecheskogo kapitala i roli elit [Man as an active subject of economic growth: to the problem of human capital and the role of elites]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 8 (363), pp. 7-13. (In Russ.).
3. Bobylev S.N., Zubarevich N.V., Solov'eva S.V. Vyzovy krizisa: kak izmeryat' ustojchivost' razvitiya? [Challenges of the crisis: how to measure sustainable development?]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economics], 2015, no. 1, pp. 147-160. (In Russ.).
4. Golikov A.A., Gordeev S.S., Davankov A.Yu., Kozlov V.N. Konceptual'nye osnovy dinamiki blagopohluchiya naseleniya v regione [Conceptual foundations of the dynamics of the well-being of the population in the region]. *Golikovskie chteniya* [Golikov readings]. Chelyabinsk, 2015, pp. 6-10. (In Russ.).
5. Gordeev S.S. Poisk socio-ekologo-ekonomicheskikh reshenij v informacionnoj srede [Search for socio-ecological and economic solutions in the information environment]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 8 (299), pp. 47-52. (In Russ.).
6. Zyryanov S.G., Gordeev S.S., Pon'kina A.O. Integracionnye priority prostranstvennogo razvitiya municipal'nyh obrazovanij v usloviyah formirovaniya cifrovoj ekonomiki [Integration priorities for the spatial development of municipalities in the context of the digital economy]. *Nauchnyj ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya* [Scientific Yearbook of the Center for Analysis and Forecasting], 2018, no. 2, pp. 9-18. (In Russ.).
7. Kozlova O.A., Gladkova T.V., Makarova M.N., Tuhtarova E.H. Metodicheskij podhod k izmereniyu kachestva zhizni naseleniya regiona [A methodological approach to measuring the quality of life of a region's population]. *Ekonomika regiona* [Economics of the region], 2015, no. 2 (42), pp. 182-193. (In Russ.).

8. Kuklin A.A., Najdyonov A.S., Nikulina N.L., Taras'eva T.V., Transformaciya teoretiko-metodologicheskikh podhodov i metodicheskogo instrumentariya diagnostiki blagosostoyaniya lichnosti i territorii prozhivaniya. CHast'1. Ot rasprostranennyh do al'ternativnyh podhodov k diagnostike (istoriya voprosa) [Transformation of theoretical and methodological approaches and methodological tools for diagnosing the welfare of an individual and territory of residence. Part 1. From common to alternative diagnostic approaches (background)]. *Ekonomika regiona* [Economics of the region], 2014, no. 3, pp. 22-36. (In Russ.).

9. Maslennikov M.I. Tekhnologicheskie innovacii i ih vliyanie na ekonomiku [Technological innovations and their impact on the economy]. *Ekonomika regiona* [Economics of the region], 2017, b. 13, no. 4, pp. 1221-1235. (In Russ.).

10. Mau V.S. Ekonomicheskie krizisy v Novejshej istorii Rossii [Economic crises in the recent history of Russia]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 2015, b. 10, no. 2, pp. 7-19. (In Russ.).

11. Okrepilov V.V., Makarov V.L., Bahtizin A.R., Kuz'mina S.N. Primenenie superkomp'yuternykh tekhnologij dlya modelirovaniya social'no-ekonomicheskikh system [The use of supercomputer technologies for modeling socio-economic systems]. *Ekonomika regiona* [Economics of the region], 2015, no. 2 (42), pp. 301-312. (In Russ.).

12. Selyunin V.I., Hanin G.I. Lukavaya cifra [Sly figure]. *Novyj mir* [New World], 1987, no. 2, pp. 181-201. (In Russ.).

13. Sorokin D.E. Faktor doveriya [Confidence Factor]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], 2016, no. 3, pp. 133-138. (In Russ.).

14. Stiglic D., Sen A., *Fitussi Zh.-P. Neverno ocenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i social'nogo progressa* [Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up]. Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara, 2016. 216 p. (In Russ.).

15. Hanin G.I. "Lukavaya cifra": 30 let spustya ["Sly figure": 30 years later]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals]. 2018, no. 2, b. 1, pp. 139-163. (In Russ.).

16. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. The economic dynamics of Russia and its regions in the context of a structural crisis: analysis and forecasting. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2016, no. 6 (62), pp. 39-46.

17. Kilimova L. Quality of life as a human development determinant in the context of economic instability, *Economic Annals-XXI*, 2016, no. 3-4-1 (157), pp. 59-61.

18. Madzikova A., Mitrikova Ja., Senkova A. Quality of life of seniors in the context of population ageing in Slovakia, *Economic Annals-XXI*, 2015, no. 7-8-1, pp. 109-112.

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ДИНАМИКИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

К. С. Гончарова

Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Приводятся результаты количественной оценки и качественного анализа взаимосвязи динамики дифференциации доходов населения (индекса Джини) и экономического роста (ВРП, ВРП на душу населения) — двух процессов, управление которыми является приоритетными для стратегического развития страны. В работе использованы метод эконометрического (корреляционного) анализа, а также метод группировки. Установлены: во-первых, наличие в большинстве субъектов Федерации статистически значимой связи между уровнем дифференциации доходов населения и динамикой экономического роста; во-вторых, вариативность тесноты и направления выявленной связи для каждого региона; в-третьих, уровень дифференциации доходов населения через систему распределения совокупного дохода региона, обусловленной воздействием монетарных и немонетарных факторов.

Ключевые слова: *экономический рост, дифференциация доходов, факторы дифференциации, факторы дифференциации распределения совокупного дохода*

Введение

Экономический рост и снижение уровня социального и имущественного неравенства населения отнесены к стратегическим национальным приоритетам страны [23], в связи с чем указанным процессам уделяется повышенное внимание как со стороны представителей органов государственного управления (в части контроля показателей, отражающих соответствующие процессы), так и со стороны научного сообщества (исследование природы данных процессов и механизмов их функционирования). При этом особый интерес здесь могут представлять исследования, в которых осуществляется комплексный анализ взаимодействия экономического роста и дифференциации населения по уровню доходов, позволяющий выявить направления их регулирования для достижения целей национальной экономики.

Цель исследования. Исходя из этого целью исследования являлось определение системы взаимосвязи динамики дифференциации доходов населения и экономического роста в регионах России.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели использован комплекс методов: корреляционного анализа, позволяющий осуществлять количественную оценку характера взаимного влияния оцениваемых параметров, и аналитической группировки, способствующий

определению системы взаимосвязи между исследуемыми процессами.

Информационную базу исследования составили статистические данные Федеральной службы государственной статистики, публикуемые в издании «Регионы России. Социально-экономические показатели» и в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС) за период с 2000 по 2018 год, а также результаты исследований международных организаций — ООН, Всемирного банка (The World Bank), ОЭСР (OECD).

Теоретические основы исследования. Традиционно считается, что анализ влияния динамики экономического роста страны на дифференциацию доходов населения был впервые предпринят во второй половине XX в. — с опубликованием работ С. Кузнеця (Economic growth and income inequality [43]) и Н. Калдора (Alternative Theories of Distribution [42]).

В работе «Economic growth and income inequality» С. Кузнецом проанализирован процесс динамики неравенства доходов населения страны в условиях индустриального и экономического роста: с повышением уровня индустриализации страны, в связи с исчерпанием потенциала роста трудовых ресурсов за счет процесса миграции из сельских территорий, прибыли держателей капитала стабилизируются или снижаются, а заработная плата рабочих, наоборот, растет, в связи с чем уровень неравенства населения по уровню доходов падает.

¹ Публикация подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2019—2022 гг.

В работе «Alternative Theories of Distribution» Н. Калдора, во-первых, представлен анализ общего и различий в механизмах распределения с точки зрения представителей различных школ: классической (Д. Рикардо), марксизма (К. Маркс), неоклассической (маржинализм) и кейнсианства (Дж. М. Кейнс), во-вторых, предложена авторская (альтернативная) концепция распределения, основывающаяся на анализе зависимости двух категорий дохода — заработной платы (наемных работников) и прибыли (владельцев капитала) от их предельной склонности потреблять или сберегать (инвестировать) и в результате — возможности влиять на общенациональный экономический рост.

К настоящему времени вопрос о наличии и механизмах влияния экономического роста на дифференциацию доходов населения остается открытым. Так, в работах М. Ahluwalia [30], R. J. Barro, Б. Гершмана [8] и других ученых гипотеза о наличии влияния была подтверждена, а в исследованиях К. Deininger, L. Squire [35], Н. Li, L. Squire, Н. Zou [44] — опровергнута. Помимо этого, широкое распространение получил обратный анализ — оценка влияния неравенства на экономический рост: исследования М. W. Frank [38], Э. Дж. Берга, Дж. Остри [6], Р. А. Григорьева, М. В. Крамина, Т. В. Крамина, А. В. Тимирясовой [9], Л. В. Костылевой, Р. В. Дубиничева [14] и др.

На внутрорегиональном уровне первой в рамках рассматриваемой теории была работа М. Партриджа [46], в которой осуществлена оценка влияния роста экономики на неравенство в США. Работа примечательна выбором объекта — отдельных штатов, в большинстве которых имеются различия в перераспределительных механизмах (трансфертах), но они схожи по институциональной и культурной среде.

Таким образом, к настоящему времени проведено значительное количество исследований оценки взаимосвязи между динамикой дифференциации доходов населения и экономическим ростом. Однако следует отметить, что, во-первых, большинство работ сосредоточены на макроуровневом анализе и не учитывают региональные особенности внутри отдельных стран (в том числе особенности анализируемой зависимости). Во-вторых, до настоящего времени отсутствует единство мнений в оценке связи между исследуемыми параметрами (ее наличие и направление). В-третьих, достаточно редко исследователями предлагается описание механизма функционирования исследуемой взаимосвязи, описывающего процесс дифференциации доходов населения вследствие распределения совокупного дохода между индивидами.

Учитывая изложенное, для целей настоящей работы, нами была осуществлена апробация гипотезы о наличии взаимосвязи между региональной динамикой дифференциации доходов населения и экономическим ростом субъектов Федерации, а также определены факторы, обуславливающие дифференциацию распределения совокупного регионального дохода.

Таким образом, на первом этапе исследования, нами был проведен корреляционный анализ, где оцениваемыми параметрами были выбраны общепринятые показатели уровня дифференциации доходов — коэффициент Джини и коэффициент фондов, а экономического роста региона — ВРП и ВРП на душу населения. Обобщенные результаты¹ представлены в таблице (с. 50), а в региональном разрезе — на рис. 1.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты анализа позволяют сделать вывод о наличии в большинстве субъектов Федерации статистически значимой связи между уровнем дифференциации доходов населения и динамикой экономического роста. При этом теснота и направление зависимости между показателями в каждом регионе существенно различаются (от 0,1 до 0,8). Также различны и результаты между показателями, характеризующими социально-экономическое неравенство (ВРП и ВРП на душу населения). Так, выявлено наличие высокой тесноты связи между дифференциацией доходов населения и показателями:

— ВРП на душу населения в Ульяновской, Брянской и Ленинградской областях;

— ВРП во Владимирской области, Краснодарском крае и Чеченской Республике.

Отсутствует связь между анализируемыми показателями:

— ВРП на душу населения в Курганской, Тверской, Калининградской, Белгородской, Псковской, Тюменской (без АО) областях, Алтайском, Забайкальском и Краснодарском краях, Чукотском автономном округе, республиках Саха (Якутия) и Северная Осетия — Алания, а также Ханты-Мансийском и Ненецком автономных округах, республиках Адыгея и Бурятия — только в случае показателя «коэффициент фондов»;

¹ Всего проанализировано 83 региона (исключение составили Республика Крым и город Севастополь, данные по которым (по показателю ВРП) представлены за два года — 2016-й и 2017-й, что не отвечает требованиям о длине временного ряда для построения корреляции).

**Результаты анализа взаимосвязи
уровня дифференциации доходов населения и экономического роста региона**

Шкала Чеддока	Знак коэффициента корреляции	Диапазон количественной меры тесноты связи					
		0,9—0,99	0,7—0,9	0,5—0,7	0,3—0,5	0,1—0,3	менее 0,1
		Качественная характеристика силы связи					
		весьма высокая	высокая	заметная	умеренная	слабая	отсутствует
Коэфф. Джини — ВРП	+	0	3	20	32	19	7
	—	0	0	1	0	0	1
ИТОГО		0 (0%)	3 (3,61%)	21 (25,30%)	32 (38,55%)	19 (22,89%)	8 (9,64%)
Коэфф. фондов — ВРП	+	0	3	21	30	18	8
	—	0	0	1	0	1	1
ИТОГО		0 (0%)	3 (3,61%)	22 (26,51%)	30 (36,14%)	19 (22,89%)	9 (10,84%)
Коэфф. Джини — ВРП на душу населения	+	0	2	15	31	15	9
	—	0	0	0	1	6	4
ИТОГО		0 (0%)	2 (2,41%)	15 (18,07%)	32 (38,55%)	21 (25,30%)	13 (15,66%)
Коэфф. фондов — ВРП на душу населения	+	0	3	14	27	19	8
	—	0	0	0	2	3	7
ИТОГО		0 (0%)	3 (3,61%)	14 (16,87%)	29 (34,94%)	22 (26,51%)	15 (18,07%)

— ВРП в Астраханской, Самарской, Воронежской областях, Алтайском и Приморском краях, республиках Северная Осетия — Алания, Калмыкия, Бурятия, а также в Москве и Курской области только в случае показателя «коэффициент фондов».

В остальных субъектах Федерации теснота связи варьируется от слабой (0,1—0,3) до заметной (0,5—0,7).

Далее рассмотрим факторы, которые, по мнению исследователей, могут оказывать влияние на систему распределения совокупного дохода, обусловленного динамикой экономического роста региона и, соответственно, на уровень дифференциации доходов населения. В отечественной и зарубежной литературе наиболее часто выделяются следующие факторы: действующая в регионе система социальной поддержки населения, инвестиционная привлекательность региона, отраслевая структура экономики региона, сложившаяся структура и формы занятости населения, миграционная динамика, половозрастной состав населения, уровень его образования и место проживания (город/село).

Так, в работах Э. Аткинсона [3], Р. Ноеллера, I. Joumard, M. Pisu и D. Bloch [39], А. Ю. ШевакOVA [26], Г. П. Литвинцевой, Е. А. Стукаленко,

О. В. Воронковой [11], Г. С. Абдусаматова и С. Ш. Саиджонова [1], В. В. Сопцова, В. С. Жаромского, С. А. Тер-Акопова, А. М. Рудберга [22] исследована оценка влияния *региональной социальной политики* на уровень дифференциации доходов населения. А. Bhattacharjee, J. K. Shin, C. Subramanian, S. Swaminathan [32] проанализировали зависимость уровня дифференциации доходов населения от объема государственных инвестиций в систему здравоохранения, а R. Aaberge, L. Eika, A. Langorgen, M. Mogstad [29] оценили влияние натуральных трансфертов. В целом результаты исследований показывают снижение уровня дифференциации доходов населения при активной социальной политике государства.

Анализ влияния структуры и форм занятости представлен в работах I. Joumard, J. Londoño Velez [40], Л. Н. Овчаровой и Д. О. Поповой, А. М. Рудберг [19]. Согласно их исследованиям, как краткосрочные, так и долгосрочные изменения на рынке труда, касающиеся уровня безработицы, могут существенно отразиться на бюджетах домохозяйств, основным источником которых является заработная плата, в то же время с ростом безработицы будет расти и дифференциация доходов между экономическими агентами, сохранившими

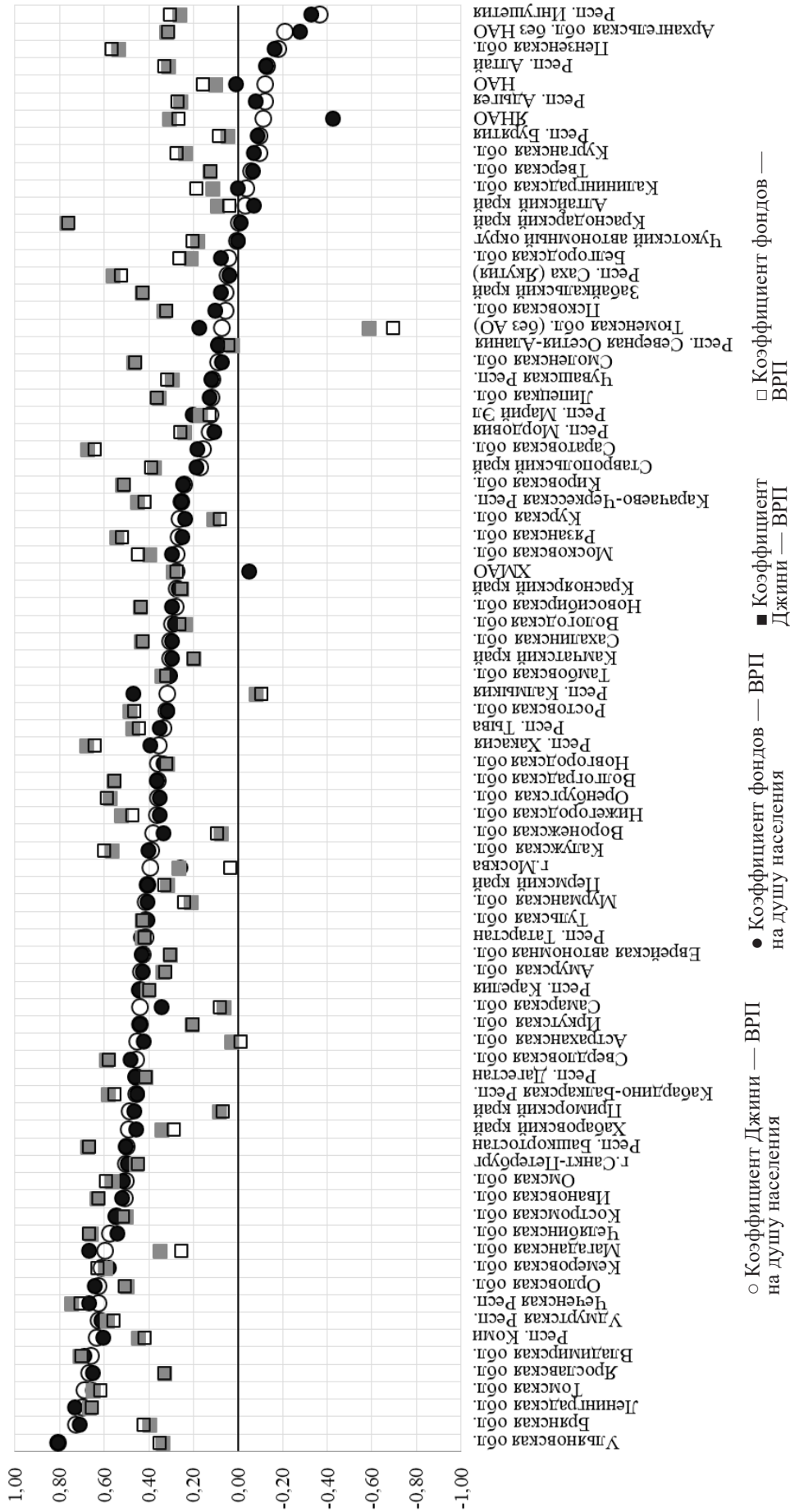

Рис. 1. Анализ взаимосвязи динамик уровня дифференциации (коэффициент Джини, коэффициент фондов) и экономического роста региона (ВРП, ВРП на душу населения)¹

¹ Период: 1998—2017 гг.

рабочее место и оставшимися без него. С другой стороны, в исследовании, проведенном J. Burniaux, F. Padrini и N. Brandt для Экономического департамента ОЭСР (Economics Department of the OECD) в 2006 г., не было выявлено отношений между рынком труда и неравенством [34].

Инвестиционная привлекательность региональной экономики, с точки зрения развития инфраструктуры, создания новых, высокотехнологичных рабочих мест рассмотрено в работах S. M. Jung, C. C. Vijverberg [41], X. Zhang, S. Fan [48], И. В. Манаевой [17]. При этом влияние данного фактора на социально-экономическое неравенство (дифференциацию населения) в регионах России, по мнению И. В. Манаевой, является наиболее значимым и положительным [Там же].

Отраслевая дифференциация уровня оплаты труда исследована в работах О. А. Козловой и О. Н. Арзяковой [12], Л. Н. Овчаровой, Д. О. Поповой, А. М. Рудберга [19], М. Ю. Малкиной, Я. М. Роциной.

По мнению М. Ю. Малкиной, неравенства оплаты труда работников схожих профессии и уровня квалификации, занятых в различных отраслях, объясняется конкурентными отличиями отраслевых рынков, наличием естественных и искусственных барьеров доступа в них, а также масштабами деятельности организаций [15]. Я. М. Роцина обращает внимание на различия в квалификационных требованиях (уровне образования) работников, занятых в разных отраслях [20].

Таким образом, влияние отраслевой структуры занятости на дифференциацию доходов населения региона является следствием различий в отраслевой динамике регионов, а также в квалификационных требованиях, предъявляемых к работникам в разных отраслях.

Влияние *миграционной динамики* на дифференциацию доходов населения с точки зрения возможных дискриминационных явлений в оплате труда вновь прибывшего населения (мигрантов), а также влияние притока мигрантов на уровень конкуренции на региональном рынке труда рассмотрены в работах Г. Брюкера [7], Е. Б. Бедриной [5], С. А. Данканич [10], И. П. Цапенко [24].

В докладе Г. Брюкера, подготовленном для Европейской экономической комиссии ООН, рассматриваются механизмы влияния международной миграции на дифференциацию доходов населения: «падение заработной платы низкоквалифицированных работников может привести к замене высококвалифицированных работников менее квалифици-

рованными, а эффект масштаба приводит к увеличению спроса на высококвалифицированный труд. Совокупное воздействие на доходы местных жителей в принимающей стране является позитивным. Для страны происхождения мигрантов дело обстоит с точностью до наоборот: заработная плата низкоквалифицированных работников возрастает, доходность капитала падает, а совокупное воздействие на доходы тех, кто остался в стране, является негативным. Таким образом, в отсутствие переводов доходов неравенство в уровнях доходов в принимающих странах увеличивается, а в странах — источниках миграционных потоков уменьшается. Таким образом, повышательное или понижающее влияние миграции на неравенство в уровнях доходов зависит от угла зрения: с точки зрения страны происхождения доходы рабочей силы увеличиваются, а доходность капитала снижается; в принимающих странах дело обстоит с точностью до наоборот. В регионе в целом разрывы в уровнях доходов имеют тенденцию к уменьшению. Следовательно, если мигранты имеют относительно низкую квалификацию, неравенство в уровнях доходов в принимающих странах, как правило, возрастает» [7].

Оценка влияния *возрастного состава населения* на дифференциацию доходов населения представлена в работах S. Shirahase [47], P. Hoeller, I. Joumard, M. Pisu, D. Bloch [39], Л. Н. Овчаровой, Д. О. Поповой [18], Л. А. Беляевой и других ученых. В основном здесь анализируется степень различий в доходах населения в нетрудоспособном возрасте по сравнению с доходами лиц трудоспособного возраста. По мнению Л. А. Беляевой, вследствие дискриминации экономических агентов по возрасту растет уровень неравенства доходов населения: молодежь или пенсионеры, получающие социальную помощь от государства (пенсии, стипендии и пр.), имеют более низкий доход по сравнению с лицами, получающими заработную плату [27].

Проблема *гендерных различий* в уровне оплаты труда исследована экспертами международных организаций — ООН, ОЭСР (в работах O. Denk [36]). Так, согласно данным Европейской экономической комиссии ООН: «В странах Содружества (СНГ. — *Примеч. авт.*) заработная плата женщин в среднем меньше зарплаты мужчин: в Беларуси, Кыргызстане, России и Украине — на 23—26 %, Казахстане и Армении — соответственно на 33 и 34 %, Таджикистане — 40 %, Азербайджане — 55 %. При высоком уровне профессионального образования женщины чаще заняты менее оплачиваемыми видами деятельности: в сельском хозяйстве,

легкой и пищевой промышленности, социальной сфере» [4]. Таким образом, гендерные различия в сферах труда и заработной платы являются значимыми факторами формирования уровня дифференциации доходов для многих стран мира.

Влияния *места проживания населения* на региональную дифференциацию доходов исследовано в работах J. Boulant, M. Brezzi и P. Veneri [33], В. Л. Шабанова [25], И. В. Манаевой [17] и др.

Согласно результатам рассмотренных исследований, дифференциация доходов населения выше в крупных населенных пунктах. Так например, J. Boulant, M. Brezzi и P. Veneri замечают: «Более крупные столичные районы характеризуются в среднем более высоким уровнем располагаемого дохода домашних хозяйств, а также более высоким неравенством доходов» [33]. Однако, по мнению С. Г. Косарецкого, М. А. Пинской и И. Г. Груничевой, жители сельской местности в большей степени, чем городские, подвержены риску попадания в число бедных [13]; соответственно, более низкий уровень неравенства здесь обусловлен более низким уровнем доходов (по сравнению с городом).

Воздействие *уровня образования населения* на дифференциацию доходов подтверждается исследованиями международных организаций (ООН, ОЭСР [45]) и ученых Э. Дж. Берга, Дж. Остри [6], С. Г. Косарецким, М. А. Пинской и И. Г. Груничевой [13]. Так, согласно результатам исследования, проведенного экспертами ООН, «образование является одним из ключевых факторов, определяющих уровень жизни населения и влияющих на риски бедности. Наименьший риск оказаться в бедности имеют лица с высшим профессиональным и послевузовским профессиональным образованием (индекс риска бедности составляет соответственно 0,51 и 0,07)» [4].

В большинстве работ влияние уровня образования населения на дифференциацию доходов анализируется в двух аспектах: технологическое развитие страны или отдельный регион и место проживания членов домохозяйств (город/село).

При этом в случае развития технологий образование рассматривается, с одной стороны, как катализатор процесса, с другой — как последующий драйвер для притязаний экономических агентов на более высокую оплату труда.

Во втором же аспекте (места проживания) отмечается, что важную роль играет менее выгодное положение жителей сел в связи с наличием барьеров для доступа к качественному образованию; часто это отсутствие необходимой инфраструктуры (до образовательного учреждения, и в самом об-

разовательном учреждении), а также особенности социально-экономического положения небольших поселений. Описанные барьеры на этапе начального образования могут в дальнейшем помешать выпускникам сельских школ поступить в высшие учебные заведения, что скажется на их карьерных возможностях и уровне заработной платы.

Таким образом, система распределения совокупного дохода, обусловленного динамикой экономического роста региона, и уровень дифференциации доходов населения являются сложными социально-экономическими явлениями, обусловленными воздействием большого количества неоднородных факторов, которые условно можно разделить на две группы: монетарные и немонетарные.

К монетарным мы относим экзогенные по отношению к домохозяйству факторы, непосредственно формирующие доходы населения посредством воздействия экономических условий. Особенностью факторов данной группы является то, что объектом их влияния выступает совокупность домохозяйств на территории конкретного региона, то есть они носят общий характер.

В данную группу нами были включены факторы:

- инвестиционная привлекательность региона;
- структура и формы занятости населения региона;
- отраслевая структура занятости в регионе;
- региональная социальная политика;
- отраслевая структура занятости населения в экономике региона.

Немонетарные факторы по отношению к домохозяйству являются эндогенными (так как определяются его социально-демографической структурой) и оказывают опосредованное влияние на доходы населения (уровень образования индивида, место его проживания и т. д.). Объектом их влияния являются отдельные домохозяйства в конкретном регионе.

В данную группу нами были включены факторы:

- миграционная динамика;
- половозрастной состав населения региона;
- место проживания населения;
- уровень образования населения.

Выделенные факторные группы не являются независимыми, а находятся в тесной взаимосвязи. Так, например, дифференциация доходов населения, обусловленная системой действующих государственных и региональных социальных трансфертов, будет зависеть от половозрастного состава домохозяйств региона — получателей помощи (детей, пенсионеров, женщин в отпуске по уходу за ребенком); отраслевая структура занятости тесно

связана с местом проживания населения (например, отрасль — сельское хозяйство) и миграционной динамикой и т. д.

Влияние факторов на дифференциацию доходов осуществляется посредством формирования системы распределения совокупного регионального дохода, включающего следующие элементы:

- состав и качество источников доходов населения в регионах (уровень их диверсифицированности);
- доступность и стабильность источников получения доходов различными группами населения;
- уровень доходов и их динамика в зависимости от видов деятельности и текущей экономической конъюнктуры;
- распределение и потребление доходов внутри домохозяйств.

Соответственно, рассмотренные факторы влияют на элементы распределения совокупного регионального дохода между домохозяйствами, посредством чего складывается соответствующий уровень региональной дифференциации доходов населения (рис. 2). Однако описанное взаимодействие между факторами, совокупным доходом и дифференциацией доходов не является однонаправленным. Так, уровень регио-

нальной дифференциации также оказывает влияние на динамику регионального развития, характеризующуюся ростом совокупного дохода региона.

Заключение

Таким образом, на основе результатов проведенного исследования могут быть сделаны следующие выводы:

- *во-первых*, для большинства регионов России является характерным наличие взаимосвязи между уровнем дифференциации доходов населения и динамикой экономического роста, однако данная взаимосвязь существенно различается по субъектам Федерации по степени тесноты, что может быть объяснено различиями в культурно-исторических, институциональных и социально-экономических аспектах их формирования и развития;
- *во-вторых*, уровень региональной дифференциации доходов населения определяется воздействием различных монетарных и немонетарных факторов, оказывающих на него опосредованное влияние через структуру распределения совокупного дохода региона;
- *в-третьих*, выявление значимых для региона факторов, оказывающих существенное влияние на дифференциацию доходов, является важным детерминантом динамики экономического роста в регионах России.

Список литературы

1. Абдусаматов, Г. С. Факторы и причины неравенства доходов в Республике Таджикистан / Г. С. Абдусаматов, С. Ш. Саиджоов // Вестн. ТГУПБП. — 2011. — № 4 (48). — С. 56—67.
2. Анисимова, Г. В. Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы / Г. В. Анисимова / Terra economicus. — 2016. — Т. 14, № 1. — С. 61—77. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-1-61-77.
3. Аткинсон, Э. Б. Неравенство: как с ним быть? / Э. Б. Аткинсон ; пер. с англ. О. Левченко ; под науч. ред. М. Добряковой. — М. : Дело РАНХиГС, 2018. — 536 с.
4. Бедность и неравенство в странах Содружества Независимых Государств. Рабочий документ семинара по измерениям бедности, 12—13 июля 2016 года, Женева, Швейцария. 22 июня 2016 г.
5. Бедрина, Е. Б. Трудовая миграция в формировании неустойчивых форм занятости в условиях гибкого рынка труда / Е. Б. Бедрина // Современные проблемы развития экономики и управления в регионе в условиях цифровой трансформации : материалы XI Междунар. науч.практ. конф. 18 мая 2018 г. (Филиал образоват. учреждения высшего образования «С.-Петерб. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права» в Перми. — Пермь, 2018.
6. Берг, Э. Дж. Неравенство и неустойчивый рост: две стороны одной медали / Э. Дж. Берг, Дж. Остри // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. — 2013. — № 4, т. 8. — С. 77—99.
7. Брюкер, Г. Способна ли международная миграция решить проблемы европейских рынков труда? [Электронный ресурс] / Г. Брюкер // Обзор экон. положения Европы. — 2002. — № 2. — URL: https://www.unepce.org/ru/ead/pub/surv_022_r.html
8. Гершман, Б. Моделирование взаимосвязи между неравенством доходов и экономическим ростом / Б. Гершман // Сборник студенческих работ 2006, экономический факультет МГУ. — М. : Грант Виктория ТК, 2006.
9. Григорьев, Р. А. Неравенство распределения дохода и экономический рост в регионах России в посткризисный период / Р. А. Григорьев, М. В. Крамин, Т. В. Крамин, А. В. Тимирясова // Экономика региона. — 2015. — № 3. — С. 102—113.
10. Данканич, С. А. Неравенство доходов населения: виды и последствия / С. А. Данканич // ПСЭ. — 2011. — № 3.
11. Литвинцева, Г. П. Дифференциация доходов населения и государственная политика ее снижения в Российской Федерации : [монография] / Г. П. Литвинцева, Е. А. Стукаленко, О. В. Воронкова. — Новосибирск : НГТУ, 2012. — 338 с.

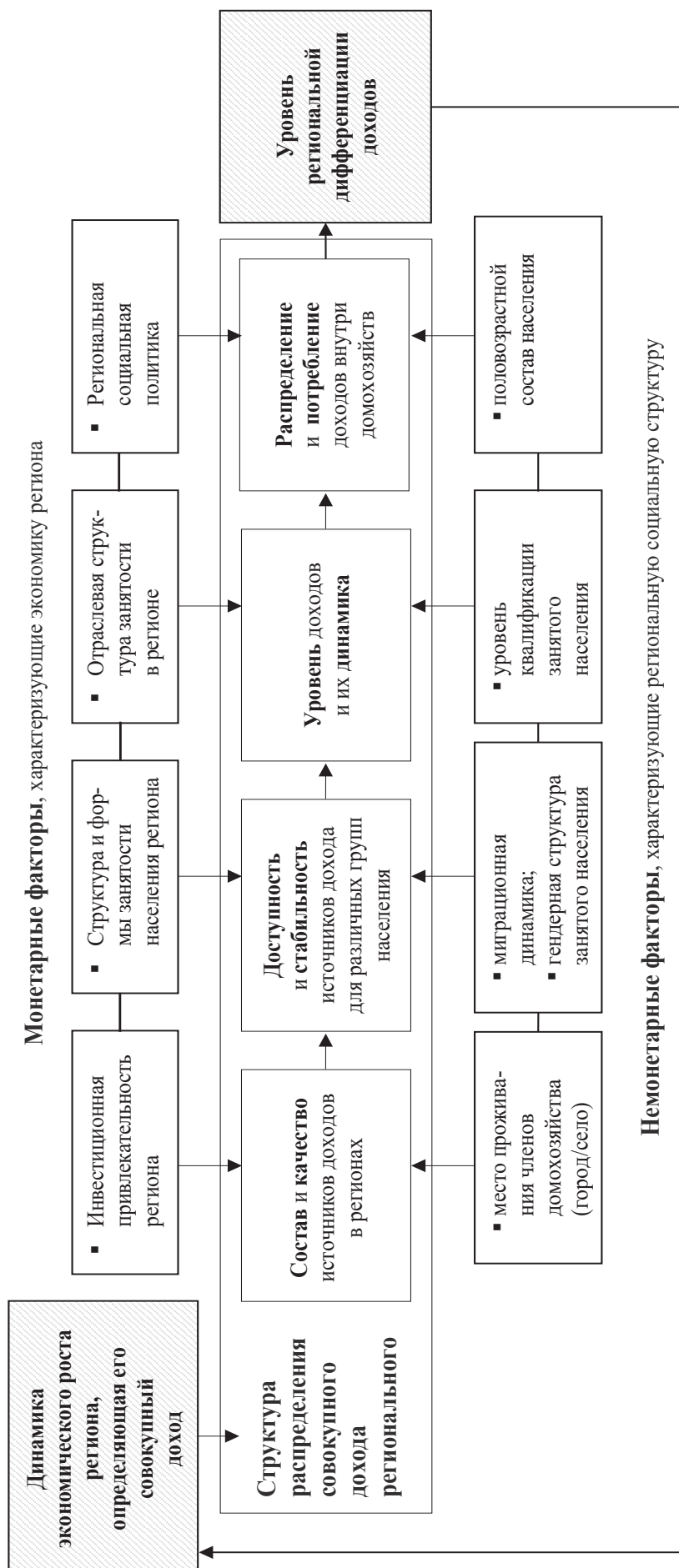

Рис. 2. Система взаимосвязи динамики экономического роста региона, определяющей его совокупный доход, и уровня дифференциации доходов населения субъектов Федерации

12. Козлова, О. А. Заработная плата в системе эффективной занятости населения региона [Электронный ресурс] / О. А. Козлова, О. Н. Арзякова // Экономика региона. — 2007. № S4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarabotnaya-plata-v-sisteme-effektivnoy-zanyatosti-naseleniya-regiona> (дата обращения 04.04.2018).
13. Косарецкий, С. Г. Проблемы бедности и доступа к образованию. Оценка ситуации в России и международный опыт / С. Г. Косарецкий, М. А., Пинская И. Г. Груничева // Мир России. Социология. Этнология. — 2014. — № 2.
14. Костылева, Л. В. Неравенство населения и его влияние на социально-экономическое развитие региона / Л. В. Костылева, Р. В. Дубиничев // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2009. — № 4 (8) — С. 95—103.
15. Малкина, М. Ю. Институциональные основы неравенства доходов в современной экономике / М. Ю. Малкина // Журн. институц. исследований. — 2016. — № 1, т. 8. — С. 100—120.
16. Манаева И. В. Модель оценки факторов социально-экономического неравенства городов России / И. В. Манаева // Сборник тезисов участников III Всероссийского научного форума «Наука будущего — наука молодых». — Н. Новгород, 2017. — С. 116—117.
17. Манаева, И. В. Особенности социально-экономического неравенства в городах России / И. В. Манаева // Экон. анализ: теория и практика. — 2017. — № 5 (464), т. 16. — С. 960—970.
18. Овчарова, Л. Н. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления / Л. Н. Овчарова, Д. О. Попова // Мир России. Социология. Этнология. — 2013. — № 3.
19. Овчарова, Л. Н. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России / Л. Н. Овчарова, Д. О. Попова, А. М. Рудберг // Журн. новой экон. ассоц. — 2016. — № 3 (31). — С. 170—185.
20. Рощина Я. М. Дифференциация доходов и образования в России / Я. М. Рощина // Вопросы образования. — 2005. — № 4.
21. Руднев, В. Д. Заработная плата в России: от интегральной политики к государственному регулированию / В. Д. Руднев, А. В. Русскова, В. А. Вишнякова // Соц. политика и социология. — 2017. — Т. 16, № 2 (121). — С. 88—95.
22. Сопцов, В. В. Неравенство и налогообложение / В. В. Сопцов, В. С. Жаромский, С. А. Тер-Акопов, А. М. Рудберг // Качество и уровень жизни населения в современной России: состояние, тенденции и перспективы : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. М. : М-Студио, 2012. — С. 273—284.
23. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
24. Цапенко, И. П. Экономический цикл и международная миграция населения / И. П. Цапенко // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2011. — № 8. — С. 31—42.
25. Шабанов, В. Л. Динамика уровня жизни и неравенства в городе и селе: оценки с использованием данных бюджетных обследований домашних хозяйств / В. Л. Шабанов // Изв. Саратов. ун-та. НС. Сер.: Социология. Политология. — 2014. — № 3.
26. Шевяков, А. Ю. Мифы и реалии социальной политики / А. Ю. Шевяков // Вестн. Ин-та социологии. — 2010. — № 1. — С. 48—97.
27. Беляева, Л. А. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) [Электронный ресурс] / Л. А. Беляева // Регион. социология. — 2006. — URL: http://ecsocman.hse.ru/data/972/784/1219/Sotsis_09_06_p52-63.pdf (дата обращения 04.10.2017).
28. Кларк, Х. Доклад ООН о борьбе с бедностью [Электронный ресурс] — Х. Кларк. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2014/01/1236601> (дата обращения 01.12.2018).
29. Aaberge, R. Local governments, in-kind transfers, and economic inequality / R. Aaberge, L. Eika, Langorgen A., Mogstad M. // Journal of Public Economics. 2018. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.09.015>.
30. Ahluwalia, M. Income Distribution and Development: Some Stylized Facts / M. Ahluwalia // American Economic Rev. — 1976. — Vol. 66, № 2. — P. 128—135.
31. Alesina, A. Distributive Politics and Economic Growth / A. Alesina, D. Rodrik // Quart. J. of Economics. — 1994. — Vol. 109, № 2. — P. 465—490.
32. Bhattacharjee, A. Healthcare investment and income inequality [Электронный ресурс] / A. Bhattacharjee, J. K. Shin, C. Subramanian, S. Swaminathan // J. of Health Economics. — 2017. — № 56. — P. 163—177. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2017.08.007>.
33. Boulant, J. Income Levels And Inequality in Metropolitan Areas: A Comparative Approach in OECD Countries [Электронный ресурс] / J. Boulant, M. Brezzi, P. Veneri // OECD Regional Development Working Papers. — 2016. — No. 06. — Paris, OECD Publ. — URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5jlwj02zz4mr-en>.

34. Burniaux, J. Labour Market Performance, Income Inequality and Poverty in OECD countries [Электронный ресурс] / J. Burniaux, F. Padrini, N. Brandt // OECD Economics Department Working Papers. — 2006. — No. 500. — Paris, OECD Publ. — URL: <http://dx.doi.org/10.1787/882154447387>.
35. Deininger, K. New Ways of Looking at Old Issues: Inequality and Growth / K. Deininger, L. Squire // J. of Development Economics. — 1998. — Vol. 57, № 2. — P. 259—287.
36. Denk, O. Financial sector pay and labour income inequality: Evidence from Europe [Электронный ресурс] / O. Denk // OECD Economics Department Working Papers. — 2015. — No. 1225. — Paris, OECD Publ. — URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5js04v5wjw9p-en> https://www.oecd-ilibrary.org/economics/financial-sector-pay-and-labour-income-inequality_5js04v5wjw9p-en.
37. Fallah, B. N. The elusive inequality-economic growth relationship: are there differences between cities and the countryside? / B. N. Fallah, M. Partridge // The Annals of Regional Science. — 2007. — No. 41 (2). — P. 375—400.
38. Frank, M. W. Inequality and growth in the United States: Evidence from a new state-level panel of income inequality measures / M. W. Frank // Economic Inquiry. — 2009. — No. 47 (1). — P. 55—68.
39. Less Income Inequality and More Growth — Are They Compatible? Part 1. Mapping Income Inequality Across the OECD / P. Hoeller [et al.] // OECD Economics Department Working Papers. — 2012. — No. 924. — OECD Publ.
40. Joumard, I. Income Inequality and Poverty in Colombia. Part 2. The Redistributive Impact of Taxes and Transfers [Электронный ресурс] / I. Joumard, J. V. Londoño // OECD Economics Department Working Papers. — 2013. — No. 1037. — OECD Publ., Paris. — URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5k487n4r0t8s-en>.
41. Jung, S. M. Financial Development and Income Inequality in China / S. M. Jung, C. C. Vijverberg // A Spatial Data Analysis, North American Journal of Economics & Finance (2019). — URL: <https://doi.org/10.1016/j.najef.2019.03.001>.
42. Kaldor, N. Alternative Theories of Distribution / N. Kaldor // The Rev. of Economic Studies. — 1955—1956. — Vol. 23, no. 2. — P. 83—100.
43. Kuznets, S. Economic growth and income inequality / S. Kuznets // The American Economic Rev. — 1955. — Vol. XLV, № 1.
44. Li, H. Explaining International and Intertemporal Variations in Income Inequality / H. Li, L. Squire, H. Zou // Economic J. — 1998. — Vol. 108, № 446. — P. 26—43.
45. OECD. PISA 2015 Results (2017, Volume III): Students' Well-Being [Электронный ресурс] // PISA. — Paris, OECD Publ. — URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264273856-en>.
46. Partridge, M. D. Does Income Distribution Affect US State Economic Growth? / M. D. Partridge // J. of Regional Science. — 2005. — No. 45 (2). — P. 363—394.
47. Shirahase, S. Income inequality among older people in rapidly aging Japan [Электронный ресурс] / S. Shirahase // Research in Social Stratification and Mobility. — 2015. — № 41. — P. 1—10. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2015.03.001>.
48. Zhang, X. Public investment and regional inequality in rural China [Электронный ресурс] / X. Zhang, S. Fan // Agricultural Economics. — 2004. — Vol. 30, iss. 2. — P. 89—100. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.agecon.2002.09.003>.

Сведения об авторе

Гончарова Ксения Сергеевна — аспирантка Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия. ksenia.gon4arowa@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 48—60.

ANALYSIS OF SYSTEM OF INTERRELATION OF DYNAMICS OF DIFFERENTIATION OF INCOMES OF THE POPULATION AND ECONOMIC GROWTH IN REGIONS OF RUSSIA

K.S. Goncharova

The Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. ksenia.gon4arowa@gmail.com

The article presents the results of a quantitative assessment and a qualitative analysis of the relationship between the dynamics of differentiation of incomes of the population (Gini index) and economic growth (GRP,

GRP per capita) — two processes that are a priority for the strategic development of the country. The aim of the study is to determine the system of the relationship between the dynamics of differentiation of population incomes and economic growth in the regions of Russia. The econometric (correlation) analysis method was used, as well as the grouping method. Through the analysis, it was established, firstly, in the majority of the constituent entities of the Federation, a statistically significant relationship between the level of differentiation of population incomes and the dynamics of economic growth, secondly, the variability of the tightness and direction of the revealed connection for each region, thirdly, the determination of the level of income differentiation population through the system of distribution of the region's total income due to the impact of monetary and non-monetary factors.

Keywords: *economic growth, income inequality, inequality factors, inequality factors for the distribution of total income.*

References

1. Abdusamadov G.S., Saidjonov S.Sh. Faktory i prichiny neravenstva dohodov v respublike Tadjikistan [Factors and causes of income inequality in the Republic of Tajikistan]. *Vestnik TGUPBP* [Bulletin of TSULBP], 2011, no. 4 (48), pp. 56-67. (In Russ.).
2. Anisimova G.V. Metodologicheskie aspekty analiza ekonomicheskogo neravenstva: sovetskie i post-sovetskie problemy [Methodological aspects of the analysis of economic inequality: Soviet and post-Soviet problems]. *Terra economicus*, 2016, no. 1, pp. 61-77. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-1-61-77 (In Russ.).
3. Atkinson E.B. *Neravenstvo: kak s nim byt'?* [Inequality: how to deal with it?]. Moscow, Delo Publ., 2018. 536 p. (In Russ.).
4. *Bednost' i neravenstvo v stranah Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv* [Poverty and inequality in the countries of the Commonwealth of Independent States. Poverty Measurement Workshop Working Paper July 12-13, 2016, Geneva, Switzerland. June 22, 2016]. (In Russ.).
5. Bedrina E.B. Trudovaya migraciya v formirovanii neustojchivyh form zanyatosti v usloviyah gibkogo rynka truda [Labor migration in the formation of unsustainable forms of employment in a flexible labor market]. *Modern problems of economic development and management in the region in the context of digital transformation: Materials of the XI International Scientific and Practical Conference May 18, 2018. Branch of an educational institution of higher education "St. Petersburg Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law" in Perm*. Perm, 2018. (In Russ.).
6. Berg E.J., Ostri J. Neravenstvo i neustojchivyy rost: dve storony odnoj medali [Inequality and unsustainable growth: two sides of the same coin]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* [Bulletin of international organizations: education, science, new economy], 2013, no. 4, vol. 8, pp. 77-99. (In Russ.).
7. Brucker G. Sposobnaya li mezhdunarodnaya migraciya reshit' problemy evropejskih rynkov truda? [Is international migration able to solve the problems of European labor markets?]. *Obzor ekonomicheskogo polozheniya Evropy* [European Economic Survey], 2002, no. 2. (In Russ.).
8. Gershman B. Modelirovanie vzaimosvyazi mezhdu neravenstvom dohodov i ekonomicheskim rostom [Modeling the relationship between income inequality and economic growth]. *Sbornik studencheskih rabot 2006, ekonomicheskij fakul'tet MGU* [Student work collection 2006, Faculty of Economics, Moscow State University]. Moscow, Grant Victoria TK, 2006. (In Russ.).
9. Grigoriev R.A., Kramin M.V., Kramin T.V., Timiryasova A.V. Neravenstvo raspredeleniya dohoda i ekonomicheskij rost v regionah Rossii v postkrisisnyj period [Inequality of income distribution and economic growth in Russian regions in the post-crisis period]. *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2015, no. 3, pp. 102-113 (In Russ.).
10. Dankanich S.A. Neravenstvo dohodov naseleniya: vidy i posledstviya [Inequality of income: types and consequences]. *PSE*, 2011, no. 3. (In Russ.).
11. *Differenciaciya dohodov naseleniya i gosudarstvennaya politika ee snizheniya v Rossijskoj Federacii* [Differentiation of population incomes and the state policy of its decline in the Russian Federation]. Novosibirsk: NSTU, 2012. 338 p. (In Russ.).
12. Kozlova O.A., Arzyakova O.N. Zarabotnaya plata v sisteme effektivnoj zanyatosti naseleniya regiona... [Wages in the system of effective employment of the population of the region...]. *Ekonomika regiona* [Economy

of the region], 2007, no. S4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarabotnaya-plata-v-sisteme-effektivnoy-zanyatosti-naseleniya-regiona>, accessed 04.04.2018. (In Russ.).

13. Kosaretsky S.G., Pinskaya M.A., Grunicheva I.G. Problemy bednosti i dostupa k obrazovaniyu. Ocenka situacii v Rossii i mezhdunarodnyj opyt [Problems of poverty and access to education. Assessment of the situation in Russia and international experience]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2014, no. 2. (In Russ.).

14. Kostyleva L.V., Dubinichev P.V. Neravenstvo naseleniya i ego vliyanie na social'no-ekonomicheskoe razvitie regiona [Inequality of the population and its impact on the socio-economic development of the region]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2009, no. 4 (8), pp. 95-103. (In Russ.).

15. Malkina M.Yu. Institucional'nye osnovy neravenstva dohodov v sovremennoj ekonomike [Institutional foundations of income inequality in the modern economy]. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Studies], 2016, no. 1, vol. 8, pp. 100-120. (In Russ.).

16. Manaeva I.V. Model' ocenki faktorov social'no-ekonomicheskogo neravenstva gorodov Rossii [A model for assessing the factors of socio-economic inequality in Russian cities]. *Collection of theses of the participants of the III All-Russian Scientific Forum "Science of the Future - Science of the Young."* Nizhny Novgorod, September 12-14, 2017, pp. 116-117. (In Russ.).

17. Manaeva I.V. Osobennosti social'no-ekonomicheskogo neravenstva v gorodah Rossii [Features of socio-economic inequality in Russian cities]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2017, no. 5 (464), vol. 16, pp. 960-970. (In Russ.).

18. Ovcharova L.N., Popova D.O. Dohody i raskhody rossijskih domashnih hozyajstv: chto izmenilos' v massovom standarte potrebleniya [Income and expenses of Russian households: what has changed in the mass standard of consumption]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2013, no. 3. (In Russ.).

19. Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. Dekompoziciya Faktorov Neravenstva Dohodov v Sovremennoj Rossii [Decomposition of Income Inequality Factors in Modern Russia]. *Zhurnal Novoj Ekonomicheskoy Associacii* [Journal of the New Economic Association], 2016, no. 3 (31), pp. 170-185. (In Russ.).

20. Roshchina Ya.M. Differenciaciya dohodov i obrazovaniya v Rossii [Differentiation of income and education in Russia]. *Voprosy obrazovaniya* [Issues of education.] 2005. No4. (In Russ.).

21. Rudnev V.D., Russkova A.V., Vishnyakova V.A. Zarabotnaya plata v Rossii: ot integral'noj politiki k gosudarstvennomu regulirovaniyu [Wages in Russia: from integral policy to state regulation]. *Social'naya politika i sociologiya* [Social Policy and Sociology], 2017., vol. 16, no. 2 (121), pp. 88-95. (In Russ.).

22. Soptsov V.V., Zharomsky V.S., Ter-Akopov S.A., Rudberg A.M. Neravenstvo i nalogooblozhenie [Inequality and taxation]. *Quality and standard of living of the population in modern Russia: state, trends and prospects (collection of materials of the international scientific-practical conference)*. Moscow, M-Studio, 2012. Pp. 273-284. (In Russ.).

23. *Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"*.

24. Tsapenko I.P. Ekonomicheskij cikl i mezhdunarodnaya migraciya naseleniya [The economic cycle and international population migration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2011, no. 8, pp. 31-42. (In Russ.).

25. Shabanov V.L. Dinamika urovnya zhizni i neravenstva v gorode i sele: ocenki s ispol'zovaniem dannyh byudzhetnyh obsledovanij domashnih hozyajstv [Dynamics of living standards and inequalities in urban and rural areas: estimates using data from budgetary household surveys]. *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Saratov University. Sociology. Political science], 2014, no. 3. (In Russ.).

26. Shevyakov A.Yu. Mify i realii social'noj politiki [Myths and realities of social policy]. *Vestnik instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2010, no. 1, pp. 48-97. (In Russ.).

27. Belyaeva L.A. Social stratification and poverty in the regions of Russia (on the compilation of a socio-cultural portrait of regions). *Regional Sociology. 2006*. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/972/784/1219/Sotsis_09_06_p52-63.pdf, accessed 04.10.2017. (In Russ.).

28. Clark H. *UN Poverty Reduction Report*. Available at: <https://news.un.org/en/story/2014/01/1236601>, accessed 12/01/2018. (In Russ.).

29. Aaberge R., Eika L., Langorgen A., Mogstad M. Local governments, in-kind transfers, and economic inequality. *Journal of Public Economics*. 2018. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.09.015>.
30. Ahluwalia M. Income Distribution and Development: Some Stylized Facts. *American Economic Review*. 1976, vol. 66, no. 2, pp. 128-135.
31. Alesina A., Rodrik D. Distributive Politics and Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*, 1994, vol. 109, no. 2, pp. 465-490.
32. Bhattacharjee A., Shin J.K., Subramanian C., Swaminathan S. Healthcare investment and income inequality. *Journal of Health Economics*. 2017, no. 56, pp. 163-177. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2017.08.007>.
33. Boulant J., M. Brezzi and P. Veneri (2016). Income Levels And Inequality in Metropolitan Areas: A Comparative Approach in OECD Countries. *OECD Regional Development Working Papers*, 2016/06, OECD Publishing, Paris. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5jlwj02zz4mr-en>.
34. Burniaux, J., F. Padrini and N. Brandt (2006). Labour Market Performance, Income Inequality and Poverty in OECD countries. *OECD Economics Department Working Papers*, no. 500, OECD Publishing, Paris. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/882154447387>.
35. Deininger K., Squire L. New Ways of Looking at Old Issues: Inequality and Growth. *Journal of Development Economics*. 1998, vol. 57, no. 2, pp. 259–287.
36. Denk O. (2015). Financial sector pay and labour income inequality: Evidence from Europe. *OECD Economics Department Working Papers*, no. 1225, OECD Publishing, Paris. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5js04v5wjw9p-en> https://www.oecd-ilibrary.org/economics/financial-sector-pay-and-labour-income-inequality_5js04v5wjw9p-en.
37. Fallah B.N. & Partridge M. (2007). The elusive inequality-economic growth relationship: are there differences between cities and the countryside? *The Annals of Regional Science*, 41(2), 375-400.
38. Frank M.W. (2009). Inequality and growth in the United States: Evidence from a new state-level panel of income inequality measures. *Economic Inquiry*, 47 (1), pp. 55-68.
39. Hoeller P. et al. (2012), “Less Income Inequality and More Growth – Are They Compatible? Part 1. Mapping Income Inequality Across the OECD”, OECD Economics Department Working Papers, no. 924, OECD Publishing.
40. Joumard I. and J. Londoño Vélez (2013). Income Inequality and Poverty in Colombia. Part 2. The Redistributive Impact of Taxes and Transfers, *OECD Economics Department Working Papers*, no. 1037, OECD Publishing, Paris. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/5k487n4r0t8s-en>.
41. Jung S.M., Vijverberg C.C. Financial Development and Income Inequality in China. A Spatial Data Analysis. *North American Journal of Economics & Finance* (2019). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.najef.2019.03.001>.
42. Kaldor N. Alternative Theories of Distribution. *The Review of Economic Studies*, 1955-1956, vol. 23, no. 2, pp. 83-100.
43. Kuznets S. Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*. 1955, vol. XLV, no. 1.
44. Li H., Squire L., Zou H. Explaining International and Intertemporal Variations in Income Inequality. *Economic Journal*. 1998, vol. 108, no. 446, pp. 26–43.
45. OECD (2017), PISA 2015 Results (Volume III): Students’ Well-Being, PISA, OECD Publishing, Paris. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264273856-en>
46. Partridge, M.D. (2005). Does Income Distribution Affect US State Economic Growth? *Journal of Regional Science*, 45(2), 363-394.
47. Shirahase S. Income inequality among older people in rapidly aging Japan. *Research in Social Stratification and Mobility*. 2015, no. 41, pp. 1-10. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2015.03.001>.
48. Zhang X., Fan S. Public investment and regional inequality in rural China. *Agricultural Economics*. 2004, vol. 30, iss. 2, pp. 89-100. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.agecon.2002.09.003>.

PROBLEMS OF CHOICE OF INDUSTRIAL POLICY PRIORITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION¹

O. Dyachenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-010-01035).

The article considers the strategic aspects of the implementation of the state industrial policy. The strategy of reindustrialization is given as one of the forms of industrial policy implementation. The authors in the article defend the point of view of the relevance of support of old industrial industries that have shaped the image of modern regions and ensure economic growth at the present stage. The main directions of implementation of the state industrial policy in the Ural Federal District are presented and viewed. Enhancement of technological and resource base; stimulation of investment activity in the region; social and economic development of monotowns are the most important among them.

Keywords: *state industrial policy, reindustrialization, development strategy, metallurgy, manufacturing industry, growth point, competitiveness, effectiveness ratio of raw materials usage*

Introduction to the problem

The modern market economy is fundamentally different from the economy in the late '90s. The reason of changes is in the system transformation in the manufacturing method. Challenges of the "New Economy" pointed out the need for adjustment of the domestic economic system to the global technological trends, among which special note informatization of the means of production, the growth of intellectualization of economic processes, acceleration of high-tech processes, the growing importance of investment projects in fundamental and applied scientific researches. The depth of these phenomena, first of all, is visible in industrial productions. However, it should be noted that to a certain extent, these trends insignificantly affected the domestic industry due to the different circumstances:

- Insufficiency of financial resources;
- The lack of owner's economic interest in the financing of updating of production capacities;
- Insufficient attention by the responsible state bodies for industrial development;
- International market condition.

The state industrial policy acted as the primary tool. With its help, the developed economies have taken decisions on adaptation to global changes in national productions. In Russia, due to the predominance of liberal outlook on the prospects of economic development, the questions of the need for "state intervention in economic

processes" and the availability of "market failures" in the highest political circles were not raised to the mid-2000s. Thus, the questions of industrial policy implementation were practically not raised before the government. The current stage of development demonstrates the fallibility of the liberal approach to economic development and updates the value of attention to various professional circles to the nature, role, location, goals, objectives of industrial policy as an essential tool in the "hands of the state" on revival of the national productive forces and rise of their potential in the world's leading position in order to ensure the economic security of the country.

Currently, among Russian scientists — economists enough attention is paid to the implementation of the state industrial policy. There are many different approaches to the identification of its nature, forms, and methods of implementation in the conditions of the Russian economy. Works of such members of the Ural Department of Russian Academy of Sciences as A.I. Tatarkin [29], O.A. Romanova. [25], A.G. Shelomentsev [32], S.G. Chenchevich [31], V.E. Toskunin [30], A.N. Pytkin [24], E.V. Pilipenko [21] researching the regional aspects of the implementation of industrial policy are of particular interest. The studies of A.Yu. Davankov [14], E.S. Zarubezhnov [15], O.B. Brizhak [11] are devoted to the private questions of industrial policy of the Ural region and the factors of its successful implementation. Also, the works of V.I. Barkhatov [7], S.Yu. Glazyev. [12], G.B. Kleyner. [16], F.F. Rybakov [26], O.S. Sukharev. [28], V.V. Popov [12], V.N. Knyaginina, P.G. Schedrovitsky [17] should be noted. It is impossible to ignore the works of the

¹Статья издана на русском языке. [Дьяченко О.В. Проблема выбора приоритетов промышленной политики // Экономическое возрождение России. — 2017. — № 1. — С. 82–95].

Institute of New Industrial Development named after S.Yu. Vitte, as well as the researchers, realizing with them joint research projects: S.D. Bodrunov [8], R.S. Greenberg [13], A.V. Buzgalin [33], A.D. Nekipelov [18], D.E. Sorokin [27].

The stated above non-complete list of outstanding Russian economists allows saying that to a question of implementation of the state industrial policy from the scientific community is paid close attention today. However, the wide range of views, that is undoubtedly the positive moment, on the nature, subjects and objects, tools, forms of implementation of industrial policy, does not allow develop the consolidated opinion on the prospects of its implementation and thereby convey the tightly reasoned and well thought program of strategic and tactical measures to the economic authorities.

Problem statement. Search of objects of the state industrial policy

The debatable field very actively included the re-industrialization project of the Russian economy. In several scientific works, this project is referred to as a strategy, occasionally as a policy. A.I. Tatarkin determines industrial policy as a component of the strategy of social development. F.F. Rybakov, on the contrary, specifies that the industrial policy has strategic and tactical components. We share F.F. Rybakov's opinion. There is cumulative scientific knowledge — practices of various scientists which determine the nature of the state industrial policy, its characteristic features, types, etc. — i.e. a core, and also the scientific knowledge describing methods of its implementation, stages, tools which can be applicable in certain economic, geographical, political, social and other conditions — these are variable parameters for the formation of industrial policy implementation. “The institutional knowledge” of the state industrial policy is also separately distinguished, which is expressed in the Federal Law “On state industrial policy” as well as in various strategic planning documents, which generally represent a set of laws, rules and regulations in relation to the trajectory of development and methods of achievement of goals. So, passed in December 2014, the Federal Law “On industrial policy in the Russian Federation” defines industrial policy as “a complex of legal, economic, organizational and other measures aimed at the development of the Russian Federation's industrial potential, ensuring the production of competitive industrial products” [3]. A set of the critical positions considered in the law (the interested subjects; tasks, purposes and principles; a role of state

bodies power at various levels, etc.) regulate the general rules of the game between the state and subjects which primary economic practice is connected with industrial production or reproduction of industrial potential of an industry (group of companies), the principles of their interaction.

The project “reindustrialization” as a document of strategic planning does not exist. Nevertheless, now, the matter is actively worked up by various scientists; moreover, various business communities make attempts to institutionalize separate results of scientific researches in the form of recommendations, strategy. The analysis of publications on this subject allows claiming that there was a theoretical core in a relation of the “de-industrial” phenomena in the domestic economy, on the contrary, questions about the nature of re-industrialization and a way of its implementation cause a controversy and discussions. For example, in respect of the object of re-industrial transformations did not appear a clear picture for the supporters of this theory. There are various objects of re-industrial transformations:

- 1) NBICS — technologies. The state shall provide conditions for the reproduction of technologies of 5-6 paradigms.
- 2) Information and Communications Technology (ICT) and machine-tool construction.
- 3) Mechanical engineering.
- 4) Old industrial production (metallurgy, chemical production, power industry) [9].

Support of these industries is considered as points of growth of all economic system. For their revival and cultivation, it is necessary to solve the problems which hinder the quantitative and qualitative growth in these industries. The supporters of the need for re-industrial transformations allocate a triad of problems: “production — science — education”. Prof. A. Buzgalin and A. Kolganov also add “culture” and “education” to the problems mentioned above [33]. Thus, we see that for a revival of the industry and production of products, competitive in the global market, it is necessary to raise within the strategy of reindustrialization the questions which are beyond industrial policy and competence of the bodies responsible for its implementation. We adhere to the point of view where it is worked out questions of support of old industrial enterprises and industries. In our opinion, those entities and industries which provide sustainable development of both regional sub economies and all economic system, in general, shall get to a sphere of influence of the state industrial policy first of all. It was more than once noted that domestic industrial potential is con-

centrated in sector 3-4 of techno-economic paradigm that to some extent, bears risks of economic development (in case of excessive concentration of attention only on this sphere).

Nevertheless, it doesn't mean that those industries which provided the economic growth and development of economy in the middle of the 20th century (power industry, petrochemistry, metallurgy and) will not be able to be reproduced on the 5-th or 6-th techno-economic paradigm. The main explanation which suggested an idea of the need of withdrawal of a strategic development from technologies of an industrial age, that even in case of innovative updating of means of production, these industries will never give a high value added, in comparison, for example, with information sector of the economy. Partly such situation takes place. However, in old industrial areas there is another important strategic loading — provision of employment. No high-tech industry today is able to provide similar employment in regions as at the metallurgical, petrochemical, energy entities. The domestic economic policy of Russia focuses the attention on the creation of competitive conditions, within it the state

industrial policy aims to create competitive high-tech growth points. These growth points will be concentrated first of all at representatives of the largest national manufacturing industries.

It can be witnessed by the emphasis made by the experts of Ministry of Industry and Trade in the state program “Development of the industry and increase in its competitiveness for the period till 2020” approved the Government of the Russian Federation on the importance of various industries of economy. In the figure below is displayed industrial policy matrix, grouped according to two criteria: strategic importance and contribution to the economic growth of various industries (Fig. 1).

It is clear from the matrix that in the implementation of industrial policy by the state, metallurgical production has an essential role, because it makes a significant contribution to the socio-economic development, economic growth, therefore, in the economic security of the country. This matrix reflects the current attitude and vision of the role in the strategic development of various sectors of the national economy by the industry state machinery (Ministry

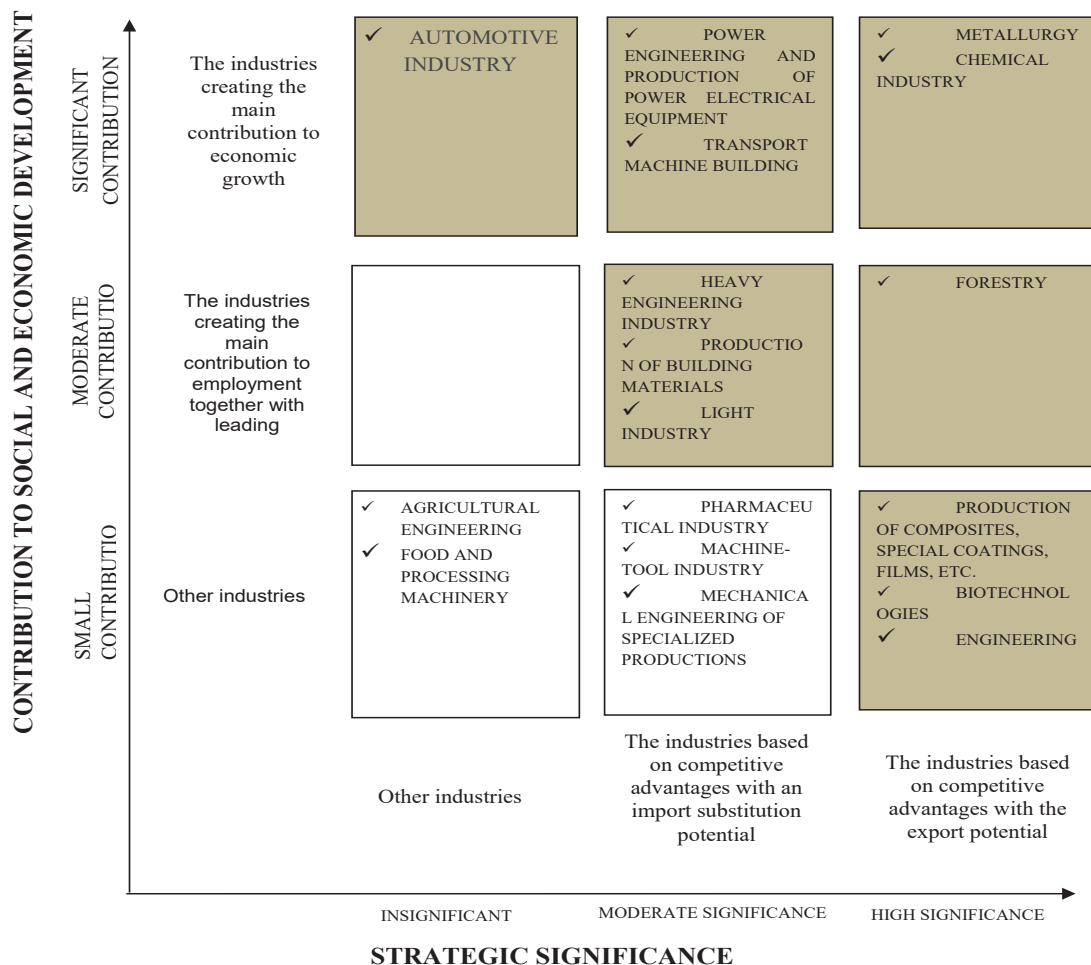

Fig. 1. Matrix of the state industrial policy

of Industry and Trade). Today the heated discussions concerning the need for restructuring of the Russian economy take place in scientific and political community. The emphasis is put mainly on the fact that there is a high level of specialization in raw materials in the Russian economy, and therefore, the revision of the matrix given above is rather high [5]. However, I would like to cite A.D. Nikipelov's speech on Abalkin's readings in December 2013: "Today, the reasoning about the so-called "resource curse" became fashionable, trying to justify almost all our economic troubles with their help... How can the economy function without raw materials and energy? And does the economic system in which production of a product, important for all, becomes the basis for the huge problems have the right to existence? ... The oil production, oil refining uses the latest technology, these are high-tech activities. The endless moaning about the "fuel and raw need", can lead nowhere but dead-lock" [13]. In the article "We Need A New Economy" V.V. Putin noted: "...Are we ready to risk the economy for the sake of purity of the economic theory?" [23]. No, aren't ready. Sanctions policy against Russia, the international political contradictions, wars point to the idea that there is a world struggle for separation of the markets and access to natural resources. Therefore, all the rhetoric in relation to the prospects of "the post-industrial myth" as opposed to strategic irrelevance of the material basis, formed in the period of existence in our country of the planned economic system, is empty and dangerous. Environmentally dirty, harmful, generating a lot of contradictions in the economic development the

metallurgical, petrochemical production — are the most important factors of economic, social and political security of Russia at the present stage of history. Limits of development and growth of these sectors aren't reached by us, therefore, a scope for technological upgrading, intellectualization growth of production processes, building global production chains — are the forthcoming challenges.

Implementation of the state industrial policy in the region with metallurgical specialization

The program of upgrade of metallurgy is considered as a separate element in the above mentioned document. The following directions are allocated as obligatory actions of the program implementation and specified in the following Tab. 1.

The program implementation of metallurgical production competitiveness considers availability of subsidies. Target nature of subsidies is provided in the following form: Fig. 2.

On condition of the solution of a number of industry problems, this production sphere is capable, in the long term till 2030, to act as a point of economic growth of the territorial subject of the federation, to provide with high-technology workplaces local municipalities, to act as one of pillars of financial stability of the region, and in general to observe the mode of an economic safety both regional economy, and the country in general [19].

The main directions of the state industrial policy in the field of metallurgical production can be:

1. Enhancement of technological and development of resource base of metallurgical production.

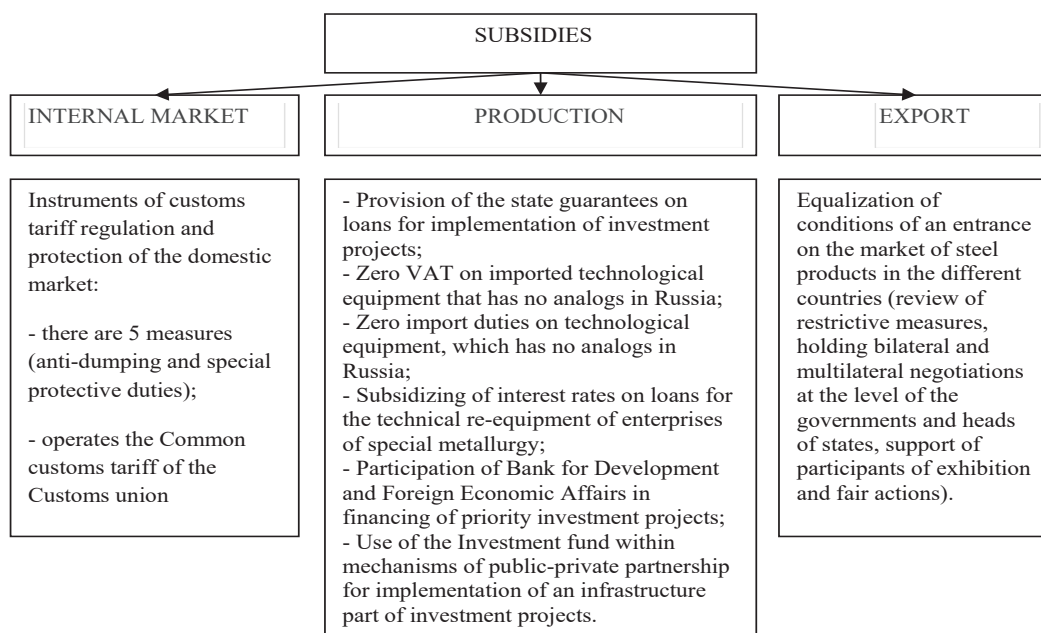

Fig. 2. Subsidies for metallurgical industry

Table 1

Main support actions for competitiveness of metallurgy in Russia

Main actions	Purpose	Main directions of implementation	Expected result	Target indicators and indexes
Stimulation of quality improvement and competitiveness of steel products	Ensuring demand for steel products in the necessary nomenclature, quality and supply rates to the metal consuming industries on the internal and external markets by increase in competitive advantages of the Russian products due to the accelerated innovative updating of an industry, increase in an ecological safety and decrease in resource intensity.	<p>Within the implementation of the main event it provides a number of state support measures aimed at the stimulation of innovative activity of the entities, equipment with modern highly effective equipment of the new and modernized productions, cost reduction of production and equipment downtimes</p> <p>Within the implementation of the main event it is provided the subsidy to the Russian entities of special metallurgy for partial reimbursement of expenses on payment of interest on loans obtained in the Russian credit organizations and in state corporation «Bank for Development and Foreign Economic Affairs (Vnesheconombank)» in 2008 — 2011 for technical retrofitting</p> <p>A number of the state support measures directed on stimulation of the entities to implementation of new power- and resource-efficient technologies, including measures of customs tariff regulation is provided within the implementation of the main event</p>	<p>Improvement of quality and competitiveness of steel products made of ferrous and non-ferrous metals. The increase in export volumes. The growth of steel deliveries to the domestic market with a simultaneous increase in the share of domestic steel products in the domestic steel consumption. Growth in the share of products with high added value.</p> <p>Technical re-equipment of an industry on the basis of the carried-out upgrade. Reducing wear and tear on the basic production assets. Improvement of quality and competitiveness of production against the background of increasing in labour productivity. Reduction of emissions into the atmosphere for 24% by 2020, discharges of polluted wastewater — 50%.</p> <p>Decrease in resource- and energy saving in metallurgy. Decrease in power consumption of metallurgical repartition by 2020 for 20-22%, mining repartition — for 18-20%. Increase in a share of steel smelting in electric furnaces up to 39% of the total amount of smelting by 2020 in case of complete closing of the open-hearth production.</p>	<p>Industrial production index to the previous year; Index of industrial production to 2011;</p> <p>labor productivity index to the previous year; index of physical volume of investments in fixed-capital assets to the previous year;</p>
Stimulation of technical modernization and upgrade of the entities of metallurgical complex				
Stimulation of resource- and energy saving in the industry				

One of the central problems at the modern metallurgical entity, in addition to production of high-quality and competitive product on the market, is decrease in losses of raw materials in the course of its processing. "The effectiveness ratio of use of raw materials" is applied to indicate the efficiency of processing of raw materials. Its high rate depends at least on 4 factors:

- Content in raw materials of the main mineral (in turn depends on the chemical composition, depth, mining methods, enrichment, preparation for processing);

- The efficiency of applied technologies (productivity of equipment);

- Compliance with the given technological mode by application of high-tech means of measurement of the process conditions (computer software);

- The efficiency of technological processes, trapping industrial emissions, waste water treatment, organized storage of waste generated during the processing of raw materials and technology capable of reproduction of waste in a repeated production cycle [7].

During the strategy implementation this indicator can act as one of reference points of modernization efforts, and also criterion of efficiency of the taken measures. Nevertheless, in case of its adequate calculation at the present stage there can be a number of problems.

Considering metallurgical industry in the Ural Federal District, we will note the following aspects. The district share in the total production of metallurgical products of the country exceeds 40%. Industrial enterprises of Chelyabinsk and the Sverdlovsk region provide 40% of the country's needs for steel and rolled ferrous metal products, and also about 45% of production of steel pipes [2]. The Ural Federal District is the second region in the country on reserves of iron ores — 14,8% of balance reserves (the CFD — 60% of balance reserves). At the same time, there is unevenness in reserves on the territories of the Ural Federal District: 90% of reserves are located in 25 deposits of the Sverdlovsk Region and 10% in 24 deposits of Chelyabinsk region. Moreover, the problem is aggravated with the fact that in the last decade the anticipatory tendency of clearing off the explored reserves of raw materials over the growth rates of balance reserves is observed. The insufficient iron ore base of ferrous metallurgy of the Urals is characterized by lack of sufficient ore base on bauxites, tin, tungsten, rare-earth raw materials. Metallurgical production in the Ural Federal District is provided with own iron ore raw materials for 50-60%. About 20 million tons of raw materials are annually imported from the Central

Russia (Mikhaylovsky, Lebedinsky iron ore mining processing plants, Karelia (Kostomuksha mining and ore processing plant), Kazakhstan (Sokolovsk-Sarbaisk Mining and Processing Plant). Due to the constant increase in tariffs for railway transportation, increasing the risk of the loss of cost competitiveness of the Ural manufacturers in both domestic and foreign markets.

Thus, the task of renovation of obsolete production capacities of processing industry is only part of a difficult way on the implementation of the growth strategy of competitiveness of metallurgical production in Russia. Various metallurgical regions in different degree are provided with deposits of natural resources. Thus, in order to avoid strategic mistakes, regarding the subjects of financial, information, infrastructure support, audit of ore inventories and their high-quality and consumer properties in the territories is necessary.

2. Forming of conditions and stimulation of investment activity both directly in the metal industry and in the steel-consuming industries of the economy.

Metallurgical industry acts as the resource supplier for a number of the leading industries of economy: mechanical engineering, energy, and construction, defense industry complex, chemical industry, light industry, etc. The pipe rolling acts as the most metal consuming industry in Russia. Thereby, success of metallurgy directly depends on achievements in the listed industries — on the investment climate.

3. Problems of monotowns which social and economic development closely depends on progress of the city-forming metallurgical entities.

The economy of the most monotowns of South and Central Ural specializes in production and processing of ferrous and non-ferrous metals. In this regard, the stable social and economic situation in municipalities is closely connected with sustainable development of the city-forming entities. In 2014 the Government of the Russian Federation approved the list of the monotowns distributed on the 3rd groups. The graduated list of the monotowns of the Ural Federal District is provided in the Tab. 2.

From 2014 to 2015 the following changes as a part of the above-stated list of monotowns have been noted as a result of annual monitoring of monotowns.

The positive trends include: in Sverdlovsk region from the 1st into the 2nd category turned Kamensk-Uralsky, Serov and Verkhnyaya Salda from the 2nd into the 3rd category; in Chelyabinsk region from 2nd into the 3rd category turned Ozyorsk .

The negative trends include: in the Sverdlovsk region from the 3rd to the 2nd category went Verkhnyaya

Table 2

The list of the monotowns of the Ural Federal District distributed “depending on extent of deterioration in their social and economic situation” according to the monitoring results for 2015

Territorial subject of the Russian Federation	1 category of monotowns with the most difficult economic and social situation (including in interrelation with problems of functioning of the city-forming organizations)	2 category of monotowns with risks of deterioration in economic and social situation	3 category of monotowns with stable social and economic situation
Sverdlovsk region	Krasnoturyinsk, Volchansk, Karpinsk, Severouralsk, Pervouralsk	Krasnouralsk, Kachkanar, Top Tura, Verkhnyaya Pyshma, Kamensk-Uralsky, Asbest	Polevskoy, Serov, Nizhny Tagil, Revda, Verkhnyaya Salda, Malysheva
Chelyabinsk region	Ust-Katav, Nyazepetrovsk, Verkhny Ufalya, Karabash, Asha, Minyar, Bakal	Sim, Satka, Zlatoust, Miass, Chebarkul	Magnitogorsk, Ozyorsk, Tryokhgorny, Snezhinsk
Kurgan region		Petukhovo, Dalmatovo, Kataysk	Vargashy

Source: [4]

Pyshma and Asbest; in the Chelyabinsk region from the 2nd to the 1st category dropped Minyar and Bakal.

The problem of monotowns isn't new. The institutes existing in the period of planned economy, these problems were timely solved, to a certain extent of efficiency. Since the rules of the market economy is fundamentally different from the planned economy: first of all relevance of the state intervention in a competitive environment is denied, and rules of survival also differ, i.e. external support (conceptually) isn't meant. The entrepreneurial private initiative as practice shows, couldn't cope with challenges of new economic regime. Certainly, a part of the privatized entities reproduced and increased its production potential; however, the vast majority of the city-forming entities in market conditions couldn't provide its economic activity with updated production facilities, didn't offer competitive products and didn't find its market niche. The monotowns of the Ural Federal District (Chelyabinsk and Sverdlovsk Region) are mainly provided by the extracting and processing metallurgical industry. For the reason that this sphere of the industry is one of the most capital-intensive, power-intensive, labor-intensive and resource-intensive and the competitiveness of the Russian domestic manufacturers in the world market shall be based on these advantages. The liberal model of the Russian economy over the last 25 years couldn't create favorable conditions in order that the basis of industrial production which passed into a private property was reproduced on an innovative basis, having provided competitiveness of the city-forming entities in above-mentioned parameters. Thereby, today came to the conclusion that the state is forced to finance a private property, in order to avoid the crisis at the regional level. The economic problems arising at the city-forming entities inevitably

bly involve a complex of problems: unemployment, social tension, migration, and increase in crime. All this feeds public distrust to the government authorities, degradation of the institutional environment, the loss of investment attractiveness, etc.

For an effective solution of a problem of monotowns it is necessary to strictly identify their source: city-forming entity or underdeveloped municipal economic environment. Depending on it there will be more effective use of various instruments of the state intervention on behalf of Ministry of Industry and Trade, the Ministry of Economic Development.

Conclusion

In our opinion, the state should direct a vector of efforts to the industrial backlog which was formed in the 20th century — during the period of both planned, and market economies. It is about the industries which ensure today the safety of municipality, the region and country in general. Certainly, high-tech industries are the future; nevertheless, there are not many examples when in the region the degrading industrial infrastructure is combined with progressive development of high-tech environment. “Or,” in this case is inappropriate. The development of two spheres is interconnected and interdependent, as the demand for innovative products first of all provides a large industrial capital, the defense industry complex. Moreover, the global trends of recent decades indicate that there are processes of convergence between high-tech industries, creating a product with the high level of value added and industrial enterprises having resources and production capacities, but taking a lower value added.

The industrial economy based on the 3-4-th technological mode develops by its own rules and laws and, on the contrary, innovative, basing its potential on

technologies of higher level – on its own. Nevertheless, theoretical models are much more simply arranged, than the real economy which is essentially multi-structural or mixed economy. Approaches of the state regulation to high-tech industries and old industrial ones are often contradictory, that is why the problem of adequate, timely, pointed state support of those who most of all need is particularly acute. Due to various socio-economic developments of regions of Russia, one territory need stronger state influence, others need the most liberal economic environment. For this reason, efficiency of the state industrial policy not in small degree is determined by results of socio-economic, technological, political monitoring and auditing of industrial regions. On the correctly chosen, timely implementable, transparently funded type of industrial policy of the region will depend its rate of economic growth.

Considering the Ural Federal District it is possible to conclude that its economy is based on two industries:

- The extractive and processing metallurgical industry (Sverdlovsk and Chelyabinsk Regions);
- Extraction and processing of oil and gas (Tyumen Region).

Industrial infrastructure, the level of employment in the city-forming enterprises, the environmental situation indicates that the economic system is based on the

4-th technological mode. The total level of innovative activity of industrial enterprises in the Ural Federal District for 2014 was 8.6%. This small percentage of organizations implementing technological innovation — is a small backlog of the 5th technological mode, i.e. microenvironment which allows not to deny a mixed economy phenomenon. A picture across the Ural Federal District concerning a share of the industrial organizations performing technological innovations in total number of the organizations is following: Tab. 3.

Legislator, adopting normative legal acts, regulations, federal laws, in the conditions of the market system implies generality of distribution of their action. The Federal Law “On the state industrial policy” establishes the general rules of the game for all participants involved in the industrial production of goods. Regions, by virtue of their economic characteristics, implement this Federal Law in the framework established by it but can use various tools. From Table 3 we see that in 2016, 91.2% of the industrial enterprises of the Ural Federal District were not engaged in the implementation of technological innovations. Respectively, it is possible to assume that for this group of economic entities forming by the state of the same “greenhouse” conditions as for the innovative companies will be not only inappropriate, but, perhaps, harmful.

Table 3

Share of organizations implementing technological innovation in the total number of organizations (%)

Region	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Russian Federation	9,6	9,9	9,7	9,7	9,5	9,2
Ural Federal District	10,6	10,3	9,2	8,6	8,8	8,8
Kurgan Region	13,9	11,5	9,1	8,9	10,0	7,2
Sverdlovsk Region	12,0	12,4	11,1	9,5	9,2	10,8
Tyumen Region	8,6	7,7	7,5	7,4	7,2	7,7
Khanty-Mansiisk Autonomous district	9,0	7,1	7,2	4,9	5,0	6,0
Yamal-Nenets Autonomous District	7,4	8,2	6,2	11,2	7,7	9,2
Chelyabinsk Region	10,9	11,0	9,2	9,2	10,3	8,4

[Source: 34]

About the author

Dyachenko Oleg Vyacheslavovich — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics of Industries and Markets, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. dyachenko@csu.ru

References

1. *Ob utverzhdenii strategii razvitiya chernoj metallurgii Rossii na 2014-2020 gody i na perspektivu do 2030 goda i strategii razvitiya cvetnoj metallurgii Rossii na 2014-2020 gody i na perspektivu do 2030 goda* [On the approval of the development strategy of ferrous metallurgy of Russia for 2014-2020 and for the future until 2030 and the development strategy of non-ferrous metallurgy of Russia for 2014-2020 and for the future until 2030.]: Prikaz Minpromtorga RF ot 05.05.2014 № 839. (In Russ.).

2. "Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Ural'skogo federal'nogo okruga na period do 2020 goda" ot 06.10.11 № 1757-r [Strategy for socio-economic development of the Ural Federal District for the period until 2020]. (In Russ.).

3. FZ № 488-FZ «O promyshlennoy politike v Rossijskoj Federacii» ot 31.12.2014 g. [On industrial policy in the Russian Federation]. (In Russ.).

4. O perechne monoprofil'nyh municipal'nyh obrazovaniy Rossijskoj Federacii (monogorodov) (s izmeneniyami na 24 noyabrya 2015 goda): Rasporyazhenie Pravitel'stva ot 29 iyulya 2014 goda №1398-r [On the list of single-industry municipalities of the Russian Federation (single-industry towns)]. (In Russ.).

5. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii "Razvitie promyshlennosti i povyshenie ee konkurentosposobnosti". Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 328 [On approval of the state program of the Russian Federation "Development of industry and increasing its competitiveness"]. (In Russ.).

6. Babkin K.A. Razumnaya promyshlennaya politika neobhodima i vozmozhna [Sound industrial policy is necessary and affordable]. *Planirovanie :perezagruzka*. Moscow, Cultural revolution, 2016. Pp. 374-388. (In Russ.).

7. Barhatov V.I. *Racional'noe ispol'zovanie prirodnyh resursov Chelyabinskoy oblasti* : monografiya : v 2 ch. CH. 1,2 [Rational use of natural resources of the Chelyabinsk region]. Chelyabinsk, 2015. 282 pp. (In Russ.).

8. Bodrunov S.D. *Gryadushchee. Novoe industrial'noe obshchestvo: perezagruzka* [The future. New Industrial Society: Reboot]. Moscow, Cultural revolution. 2016. 332 pp. (In Russ.).

9. Bodrunov S.D. Formirovanie strategii reindustrializacii Rossii [Formation of the strategy of reindustrialization of Russia]. *Institut novogo industrial'nogo razvitiya (INIR) im. S.Yu. Vitte* [Institute of New Industrial Development (INIR) them. S. Yu. Witte]. Izd. 2-oe, pererab. i dop. V dvuh chastyah. CHast' pervaya. St. Petersburg, 2015. 551 pp. (In Russ.).

10. Bodrunov S.D. Promyshlennaya politika Rossii: uroki proshlogo, cherty nastoyashchego, dizajn budushchego [Industrial policy of Russia: lessons of the past, features of the present, design of the future]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Free Economic Society of Russia], 2015, vol. 195, no. 6, pp. 157-178. (In Russ.).

11. Brizhak O.V. Dinamika tekhnologicheskikh ukladov i potencial razvitiya vysokotekhnologichnogo proizvodstva : vzglyad so storony korporacii [The dynamics of technological patterns and the potential for the development of high-tech production: a view from the corporation]. *Bulletin of Chelyabinsk State University* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, no. 2 (384), vol. 52, pp. 24-35. (In Russ.).

12. Glaz'ev S.Yu. O formirovanii sistemy strategicheskogo upravleniya razvitiem ekonomiki [On the formation of a system of strategic management of economic development]. *Planirovanie :perezagruzka*. Moscow, Cultural revolution. 2016, pp. 83-98. (In Russ.).

13. Grinberg R.S. Obnovlenie ekonomicheskoy sistemy: bol'shie proekty kak klyuch k vyhodu iz stagflacionnoj lovushki [Economic system upgrade: big projects as the key to breaking the stagflation trap]. *Ekonomicheskaya sistema sovremennoj Rossii: Anatomiya nastoyashchego i al'ternativy budushchego* [The Economic System of Modern Russia: Anatomy of the Present and Alternatives to the Future]. Moscow, LENAND. 2015, pp. 163-173. (In Russ.).

14. Davankov A.Yu. Trekhfaktornaya model' ocenki sbalansirovannosti razvitiya regional'nyh podsistem [Three-factor model for assessing the balanced development of regional subsystems]. *Bulletin of Chelyabinsk State University* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 18 (373), pp. 28-38. (In Russ.).

15. Zarubezhnov E.S. Tendencii i problemy reindustrializacii YUzhnogo Urala [Trends and problems of reindustrialization of the South Urals]. *Bulletin of Chelyabinsk State University* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 18 (373). *Ekonomika*, vol. 51, pp. 80-89. (In Russ.).

16. Klejner G.B. Reindustrializaciya, resajentizaciya, reinstitucionalizaciya — klyucheveye zadachi ekonomicheskogo vozrozhdeniya Rossii [Reindustrialization, re-institutionalization, re-institutionalization are the key tasks of Russia's economic revival]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [The economic revival of Russia], 2015, no. 4 (46). Pp.34 — 40. (In Russ.).

17. Knyaginina V.N. *Promyshlennaya politika Rossii: kto oplatit izderzhki globalizacii* [Russia's industrial policy: who will pay the costs of globalization]. Moscow, Evropa, 2005, 160 p. (In Russ.).

18. Nekipelov A.D. Reindustrializaciya v Rossii [Reindustrialization in Russia]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Free Economic Society of Russia], 2014, vol. 180, no. 1. (In Russ.).

19. *Ot idei Lomonosova k real'nomu osvoeniyu territorii Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [From the idea of Lomonosov to the real development of the territories of the Urals, Siberia and the Far East]. Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009. (In Russ.).
20. *Ot idei Lomonosova k real'nomu osvoeniyu territorij Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [From the idea of Lomonosov to the real development of the territories of the Urals, Siberia and the Far East]. RAN, UrO, Int-t ekonomiki. Ekaterinburg, 2009. 1227 p. (In Russ.).
21. Pilipenko E.V. Promyshlennost' i promyshlennyj kompleks v ekonomicheskoy nauke: problemy teorii [Industry and industrial complex in the economic science: problems of theory]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* [Business. Education. Law: Bulletin of the Volgograd Institute of Business], 2013, no. 3 (24), pp. 126-130. (In Russ.).
22. Popov V.V. *Strategii ekonomicheskogo razvitiya* [Economic Development Strategies]. Moscow, 2011. 336 p. (In Russ.).
23. Putin V.V. Nam nuzhna novaya ekonomika [We need a new economy]. *Vedomosti* [Vedomosti], no. 3029 ot 30.01.2012. Available at: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah, accessed 10.10.2016. (In Russ.).
24. Pytkin A.N., Lasunov A.N. Sovremennye aspekty transformacii promyshlennyh monogorodov [Modern aspects of the transformation of industrial single-industry towns]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo* [Russian business], 2014, no. 21 (267), pp. 54-60. (In Russ.).
25. Romanova, O.A. Vozmozhnosti i ogranicheniya modernizacii regional'nogo metallurgicheskogo kompleksa [Opportunities and limitations of the modernization of the regional metallurgical complex]. *Ekonomika regiona* [The economy of the region], 2012, no. 4, pp. 92-98. (In Russ.).
26. Rybakov F.F. *Promyshlennaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Industrial policy of Russia: history and modernity]. St. Petersburg, Nauka, 2011. 189 p. (In Russ.).
27. Sorokin D.E. Usloviya i faktory ehffektivnoj reindustrializacii i promyshlennoj politiki Rossii [Conditions and factors of effective reindustrialization and industrial policy of Russia]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [The economic revival of Russia], 2015, no. 3 (45), pp. 87-99. (In Russ.).
28. Suharev O.S. *Industrial'naya politika i razvitie promyshlennyh sistem: ehvolyuciya, instituty i upravlenie* [Industrial policy and the development of industrial systems: evolution, institutions and management]. Moscow, LENAND. 2015. 160 p. (In Russ.).
29. Tatarin, A.I. O vozmozhnostyah i mekhanizme neindustrializacii staropromyshlennyh regionov [On the possibilities and mechanism of neo-industrialization of old industrial regions]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no. 8, pp. 31-41. (In Russ.).
30. Toskunina V.E. Sovershenstvovanie mekhanizmov realizacii gosudarstvennoj social'no-ekonomicheskoy politiki razvitiya severnyh territorij Rossii [Improving the mechanisms for implementing the state socio-economic development policy of the northern territories of Russia]. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN* [Bulletin of the Komi Science Center Uro RAN], 2012, vol. 4 (12), pp. 107-111. (In Russ.).
31. Chenenova R.I., Chenchovich S.G. Principy formirovaniya i realizacii regional'noj promyshlennoj politiki [Principles of formation and implementation of regional industrial policy]. *Ekonomika regiona* [The economy of the region], 2007, no. 3, pp. 72-77. (In Russ.).
32. Shelomencev, A.G. Mineral'no-syr'evoj kompleks kak osnova social'no-ekonomicheskogo razvitiya Urala [Mineral and raw materials complex as the basis of socio-economic development of the Urals]. *Izvestiya Komi nauchnogo centra Uro RAN* [Bulletin of the Komi Science Center Uro RAN], 2012, no. 3 (11), pp. 115- 122. (In Russ.).
33. *Ekonomicheskaya sistema Rossii : Anatomiya nastoyashchego i strategiya budushchego (reindustrializaciya i / ili operezhayushchee razvitie)* [Russian Economic System: Anatomy of the Present and Strategy of the Future (reindustrialization and / or accelerated development)]. Moscow, LENAND. 2014. 200 p. (In Russ.).
34. *Indikatoriy innovacionnoj deyatel'nosti* [Innovation Indicators]: 2014, 2015, 2016: statisticheskij sbornik. Moscow, NIU VSHEH. 2014, 2015, 2016, 2017, 2018. (In Russ.).

ЖИЛИЩНАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ В РАМКАХ НАЦПРОЕКТА «ЖИЛЬЕ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА»

С. А. Кожевников

Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Рассматривается актуальность и острота жилищной проблемы для современной России. Показано, что обеспечение качественным и доступным жильем продолжает оставаться важнейшей задачей органов власти. Проведен анализ положений утвержденного в 2018 г. нацпроекта «Жилье и городская среда» и обосновано, что его реализация может столкнуться с целым рядом проблем и рисков.

Ключевые слова: *жилье, жилищная обеспеченность, национальный проект, ипотека, эскроу-счет, аварийных жилищный фонд, качество жизни.*

Одной из важнейших задач России как социального государства на современном этапе развития является необходимость повышения уровня и качества жизни населения [8; 10]. Жилищные условия граждан наряду с состоянием окружающей среды, условиями труда, развитостью объектов социальной инфраструктуры оказывают непосредственное влияние на обеспечение достойного качества жизни, поскольку они определяют физическое и социальное здоровье человека [1; 3; 5].

По уровню обеспеченности населения качественным и доступным жильем можно в целом судить об экономическом развитии страны. В свою очередь жилищное строительство, являясь важной отраслью народного хозяйства страны, оказывает значительное мультипликативное влияние на социально-экономическое развитие территории (в частности, одно рабочее место в сфере строительства может обеспечить дополнительную занятость до 10 чел. в смежных с ним отраслях) [7; 9]. Наряду с этим состояние и развитость рынка жилья оказывают существенное влияние на инвестиционный климат территории. Повышение обеспеченности и улучшение качества жилья населения способствуют росту потребления других товаров длительного пользования, создают условия для привлечения в регион трудовых ресурсов [11].

В такой ситуации решение жилищной проблемы, безусловно, является весьма важным вопросом для современной России [12]. Так, по показателю жилищной обеспеченности наша страна в настоящее время существенно отстает от развитых и многих

развивающихся государств мира: в 2017 г. на одного жителя в России приходилось 25,2 кв. м, тогда как в США — 69,7, в Германии, Франции — 39 кв. м [4; 6]. При этом за рубежом это жилье является полностью оборудованным основными видами коммунальных услуг (водоснабжение, канализация и т. п.) [14].

В то же время следует отметить, что в 2000—2017 гг. в целом по стране жилищная обеспеченность выросла почти на треть: с 19,2 до 25,2 кв. м на человека (табл. 1). Среди регионов СЗФО за исследуемый период еще более быстрыми темпами данный показатель увеличился в Калининградской (на 53%), Новгородской (на 40%) областях и др. Одной из причин, которая оказала непосредственное влияние на рост этого показателя, наряду с активным жилищным строительством (например, в Калининградской области) является сокращение численности населения исследуемых территорий (Псковская и Новгородская области).

Наряду с этим в регионах страны (прежде всего в сельской местности) в состав жилищного фонда, а соответственно, и в показатель жилищной обеспеченности включается неблагоустроенное жилье и помещения, находящиеся в состоянии, фактически непригодном для проживания. По этой причине значение данного индикатора на практике еще меньше. В связи с этим показатель жилищной обеспеченности не является достаточно объективным, и его целесообразно использовать лишь в качестве общего ориентира при сравнении с зарубежными странами.

Таблица 1

Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м

Территория	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2000, раз
РФ	19,2	20,8	22,6	23,0	23,4	23,4	23,7	24,4	24,9	25,2	1,31
СЗФО	20,9	22,6	24,7	24,9	25,4	24,6	24,4	25,7	26,3	27,0	1,29
Республика Карелия	20,9	23,1	25,7	25,4	25,9	25,9	26,4	25,8	26,0	26,2	1,25
Республика Коми	21,2	23,1	24,7	25,0	25,4	25,5	25,9	26,7	27,1	27,9	1,32
Архангельская область	21,5	23,5	25,3	25,4	25,9	25,6	26,1	26,6	27,0	27,5	1,28
Ненецкий авт. округ	18,2	19,5	24,4	22,0	21,8	22,3	23,0	23,7	24,7	25,0	1,37
Вологодская область	21,7	23,8	26,1	26,7	27,0	27,1	28,0	28,5	29,1	29,6	1,36
Калининградская область	18,4	20,0	23,6	24,0	24,3	24,9	25,6	26,7	27,5	28,1	1,53
Ленинградская область	21,9	23,5	25,8	26,2	26,6	22,2	24,5	25,7	27,1	28,4	1,3
Мурманская область	21,4	23,2	24,3	24,5	24,7	24,5	24,7	25,1	25,1	25,3	1,18
Новгородская область	22,3	24,7	27,6	28,0	28,7	28,7	29,4	29,9	30,6	31,2	1,4
Псковская область	23,2	25,6	28,1	28,2	28,5	28,6	28,7	29,4	29,8	30,4	1,31
Санкт-Петербург	19,8	21,3	23,0	23,3	23,8	23,3	21,4	23,6	24,3	24,9	1,26

Источник: Росстат (http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm); Сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели», 2018 г.

При этом существующий жилищный фонд зачастую находится в неудовлетворительном состоянии. Так, почти во всех субъектах СЗФО в 2001—2017 гг. наблюдалось увеличение удельного веса аварийного жилищного фонда в общей площади жилья (в среднем по России с 0,3 до 0,7%; в Ненецком автономном округе — с 0,1 до 5,2%; Республике Карелия — с 0,1 до 2,6%, (табл. 2).

В реальности, как оценивают эксперты, объемы аварийного, а также ветхого жилья могут быть значительно выше, что, несомненно, актуализирует проблему его расселения. По словам исполнительного директора НП «Национальный центр общественного контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства “ЖКХ Контроль”» Светланы Разворотневой, объем непригодного жилья до сих пор непонятен, поскольку огромное количество домов, которые по факту являются аварийными, таковыми не признаны¹.

Решение данной проблемы требует ускоренных темпов модернизации существующего жилищного

фонда, а также наращивания объемов строительства жилья. В то же время, если проанализировать ситуацию в ретроспективе 2000—2017 гг. по объему жилищного строительства в регионах СЗФО, то можно отметить, что во многих субъектах к 2017 г. темпы строительства по-прежнему не достигли уровня 2014 г. (табл. 3). Отрасль на протяжении последних лет находится в неустойчивом состоянии и не может выйти на траекторию устойчивого роста.

Задача по обеспечению населения России жильем, по мнению Владимира Якушева, министра строительства и ЖКХ Российской Федерации, «должна решаться за счет здорового роста рынка жилья, где спрос и предложение сбалансированы» [13]. Однако достижение этого баланса при падающих доходах населения и росте издержек строительных компаний, на наш взгляд, проблематично.

Спрос на рынке определяется, с одной стороны, величиной реальных доходов населения, а с другой — ценами на жилье. И если реальные доходы населения страны падают уже шестой год подряд, то цены на жилье, наоборот, растут. В частности, в 2000—2017 гг. средняя цена на первичном рынке жилья в среднем по стране выросла в 6,54 раза (с 8,7 тыс. до 56,9 тыс. руб. за 1 кв. м.), обогнав увеличение доходов населения за данный период

¹ Национальный проект «Жилье и городская среда»: как в погоне за цифрами не забыть о людях // Комсомольская правда. Вологда (<https://www.vologda.kp.ru/daily/26897.7/3941591/>).

Таблица 2

Удельный вес аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %

Территория	2001	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2001, п.п.
РФ	0,3	0,4	0,6	0,7	0,7	0,5	0,6	0,7	+0,4
СЗФО	0,2	0,4	0,7	0,8	0,7	0,6	0,7	0,9	+0,7
Республика Карелия	0,1	0,1	1,3	1,2	1,3	1,6	1,1	2,6	+2,5
Республика Коми	н.д.	0,9	1,8	1,7	1,7	0,8	1,4	1,7	-
Архангельская область	0,1	0,6	1,1	2,1	2,5	1,5	2,5	3,1	+3,0
Ненецкий авт. округ	0,1	0,1	0,7	2,5	2,1	4,4	0,2	5,2	+5,1
Вологодская область	0,4	0,5	1,2	1,2	0,9	1,0	0,9	1,1	+0,7
Калининградская область	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	- 0,1
Ленинградская область	0,1	0,2	0,6	0,7	0,8	0,6	1,0	1,0	+0,9
Мурманская область	0,4	0,2	0,4	0,9	1,0	1,1	1,3	1,5	+1,1
Новгородская область	0,2	0,5	0,6	0,7	0,6	0,6	0,7	0,8	+0,6
Псковская область	0,2	0,2	0,1	0,3	0,4	0,6	0,6	0,6	+0,4
Санкт-Петербург	0,3	0,4	0,4	0,3	0,0	0,1	0,0	0,0	- 0,3

Источник: Росстат (http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm); Сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели», 2018 г.

Таблица 3

Объем жилищного строительства (всего), тыс. кв. м общей площади жилых помещений

Территория	Год								2017 к 2014, раз	2017 к 2000, раз
	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017		
РФ	30296	43560	58431	70485	84191	85350	80240	79224	0,9	2,6
СЗФО	2451	3981	5555	6380	8370	9042	8862	8967	1,1	3,7
Республика Карелия	63	88	143	219	241	271	293	222	0,9	3,5
Республика Коми	263	159	80	144	156	210	240	223	1,4	0,8
Архангельская область	78	118	288	327	356	394	366	423	1,2	5,4
Ненецкий авт. округ	12	33	42	35	35	36	24	28	0,8	2,3
Вологодская область	205	293	410	576	774	864	773	542	0,7	2,6
Калининградская область	172	266	525	639	1116	1207	1209	902	0,8	5,2
Ленинградская область	392	533	1044	1360	1788	2323	2172	2626	1,5	6,7
Мурманская область	28	8	28	25	25	33	59	59	2,4	2,1
Новгородская область	89	143	233	323	354	359	362	232	0,7	2,6
Псковская область	82	100	150	185	298	351	272	202	0,7	2,5
Санкт-Петербург	1082	2273	2657	2584	3262	3031	3116	3536	1,1	3,3

Источник: Росстат (http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm); Сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели», 2018 г.

(где наблюдался рост всего лишь в 2,38 раза) и индекс потребительских цен (рост в 5,06 раза), индекс цен производителей на строительную продукцию (рост в 5,33 раза, табл. 4).

Таким образом, результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что на рынке жилья в настоящее время существует ряд проблем, требующих решения. Для этого 24 декабря 2018 г. утверждён паспорт национального проекта «Жилье

и городская среда» на период до 2024 г., целями реализации которого являются:

- обеспечение доступным жильем семей со средним достатком, в том числе создание возможностей для приобретения (строительства ими жилья с использованием ипотечного кредита, ставка по которому должна быть менее 8%);
- увеличение объема жилищного строительства не менее чем до 120 млн кв. м в год;

Таблица 4

Средние цены на первичном рынке жилья (на конец года), тыс. рублей за 1 кв. м общей площади

Территория	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2000, раз
РФ	8,7	25,4	48,1	43,7	48,2	50,2	51,7	51,5	53,3	56,9	6,5
СЗФО	8,7	24,4	55,2	52,1	59,9	65,6	68,7	67,1	74,4	77,1	8,9
Республика Карелия	4,9	15,8	45,8	45,9	47,6	48,1	49,7	48,9	49,8	49,0	10,0
Республика Коми	5,0	20,79	39,5	43,9	52,5	57,4	60,9	54,2	50,1	47,5	9,5
Архангельская область	5,0	23,3	39,2	49,2	54,2	55,9	59,2	54,9	56,8	58,0	11,6
Ненецкий авт. округ	н.д.	33,3	65,5	56,6	54,4	54,4	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	-
Вологодская область	4,9	18,5	34,2	39,5	43,2	42,8	43,2	40,2	38,2	37,9	7,7
Калининградская область	н.д.	15,7	40,3	40,1	42,8	45,8	45,1	50,1	51,6	51,9	-
Ленинградская область	5,5	18,3	48,5	50,3	49,6	52,9	53,6	57,4	54,3	53,0	9,6
Мурманская область	9,4	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	-
Новгородская область	4,4	14,98	33,9	36,2	42,6	44,9	46,5	41,3	40,6	39,4	9,0
Псковская область	4,6	17,5	34,7	33,9	37,7	37,9	40,5	40,7	39,5	39,6	8,6
Санкт-Петербург	11,2	31,3	78,2	78,9	88,2	95,3	96,7	92,6	96,9	101,3	9,0

Источник: Росстат (http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm); Сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели», 2018 г.

— обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда и др.

В национальный проект входит четыре федеральных проекта: «Ипотека», «Жилье», «Формирование комфортной городской среды», «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда».

Как обозначено в национальном проекте, решение жилищной проблемы предполагается за счет развития рынка ипотечного кредитования. Проведенный анализ средней процентной ставки по ипотечному кредиту показал, что в течение последних лет наблюдается тенденция к ее снижению. Особенно этот процесс активизировался с 2016 г. Это является, безусловно, положительным фактором, который может стимулировать приобретение жилья населением с помощью ипотечного кредита. К 2024 г., согласно паспорту Национального проекта, планируется достижение уровня 7,9% (рис. 1).

Рост ипотечных займов подтверждает и тенденция последних лет: после некоторого падения в 2016—2018 гг. произошло увеличение количества предоставленных населению ипотечных кредитов с 0,69 млн до 1,1 млн ед. (рис. 2). Вместе с тем дальнейший рост и фактически удвоение данного показателя к 2024 г., на наш взгляд, может быть проблематичным по целому ряду причин, основная среди которых — падение реальных доходов населения страны уже в течение шести лет подряд. Это обстоятельство как ограничивает возможность

формирования первоначального взноса, так и может кардинально поменять приоритеты политики домохозяйств, поскольку в такой ситуации многие потребители предпочтут арендное жилье приобретению жилплощади в ипотеку.

Учитывая вышесказанное, довольно интересным выглядит прогноз органов власти относительно роста средней цены на первичном рынке жилья по России. Так, в 2019—2024 гг. ожидается увеличение данного показателя в 1,3 раза (рис. 3). Таким образом, не совсем понятно, как коррелирует запланированное удорожание квадратного метра (даже с учетом снижения ставки по ипотеке) с повышением доступности жилья для населения?

На наш взгляд, это приведет лишь к тому, что воспользоваться ипотечным кредитом смогут только люди со средним и выше среднего уровнем дохода. Это и становится окончательно понятным, если внимательно прочитать одну из целей данного нацпроекта: «обеспечение доступным жильем семей со средним достатком, в том числе создание возможностей для приобретения (строительства ими жилья с использованием ипотечного кредита, ставка по которому должна быть менее 8%)». При этом, как отмечает доктор архитектуры Андрей Боков, число семей со средним достатком не называется, но, по оценкам независимых экспертов, оно колеблется в диапазоне 20—30% от числа нуждающихся в улучшении жилищных условий [2].

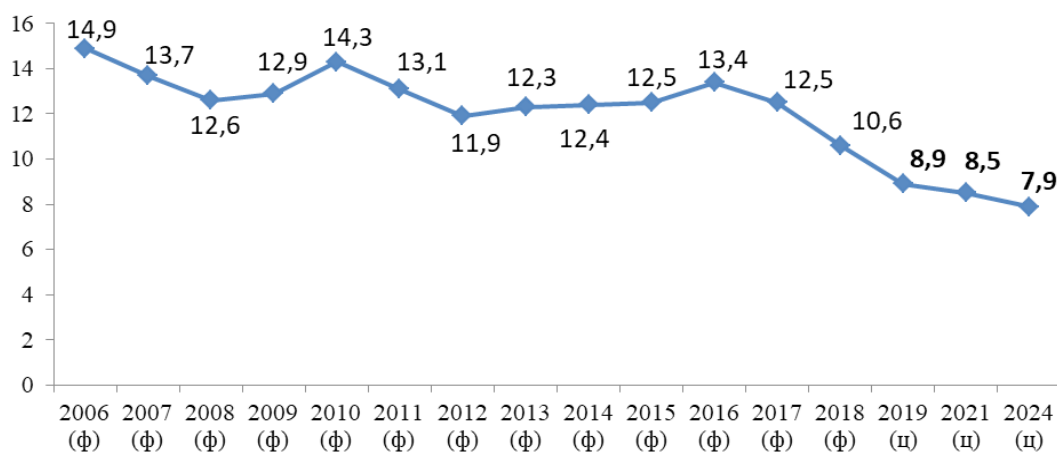

Рис. 1. Средний уровень процентной ставки по ипотечному кредиту, %

Примечание. Здесь и далее: ф — фактические значения показателя; ц — целевые значения, закрепленные в паспорте нацпроекта. Источник: данные Центробанка РФ.

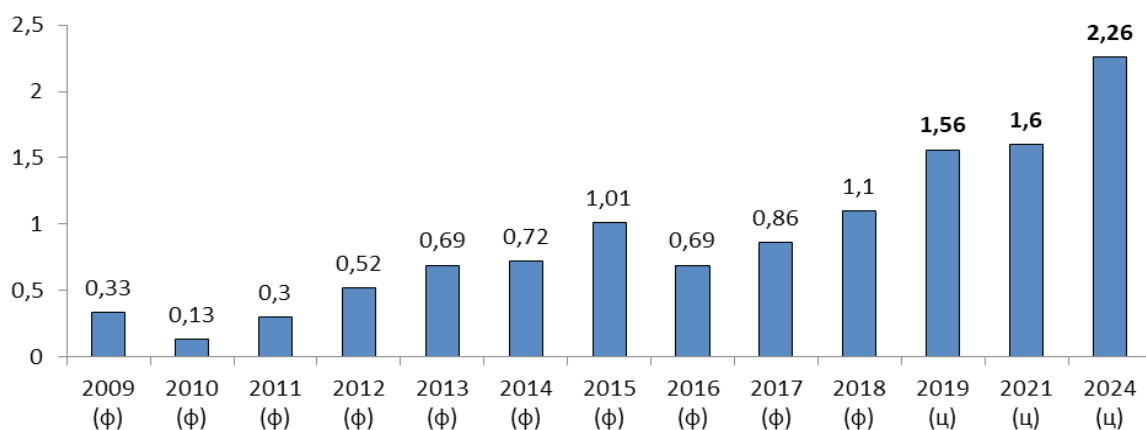

Рис. 2. Количество предоставленных ипотечных кредитов, млн ед.

Источник: данные Центробанка РФ

Рис. 3. Средняя цена на первичном рынке жилья по России, тыс. руб. за 1 кв. м

А какие меры предполагаются для повышения уровня обеспеченности жильем населения с низкими доходами до 2024 г.? Об этом нацпроект, к сожалению, умалчивает. Следует также отметить и то, что проектом охвачены муниципальные образования с численностью населения свыше 1000 чел., то есть, по сути, из этого следует, что интересы жителей небольших населенных пунктов и поселений сельского типа не учитываются.

Одной из важнейших причин повышения цен на жилье в перспективе эксперты и сами застройщики называют изменения в действующем законодательстве. Так, с января 2017 г. очередные изменения дали покупателям новостроек еще один вариант защиты своих вложений в долевое строительство — так называемые счета эскроу. Эскроу-счет в долевом строительстве — это специальный счет, открываемый в банке, на котором деньги дольщика замораживаются на период строительства дома и передаются застройщику только после того, как тот исполнит свои обязательства перед дольщиком. Применение эскроу-счетов регламентируется законом: ст. 860.7 ГК РФ. При этом с 1 июля 2019 г. все расчеты дольщиков с застройщиками по новым строительным проектам должны вестись через счета эскроу в обязательном порядке.

В связи с этим постепенно к 2024 г. количество действующих договоров долевого участия без счетов эскроу сойдет на нет. В свою очередь предполагается рост почти в 30 раз (с 34 тыс. до 1014 тыс. ед.) договоров с использованием механизмов счета эскроу (табл. 5). Введение новой системы финансирования строительных работ с использованием эскроу-счетов прежде всего направлено на решение актуальной для России проблемы «обманутых дольщиков», однако нельзя не отметить, что данные меры, скорее всего, и могут выступить тем фактором, который приведет к удорожанию жилья.

Таким образом, за счет снижения процентной ставки по ипотеке и увеличения спроса на жилье предполагается рост объемов жилищного строительства до 120 млн кв. м к 2024 г. (рис. 4). То есть фактически за этот период планируется рост объемов жилищного строительства в 1,5 раза, в то время как с 2014 г. в данной отрасли наблюдалась тенденция к снижению объемов строительства, что, на наш взгляд, затрудняет выполнение данных целевых показателей.

Это подтверждают и довольно осторожные прогнозы региональных властей. Ознакомление с паспортом региональной составляющей федерального проекта «Жилье» для Вологодской области позволило отметить, что к 2024 г. планируется повышение темпов ввода жилья в многоквартирных жилых домах в регионе с 190 тыс. до 240 тыс. кв. м (рост на 26,3%). Фактически не будет достигнуто даже базовое значение данного показателя, закрепленное в паспорте, — 358 тыс. кв. м (рис. 5).

Это же самое касается и государственной поддержки населения Вологодской области для улучшения жилищных условий. Так, если в 2012 г. 1375 чел. улучшили свои жилищные условия в Вологодской области с помощью мер государственной поддержки, то на перспективу до 2024 г. даже не ожидается достижение такого уровня (рис. 6).

При этом какие-либо новые механизмы по сокращению сроков улучшения жилищных условий в нацпроекте не предложены. Вместе с тем, как отмечают эксперты Общероссийского народного фронта (ОНФ), в настоящее время альтернативой муниципальному жилфонду может стать сектор доступного (то есть некоммерческого) арендного жилья. Председатель думского комитета по жилищной политике и ЖКХ Галина Хованская также отмечает целесообразность дополнения нацпроекта расходами на социальное жилье, поскольку

Таблица 5

Количество действующих договоров долевого участия, тыс. ед.

Год	Фактические показатели			Целевые показатели		
	2015	2016	2017	2019	2021	2024
Без счетов эскроу	679,2	701,8	699,5	653	71	0
По счетам эскроу	—*	—*	—*	34	635	1014

Источники: 1) Единый реестр застройщиков (<https://erzrf.ru/news/rosreyestr-kolichestvo-registratsiy-ddu-v-2017-godu-umenshilos-na-03>); 2) данные паспорта Нацпроекта.

* До 2017 года практика использования данных счетов в сфере строительства не имела распространения. В связи с внесением поправок в действующее законодательство с 2019 г. планируется полноценный переход на данную систему (за 2010—2015 гг. в открытом доступе данные не представлены).

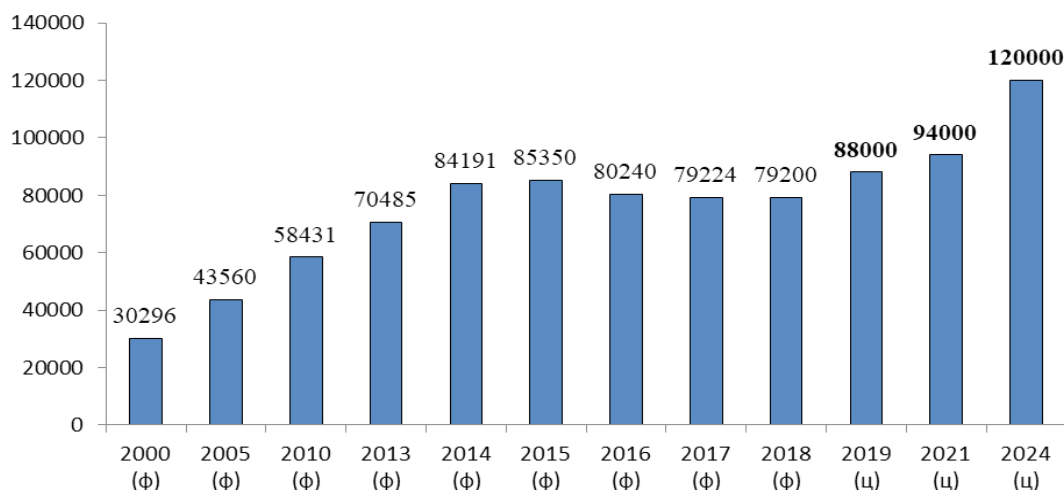

Рис. 4. Объем жилищного строительства, тыс. кв. м

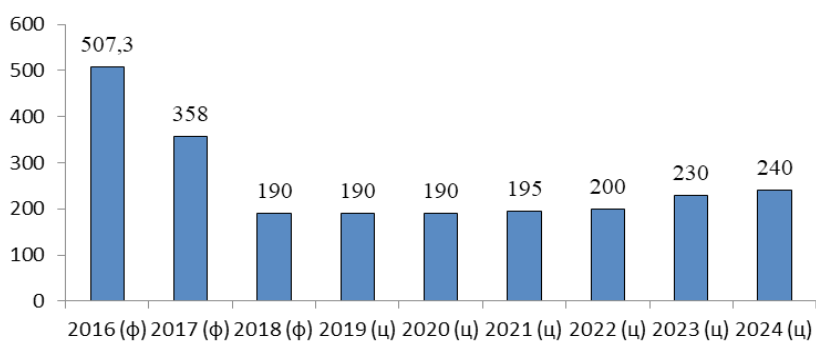

Рис. 5. Ввод жилья в многоквартирных жилых домах Вологодской области, тыс. кв. м

Источники: паспорт региональной составляющей федерального проекта «Жилье» (<https://vologda-oblast.ru/dokumenty/1916261/>); Строительство жилья. Аналитический обзор — Вологодская область (ЕРЗ. Аналитика. 2018. 85 с.).

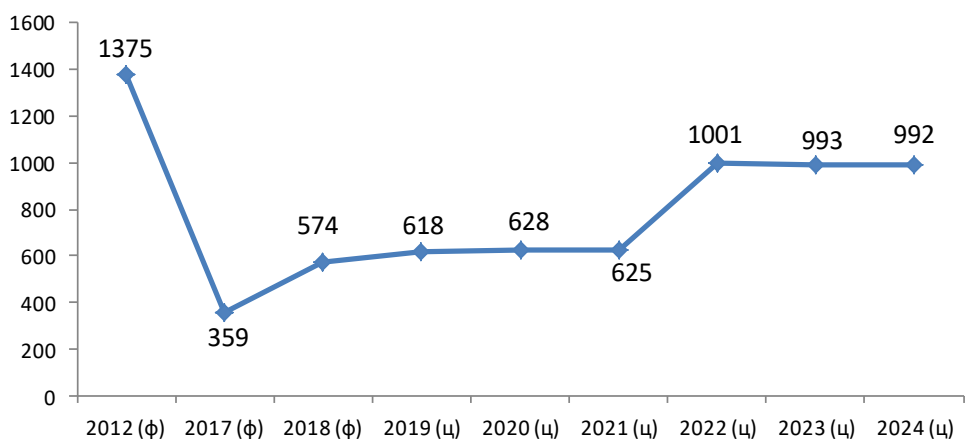

Рис. 6. Количество граждан, улучшивших жилищные условия в Вологодской области с помощью мер государственной поддержки, чел.

Источники: паспорт региональной составляющей федерального проекта «Жилье» (<https://vologda-oblast.ru/dokumenty/1916261/>); Государственная программа Вологодской области «Обеспечение населения Вологодской области доступным жильем и формирование комфортной среды проживания на 2014—2020 годы» (http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+z17fIg7vLu4fDg5uD18vH/IO3lIOIg7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&backlink=1&nd=125039925&page=1&rdk=0&fulltext=1&scrolltop=21571#I0).

количество очередников растет из года в год, при этом что в некоторых регионах строительство такого жилья прекращено вовсе¹.

Одним из условий повышения темпов жилищного строительства федеральные органы власти видят в снижении административных барьеров. С 31.12.2016 вступил в действие Федеральный закон от 19.12.2016 № 445-ФЗ, которым были внесены изменения в ст. 51 и 55 Градостроительного кодекса Российской Федерации. Согласно им, выдача разрешений на строительство и на ввод объекта в эксплуатацию была сокращена до 7 рабочих дней, а не 10 календарных, как это было установлено ранее. К 2024 г. планируется сокращение сроков получения разрешения на строительство и ввод объекта в эксплуатацию с 7 до 5 рабочих дней.

В проекте также отмечается необходимость совершенствования законодательно-нормативной базы и внедрения инноваций и новых технологий. Однако данные предложения носят, скорее, декларативный характер без какой-либо конкретики. Вместе с тем, по словам председателя наблюдательного совета ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ» Сергея Степашина, «выполнение поставленных нацпроектом задач невозможно без применения энергоэффективных технологий и мероприятий по энергосбережению. В том числе и в части создания энергоэффективной городской и коммунальной инфраструктуры»². Генеральный директор ассоциации «ЖКХ и городская среда» Алексей Макрушин также отмечает, что поддержка ЖКХ осталась за рамками нацпроекта и выделение средств на модернизацию сетей в настоящее время не предусматривается¹.

Реализация данного национального проекта предполагает значительные финансовые вложения. Общий объем бюджета проекта — 1066,2 млрд руб.,

¹ Нацпроект «Жилье и городская среда» обойдется почти в 1 трлн рублей (сайт газеты «Известия»: <https://iz.ru/780648/svetlana-volokhina/natcproekt-zhile-i-gorodskaja-sreda-oboidetsia-pochti-v-1-trln-rublei>).

² Всероссийское совещание «Реализация потенциала энергосбережения — условие успеха национально-го проекта “Жилье и городская среда”» (сайт Фонда «Росконгресс»: <https://roscongress.org/news/vserossijskoe-soveshanie-%C2%ABrealizatsija-potentsiala-energoberezenija-uslovie-uspeha-natsionalnogo-proekta-zhile-i-gorodskaja-sreda%C2%BB/>).

из них на федеральный бюджет будет приходиться 891 млрд руб. (83,6%), на бюджеты субъектов РФ — 167,8 млрд (15,7%), внебюджетные источники — 7,4 млрд (0,7%). Самым капиталоемким является проект по обеспечению устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда — 507,2 млрд руб.

В настоящее время государственные программы Вологодской области реализуются в основном за счет средств областного и федерального бюджетов. В паспорте региональной составляющей федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» всего за 2019—2024 гг. на реализацию данного проекта заложено 787,8 млн руб., из них 391,2 млрд (49,7%) — на федеральный бюджет, 396,6 млрд (50,3%) — на областной (табл. 6). При этом в настоящее время не определены объемы федеральных ассигнований на 2020—2024 гг.; а средства областного бюджета заложены только до 2021 года. В такой ситуации возникает риск неисполнения финансового обеспечения реализации всего комплекса запланированных мероприятий.

На реализацию региональной составляющей федерального проекта «Жилье» в 2019—2024 гг. запланировано привлечение финансирования на сумму 4,6 млрд руб. (из них 1,1 млрд руб. — федеральный бюджет, 3,5 — областной).

Таким образом, основными сложностями в эффективной реализации нацпроекта «Жилье и городская среда», на наш взгляд, являются несколько некомплексный его характер, амбициозные показатели, которые трудно достигнуть без общего повышения экономической активности в стране и уровня жизни населения, а также риск неполного финансового исполнения запланированных мероприятий.

При детальном изучении тенденций развития в исследуемых сферах, а также мнения экспертов следует отметить, что каждый из федеральных проектов, входящих в данный национальный проект, имеет специфические риски и проблемы (табл. 7).

Ключевым моментом эффективной реализации нацпроекта в целом, на наш взгляд и по мнению ряда экспертов, является вопрос учета мнения регионов, согласования поставленных целей с возможностями каждой конкретной территории.

Таблица 6

**Финансовое обеспечение реализации региональной составляющей
федерального проекта «Формирование комфортной городской среды», млн руб.**

Источник финансирования	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Всего, 2019— 2024
Всего по региональной составляющей федерального проекта, в том числе:	481,5	523,4	132,2	132,2	0,0	0,0	0,0	787,8
Федеральный бюджет	284,9	381,2*	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	391,2
Бюджеты государственных внебюджетных фондов	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Областной бюджет	132,2	132,2	132,2	132,2	0,0	0,0	0,0	396,6
Местные бюджеты органов МСУ	64,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Внебюджетные источники	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
<p>Объем средств указан только на 2019 год в соответствии с письмом Минстроя России от 13.11.2018 № 45512-АЧ/06.</p> <p>Объемы финансирования устанавливаются по результатам ежегодного конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды для исторических поселений и малых городов, проводимого Минстроем России.</p>								

Таблица 7

**Ключевые риски реализации федеральных проектов
в рамках национального проекта «Жилье и городская среда»**

Федеральный проект	Ключевые риски реализации
1. «Ипотека»	— Падение реальных доходов населения в течение шести лет подряд существенно ограничивает возможности развития рынка ипотечного кредитования и спрос на жилье в ближайшие годы
2. «Жилье»	<p>— Варианты решения жилищных проблем населения с низким уровнем доходов, жителей небольших населенных пунктов в нацпроекте детально не рассмотрены;</p> <p>— запланированные темпы увеличения объемов жилищного строительства являются труднодостижимыми, поскольку объемы строительства жилья в России сокращаются несколько лет подряд и во многих регионах ниже уровня 2014 г., а запустить большинство объектов (исходя из цикла их строительства) необходимо в 2019—2021 гг.;</p> <p>— введение новой системы финансирования строительных работ с использованием эскроу-счетов со значительной вероятностью приведет к удорожанию жилья;</p> <p>— не совсем понятно, как коррелирует запланированное удорожание квадратного метра жилья в 2019—2024 гг. почти на 30% с повышением его доступности для населения (даже с учетом снижения ставки по ипотеке);</p> <p>— какие-либо новые механизмы улучшения жилищных условий населения (социальное, арендное жилье и т. п.) в нацпроекте не предложены;</p> <p>— не разработаны инструменты государственной поддержки коммунального комплекса и модернизации инженерных сетей</p>
3. «Формирование комфортной городской среды»	— Используемые в методике критерии не позволяют дать объективную оценку качества проживания в городе: в ней не учтены важные составляющие быта граждан, которые определяют качество жизни в данном населенном пункте
4. «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда»	<p>— Реальные объемы аварийного и ветхого жилья могут быть значительно выше, поскольку большое количество домов по факту являются аварийными, но таковыми в настоящее время не признаны;</p> <p>— запланированные показатели по улучшению жилищных условий граждан отстают от темпов нарастания ветхости и аварийности жилищного фонда, что не позволяет полноценно решить данную проблему</p>

Список литературы

1. Айзинова, И. М. Жилищный вопрос в трех измерениях / И. М. Айзинова // Проблемы прогнозирования. — 2007. — № 2. — С. 90—115.
2. Боков, А. «Национальный проект «Жилье и городская среда» вновь имеет декларативный характер и «узкие» интересы [Электронный ресурс] / А. Боков // Портал для специалистов архитектурно-строительной отрасли «Строительный эксперт». — URL: <https://ardexpert.ru/article/14094> (дата обращения 26.09.2019).
3. Егоров, Е. В. Экономика жилищного хозяйства России : учеб. пособие / Е. В. Егоров, М. В. Потапова. — М. : ТЕИС, 2002. — 171 с.
4. Жилье в России [Электронный ресурс]. — URL: http://ruxpert.ru/%D0%96%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%91_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 26.09.2019).
5. Иванов, А. Р. Реструктуризация сферы услуг ЖКХ / А. Р. Иванов. — М. : Альпина Паблишер, 2013. — 200 с.
6. Как очеловечить «квадраты» [Электронный ресурс] // Эксперт. — URL.: <http://expert.ru/expert/2015/15/kak-ochelovechit-kvadratyi/media/259583/> (дата обращения 26.09.2019).
7. Проблемы экономического роста территории : монография / Т. В. Ускова, Е. В. Лукин, Т. В. Воронцова, Т. Г. Смирнова ; под рук. Т. В. Усковой. — Вологда : Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2013. — 170 с.
8. Секушина, И. А. Проблемы повышения комфортности проживания населения крупного города (на материалах г. Вологды и г. Череповца) / И. А. Секушина, С. А. Кожевников // Проблемы развития территории. — 2018. — № 6 (98). — С. 42—63.
9. Скрипник, О. Б. Реформирование регионального жилищно-коммунального комплекса: методология и практика / О. Б. Скрипник. — М. : Финансы и статистика, 2013. — 288 с.
10. Социально-экономические проблемы локальных территорий : монография / Т. В. Ускова, Н. В. Ворошилов, Е. А. Гутникова, С. А. Кожевников. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. — 196 с.
11. Ускова, Т. В. Пути решения жилищной проблемы в регионе / Т. В. Ускова, О. Н. Гордина // Проблемы развития территории. — 2010. — № 2 (50). — С. 14—22.
12. Чернышов, Л. Н. Капитальный ремонт многоквартирных домов: проблемы формирования и направления развития / Л. Н. Чернышов, С. А. Астафьев, В. П. Вакулина // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — Т. 25, № 1. — С. 85—94.
13. Якушев, В. Достижение показателей нацпроекта возможно при сохранении макроэкономической стабильности [Электронный ресурс] / В. Якушев // Официальный сайт Минстроя России. — URL: [http://www.minstroyrf.ru/press/vladimir-yakushev-dostizhenie-pokazateley-natsproekta-vozmozhno-pri-soxranenii-makroekonomicheskoy-/](http://www.minstroyrf.ru/press/vladimir-yakushev-dostizhenie-pokazateley-natsproekta-vozmozhno-pri-soxranenii-makroekonomicheskoy/) (дата обращения 26.09.2019).
14. Ясин, Е. Г. Политическая экономия реформы ЖКХ / Е. Г. Ясин. — М. : Либеральная миссия, 2006. — 52 с.

Сведения об авторе

Кожевников Сергей Александрович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией пространственного развития и размещения производительных сил ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук». kozhevnikov_sa@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 11 (433). Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 71—81.

HOUSING PROBLEM IN MODERN RUSSIA AND THE WAYS OF ITS SOLUTION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE NATIONAL PROJECT “HOUSING AND CITY ENVIRONMENT”

S.A. Kozhevnikov

*Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Vologda, Russia. kozhevnikov_sa@bk.ru*

The article discusses the relevance and urgency of the housing problem for modern Russia. It is shown that the provision of high-quality and affordable housing continues to be the most important task of the authorities. The analysis of the provisions of the national project “Housing and Urban Environment” approved in 2018 has been carried out and it has been substantiated that its implementation may face a number of problems and risks.

Keywords: *housing, housing security, national project, mortgage, eks-bill, emergency housing, quality of life.*

References

1. Ajzinova I.M. Zhilishchnyj vopros v tryoh izmereniyah [Housing issue in three dimensions]. *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems], 2007, no. 2, pp. 90-115. (In Russ.).
2. Bokov A. Nacional'nyj projekt “Zhil'e i gorodskaya sreda” vnov' imeet deklarativnyj harakter i “uzkie” interes. *Portal dlya specialistov arhitekturno-stroitel'noj otrasli “Stroitel'nyj ekspert”* [Portal for specialists of architectural and construction industry “Construction Expert”]. Available at: <https://ardexpert.ru/article/14094>, accessed 26.09.2019. (In Russ.).
3. Egorov E.V., Potapova M.V. *Ekonomika zhilishchnogo hozyajstva Rossii* [Economy of housing in Russia]. Moscow, TEIS Publ., 2002. 171 p. (In Russ.).
4. *Housing in Russia* [Electronic resource]. Available at: http://ruxpert.ru/%D0%96%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%91_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8, accessed 26.09.2019. (In Russ.).
5. Ivanov A.R. *Restrukturizaciya sfery uslug ZHKKH* [Restructuring of housing and utilities services]. Moscow, Al'pina Publisher, 2013. 200 p. (In Russ.).
6. Kak ochelovechit' “kvadraty”. *Ekspert* [Expert]. Available at: <http://expert.ru/expert/2015/15/kak-ochelovechit-kvadraty/media/259583/>, accessed 26.09.2019. (In Russ.).
7. Uskova T.V., Lukin E.V., Voroncova T.V., Smirnova T.G. *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii* [Problems of economic growth of the territory]. Vologda, 2013. 170 p. (In Russ.).
8. Sekushina I.A., Kozhevnikov S.A. Problemy povysheniya komfortnosti prozhivaniya naseleniya krupnogo goroda (na materialah g. Vologdy i g. Cherepovca) [Problems of increasing the comfort of living in a large city (based on materials from Vologda and Cherepovets)]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of development of the territory], 2018, no. 6 (98), pp. 42-63. (In Russ.).
9. Skripnik O.B. *Reformirovanie regional'nogo zhilishchno-kommunal'nogo kompleksa: metodologiya i praktika* [Reforming the regional housing and utilities complex: methodology and practice]. Moscow, Finansy i statistika, 2013. 288 p. (In Russ.).
10. Uskova T.V., Voroshilov N.V., Gutnikova E.A., Kozhevnikov S.A. *Social'no-ekonomicheskie problemy lokal'nyh territorij* [Socio-economic problems of local territories: monograph]. Vologda, 2013. 196 p. (In Russ.).
11. Uskova T.V., Gordina O.N. *Puti resheniya zhilishchnoj problemy v regione* [Ways to solve the housing problem in the region]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of development of the territory]. 2010, no. 2 (50), pp. 14-22. (In Russ.).
12. Chernyshov L.N., Astaf'ev S.A., Vakulina V.P., Chernyshov L.N. Kapital'nyj remont mnogokvartirnyh domov: problemy formirovaniya i napravleniya razvitiya [Overhaul of apartment buildings: problems of formation and development directions]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii* [News of the Irkutsk State Economic Academy], 2015, vol. 25, no 1, pp. 85-94. (In Russ.).
13. Yakushev V. *Dostizhenie pokazatelej nacproekta vozmozno pri sohranении makroekonomicheskoy stabil'nosti* [Electronic resource]. Available at: <http://www.minstroyrf.ru/press/vladimir-yakushev-dostizhenie-pokazateley-natsproekta-vozmozno-pri-sokhranении-makroekonomicheskoy-/>, accessed 26.09.2019.
14. Yasin E.G. *Politicheskaya ekonomiya reformy ZHKKH* [Political economy housing reform]. Moscow, Liberal'naya missiya Publ., 2006. 52 p. (In Russ.).

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВОЛАТИЛЬНОСТИ КУРСА ВАЛЮТ МЕТОДОМ КОМИТЕТОВ

Н. П. Чернавин

Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Рассматриваются проблемы применения метода комитетов для прогнозирования роста волатильности валютного курса USD/RUB. Метод комитетов является методом классификации данных за счет построения группы линейных классификаторов, способных совместно учитывать нелинейные зависимости в данных. В рамках исследования использовалась единая модель комитета на основе решения задач частично-целочисленного программирования. Для построения и тестирования моделей использовались биржевые данные с сырьевых и валютных рынков за период с апреля 2009 г. по июнь 2019 г., в которых были выделены для исследования недельные периоды с наличием и отсутствием последующего роста волатильности курса USD/RUB. Применение комитетных моделей позволило получить решающее правило, в рамках которого были верно спрогнозированы все наиболее сильные моменты роста волатильности курса USD/RUB за 2018—2019 гг.

Ключевые слова: *метод комитетов, валютный рынок, волатильность курса валют, USD/RUB, машинное обучение, метод опорных векторов.*

Национальный валютный курс — важная составляющая экономики, определяющая ее конкурентоспособность и силу. В то время как постепенный рост или падение валютного курса является естественной рыночной реакцией в условиях плавающего курса, существуют негативные для экономики факторы, связанные с резким изменением курса валюты. Значительное быстрое изменение в стоимости национальной валюты приводит к повсеместному росту цен на импортную продукцию, влияет на стоимость отечественных продуктов, в которых присутствует иностранная составляющая в виде стоимости материалов, оборудования, технологий и т. д. Более того, для реального бизнеса такое положение вещей ведет к пересмотру стратегий и бизнес-планов и то, что ранее было прибыльным проектом, теперь может потерять всякую норму рентабельности. Соответственно, целью данной работы является прогнозирования моментов роста волатильности курса USD/RUB ввиду значимости долларовых расчетов для национальной и мировой экономик.

Для выполнения этой цели рассмотрим возможности применения метода комитетов в качестве инструмента прогнозирования движения валютного курса. Автором ранее рассматривалась данная постановка задачи в статье [3]. В данном исследовании приведены более подробные расчеты и сравнения с другими методами анализа данных.

Метод комитетов относится к нелинейным методам классификации с учителем, который позволяет получить некоторое обобщенное решение в противоречивых ситуациях, когда однозначное решение отсутствует. Понятие комитета было введено в 1965 г. в статьях по распознаванию образов С. М. Эйблоу и Д. Дж. Кейлора [1; 2].

Дальнейшие значимые теоретические и практические разработки метода были произведены в Екатеринбургской школе распознавания образов Института математики и механики УрО РАН в работах Вл. Д. Мазурова, М. Ю. Хачая и других сотрудников института [11—14; 18—19].

Также можно выделить ряд трудов по комитетным конструкциям на базе Южно-Уральского государственного университета: это работы В. И. Ширяева и Б. М. Кувшинова [7—10; 21]. Применение комитетных конструкций на финансовых рынках с использованием моделей частично-целочисленного линейного программирования рассматривалось в работах О. И. Никонова и Ф. П. Чернавина и ряде совместных с ними работ автора [3—6; 15—17; 20—22].

В рамках метода комитетов выделяют различные логики комитетных конструкций основными из которых являются:

1. Комитет единогласия (далее по тексту — KE), где за элементы одного из множеств, все члены комитета голосуют единогласно, а за элементы другого множества хотя бы один член против.

На рис. 1 представлен графический пример КЕ из трех членов в пространстве двух признаков. Точки и звездочки обозначают объекты разного класса. Линиями представляются члены комитета, а стрелками у каждой линии обозначается направление голосования. Согласно рис. 1, принадлежность объектов к типу точки определяется единогласным голосованием всех членов комитета.

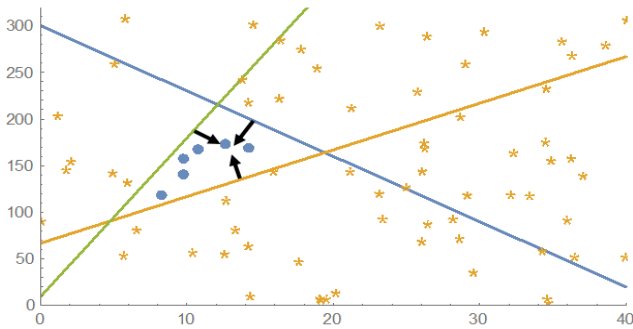

Рис. 1. Пример КЕ в пространстве двух признаков

2. Комитет большинства (далее по тексту — КБ), где за элементы одного из множеств голосует большинство членов комитета, а за элементы другого множества — меньшинство. Графический пример такого комитета в пространстве двух признаков представлен ниже на рис. 2, где за точки голосует большинство членов комитетов (от двух).

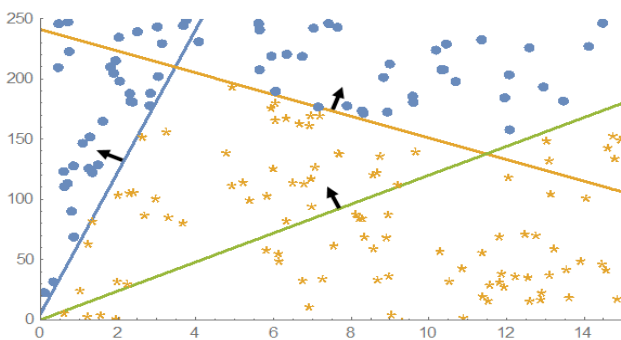

Рис. 2. Пример КБ в пространстве двух признаков

3. Комитет старшинства (далее по тексту — КС), где члены комитета имеют разные веса и сумма голосов членов, голосующих за элементы одного из множеств выше или равна установленной величине, а для другого множества строго меньше. Графический пример КС в пространстве двух признаков представлен ниже на рис. 3. Дополнительно к предыдущим обозначениям на графике у линий проставлены веса членов комитета.

По рис. 3 видно, что точки находятся в областях графика, где сумма весов голосования больше трех. Все наблюдения в остальных областях будут содержать звездочки.

Математически модель комитета с произвольной логикой может быть записана следующим образом:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{i \in I} p_{ij} * x_i^t + b^t - L * z_j^t \leq -\varepsilon \quad j \in J_1, t \in T \\ \sum_{i \in I} p_{ij} * x_i^t + b^t + L * z_j^t \geq \varepsilon \quad j \in J_2, t \in T \\ \sum_{t \in T} (z_j^t * V^t) \leq m + L * d_j \quad j \in J_1 \\ \sum_{t \in T} (z_j^t * V^t) \leq \sum_{t \in T} V^t - m - 1 + L * d_j \quad j \in J_2 \\ \sum_{j \in J_1} d_j \leq K_1 * \varphi \\ \sum_{j \in J_2} d_j \leq K_2 * \varphi \\ \min \varphi \end{array} \right. \quad (1)$$

где J_1 — множество объектов в пространстве i -го числа признаков, принадлежащие к классу 1; J_2 — множество объектов в пространстве i -го числа признаков, принадлежащие к классу 2; $J = J_1 \cup J_2$ и представляет собой множество всех изучаемых объектов в пространстве i -го числа признаков; I — множество признаков; T — множество членов комитета; i, j, t — индексы соответствующих множеств; p_{ij} — i -й параметр j -го наблюдения; x_i^t — коэффициент для i -го параметра t -го члена комитета (искомая переменная); b^t — свободный член t -го члена комитета (искомая переменная); z_j^t — булева переменная, определяющая направление голосования t -й гиперплоскости; d_j — булева переменная для фиксации ошибок классификации комитета для j -го наблюдения. L — некоторое большое число (константа), относительно размерности параметров в решаемой задаче (введение данной константы необходимо для того, чтобы $L * z_j^t$ и $L * d_j$ могли выполнять функции невязки в неравенствах);

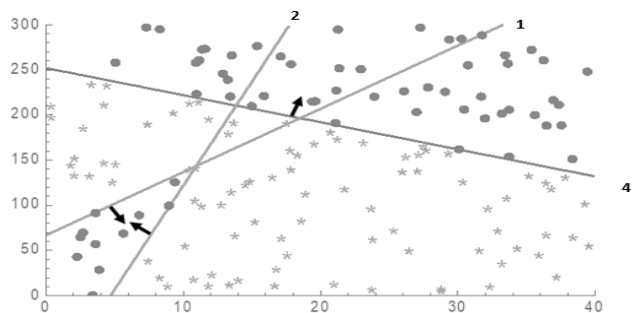

Рис. 3. Пример КС в пространстве двух признаков

ε — некоторое малое число (константа), близкое 0 (введение данной константы необходимо для того, чтобы используемые в модели нестрогие неравенства были аналогичны строгим неравенствам $>$ или $<$ 0, таким образом удается исключить решение, при котором все коэффициенты и свободный член равны 0);

V^t — это вес t -й гиперплоскости (константа, соответствующая степени 2);

φ — величина Чебышевской аппроксимации (минимакс). Использование данной величины для минимизации позволяет искать оптимальное решение таким образом, чтобы одновременно минимизировалась доля ошибок классификации для каждого класса объектов;

sv — соответствует сумме весов всех комитетов ($\sum_{t \in T} V^t$);

m — меньшинство для расчета комитета (переменная в диапазоне $0 < m \leq sv - 1$).

Модель (1) может быть использована для любой из описанных логик комитета. Если $V = 1$, тогда в зависимости от m может быть построен КЕ ($m = 0$ или $m = sv - 1$) или КБ ($0 < m < sv - 1$). Если $V = 2^t$, тогда в зависимости от m может быть построен КЕ ($m = 0$ или $m = sv - 1$) или КС ($0 < m < sv - 1$).

Для исследования была выбрана задача прогнозирования роста волатильности валютного курса USD/RUB. Экономический смысл прогнозирования роста волатильности валютного курса состоит в возможности получать доход в случае верного прогноза за счет использования опционных стратегий. Опцион — это производный финансовый инструмент, покупатель которого имеет право, но не обязательство, купить (опцион-колл) или продать (опцион-пут) базовый актив по фиксированной цене по истечении (или в течение) определенного времени¹. На основании использовании комбинации из нескольких различных опционов можно строить торговые стратегии, которые позволят заработать либо при росте волатильности, либо при ее снижении.

Для анализа были выбраны биржевые данные Московской биржи по динамике котировок и объема торгов по инструменту USDRUB_TOM (V_{TOM}), а также объем торгов по инструментам USDRUB_TOD² (V_{TOD}) и объем торгов фьючер-

сом на курс USD/RUB на срочном рынке FORTS (V_{FORTS}). Дополнительно для анализа была взята недельная динамика котировок валютных пар AUD/USD, USD/CAD, BRL/USD и цены на нефть марки Brent, которые имеют тесные связи с курсом рубля и зачастую их изменения учитываются трейдерами при прогнозировании изменения курса USD/RUB. В качестве источника данных выступили интернет-ресурсы компании «Финам» и Investing.com. В табл. 1 представлены признаки, подаваемые в модель комитета, составленные по вышеописанным биржевым данным.

Для рассмотрения был выбран период с апреля 2009 г. по декабрь 2018 г. Данный период охватывает рыночные изменения, произошедшие после финансового кризиса 2008 г., так как с того времени рынок значительно изменился, а сам кризисный период является выбросом, где перестают действовать стандартные закономерности. Соответственно, в рассматриваемом периоде были выделены наблюдения, относящиеся к неделям перед резким изменением курса USD/RUB.

Для выделения таких моментов был создан собственный индикатор:

$$mv_1 = \frac{\text{макс. изменение цены за следующую неделю относительно цены закрытия текущей недели}}{\text{средняя недельная волатильность цены за текущую и прошедшую неделю}}$$

$$mv_2 = \frac{\text{макс. изменение цены в течение 2ой недели относительно цены закрытия текущей недели}}{\text{средняя недельная волатильность цены за текущую и следующую неделю}}$$

— Индикатор движения (ИД) равен значению mv_1 , если оно больше mv_2 . Если меньше, то ИД = mv_2 .

ИД учитывает в своем расчете среднюю волатильность цены таким образом, чтобы она изменялась с течением времени, в соответствии с движением цены после точки наблюдения повышенной волатильности. Для расчетов будем считать, что рост волатильности наблюдается в том случае, когда ИД ≥ 2.5 (соответствует значениям большим, чем 1.3 стандартного отклонения ИД для анализируемой выборки). Таким образом, ИД = 2.5, будет величиной разделения на классы и, соответственно, будет получена картина, изображенная на рис. 4.

Будем считать, что наблюдения с ИД < 2.5 , относятся к классу J_1 , а с ИД ≥ 2.5 к классу J_2 . Соответственно, данные наблюдения были разделены на обучающую и контрольную выборки. В табл. 2 представлено описание обучающей и контрольной выборок, используемых в рамках данного исследования.

¹ Тесин П. Как устроены опционы и что они из себя представляют (Сайт компании БКС: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kak-ustroeny-optiony-i-chto-oni-iz-sebia-predstavliaiut>; дата обращения 13.08.2019).

² Оба этих инструмента отражают курс доллара относительно рубля, однако для TOD дата расчетов совпадает с датой заключения сделки, а для TOM это следующий день.

Таблица 1

Рыночные признаки анализируемые в рамках исследования

Название параметра	Методика расчета
1. Волатильность курса USD/RUB за неделю	$П1 = \frac{\text{Макс.курс USD/RUB}}{\text{Мин.курс USD/RUB}} - 1$
2. Изменение П1 с прошлой недели с нарастающим итогом*	$П2n = \frac{П1 \text{ недели } n}{П1 \text{ недели } (n-1)} - 1$
3. Изменение совокупного объема торгов курсом USD/RUB на валютном и срочном рынках Московской биржи (V) с прошлой недели с нарастающим итогом	$V = VTOM + VTOD + VFORTS$ $П3n = \frac{V \text{ недели } n}{V \text{ недели } (n-1)}$
4. Во сколько раз объем торгов курсом USD/RUB в TOM больше, чем в TOD	$VTOM / VTOD$
5. Во сколько раз объем торгов курсом USD/RUB в TOM больше, чем на рынке FORTS	$VTOM / VFORTS$
6. Волатильность курса AUD/USD за неделю	$П6 = \frac{\text{Макс.курс AUD/USD}}{\text{Мин.курс AUD/USD}} - 1$
7. Изменение П6 с прошлой недели с нарастающим итогом	$П7n = \frac{П6 \text{ недели } n}{П6 \text{ недели } (n-1)} - 1$
8. Волатильность курса USD/CAD за неделю	$П8 = \frac{\text{Макс.курс USD/CAD}}{\text{Мин.курс USD/CAD}} - 1$
9. Изменение П8 с прошлой недели с нарастающим итогом	$П9n = \frac{П8 \text{ недели } n}{П8 \text{ недели } (n-1)} - 1$
10. Волатильность курса BRL/USD за неделю	$П10 = \frac{\text{Макс.курс BRL/USD}}{\text{Мин.курс BRL/USD}} - 1$
11. Изменение П10 с прошлой недели	$П11n = \frac{П10 \text{ недели } n}{П10 \text{ недели } (n-1)} - 1$
12. Волатильность цен на нефть марки Brent за неделю	$П12 = \frac{\text{Макс.курс BRL/USD}}{\text{Мин.курс BRL/USD}} - 1$
13. Изменение П12 с прошлой недели с нарастающим итогом	$П13n = \frac{П13 \text{ недели } n}{П13 \text{ недели } (n-1)} - 1$
14. Изменение объема торгов нефтью Brent (VBrent) с прошлой недели с нарастающим итогом	$П14n = \frac{VBrent \text{ недели } n}{VBrent \text{ недели } (n-1)} - 1$

* Под нарастающим итогом будем иметь в виду, что если направление изменения волатильности совпадает с направлением в прошлую неделю ($П_n * П_{(n-1)} > 0$), то к текущему значению добавляем предыдущие ($П_n + П_{n-1}$).

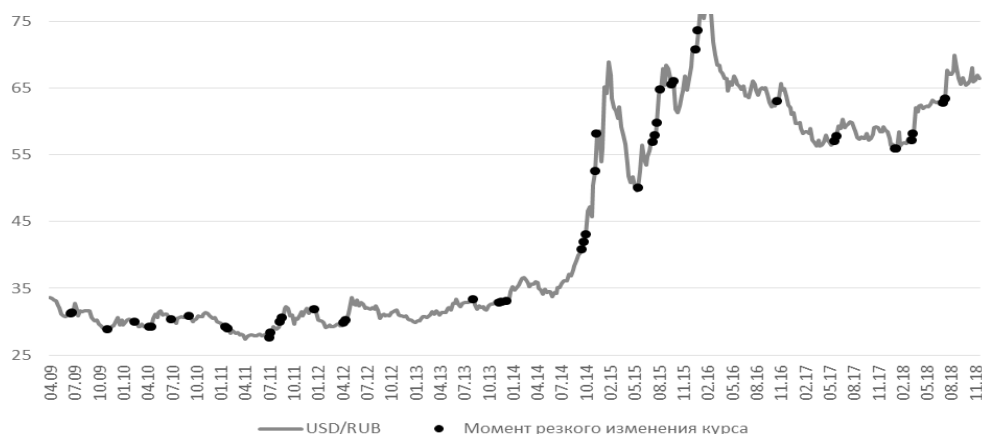

Рис. 4. Вариант разделения на классы при ИД = 2.5

Таблица 2

**Основные параметры
обучающей и контрольной выборок**

Выборка	Период	J_1	J_2	J
Обучающая	Апрель 2009— 2017 г.	409	39	448
Контроль- ная	2018 г.	42	6	48
Итого	Апрель 2009—21 декабря 2018 г.	451	45	496

На основании представленных в табл. 2 выборок были проведены расчеты в программном пакете IBM ILOG CPLEX методом комитетов с минимизацией Чебышевской аппроксимации, для достижения равной доли верно распознанных наблюдений для каждого класса.

В рамках исследования качество разделения изучалось по результатам F-меры. Формула расчета F-меры представлена ниже:

$$F\text{-мера} = \frac{\text{Точность} * \text{Полнота}}{\text{Точность} + \text{Полнота}}, \quad (2)$$

где *Точность* — доля объектов, отнесенных комитетом к искомому классу и при этом действительно являющимися объектами этого класса; *Полнота* — доля объектов искомого класса, которые смог распознать комитет.

В табл. 3 представлены результаты классификации по F-мере.

Таблица 3

**Результаты модели (1)
на обучающей и контрольной выборках, %**

Комитеты	Обучающая		Контрольная	
	J_1	J_2	J_1	J_2
КЕ (3 чл.)	91.2	49.60	51.60	16.7
КЕ (4 чл.)	95.7	67.90	42.60	5.4
КЕ (5 чл.)	96.0	68.60	47.60	5.7
КС (5 чл.)	97.6	80.40	81.90	0.0
КЕ (6 чл.)	97.9	81.70	76.90	10.0
КС (6 чл.)	100.0	100.00	87.80	37.5

По результатам из табл. 3 видно, что на обучающей выборке все решающие правила дают высокие результаты и продолжают расти. С ростом числа членов комитета до 6 удалось добиться 100% разделения, поэтому на данном числе членов было решено остановиться. Можно отметить, что до 5 членов модель (1) не находила КС, так как КЕ показывала более высокие результаты. Однако начиная с 5 членов КС стали превосходить по точности КЕ.

Однако при этом результаты на контрольной выборке значительно ниже и не показывают роста в соответствии с обучающей выборкой. Из всех результатов наилучший результат по F-мере на контрольной выборке показывает КС из 6 членов (87.8% для J_1 и 37.5% для J_2). Полученное решение для КС из 6 членов не может быть названо удовлетворительным. Более того, с учетом ранее рассмотренных высоких результатов на обучающей выборке с крайне низкими результатами на контрольной выборке для всех комитетных конструкций можно предположить, что данная модель имеет склонность переобучаться.

Проблема переобученности является одной из основных проблем, с которой сталкиваются при использовании методов машинного обучения. Для разрешения указанной проблемы попробуем снизить риск того, что наши множества наблюдений были разделены на классы некорректно. Соответственно, изменим нашу модель таким образом, чтобы неверно распознанные наблюдения имели большую вероятность оказаться просто наблюдениями, ошибочно отнесенными к выбранному классу. Этого можно добиться, введя в модель веса наблюдений, заменив при этом условия для $\sum_{j \in J} d_j$ в модели (1), как показано ниже.

$$\sum_{j \in J_1} (d_j * w_j) \leq \varphi * \sum_{j \in J_1} w_j \quad (3)$$

$$\sum_{j \in J_2} (d_j * w_j) \leq \varphi * \sum_{j \in J_2} w_j ,$$

где w_j — вес наблюдения j .

Соответственно, рассчитаем для каждого наблюдения вес следующим образом:

$$l_{sj} = (\text{ИД}_j - \text{Значение выбранной величины разделения на классы})^2 \quad (4)$$

Таким образом, чем ближе будет значение ИД_ж к выбранному значению разделяющей величины (в предыдущем случае 2.5), тем меньше будет штраф за ошибку классификации данного наблюдения. Дополнительное возведение в квадрат позволяет еще сильнее снизить вес ошибки близкой к разделяющему значению и при этом веса всегда будут положительными значениями. Используя такую систему штрафов, модель будет делать ошибки по возможности в области близкой к ИД_ж, что позволит в дальнейшем, корректируя значение величины разделения на классы, улучшать полученное решение.

Соответственно, рассчитаем по обновленной модели КЕ из трех членов, оставив величину разделения на классы без изменений равной 2.5. Полученные результаты по F-мере на контрольной выборке для класса J_1 составляют 81.0 и 21.1% для класса J_2 , что значительно выше результатов такого же комитета в предыдущей постановке задачи (см. табл. 3).

Несмотря на то что полученные результаты нельзя назвать удовлетворительными по контрольной выборке, но, проведя дополнительный анализ, можно увидеть, что наблюдение из класса J_1 с весом 0.0003 в контрольной выборке было распознано неправильно. Из этого факта следует что, если снизить величины разделения на классы, данное значение будет распознано верно для класса J_2 . Соответственно, выберем в качестве разделяющей величины ИД значение 2.46. В результате в наших выборках из J_1 два наблюдения перейдут в класс J_2 .

Перед тем как снова проверять модель на обновленной выборке, попробуем исключить наименее информативный параметр из модели, так как наличие неинформативных параметров также ведет к росту риска переобученности модели. Для этого применим комитетный подход, составив модель поиска наименее информативных признаков для заранее выбранной комитетной конструкции, которая представлена ниже:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{i \in I} p_{ij} * x_i^t + b^t - L * z_j^t \leq -\varepsilon \quad j \in J_1, t \in T \\ \sum_{i \in I} p_{ij} * x_i^t + b^t + L * z_j^t \geq \varepsilon \quad j \in J_2, t \in T \\ \sum_{t \in T} (z_j^t * V^t) \leq m + \sum_{t \in T} V^t * d_j \quad j \in J_1 \\ \sum_{t \in T} (z_j^t * V^t) \leq \sum_{t \in T} V^t - m - 1 + \sum_{t \in T} V^t * d_j \quad j \in J_2 \\ \sum_{j \in J_1} d_j \leq K_1 * \varphi \\ \sum_{j \in J_2} d_j \leq K_2 * \varphi \\ -L * rp_i \leq x_i \leq L * rp_i \quad i \in I \\ \sum_{i \in I} rp_i \leq q - 1 \\ \min \varphi \end{array} \right. \quad (5)$$

где q — число параметров в модели;

rp_i — булева переменная для определения информативен признак или нет.

Используя модель выбора наименее информативных признаков (5), удалось выявить, что параметр № 9 «Изменение недельной волатильности курса USD/CAD по сравнению с прошлой неделей с нарастающим итогом» обладает наименьшей значимостью для модели. Для проверки был повторно проведен расчет модели КЕ из трех членов без указанного признака. На контрольной выборке был получен результат по F-мере 77.8% для класса J_1 и 33.3% для класса J_2 . Этот результат не является удовлетворительным, однако он более сбалансирован по классам, что говорит о вероятном увеличении качества модели. Анализируя результаты, можно заметить, что снова выделяются наблюдения из класса J_1 , которые можно перенести в J_1 . Соответственно, снова снизим значение разделяющей величины ИД до 2.41. В результате из J_1 два наблюдения перейдут в класс J_2 .

Повторим на обновленной выборке операцию по выявлению наименее информативных признаков. В качестве такого признака был выбран признак № 4 «Во сколько раз объем торгов курсом USD/RUB в ТОМ больше, чем в ТОД». Уберем данный признак из модели и попробуем вновь посчитать КЕ из трех членов. На контрольной выборке был получен результат по F-мере 71.8% для класса J_1 и 37.0% для класса J_2 . Сравнивая результаты с предыдущим комитетом, нельзя однозначно сказать, какие лучше, но ввиду более сбалансированных по классам результатов в последнем примере и меньшем числе признаков можно предполагать, что выбранная граница разделения классов и число признаков близки к оптимальным.

Теперь попробуем усложнить комитет, увеличив число членов до 5. По итогам расчетов наилучший результат был получен для КС при $m = 8$: по F-мере 79.6% для класса J_1 и 38.1% для класса J_2 . Результаты для пяти членов выше по F-мере, чем в случае трех членов, однако на множестве J_2 , так и не удалось достичь значимого улучшения. Соответственно, попробуем проанализировать полученный результат по весам, присвоенным КС из пяти членов каждому наблюдению. Для этого для начала рассмотрим, как распределились классы наблюдений по весам на обучающей выборке, построив соответствующий график (рис. 5), по которому видно, что для наблюдений с весом от 0 до 5 к J_1 относится

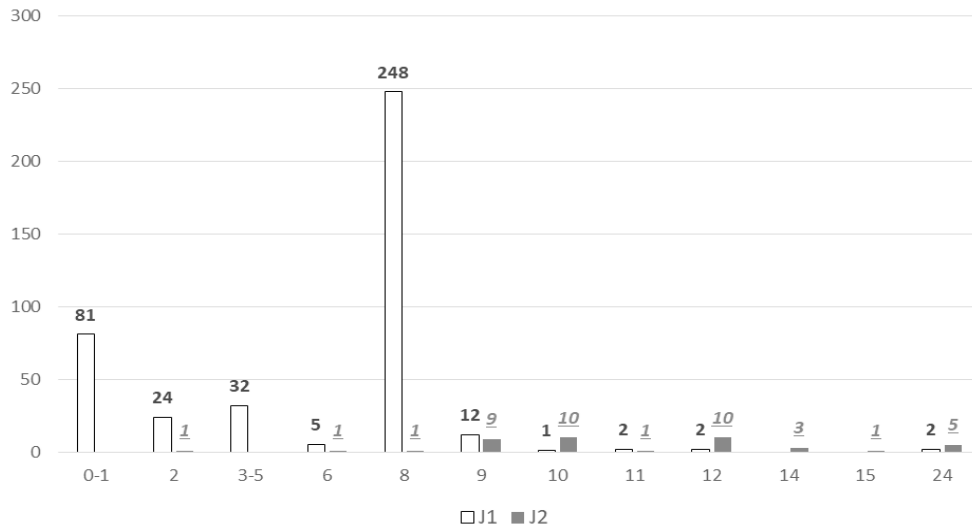

Рис. 5. Веса наблюдений, присвоенные КС из пяти членов, на обучающей выборке

137 наблюдений, а к J_2 лишь 1. Это означает, что в данной области значений мы имеем качественное разделение. Для подтверждения данного вывода рассмотрим распределение наблюдений по весам на контрольной выборке, представленное на рис. 6: по графику видно, что в области весов от 0 до 5 все наблюдения относятся к J_1 . Соответственно, данный факт подтверждает вывод о том, что наблюдения с весом от 0 до 5 действительно относятся к J_1 . В табл. 4 указано решающее правило для КС из пяти членов.

Ввиду такого разделения попробуем отфильтровать все такие наблюдения из исследуемой выборки. Также для большей объективности рассматриваемый период контрольной выборки

был расширен до 28.06.2019, соответственно, с добавлением 24 наблюдений в класс J_1 , из которых два имеют вес 0 согласно КС из пяти членов (табл. 4) и одно наблюдение в класс J_2 . Новые параметры обучающей и контрольной выборок после фильтрации представлены в табл. 5.

На обновленной выборке проведем расчет при условии отсутствия ошибок классификации для J_2 , так как нам уже известно, что в данное множество наблюдения были введены корректно в соответствии с весами наблюдений (2). Соответственно, модифицируем предыдущую модель следующим образом:

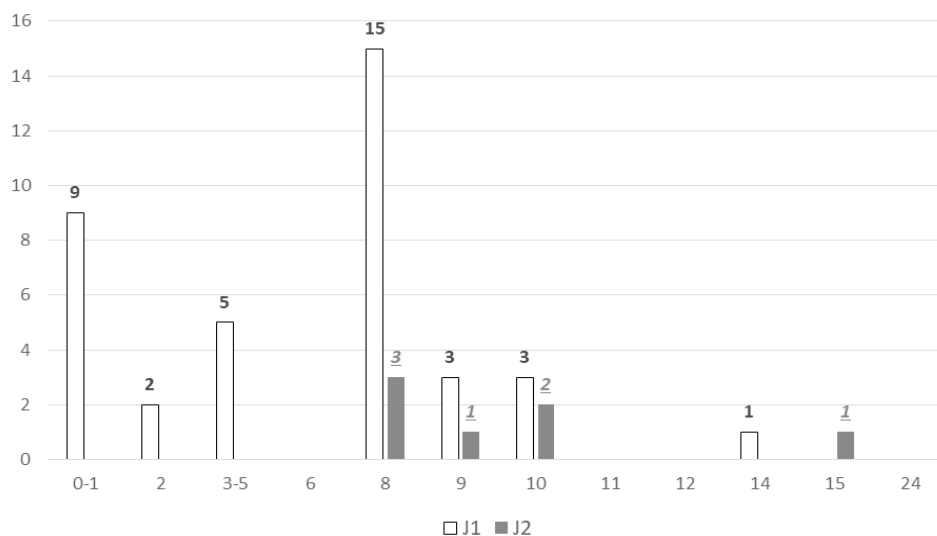

Рис. 6. Веса наблюдений, присвоенные КС из пяти членов, на контрольной выборке

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{i \in I} p_{ij} * x_i^t + b^t - L * z_j^t \leq -\varepsilon \quad j \in J_1, t \in T \\ \sum_{i \in I} p_{ij} * x_i^t + b^t + L * z_j^t \geq \varepsilon \quad j \in J_2, t \in T \\ \sum_{t \in T} (z_j^t * V^t) \leq m + L * d_j \quad j \in J_1 \\ \sum_{t \in T} (z_j^t * V^t) \leq \sum_{t \in T} V^t - m - 1 \quad j \in J_2 \\ \min \sum_{i \in I} (d_j * l s_j) \end{array} \right. \quad (5)$$

В табл. 6 представлены проведенные результаты расчетов по точности, полноте и F-мере для КС из четырех членов при $m = 4$ для обновленного множества наблюдений, а также итоговые результаты на исходной выборке до фильтрации наблюдений с весами от 0 до 5 в рамках КС из пяти членов (табл. 4).

Исходя из полученных результатов в табл. 6 видно, что из рассмотренных комбинаций удалось найти решающее правило, обладающее F-мерой для J_1 , равной 88.5 %, а для J_2 — 46.2 %. Решающее правило для КС из четырех членов можно видеть в табл. 7.

Таблица 4

Решающее правило для КС из пяти членов

Коэффициенты	Член комитета ($m = 8$)				
	t_1	t_2	t_3	t_4	t_5
x_1	-1	-1	-1	-1	1
x_2	6.220	1.807	0.408	-151.502	26.489
x_3	4.633	0.877	-0.022	15.228	-120.239
x_4	-8.447	-6.709	-0.113	97.942	12.803
x_5	1.910	0.266	-0.074	-16.260	-8.383
x_6	1.746	-0.061	0.299	-45.263	-7.171
x_7	-6.576	0.953	0.429	-138.192	-37.929
x_8	-0.114	0.480	0.229	22.159	-0.726
x_9	-10.803	-1.262	-0.059	64.402	31.742
x_{10}	0.670	-0.329	-0.066	53.061	11.031
x_{11}	-0.692	0.073	-0.018	3.301	-0.331
x_{12}	0.067	-0.004	0.007	-4.578	-0.663
b	1.709	0.991	0.361	-30.158	-104.288

Таблица 5

Обновленные параметры обучающей и контрольной выборок после фильтрации

Выборка	Период	J_1	J_2	J
Обучающая	Апрель 2009 — 2017 г.	270	41	311
Контрольная	2018 – июнь 2019 г.	24	8	31
Итого	Апрель 2009 — июнь 2019 г.	294	49	342

Таблица 6

Результаты КС из четырех членов для модели (5)

Выборка		J_1			J_2		
		Точность	Полнота	F-мера	Точность	Полнота	F-мера
После фильтрации	Обучающая	100.0%	94.8%	97.3%	74.5%	100.0%	85.4%
	Контрольная	97.1%	72.3%	82.9%	35.0%	87.5%	50.0%
До фильтрации	Контрольная	96.2%	79.4%	87.0%	35.0%	77.8%	48.3%

Таблица 7

Решающее правило для КС из четырех членов

Коэффициенты	Член комитета ($m = 4$)			
	t_1	t_2	t_3	t_4
x_1	-1	1	-1	-1
x_2	2.205	-1.807	0.647	0.727
x_3	9.566	-4.377	-1.294	-0.088
x_4	-2.896	3.309	-0.406	0.048
x_5	6.268	-2.627	-0.029	0.020
x_6	6.572	-4.544	-0.311	0.133
x_7	-12.225	5.931	0.008	0.530
x_8	-16.754	8.318	0.097	-0.211
x_9	16.032	-5.288	0.445	-0.426
x_{10}	0.239	0.425	-0.005	0.095
x_{11}	2.839	-1.463	-0.128	0.173
x_{12}	1.536	-1.089	0.302	0.180
b	14.814	-11.616	0.733	-0.860

Попробуем сравнить данное решение с другими методами классификации, такими как метод опорных векторов, логистическая регрессия, наивный Байесовский классификатор и дерево решений. В табл. 8 показаны результаты по F-мере данных методов на выборках до и после фильтрации наблюдений с весом от 0 до 5 в рамках КС из пяти членов (табл. 4).

Исходя из результатов можно видеть, что среди рассматриваемых методов наилучшие ре-

зультаты показал метод опорных векторов. При этом сравнивая его результат с методом комитетов результат на выборке до фильтрации существенно ниже (более чем на 10% для каждого класса), чем аналогичный результат метода комитетов (Таблица 6), тогда как результат после фильтрации лишь незначительно отличается (для J_1 выше на 0.8%, а для J_2 ниже на 1.8%) от аналогичного результата метода комитетов (Таблица 6).

Дополнительно попробуем посмотреть результаты комитетного решения и метода опорных векторов на графике курса USD/RUB за период 2018—2019 гг. (контрольная выборка), выделив те наблюдения, которые были отнесены к J_2 , каждым из методов. Соответствующий график представлен ниже на рис. 7.

В соответствии с рис. 4 на рассматриваемом периоде действительно удалось распознать основные моменты роста волатильности. По результатам на контрольной выборке видно, что КС из четырех членов дает большее число ложных сигналов, чем метод опорных векторов, однако при этом позволяет выявить большее число моментов роста волатильности. Стоит отметить, что оба метода позволили эффективно выявить самые значимые изменения на рынке.

Таким образом, можно говорить о том, что метод комитетов обладает обобщающей способностью, не уступающей классическим методам классификации данных. При этом его применение позволяет проводить широкий анализ классифицируемых множеств, улучшая разделяющую способность решающих правил. Более того, методология комитетных конструкций дает возможность решать задачи самых разных постановок, гибко подстраиваясь под имеющиеся условия, а полученный результат может быть

Таблица 8

Результаты по F-мере классических методов классификации, %

Выборка		Класс	Метод опорных векторов	Логистическая регрессия	Наивный Байес	Дерево решений
Исходная выборка, расширенная до июня 2019 г.	Обучающая	J_1	78.4	73.5	94.2	100.0
		J_2	37.5	22.0	10.9	100.0
	Контрольная	J_1	71.1	55.9	92.6	88.2
		J_2	31.3	75.0	0.0	25.0
После фильтрации комитетом (табл. 4)	Обучающая	J_1	98.5	79.0	92.1	100.0
		J_2	91.1	39.0	15.1	100.0
	Контрольная	J_1	88.9	69.3	89.8	83.9
		J_2	44.4	30.3	0.0	0.0

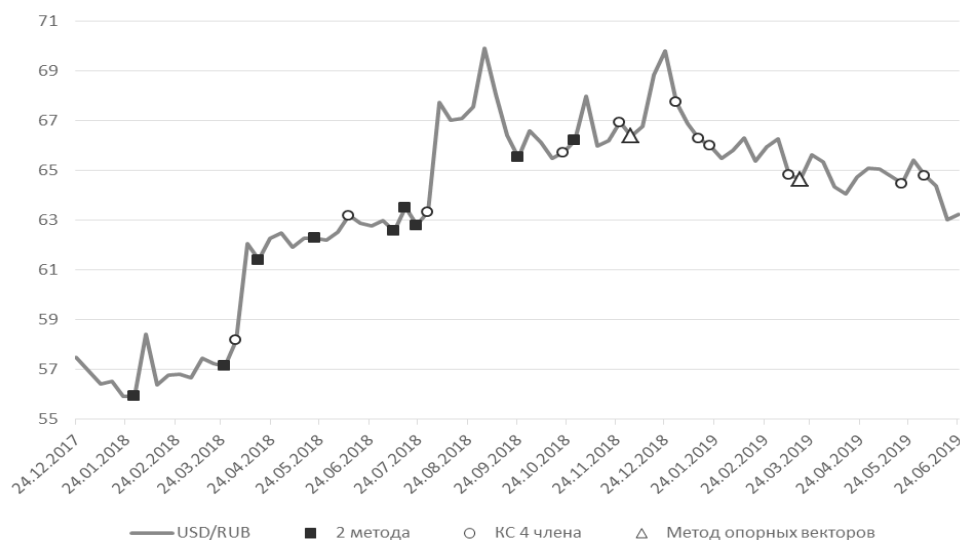

Рис. 7. Распознавание класса J_2 на контрольной выборке

легко интерпретирован в виде стандартных уравнений гиперплоскостей с соответствующей оценкой роли каждого параметра в итоговом результате.

Результатом исследования стали построенные решающие правила, которые могут быть использованы для ведения торговли ценными бумагами с применением опционных стратегий.

Список литературы

1. Ablow, C. M. Inconsistent homogeneous linear inequalities / C. M. Ablow, D. J. Kaylor // Bulletin of the American Mathematical Society. — 1965. — Vol. 71, no. 5.
2. Ablow, C. M. A Committee Solution of the Pattern Recognition Problem / C. M. Ablow, D. J. Kaylor // IEEE Transactions on Information Theory IT-11. — 1965. — Vol. 3. — P. 453—455.
3. Akberdina, V. V. Application of the committee machine method to forecast the movement of exchange rates and oil prices / V. V. Akberdina, N. P. Chernavin, F. P. Chernavin // М. : Дайджест-Финансы. — 2018. — Vol. 23, № 1. — С. 108—120.
4. Nikonov, O. I. Using the Committee Machine Method to Forecasting on the FOREX / O. I. Nikonov, M. A. Medvedeva, F. P. Chernavin // IEEE2015 Second International Conference on Mathematics and Computers in Sciences and in Industry (MCSI). — 2015. — P. 240—243.
5. Акбердина, В. В. Построение рейтинговой модели оценки кредитного риска с применением метода комитетов / В. В. Акбердина, Н. П. Чернавин, Ф. П. Чернавин // Пермский финансовый журнал. 2017. — № 2. — С. 12—23.
6. Акбердина, В. В., Применение метода комитетов к прогнозированию движения валютных курсов и цен на нефть / В. В. Акбердина, Н. П. Чернавин, Ф. П. Чернавин // Финансы и кредит. — 2017. — Т. 23, № 46. — С. 2746—2762.
7. Кувшинов, Б. М. Метод комитетов в задачах распознавания образов в условиях неопределенности априорной информации / Б. М. Кувшинов, О. В. Ширяев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Математика. Механика. Физика. — 2002. — Т. 2, № 3. — С. 34—43.
8. Кувшинов, Б. М. Система классификации многопараметрических объектов для задач распознавания образов с неточной априорной информацией / Б. М. Кувшинов, О. В. Ширяев, Д. В. Богданов, И. И. Шапошник, В. И. Ширяев // Информационные технологии. — 2001. — № 11. — С. 37—43.
9. Кувшинов, Б. М. Адаптивная система распознавания образов для задач принятия решений в условиях неопределенности информации / Б. М. Кувшинов, О. В. Ширяев // Комплексные системы поддержки принятия решений руководителей : сб. науч. тр. — Челябинск: ЮУрГУ, ЦНТИ, 2002. — С. 62—66.
10. Кувшинов Б. М. Система диагностики заболеваний методами распознавания образов и классификации в n -мерном пространстве / Б. М. Кувшинов, О. В. Ширяев, И. И. Шапошник // Информационные технологии. — 2000. — № 6. — С. 43—47.

11. Мазуров, Вл. Д. Комитеты систем линейных неравенств / Вл. Д. Мазуров, М. Ю. Хачай // Автомат. и телемех. — 2004. — № 2. — С. 43—54.
12. Мазуров, Вл. Д. Комитетные конструкции для решения задач выбора, диагностики и прогнозирования / Вл. Д. Мазуров, М. Ю. Хачай, А. И. Рыбин // Тр. ИММ УрО РАН. — 2002. — 8:1. — С. 66—102
13. Мазуров, Вл. Д. Комитетные конструкции как обобщение решений противоречивых задач исследования операций / Вл. Д. Мазуров, М. Ю. Хачай // Дискретн. анализ и исслед. опер. — 2003, сер. 2. — 10:2. — С. 56—66.
14. Мазуров, Вл. Д. Метод комитетов в распознавании образов / Вл. Д. Мазуров, Л. И. Тягунов // Метод комитетов в распознавании образов. — Свердловск : УНЦ АН СССР. — 1974. — С. 10—40
15. Никонов, О. И. Построение рейтинговых групп заемщиков физических лиц с применением метода комитетов / О. И. Никонов, Ф. П. Чернавин // Деньги и кредит. — 2014. — № 11. — С. 52—54.
16. Никонов, О. И. Проблемы классификации: метод комитетов / О. И. Никонов, Ф. П. Чернавин, М. А. Медведева // Устойчивое развитие российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков : сб. материалов XII международной научно-практической конференции. — Екатеринбург. — 2015. — С. 867—874.
17. Никонов, О. И. Применение метода комитетов к решению задач прогнозирования валютного рынка / О. И. Никонов, Ф. П. Чернавин, Н. П. Чернавин // Вестник УИЭУиП. — № 2. — 2015. — С. 32—38.
18. Хачай, М. Ю. О существовании комитета большинства / М. Ю. Хачай // Дискрет. матем. — 1997. — 9:3. — С. 82—95.
19. Хачай, М. Ю. Об оценке числа членов минимального комитета системы линейных неравенств / М. Ю. Хачай // Журнал вычислительной математики и матем. физики. — 1997. — 37:11. — С. 1399—1404.
20. Чернавин, Ф. П. Применение метода комитетов для решения задач классификации / Ф. П. Чернавин. — Екатеринбург : Издательство Уральского Политехнического Университета, 2018. — С. 437—447.
21. Ширяев, В. И. Использование адаптивных методов распознавания образов в задачах принятия решений // В. И. Ширяев, Б. М. Кувшинов // Материалы междунар. науч.-техн. конф. «Искусственный интеллект-2002». — Таганрог, 2002. — С. 161—165.
22. Чернавин Н. П. Применение метода комитетов к прогнозированию движения фондовых индексов / Н. П. Чернавин, Ф. П. Чернавин // М. : Русальянс «Сова», 2015. — С. 307—320.
23. Чернавин, Н. П. Применение метода комитетов в техническом анализе инструментов финансовых рынков / Н. П. Чернавин, Ф. П. Чернавин // Современные научные исследования в сфере экономики: сборник результатов научных исследований. — Киров: Изд-во МЦИТО, 2018. — С. 1052—1062.

Сведения об авторе

Чернавин Николай Павлович — аспирант 3-го года обучения, младший научный сотрудник Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия. ch_k@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 82—94.*

APPLICATION OF THE COMMITTEE MACHINE METHOD TO THE FORECASTING OF THE HIGH VOLATILITY OF THE USD/RUB CURRENCY EXCHANGE RATE

N.P. Chernavin

Institute of economics, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. ch_k@mail.ru

In the article are studied the problems of the committee machine method application to forecast the periods where there is a high probability that there would be high volatility of the USD/RUB currency exchange rate. The committee machine method is a classification method which by application of several linear classifiers, analyzes non-linear links between the data sets. To construct a committee machine, there is used a mixed-integer linear programming model. All calculations were done on the trade data provided by the open data sources of Finam investment company and website Investing.com. This research may be interesting to the professional

traders, investment analysts, specialists in data science, and the students with a mathematical and/or financial specialization. The article was prepared as part of the state assignment for the Institute of economics, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences for 2019 year.

Keywords: *committee machine method, currency exchange market, currency exchange volatility, technical analysis, machine learning, support vector machine.*

References

1. Ablow C.M. & Kaylor D.J. Inconsistent homogeneous linear inequalities. *Bulletin of the American Mathematical Society*, 1965, vol. 71. no. 5.
2. Ablow C. M., Kaylor D. J.: A Committee Solution of the Pattern Recognition Problem. *IEEE Transactions on Information Theory IT-11*, 1965, vol. 3, pp. 453-455.
3. Akberdina V.V., Chernavin N.P., Chernavin F.P. Application of the committee machine method to forecast the movement of exchange rates and oil prices. Moscow.: Digest Finances, 2018, Vol. 23, no. 1. pp. 108-120.
4. Nikonov O.I., Medvedeva M.A., Chernavin F.P. Using the Committee Machine Method to Forecasting on the FOREX. *IEEE 2015 Second International Conference on Mathematics and Computers in Sciences and in Industry (MCSI)*. 2015, pp.240-243.
5. Akberdina V.V., Chernavin N.P., Chernavin F.P. Postroyeniye reytingovoy modeli otsenki kreditnogo riska s primeneniye metoda komitetov [Constructing a rating model for assessing credit risk using the committee machine method]. *Permskiy finansovyy zhurnal* [Perm financial journal]. 2017, no. 2, pp. 12-23. (In Russ.).
6. Akberdina V.V., Chernavin N.P., Chernavin F.P. Primeneniye metoda komitetov k prognozirovaniyu dvizheniya valyutnykh kursov i tsen na neft [Application of the committee method to forecast changes in the currency exchange rates and oil prices]. *Finansy i kredit* [Finance and credit], 2017, Vol. 23, no. 46, pp. 2746 – 2762. (In Russ.).
7. Kuvshinov B.M., Shiryayev O.V. Metod komitetov v zadachakh raspoznavaniya obrazov v usloviyakh neopredelennosti apriornoy informatsii [Committee machine method in the pattern recognition problems with uncertainty of a priori information]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Matematika. Mekhanika. Fizika* [Bulletin of the South Ural State University, series Mathematics. Mechanics. Physics], 2002, vol. 2, no. 3, pp. 34-43. (In Russ.).
8. Kuvshinov B.M., Shiryayev O.V., Bogdanov D.V., Shaposhnik I.I., Shiryayev V.I. Sistema klassifikatsii mnogoparametricheskikh obyektov dlya zadach raspoznavaniya obrazov s netochnoy apriornoy informatsiyey [Classification of the multiparameter objects for the pattern recognition problems with the inaccurate apriori information]. *Informacionnye tekhnologii* [Information technologies], 2001, no. 11, pp. 37-43. (In Russ.).
9. Kuvshinov B.M., Shiryayev O.V. Adaptivnaya sistema raspoznavaniya obrazov dlya zadach prinyatiya resheniy v usloviyakh neopredelennosti informatsii [Adaptive pattern recognition system for decision making tasks in conditions of information uncertainty]. *Kompleksnyye sistemy podderzhki prinyatiya reshenij rukovoditelej* [Integrated management decision support systems: Conference proceedings]. Chelyabinsk, 2002, pp. 62-66. (In Russ.).
10. Kuvshinov B.M., Shiryayev O.V., Shaposhnik I.I. Sistema diagnostiki zabolevaniy metodami raspoznavaniya obrazov i klassifikatsii v n-mernom prostranstve [System for the diagnosis of diseases by pattern recognition and classification in the n-dimensional space]. *Informacionnye tekhnologii* [Information technologies], 2000, no. 6, pp. 43-47. (In Russ.).
11. Mazurov V. D., Khachai M. Yu. Komitety sistem lineynykh neravenstv [Committees of Systems of Linear Inequalities]. *Avtomat. i telemekh* [Automation and Remote Control], 2004, no. 2, pp. 43–54. (In Russ.).
12. Mazurov V.D., Khachai M.Yu., Rybin A.I. *Komitetnyye konstruksii dlya resheniya zadach vybora. diagnostiki i prognozirovaniya* [Committee constructions for solving problems of selection, diagnostics, and prediction]. Works of IMM UB RAS, 2002, Vol. 8, no. 1, pp. 66–102. (In Russ.).
13. Mazurov V.D., Khachai M.Yu. Komitetnyye konstruksii kak obobshcheniye resheniy protivorechivyykh zadach issledovaniya operatsiy [Committee constructions as a generalization of solutions to conflicting tasks in operations research]. *Diskretn. analiz i issled. oper* [Discrete analysis and research. Operas]. 2003, Vol. 2, no. 10, pp. 56–66. (In Russ.).
14. Mazurov V.D., Tyagunov L.I. *Metodkomitetov v raspoznavanii obrazov* [The committee machine method in pattern recognition]. UNS AN USSR, 1974, pp. 10-40. (In Russ.).

15. Nikonov O.I., Chernavin F.P. Postroenie rejtingovyh grupp zaemshchikov fizicheskikh lic s primeneniem metoda komitetov [Constructing rating groups of retail borrowers using the committee method]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], no. 11, pp. 52-54. (In Russ.).
16. Nikonov O.I., Chernavin F.P., Medvedeva M.A. *Problemy klassifikacii: metod komitetov* [Classification problems: committee machine method]. Collection of works of XII international research-practice conference, Yekaterinburg, 2015, pp. 867-874. (In Russ.).
17. Nikonov O.I., Chernavin F.P., Chernavin N.P. Primenenie metoda komitetov k resheniyu zadach prognozirovaniya valyutnogo rynka [Application of the committee machine method to the problems of currency exchange market forecasting]. *Vestnik UIEU&P* [Vestnik UIEU&P], 2015, no. 2, pp. 32-38. (In Russ.).
18. Khachai M.Yu. O sushchestvovanii komiteta bol'shinstva [About existence of a majority logic committee machine]. *Diskret. matem* [Discret mathematics]. 1997, 9:3, pp. 82-95. (In Russ.).
19. Khachai M.Yu. Ob ocenke chisla chlenov minimal'nogo komiteta sistemy linejnyh neravenstv [About estimation of the committee machine members minimum number for a system of the linear inequalities] *ZHurnal vychislitel'noj matematiki i matem. fiziki* [Journal of calculative mathematics and math. Physics], 1997, 37:11, pp. 1399-1404. (In Russ.).
20. Chernavin F.P. Primenenie metoda komitetov dlya resheniya zadach klassifikacii [Application of the method of committees for the solution of classification problems]. *Izdatel'stvo Ural'skogo Politekhničeskogo Universiteta* [Publisher of Ural Polytechnical University], 2018, pp. 437-447. (In Russ.).
21. Shiryaev O.V., Kuvshinov B.M. Ispol'zovanie adaptivnyh metodov raspoznavaniya obrazov v zadachah prinyatiya reshenij [Application of the adaptive pattern recognition methods in the decision making problems]. *Materialy mezhdunar. nauch.-tekhn. konf. «Iskusstvennyj intellekt-2002»* [Materials of international scienc-tech. conference. «Artificial intelligence-2002»]. Taganrog, 2002, pp. 161-165. (In Russ.).
22. Chernavin N.P., Chernavin F.P. *Primenenie metoda komitetov k prognozirovaniyu dvizheniya fondovyh indeksov* [Application of the committee machine method to forecast stock indices changes] Moscow, Publisher "Rusallyance "Sova", 2015, pp. 307-320. (In Russ.).
23. Chernavin N.P., Chernavin F.P. *Primenenie metoda komitetov v tekhnicheskoy analize instrumentov finansovyh rynkov* [Application of the committee machine method in the technical analysis of the financial instruments] MCRTE, 2018, pp. 1052-1062. (In Russ.).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ НА ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Т. А. Петкова

Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия

Одним из перспективных направлений исследований является вопрос о влиянии человеческого капитала на качество управления в организации. Значимость такого подхода возрастает в условиях перехода территориальных систем к цифровой экономике. В статье показывается, что в этих условиях резко возрастают требования к кадрам, предполагающие необходимость вложений в образование, здоровье и переподготовку работников. Это обеспечивает постоянный рост числа высокопроизводительных рабочих мест. Такая кадровая политика является залогом успешного инновационного развития организации и территории. Примером сотрудничества местных властей и бизнеса в этом направлении стала цифровая платформа «Умный город», внедряемая в Екатеринбурге.

Ключевые слова: *человеческий капитал, цифровая экономика, рынок труда, инвестиции, конкурентоспособность, высокопроизводительное рабочее место.*

Во многих странах мира человеческие ресурсы составляют практически половину накопленного национального богатства. На сегодняшний день существует тенденция формирования новой экономики — экономики знаний, глобальных информационных систем. Фундаментом для новой экономики выступает человеческий капитал, который является основной движущей силой социально-экономического развития современного общества.

Если рассматривать Россию в аспекте мирового национального богатства в процентном соотношении, то оно равно 11 [9]. Для примера, в развитых странах этот показатель может достигать до 50%. Национальное богатство на душу населения в нашей стране в 4,4 раза было больше среднемирового уровня. Если брать в расчет общемировые объемы человеческих ресурсов в России, то этот показатель равен 8% и наблюдается тенденция к снижению [9].

Стимулирование развития человеческих ресурсов происходит за счет конкуренции, инвестиций и инноваций. Общество и государство выступают источниками увеличения высококачественного человеческого капитала, определяющими основные направления и темпы развития страны. А если посмотреть с другой стороны, накопленный качественный человеческий капитал лежит в основе инновационной системы и экономики.

Для России человеческий капитал выступает экономическим ресурсом для дальнейшего развития современной экономики. По мнению специалистов, цифровая экономика является толчком экономического прогресса.

Со второй половины XX в. локомотивом экономического развития стали отрасли высоких технологий. Их отличительные характеристики: высокий уровень инвестиционной привлекательности и риска, передовые научные технологии, потенциал роста и ожидаемые доходы [5].

В 2016 г. был опубликован доклад «Глобальный инновационный индекс», который включал в себя анализ инновационных систем 128 стран. Возглавили рейтинг Швейцария, Великобритания, США, Финляндия и Сингапур. Китай вошел в число 25 ведущих стран-новаторов, а Россия заняла 38-е место.

В России существует достаточное количество научных разработок, но есть определенные трудности с их внедрением и эксплуатацией. Если рассматривать период, связанный с технологическими инновациями, с 2010 по 2016 г., то за это время они выросли в несколько раз. Россия по экспорту высокотехнологической продукции на мировом рынке составляет 0,3—0,4%. Если рассматривать предприятия, внедряющие нанотехнологии, то их доля составляет 8%. К тому же с 1992 г. отсутствует спрос на технологические инновации, если не брать в расчет военно-промышленный комплекс, который может стимулировать экономику, но это не его главная задача в нынешних условиях [9].

По указу президента Российской Федерации была разработана и утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», определяющая цели, задачи, направления и сроки исполнения основных мер государственной политики в данной

области. Данная национальная программа направлена на повышение конкурентоспособности, качества жизни населения, поддержку экономического роста и государственный суверенитет. Национальная программа включает в себя еще создание информационного пространства, учитывая потребности населения в получении качественной и достоверной информации, а также формирование нанотехнологической основы для социальной и экономической сфер.

Активизация человеческого капитала является важным фактором эффективной цифровой трансформации экономики. Именно поэтому вопрос развития человеческих ресурсов в рамках увеличения производительности труда является актуальным.

Принимая во внимание тенденции формирования цифровой экономики, можно полагать, что именно концепция управления человеком как один из последних этапов в эволюции управления человеческими ресурсами будет приоритетным направлением в теории кадрового менеджмента и в управлении цифровым предприятием [12].

Это будет связано с привлечением быстро адаптирующихся сотрудников, формированием и развитием цифровых компетенций персонала, разработкой и реализацией соответствующих программ мотивации, обеспечением вовлеченности в процесс изменений в целом.

Если рассматривать управление человеческими ресурсами в цифровой экономике, то решением кадровых вопросов нужно заниматься с инновационным подходом.

Цифровая трансформация включает интеграцию нанотехнологий в аспекты экономической деятельности, в которой необходимо изменить технологию, культуру и принципы при создании новых услуг и продуктов.

Для внедрения цифровой трансформации необходима оперативная обратная связь между предприятиями, находящимися в крупных и маленьких городах, потому что акцент сместится на периферию. Постепенно это все приведет к отказу использования устаревших технологий, которые обходятся предприятию достаточно дорого. Также должны измениться скорость самих процессов, которые поддерживают цифровую трансформацию [8].

Цифровизация, понимается как повсеместное, тотальное внедрение информационных цифровых технологий в жизнь с переводом на цифру всего — это то, что российские власти провозглашают как способ ускорения возврата утраченных экономических позиций. После первоначального анализа озвученных «цифровых» инициатив российские

экономисты высказали ряд важнейших замечаний о том, что же в самой идее и тем более в ее реализации может оказаться голословным [10].

Можно ли при темпах роста в 2% решить главные, по сути, современные проблемы России — рост уровня жизни населения и поддержание комплекса национальных интересов в мире (в бюджете на оборону предусмотрены 18%). С нашей точки зрения — нет, тем более что и вложения в человеческий капитал оставляют желать лучшего [9].

Важным моментом при активном внедрении цифровой экономики в производство являются кадры. Речь идет не только о простых рабочих, но и о руководителях высшего уровня. Новая экономика нуждается в квалифицированных сотрудниках с высокой оплатой труда, имеющих желание вкладывать и развивать свой человеческий капитал. Нынешний рынок труда и работодатели ориентируются на профессиональный и низкооплачиваемый персонал, это препятствует инновационному развитию [3; 7].

В бюджете на 2018 г. те статьи, за счет которых может расти экономика, сокращаются. Повышается доля статей, которые не имеют отношения к развитию.

По расходам на здравоохранение мы занимаем 90-е место в мире. Продолжительность жизни сейчас — 72 года, развитые страны прошли эту отметку на 45 лет раньше. При этом современная «оптимизация» здравоохранения не приводит к снижению смертности в стране [9].

Средняя продолжительность жизни российских мужчин — 66,9, женщин — 77,5 года. При этом до пенсии в России не доживают 40% мужчин. Эту цифру подтверждают данные Росстата за первое полугодие 2017 г. Из 390 тыс. представителей сильного пола, не достигнув 60 лет, умерли более 157 тыс. [Там же].

Если посмотреть статистику с 2008 г., то доля образования во внутреннем валовом продукте сократилась на 15%, так же как и инвестиции в образование и научные исследования [Там же].

На данный момент в каждом государстве экономический уклад и рынок труда попадают под все большее воздействие современных тенденций на рынке труда, стимулирующих дальнейшее развитие. Данную стадию развития экономики мы характеризуем как переход к приоритетности цифрового сегмента в экономике. Цифровой сегмент определим как часть экономических отношений, которая опосредована Интернетом, мобильной связью, информационными и коммуникационными технологиями.

Именно качество используемого человеческого капитала в современной экономике во многом определяет уровень развития и состояния системы.

Цифровую экономику не стоит воспринимать как отдельную от других сферу услуг. Это целостная система, которая основана на использовании нанотехнологий и в будущем должна поменять государственное управление, бизнес, здравоохранение, транспортную сферу, услуги ЖКХ и в том числе кадры. Цифровая экономика — это не просто автоматизация производства, это прежде всего новые бизнес-модели, другой рынок труда и потребители с уклоном на цифровую экономику. Можно наблюдать тенденцию серьезных перемен, когда количество перерастает в качество [11].

Рост цифрового сегмента обусловлен увеличением числа многопрофильных специалистов благодаря развитию интернет-платформ и возможности удаленной работы. Это способствует повышению мобильности работников и обеспечивает комфортные условия труда, привлекает молодых людей на разных уровнях обучения в свободное время. Это связано с особенностью работы, которую можно совмещать с образовательным процессом. Образование в будущем будет играть немалую роль [1].

В рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика» в Екатеринбурге проводилась выставка-форум «Цифровая трансформация энергетики и ЖКХ. Умный город — 2019». На ней эксперты, представители власти, научных сообществ и бизнес-структур из разных регионов страны обсуждали возможности, стандарты и перспективы внедрения инновационных технологий и смарт-технологий в пространственное развитие городов.

На стратегических сессиях, панельных дискуссиях, круглых столах участники форума рассмотрят актуальные цифровые и инженерные решения для применения в городской инфраструктуре и промышленности. И, как отмечают организаторы, обсуждение будет идти на примерах лучших реализованных практик страны.

В Екатеринбурге своеобразным драйвером процесса цифровизации стала концепция «Умный регион». Она обеспечивает внедрение умных технологий во все сферы экономической и социальной жизни и способствует превращению региона в единую территорию цифрового развития. Сегодня смарт-сервисы уже успешно внедряются в энергетике, жилищно-коммунальном хозяйстве и транспортном обслуживании населения, ис-

пользуются для обеспечения безопасности жителей области.

Чтобы соединить указанные подходы в целях централизованного управления и эффективного обмена данными, необходимо использовать возможности цифровой платформы «Умный город». В настоящее время в этой части получены реальные результаты работы, и их можно рекомендовать к применению в городах Свердловской области и — в ближайшей перспективе — на территории Уральского федерального округа [13].

Процессы цифровизации в сфере экономики и в социальной сфере развиваются высокими темпами, вследствие чего формируются новые требования, которые предъявляются к жилищно-коммунальному хозяйству и энергетическому комплексу. В этом отношении процесс цифровизации ставит высокие задачи перед местной властью — региональной и муниципальной, а также перед предприятиями. Первая из них — совместными усилиями власти и бизнеса разработать стратегию построения IT-платформ региона и принять единые для всех участников процесса принципы и критерии цифровизации для достижения оптимальных результатов.

При переходе к цифровой экономике проблема управления человеческим капиталом встает как на уровне отдельного предприятия, так и на государственном уровне. Но и в том и в другом случае ее решение предполагает общий подход — управление человеческим капиталом нацелено на эффективное использование человеческого потенциала отдельной организации и общества в целом и предполагает вместе с тем реализацию интересов каждого индивида [6].

Человеческий потенциал организации складывается из различных показателей: квалификация, возраст, ориентация работников на выполнение задания. Организация и управление этим потенциалом предполагает решение следующих вопросов: во-первых, комплектование необходимого кадрового состава работников, отвечающего задачам, которые стоят перед предприятием; во-вторых, совершенствование и развитие профессионального уровня работников, с тем чтобы повысить качество выпускаемой продукции и степень ее конкурентоспособности на рынке; в-третьих, обеспечить системное планирование карьеры работников и продвижение наиболее способных из них.

И в целом эта сторона менеджмента предприятия, связанная с человеческими ресурсами должна осуществляться на основе плана, вестись системно

и последовательно. Эти планы должны стать продолжением, частью стратегической концепции работы с персоналом, а по существу — осуществлением политики организации в кадровой области. Такая политика предполагает пошаговую последовательность сложившихся операций управленческого характера. Это определение потребности в рабочей силе, разработка методов и процедур отбора кандидатов, прием новых работников на основе отбора, их аттестация [2].

Эти операции, которые можно отнести к функциям управления человеческим потенциалом организации, направлены на решение задач организации в области кадровой политики, но вместе с тем они должны находиться в определенном соответствии с интересами работников. Результатом такого совпадения целей кадровой работы и интересов работников является рост доходов работников, обусловленный повышением их квалификации, расширением компетенций. Последнее достигается на основе планомерной работы по развитию персонала, включая обучение, профессиональное развитие и проведение аттестации с целью установления уровня их компетенций. Стимулирующее воздействие на работников оказывает не только установление социальных выплат передовикам, но и совершенствование организационной культуры и поддержание психологической атмосферы сотрудничества и творчества [14].

Осуществление кадровой политики требует в ряде случаев (повышение квалификации, социальные выплаты) больших затрат, которые сокращают прибыль предприятия. Такое расходование средств, «непроизводительное», с точки зрения собственников, страдающих стратегической «близорукостью», вызывает известное сопротивление, стремление сэкономить на кадровых вопросах. Закономерным итогом такого отношения к кадровой политике будет замедление темпов роста, переходящее в стагнацию.

Данная нередко встречающаяся ситуация осложняется еще и тем обстоятельством, что кадровый менеджмент по своему содержанию, задачам и технологиям существенно отличается от традиционных управленческих действий, связанных, например, с разработкой производственного плана или плана закупки необходимых для производства сырья и материалов. Ему уделяется недостаточное внимание, нередки случаи некачественного планирования, ошибок и просчетов в области кадровой работы.

Проблемы в области планирования трудовых ресурсов возникают уже на начальном ее этапе,

когда определяются цели и задачи, которые должен будет выполнять тот или иной работник, когда идет разработка должностной инструкции, определяются уровень квалификации работника и набор его компетенций. Способ избежать ошибок подобного рода — выявление потенциала работника и определение путей его рационального использования в соответствии с интересами предприятия и самого работника. Вне поля зрения менеджмента персонала не должны остаться также вопросы общей культуры, уровень которой также влияет на конечную эффективность его профессиональных усилий [15].

Забвение принципа сочетания интересов предприятия, с одной стороны, и работника, с другой, рано или поздно породит недовольство работника своим положением, оборотной стороной чего будет снижение качества его работы, его трудовых показателей, а возможно, и уход с предприятия. Замена ушедшего работника на нового приведет к дополнительным расходам, станет своеобразной трансакцией. Надолго ли задержится новый работник, если не будут выявлены и устранены причины увольнения предыдущего? Скорее всего, нет.

Одна из ключевых задач менеджмента персонала в области развития человеческого потенциала предприятия — выявление и устранение причин текучки кадров. Надо иметь в виду, что недочеты в кадровой политике ведут не только к финансовым издержкам, но и существенно влияют на репутацию предприятия, формируют его негативный имидж в профессиональной среде и на рынке трудовых ресурсов. Особенно в том случае, если о причинах своего ухода работник выскажется публично, используя для этого новые каналы массовой информации, в частности возможности Интернета. Это ставит перед менеджментом новую и во многом непривычную задачу — организацию диалога между структурами, которые обеспечивают работу с персоналом, и коллективом работников, особенно по поводу «проблемных зон».

Непрерывный зондаж отношения работников к условиям труда должен сопровождаться дифференцированным подходом при установлении дополнительных стимулов, разработкой системы стимулирования применительно к каждому рабочему месту. Конечная цель разработки индивидуальных стимулов — профилактика возникновения «проблемных зон» в организации производства, во-первых, и повышение производительности труда, работников, создание высокопроизводительных рабочих мест, во-вторых. И, конечно, решающий пункт здесь — определение оптимального уровня

заработной платы. В этом очень важном вопросе следует руководствоваться все тем же принципом сочетания интересов. Нарушение его как со стороны предприятия, так и, что нередко, завышенные запросы со стороны работника, не способствуют нормальной трудовой атмосфере в коллективе [4].

Широкое использование набора рабочей силы со стороны может порождать сложности, одна из которых — отсутствие гарантий того, что новые работники смогут внести свой вклад в успешную работу предприятия, быстро включиться в сложившуюся систему отношений внутри коллектива. Поэтому предприятия часто прибегают к кадровой стратегии, основанной на рациональном использовании имеющегося человеческого потенциала. Карьерное продвижение работников, ротация кадров — приемы, снижающие степень риска при принятии кадровых решений и транзакционные издержки на его производственную и психологическую адаптацию.

Но у этой стратегии есть и ряд недочетов. Главный из них состоит в том, что отсутствие новых людей в коллективе чревато нарастанием инерционных явлений как в области внутренних взаимоотношений, так и относительно потенциала креативности, ростом рутинности и шаблонов произ-

водственного и психологического рода. Но независимо от избранной стратегии кадровая политика будет эффективной при условии, что для работников станет очевидной зависимость карьерного роста и увеличения оплаты труда от результатов труда каждого из них.

Еще одна важная грань процесса управления человеческим капиталом предприятия — вопрос о контроле труда работников и его организации. Это необходимый момент управления, но его осуществление должно быть избирательным и индивидуализированным — в зависимости от характера труда (творческий или исполнительский), состояния трудовой дисциплины в коллективе и персональной дисциплинированности и ответственности того или иного работника. В любом случае контроль не должен быть подчеркнутым, отвлекать работников от исполнения их обязанностей, нивелировать их индивидуальные особенности. И, что не менее важно, по результатам контроля администрация должна сформулировать ту или иную оценку труда работника, сопровождая ее выводами о соответствии либо несоответствии работника занимаемой должности, мерами по изменению материального и морального стимулирования, либо ставить вопрос о прекращении трудовых отношений.

Список литературы

1. Беккер, Г. Человеческий капитал (главы из книги) / Г. Беккер // США: экономика, политика, идеология. — 1993. — № 11. — С. 119—134.
2. Вереникин, А. О. Человеческий капитал: концептуальные основания и особенности проявления / А. О. Вереникин // США — Канада: экономика, политика, культура. — 2015. — № 3. — С. 85—100.
3. Володин, В. М. Влияние цифровой экономики на трансформацию человеческого капитала / В. М. Володин, И. А. Питайкина, С. А. Влазнева // Экономические науки. — 2018. — № 6 (163). — С. 44—48.
4. Гвоздева Е. С. Человеческий капитал как фактор развития России / Е. С. Гвоздева // ЭКО. — 2016. — № 7. — С. 134—138.
5. Добрынин, А. Н. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А. Н. Добрынин, С. А. Дятлов, Д. Е. Цыренова. — СПб. : Наука, 1999. — 309 с.
6. Егоров, Е. Человеческий фактор и экономический рост в условиях постиндустриализации / Е. Егоров // Вопросы экономики. — 2014. — № 5. — С. 85—96.
7. Киященко, Л. Т. Качество трудовых ресурсов как фактора инвестиционного развития региона / Л. Т. Киященко // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2017. — № 2. — С. 40—42.
8. Мау, В. Человеческий капитал: вызов для России / В. Мау // Вопросы экономики. — 2012. — № 7. — С. 114—132.
9. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 12.09.2019).
10. Питайкина, И. Н. Формирование нового качества человеческого капитала в условиях цифровой экономики / И. Н. Питайкина, С. А. Влазнева // Вопросы экономики и права. — 2018. — № 7 (121). — С. 39—44.
11. Плячкайтене, И. М. Становление и развитие теории человеческого капитала / И. М. Плячкайтене // Молодой ученый. — 2011. — № 7. — С. 102—104.

12. Ткаченко, А. Концепция человеческого капитала и национальная стратеги развития / А. Ткаченко // Проблемы теории практики управления. — 2017. — № 5. — С. 94—105.
13. Чеботарев, Н. Человеческий капитал — неотъемлемый фактор экономического роста / Н. Чеботарев // Маркетинг. — 2015. — № 4. — С. 103—121.
14. Черных, С. А. Человеческий капитал: реалии настоящего и необходимость развития в будущем / С. А. Черных // Креативная экономика. — 2008. — № 5 (17). — С. 74—77.
15. Шамарова, Г. М. Проблемы управления человеческим потенциалом / Г. М. Шамарова // Управление персоналом. — 2008. — № 8. — С. 50—54.

Сведения об авторе

Петкова Тамара Алексеевна — аспирантка кафедры экономики и управления Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия. tamara.petkova@ui.ranepa.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 95—101.*

EFFICIENCY OF HUMAN CAPITAL MANAGEMENT IN THE REGION IN THE DIGITAL ECONOMY

T.A. Petkova

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Russia, Ekaterinburg. tamara.petkova@ui.ranepa.ru*

One of the promising areas of research is the question of the impact of human capital on the quality of management in the organization. The importance of this approach increases in the transition of territorial systems to the digital economy. In the article, it is shown that in these conditions, requirements for personnel assuming need of investments in education, health and retraining of workers increase. This ensures a constant growth in the number of high-performance jobs. Such personnel policy is the key to successful innovative development of the organization and the territory. An example of cooperation between local authorities and business in this direction was the digital platform “Smart city” implemented in Yekaterinburg.

Keywords: *human capital, digital economy, labor market, investments, competitiveness, high-performance workplace.*

References

1. Becker G. Chelovecheskij kapital (glavy iz knigi) [Human capital (chapters from the book)]. *SSHA: ekonomika, politika, ideologiya* [USA: economics, politics, ideology], 1993, no. 11, pp. 119-134. (In Russ.).
2. Verenikin A. O. Chelovecheskij kapital: konceptual'nye osnovaniya i osobennosti proyavleniya [Human capital: conceptual bases and features of manifestation]. *SSHA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA-Canada: economy, politics, culture], 2015, no. 3, pp. 85-100. (In Russ.).
3. Volodin V.M., Pitaykina I.A., Vlazneva S.A. Vliyanie cifrovoj ekonomiki na transformaciyu chelovecheskogo kapitala [The impact of the digital economy on the transformation of human capital]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2018, no. 6 (163), pp. 44-48. (In Russ.).
4. Gvozdeva E. S. Chelovecheskij kapital kak faktor razvitiya Rossii [Human capital as a factor of Russia's development]. *EKO* [ECO], 2016, no. 7, pp. 134-138. (In Russ.).
5. Dobrynin A. N., Dyatlov S. A., Tsyrenova D. E. *Chelovecheskij kapital v tranzitivnoj ekonomike: formirovanie, ocenka, effektivnost' ispol'zovaniya* [Human capital in the transitive economy: formation, evaluation, efficiency of use]. St. Petersburg, Science” 1999. 309 p.
6. Egorov E. the Chelovecheskij faktor i ekonomicheskij rost v usloviyah postindustrializacii [Human factor and economic growth in the context of post-industrialization]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2014, no. 5, pp. 85-96. (In Russ.).

7. Kiyashchenko L.T. Kachestvo trudovyh resursov kak faktora investicionnogo razvitiya regiona [Quality of labor resources as a factor of investment development of the region]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii* [Competitiveness in the global world : Economics, science, technology], 2017, no. 2, pp. 40-42. (In Russ.).
8. Mau V. Chelovecheskij kapital: vyzov dlya Rossii [Human capital: challenges for Russia]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2012, no. 7, pp. 114-132. (In Russ.).
9. *Official site of Rosstat*. Available at: <http://www.gks.ru>, accessed 12.09.2019. (In Russ.).
10. Pitaykina I.N., Vlazneva S.A. Formirovanie novogo kachestva chelovecheskogo kapitala v usloviyah cifrovoy ekonomiki [The formation of a new quality of human capital in the digital economy]. *Voprosy ekonomiki i prava* [Issues of Economics and Law], 2018, no. 7 (121), pp. 39-44. (In Russ.).
11. Plyachkaytene I.M. Stanovlenie i razvitie teorii chelovecheskogo kapitala [Formation and development of the human capital theory]. *Molodoj uchenyj* [The young scientist], 2011, no. 7, pp. 102-104. (In Russ.).
12. Tkachenko A. Konceptiya chelovecheskogo kapitala i nacional'naya strategi razvitiya [Concept of human capital and national development strategy]. *Problemy teorii praktiki upravleniya* [Problems of theory and practice of management], 2017, no. 5, pp. 94-105. (In Russ.).
13. Chebotarev N. Chelovecheskij kapital – neot'emlemyj faktor ekonomicheskogo rosta [Human capital-an integral factor of economic growth]. *Marketing* [Marketing], 2015, no. 4, pp. 103-121.
14. Chernykh S.A. Chelovecheskij kapital: realii nastoyashchego i neobhodimost' razvitiya v budushchem [Human capital: the realities of the present and the need for development in the future]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative industry], 2008, no. 5 (17), pp. 74-77. (In Russ.).
15. Shamarova G.M. Problemy upravleniya chelovecheskim potencialom [Human potential management problems]. *Upravlenie personalom* [Personnel management], 2008, no. 8, pp. 50-54. (In Russ.).

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 11 (433). Экономические науки. Вып. 67. С. 102—110.

УДК 339.13
ББК 65.291.31

DOI 10.24411/1994-2796-2019-11111

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ АДДИКТИВНЫХ ТОВАРОВ

Р. Ю. Скоков, Л. В. Попова

Волгоградский государственный аграрный университет, Волгоград, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-410-340006, р_а.

Статья посвящена анализу особенностей экономического поведения потребителей аддиктивных товаров для повышения эффективности государственного регулирования соответствующих рынков: увеличение предельной полезности потребления аддиктивных товаров по мере роста их потребления в прошлом; низкая эластичность спроса по доходу и цене; нулевая полезность для полностью зависимо-го потребителя иных товаров, кроме аддиктивных; по мере развития привыкания разнообразные предпочтения потребителей изменяются в пользу аддиктивных и в пределах ограниченного промежутка времени могут рассматриваться как стабильные; с развитием привыкания утрата связи потребления аддиктивных товаров с бюджетным ограничением и покрытие дефицита из криминальных источников. Злоупотребление аддиктивными товарами характеризуется наличием обратной связи между изменением прибыльности человеческого капитала и издержками потребителя. В практике государственного регулирования рынков аддиктивных товаров важно учитывать: дифференцированное применение методов и средств сокращения спроса в зависимости от степени привыкания потребителей; инвестиции в снижение деградации человеческого капитала от потребления аддиктивных товаров являются фактором, способствующим экономическому росту; наиболее эффективным способом оптимизации потребления аддиктивных товаров является сочетание экономических и неэкономических регуляторов спроса.

Ключевые слова: аддиктивные товары, потребительское поведение, государственное регулирование, человеческий капитал.

Введение

По исследованиям, 45,9 млн чел. взросло-го населения страны потребляют алкогольные напитки (ВЦИОМ), 37,6 млн — табачные изделия (Минздрав), около 29 млн — энерготоники (Ромир), 7,3 млн — наркотики (ФСКН) [Скоков, 2019]. Функционирование рынков данных товаров сопровождается широким спектром эффектов для государства, общества, бизнеса, потребителей. В 2016 г., с одной стороны, сумма поступлений в российский бюджет от акцизов на табачные изделия составила 466,9 млрд руб., на крепкую алкогольную продукцию — 164,2 млрд руб., пиво — 148,3 млрд руб. С другой стороны, в 2016 г. смертность по причинам, связанным с употреблением алкоголя, составила 56,3 тыс. чел. (Росстат), наркотиков — 90 тыс. (ФСКН), курением — 330—400 тыс. чел. (Эксперты). Число

преступлений, совершенных лицами, находящи-мися в состоянии алкогольного опьянения, — 440,2 тыс. в 2016 г. (Росстат). Удельный вес пре-ступлений в состоянии опьянения в общем их количестве увеличился с 8,7% в 2007—2011 гг. до 17,8% в 2012—2016 гг. Уровень использова-ния легальных производственных мощностей, например, по алкогольной продукции — менее 30%, а доля теневого сектора — 70%. Доля неле-гальных сигарет в 2018 г. достигла 8,4% обще-го объема российского табачного рынка против 4,5% в 2017 г.

Основными рынками аддиктивных товаров являются: алкогольная и спиртосодержащая про-дукция, табачные изделия, электронные сигареты, энергетические напитки, наркотики, азартные игры. Их функционирование происходит со зна-чительными отклонениями от стандартных эконо-

мических моделей и закономерностей, без исследования и учета которых трудно проводить эффективное государственное регулирование.

Цель исследования — выявить особенности экономического поведения потребителей аддитивных товаров, важные для эффективного государственного регулирования соответствующих рынков.

Методология

В исследовании важную роль сыграл междисциплинарный синтез экономического знания с экономической социологией, психологией, аддиктологией, наркологией, что актуализировало необходимость институционального подхода. Были использованы методы экспертных оценок, анализа, синтеза, аналогии, сравнения, статистический.

Полезность аддитивных товаров

На рис. 1 график общей полезности обычного товара (TU_a) показывает, что если сначала общая полезность товара растет, то после некоторой точки она убывает.

Кривая предельной полезности обычного товара (MU_a) показывает, что полезность потребляемых одна за другой частей товара постепенно убывает, поскольку растет степень удовлетворения потребителей. График общей полезности наркотиков (TU_n) показывает постоянный рост общей полезности. Кривая предельной полезности наркотиков (MU_n) показывает, что полезность потребляемых одна за другой доз наркотика постепенно растет. В случае наркотиков предельные издержки их потребления повышаются с длительностью их приема и с продолжительностью предыдущей интоксикации, поскольку при введении одинаковых доз наркотика в организм его действие постепенно снижается [8. С. 7].

Кривые безразличия на аддитивные товары

На рис. 2 представлены кривые потребительского безразличия на наркотика и любой другой возможный товар [6. С. 184—185].

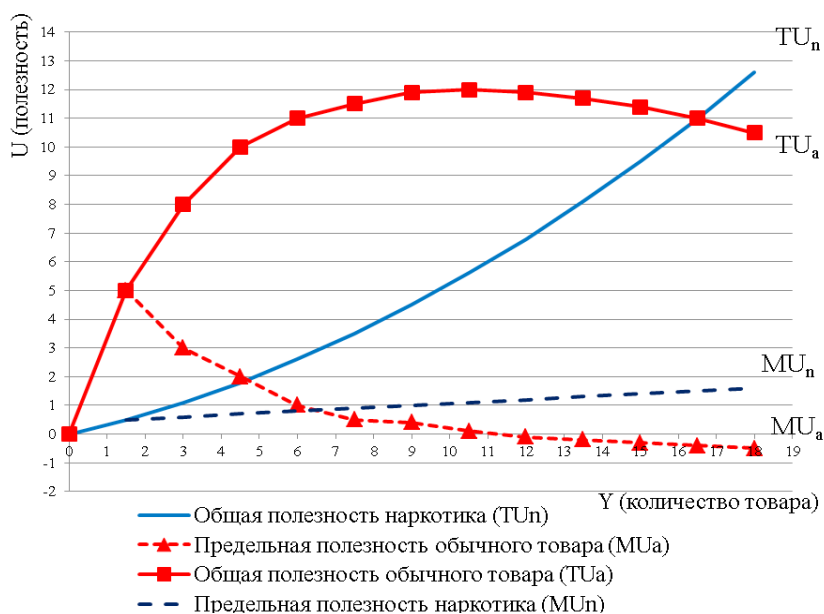

Рис. 1. Общая и предельная полезность обычного товара и наркотика

Наркотики и любой другой товар соотносятся между собой как исключительные безразличные товары. На кривой IC_1 потребляется один наркотик (ситуация «без выбора», $MRS = 0$), на который тратится весь доход, поэтому точки бюджетной линии и кривой безразличия лежат на оси Q_n . После удовлетворения потребности в наркотике появляется ситуация с возможностью выбора ($MRS = 1$) между наркотиком и другими возможными товарами, что показывают классические бюджетные линии IC_2, IC_3, IC_4 .

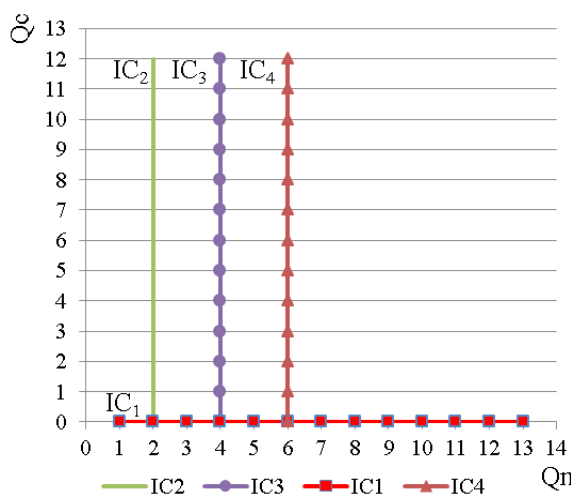

Рис. 2. Кривые потребительского безразличия на наркотика и другие товары [IC_1, IC_2, IC_3, IC_4 — кривые безразличия (лат. *indifferentiam curva*); Q_n — количество наркотика; Q_c — количество любого возможного товара, кроме наркотика]

Спрос на аддитивные товары и кривые Торнквиста

На рис. 3 представлены кривые Л. Торнквиста для трех групп товаров: первой необходимости (I), второй необходимости (II), предметов роскоши (III) [2] и кривая для АТ (IV).

Начинающий потребитель наркотиков может сомневаться, тратится ли ему на них, и можно было бы предположить, что спрос на эту группу товаров возникает только после того, как доход достигает величины b_1 или b_2 . Однако наркоторговцы часто предоставляют потребителю первую дозу бесплатно — через друзей или напрямую. Для упрощенного вхождения на рынок первая покупка наркотиков дешева и не отражается существенно на бюджете потребителя. Также потребителю на легальном и теневом рынках предлагаются алкогольная продукция, табачные изделия и другие аддитивные товары различной ценовой категории. Поэтому спрос на аддитивные товары в модели может возникнуть при любом доходе, как на товары первой необходимости. Если потребление товара перестает увеличиваться при любом увеличении дохода (или любом снижении цен), то можно говорить о насыщении потребности в нем. Достигнутый уровень его потребления — предельный. На высшем пределе рыночный спрос на аддитивные товары, как и на многие товары первой необходимости, определяется физиологическими возможностями человека. Даже законченный наркоман старается контролировать принимаемую дозу, чтобы она не стала последней. Характер спроса на наркотики подчеркивает статус владельца, например, как на товары первой необходимости. Потребитель неспособен покинуть рынок в результате сознательного экономического выбора. Его социальное и экономическое поведение целиком и полностью

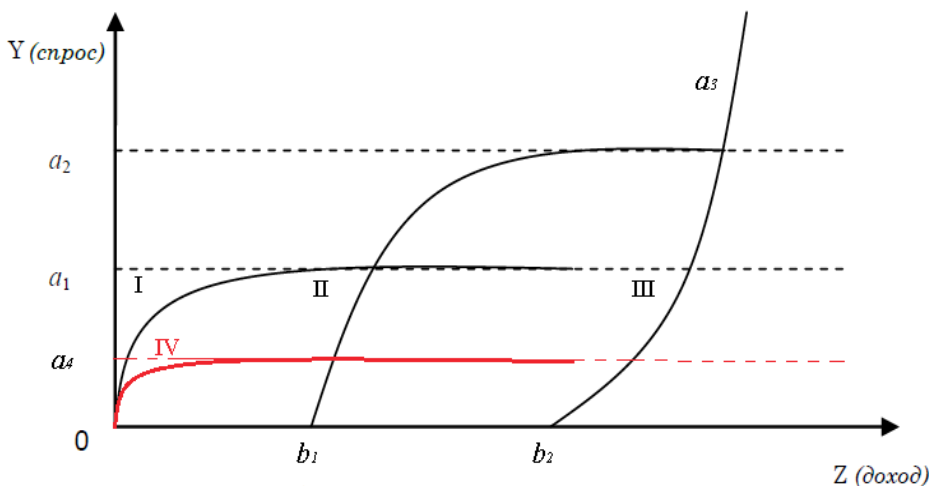

Рис. 3. Кривые спроса на аддитивные товары и кривые Торнквиста

направлено на поиск средств платежа на рынке наркотиков. По мере возрастания аддитивности наркоман готов присваивать и обменивать на наркотики все больше доступных ему легитимных и нелегитимных ресурсов. Очевидно, что траектория развития наркомании имеет тенденцию возрастания. Однако закономерности, по которым строится модель рынка наркотиков и которыми она отличается от модели других рынков, проявляют себя в движении к безвозвратной точке крайней зависимости. Смерть наркомана от передозировки, как правило, является пределом спроса на наркотики, что наблюдается и когда наркоман прекратил их принимать.

Для аддитивного товара (кривая IV) спрос возникает при любом доходе, растет, постепенно замедляется (так, что $d^2y/dz^2 < 0$) и имеет уровень насыщения (предел) a_4 , то есть кривая асимптотически приближается к a_4 . Функцию спроса на аддитивный товар можно представить:

$$y = \frac{a_4 \cdot z}{z + c_4} \quad (1)$$

Человеческий капитал потребителя аддитивных товаров

Приобретение наркотиков и потребление их приводит к снижению качества рабочей силы или человеческого капитала. Снижение капитала сопровождается сокращением сферы его применения и эффективности. Это, в свою очередь, приводит к снижению доходов потребителя. При этом спрос на наркотики не снижается, а наоборот, продолжает расти. Потребитель тратит последнее, но эффективность снижается еще больше. Таким образом, приобретение и потребление наркотиков приводят к снижению имеющегося дохода с пределом до нуля, в том числе в случаях, когда доход не зависит от аддитивной деятельности. Даже если потребность остается на прежнем уровне, платежеспособный спрос снижается. При аддитивном поведении, продиктованном аддитивным потреблением, возникает противоречие, при котором потребитель ищет способы удовлетворения высокой потребности при

низком платежеспособном спросе. Наркоман, потерявший возможность увеличить доход легальными способами, выходит за пределы юридических и этических норм. Постоянная забота о том, чтобы доход обеспечивал непроизвольно растущий спрос, составляет основное содержание экономического поведения наркозависимого потребителя — настойчивого стремления к обретению наркотиков (drug seeking behavior — DSB-доход) [6. С. 199].

Доход наркомана по степени легальности формирования можно разделить на два источника: легальный (Z_{IS}) и криминальный DSB-доход (Z_{DSB}).

$$Z_{\Sigma} = Z_K + Z_{DSB}. \quad (2)$$

Чем меньше легальный доход потребителя (Z_{IS}), тем больше потребность в криминальном DSB-доходе (Z_{DSB}).

По мере роста потребления наркоман утрачивает и человеческий капитал в его классической трактовке Г. Беккера, как имеющийся запас знаний, навыков, мотиваций [1. С. 649]. Под человеческим капиталом понимаем только конструктивную составляющую, не связанную с развиваемыми знаниями, навыками, мотивацией по добыванию наркотиков. Доход с человеческого капитала выражается в заработной плате, дивидендах, вкладах на счетах, имуществе, выручке от личного подсобного хозяйства и т. д. При прочих равных условиях с ростом расходов наркомана на аддитивные товары будет сокращаться его личный легальный доход с человеческого капитала, однако с учетом низкой эластичности спроса на наркотики будет увеличиваться доля криминального DSB-дохода.

Потребитель рационально стремится увеличить доход, и, если бы его доход имел только легальные источники и при этом не был бы ниже затрат на покупку наркотиков, его экономическое поведение не отличалось бы от поведения рациональных и законопослушных потребителей любых других рынков.

Основной характеристикой аддитивных товаров, по мнению Г. Беккера, Б. Гордона и Б. Сунна, М. Пономаревой, является «увеличивающееся потребление со временем», «усиление влечения», «развитие у потребителя зависимости». С подобным критерием про многие обычные товары можно сказать, что они являются аддитивными. Графики потребления товаров первой необходимости и наркотиков также схожи, однако на них не отражено изменение человеческого капитала. Разница между товарами первой необходимости и наркотиками — во влиянии на че-

ловеческий капитал. Поэтому важно подчеркнуть, что рост потребления аддитивных товаров, например наркотиков, приводит к снижению дохода с человеческого капитала, деструктивным последствиям в субъекте потребления, деструктивному поведению покупателей этих товаров. Деграция человеческого капитала потребителя аддитивных товаров означает сокращение доходов индивидов из-за снижения учебной успеваемости и производительности труда, ухудшения здоровья, несчастных случаев, отравлений, рискованного сексуального поведения и др.

По мнению А. Брюхова, «человеческий капитал представляет определенную стоимость для работодателя в виде арендной (заработной) платы, а также инвестиций в него, при этом данный капитал создает добавленную стоимость, в том числе прибыль» [3]. По данным Федеральной службы государственной статистики, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике России в 2015 г. составила 34,03 тыс. руб. [4]. Существует очевидная и прямая зависимость между темпами роста валового внутреннего продукта и темпами увеличения национального человеческого капитала, поскольку в развитых странах основной прирост валового внутреннего продукта (до 85 %) обеспечивается за счет увеличения национального человеческого капитала [10]. Прогноз средних темпов роста реального валового внутреннего продукта мировой экономики на уровне 3 % в год [16] можно экстраполировать на изменение человеческого капитала потребителя обычных товаров, который развивается за счет приобретенного опыта, квалификации, правильного питания. График человеческого капитала потребителя обычного товара (HC_n) на рис. 4 показывает его рост со временем $HC_{n0} \leq HC_{nt}$ (за 10 лет увеличился на 34,4 %).

Главным фактором формирования человеческого капитала является личное потребление. Причем при потреблении жизненно необходимых товаров обеспечивается простое воспроизводство человеческого капитала, а при потреблении, например, услуг образования, науки, медицины обеспечивается расширенное воспроизводство человеческого капитала. Человеческий капитал у работника, который стал потреблять аддитивные товары в ненормальных дозах, будет падать. Результаты исследования В. Кима и С. Рощина показали, что чрезмерное потребление алкогольной продукции мужчинами снижает вероятность занятости, заработную плату и часы работы [7]. Женщина в среднем спивается за 3—5 лет регулярного употребления алкогольной

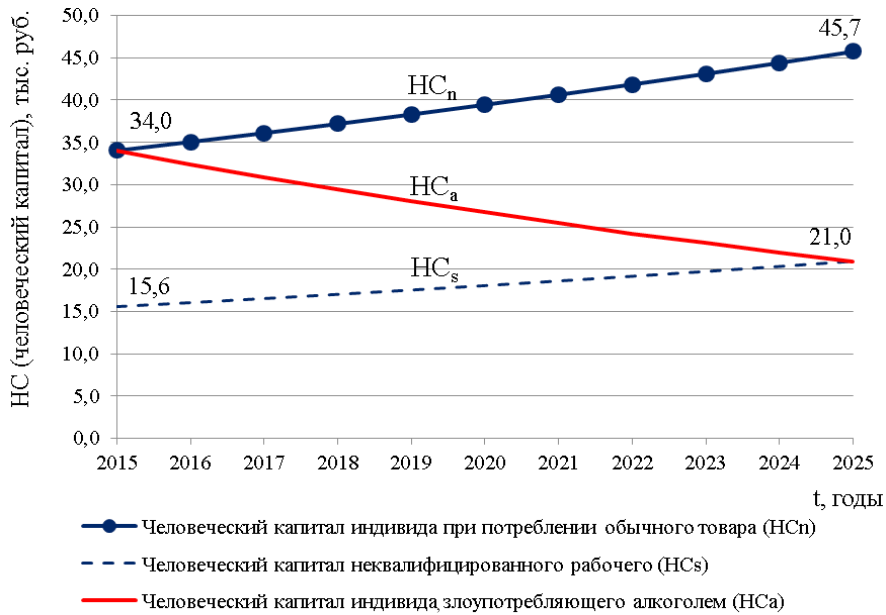

Рис. 4. Человеческий капитал потребителя обычного и аддитивного товара

продукции, мужчина — за 8—9 лет [9]. Трудовой кодекс России предусматривает основание для расторжения трудового договора по инициативе работодателя в случае появления работника в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения [11]. Руководители предприятий отмечают злоупотребление алкогольной продукцией как третью по важности проблему в сфере здоровья сотрудников (после курения и сердечно-сосудистых заболеваний), и, по мнению большинства (74%), злоупотребление алкогольной продукцией оказывает негативное влияние на деятельность компаний [Там же]. Поэтому велика вероятность того, что алкоголик лишится стабильного источника заработной платы, будет заниматься низкооплачиваемым простым трудом неквалифицированного рабочего. Доля неквалифицированного труда в валовом внутреннем продукте развитых и развивающихся стран, включая Россию, становится все меньше, а в технологически передовых странах она уже исчезающе мала [5], поэтому человеческий капитал неквалифицированного рабочего будет увеличиваться в соответствии темпом роста реального валового внутреннего продукта мировой экономики, а может остаться и на неизменном уровне. Человеческий капитал работника со средней квалификацией и оплатой труда с началом потребления алкогольной продукции в ненормальных дозах может падать до уровня оплаты труда неквалифицированных рабочих, который, по статистике (2005—2013), составляет около 45—47% к средней начисленной заработной плате работников [15], а может и далее стремиться к нулю. График человеческо-

го капитала работника, злоупотребляющего алкогольной продукцией (HC_a), показывает его падение по мере роста зависимости ($HC_{a0} \leq HC_{at}$) (за 10 лет уменьшился на 39% при оптимистическом прогнозе). При этом чем больше экономический потенциал аддитивного товара, тем выше скорость уменьшения человеческого капитала (за исключением потребления в медицинских целях, например, спирта или наркотиков, когда может сохраняться и даже увеличиваться человеческий капитал). В итоге человеческий капитал потребителя с крайней формой алкогольной зависимости может оказаться в 2,2 раза ниже человеческого капитала нормально развивающегося работника, воздерживающегося от потребления или умеренно потребляющего АП. То есть $HC_{at} / HC_{nt} \leq 1$, при $t = 0$ $HC_{a0} = HC_{n0}$, в других случаях $HC_{at} < HC_{nt}$.

Для эффективной реализации меры государственного регулирования рынков аддитивных товаров должны разрабатываться специально для этапов аддитивного поведения потребителя:

1. Начальная точка аддитивного потребления. Цель государственных мер — в ограничении начала аддитивного потребления.
2. Аддитивное потребление. Цель государственных мер — в замедлении деградации человеческого капитала и возврате потребителя к нормальному развитию.
3. Предельная точка аддитивного потребления и деградации человеческого капитала. Цель государственного регулирования — в возврате потребителя к нормальному развитию, а при невозможности — снижение отрицательных экстерналий эффектов.

Потребление аддитивных товаров предлагается оценивать показателем доходности (убыточности) применения человеческого капитала (I_Y^{HC}):

$$I_Y^{HC} = \frac{\Delta HC / HC_{n-1}}{\Delta Y / Y_{n-1}}, \quad (3)$$

где HC — человеческий капитал, выраженный в доходе, Y — расходы потребителя на аддитивные товары.

Изменения дохода и расхода определяются следующим образом:

$$\Delta HC = HC_n - HC_{n-1}, \Delta Y = Y_n - Y_{n-1}. \quad (4)$$

Расходы на аддитивные товары неэффективны, поскольку доход с человеческого капитала имеет тенденцию снижаться. Потребление аддитивных товаров характеризуется наличием обратной связи между изменением человеческого капитала и расходами потребителя на аддитивные товары ($-\infty \leq I_Y^{HC} < 0$). При этом динамичный рост расходов на аддитивные товары, приводящий к снижению человеческого капитала, показывает неэффективность трат и деградацию человеческого капитала, а обратное движение свидетельствует о восстановлении человеческого капитала. Для нормальных товаров характерно изменение человеческого капитала и расходов на их покупку в одном направлении. При $HC = 0$ человеческий капитал будет абсолютно неэластичным $I_Y^{HC} = 0$. А при $Y = 0$ человеческий капитал становится совершенно эластичным: $I_Y^{HC} = -\infty$. При $|I_Y^{HC}| > 1$ человеческий капитал эластичный, при $|I_Y^{HC}| < 1$ — неэластичный. Можно заключить, что увеличивающиеся расходы в чрезмерное потребление аддитивных товаров являются неэффективными, поскольку ведут к деградации человеческого капитала.

Практически во всех странах действуют законы, предписывающие определенный минимум вложений в человеческий капитал, например, в образование. Инвестиции в снижение деградации человеческого капитала от потребления аддитивных товаров также являются фактором, способствующим экономическому росту.

Эластичность спроса на аддитивные товары по цене и доходу

Следующей важной особенностью потребления наркотиков является готовность потребителя заплатить любую цену за них, чтобы получить и максимизировать полезность. В экономическом смысле это снижение эластичности цены. Спрос по цене на наркотики и другие аддитивные товары с ростом при-

выкания становится неэластичным, как на товары первой необходимости. Наркотик для наркомана становится труднозаменимым товаром первой необходимости, который непременно будет приобретен на рынке по любой цене в необходимом количестве за счет легальных (Z_{IS}) и криминальных (Z_{DSB}) источников дохода. Спрос на наркотики не меняется или меняется в меньшей степени, чем цена (эластичность в диапазоне $0 \leq E_p^Y < 1$). Спрос на товар с множественностью заменителей меняется в той же степени, в большей степени, неограниченно по сравнению с изменением (незначительным изменением) цены ($1 \leq E_p^Y \leq \infty$).

Низкая эластичность спроса на наркотики по цене используется государством для проведения политики борьбы с наркорынком. Дж. Кох и С. Групп провели графический анализ способов борьбы с наркорынком: ограничение их предложения полицейскими операциями; ограничение спроса на них усилением профилактики; медицинская легализация наркотиков [17. Р. 348]. Они показали, что наиболее эффективным способом борьбы с наркотиками является ограничение спроса, например, посредством усиления профилактики наркомании, когда уменьшится потребление наркотиков, их цена, общие расходы потребителей [Ebid. Р. 237—243].

Выводы

Закономерности формирования спроса на аддитивные товары:

— Характер спроса на аддитивные товары при сильной зависимости соответствует спросу на товары первой необходимости, возникает при любом доходе, растет, постепенно замедляется и имеет предел насыщения. Эластичность спроса по доходу и цене низкая.

— Доход наркомана по степени легальности формирования делится на легальный и криминальный (DSB-доход). Чем меньше легальный доход потребителя, тем больше потребность в криминальном.

— Злоупотребление аддитивными товарами сопровождается деградацией человеческого капитала индивида по мере роста зависимости.

— Потребление аддитивных товаров характеризуется наличием обратной связи между изменением прибыльности человеческого капитала и издержками потребителя.

Для практики государственного регулирования рынков аддитивных товаров важно: инвестиции в снижение деградации человеческого капитала от потребления аддитивных товаров являются фактором, способствующим экономическому

росту; наиболее эффективным способом оптимизации потребления аддиктивных товаров является сочетание экономических и неэкономических регуляторов спроса, чему в России уделяется недостаточно внимания.

Список литературы

1. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории : пер. с англ. / Г. С. Беккер ; сост., науч. ред., послесл.: Р. И. Капелюшников ; предисл.: М. И. Левин. — М. : ГУ ВШЭ, 2003. — 672 с.
2. Бочкарева, Е. А. Построение функции Торквиста для товаров первой необходимости [Электронный ресурс] / Е. А. Бочкарева // SWorld. — 2014. — URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer37/675.pdf> (дата обращения 08.09.2019).
3. Брюхов, А. М. Научный анализ понятий «человеческий капитал» и «управление человеческим капиталом» [Электронный ресурс] / А. М. Брюхов // Челябинский гуманитарий. — 2012. — № 1 (18). — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nauchnyy-analiz-ponyatiy-chelovecheskiy-kapital-i-upravlenie-chelovecheskim-kapitalom> (дата обращения 08.09.2019).
4. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 1991—2016 гг. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения 08.09.2019).
5. Казаринова, Д. Б. Учебно-методический комплекс дисциплины (курса) «Управление человеческим капиталом» [Электронный ресурс] (2017) / Д. Б. Казаринова // Учебный портал РУДН. — URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=3319&mod=disc&disc_id=6278&disc_razdel=43941&p=-1 (дата обращения 08.09.2019).
6. Кесельман, Л. Е. Социальное пространство наркотизма. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли / Л. Е. Кесельман, М. Г. Мацкевич, Л. М. Тимофеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : Медицинская пресса? 2001. — 272 с.
7. Ким, В. В. Влияние потребления алкоголя на заработную плату и занятость в России [Электронный ресурс] / В. В. Ким, С. Ю. Рощин // Экономический журнал ВШЭ. — 2011 — № 1. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-potrebleniya-alkogolya-na-zarabotnuyu-platu-i-zanyatost-v-rossii> (дата обращения 08.09.2019).
8. Левин, М. И. Экономические модели аддиктивного поведения [Электронный ресурс] / М. И. Левин, А. Б. Фенько // Финансы и бизнес. — URL: http://finbiz.spb.ru/download/4_2008_levin.pdf (дата обращения 08.09.2019).
9. Нарколог: «Женщины пьют быстрее, чем мужчины» [Электронный ресурс] (2013) // Аргументы и Факты». — URL: <http://www.smol.aif.ru/health/938253> (дата обращения 08.09.2019).
10. Подберезкин, А. И. Темпы роста ВВП и человеческий капитал (2013) [Электронный ресурс] / А. И. Подберезкин // МГИМО Университет МИД России. — URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/242193/> (дата обращения 08.09.2019).
11. Практическое пособие по организации программы профилактики злоупотребления алкоголем и наркотиками на предприятиях [Электронный ресурс] (2014) / под общ. ред. канд. мед. наук Т. Б. Гречаной // Центр медицинской профилактики. Новокузнецк. — URL: <http://mp.nkz5.ru/wp-content/uploads/2014/10/Практ-пособие-Профилактика-злоупотребления-алкоголем-и-наркотиками-на-предприятиях.pdf> (дата обращения 08.09.2019).
12. Розничная торговля, услуги населению, туризм [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/# (дата обращения 08.09.2019).
13. Российский статистический ежегодник : стат. сб. / Госкомстат России. — М., 1997. — 749 с.
14. Россия в цифрах : крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — 511 с.
15. Средняя начисленная заработная плата работников по профессиональным группам [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/# (дата обращения 08.09.2019).

16. Экономический прогноз «Мир в 2050 году» [Электронный ресурс] (2015) // ПрайсвогтерхаусКуперс Аудит. — URL: http://www.pwc.ru/ru/press-releases/2015/economic_forecast_2050.html (дата обращения 08.09.2019).

17. Koch, J. V. *The Economics of Drug Control Policies* / J. V. Koch, S. E. Grupp // *The Economics of Crime*. — Cambridge (Mass.), 1980. — P. 339—350.

Сведения об авторах

Скоков Роман Юрьевич — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и логистики в АПК Волгоградского государственного аграрного университета, Волгоград, Россия. rskokov@mail.ru

Попова Лариса Витальевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности Волгоградского государственного аграрного университета, Волгоград, Россия. lvpopova@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 102—110.*

PECULIARITIES OF ECONOMIC BEHAVIOR OF CONSUMERS OF ADDICTIVE GOODS

R.Y. Skokov

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia. rskokov@mail.ru

L.V. Popova

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia. lvpopova@bk.ru

The article is devoted to the identification and analysis of the peculiarities of the economic behavior of consumers of addictive goods for increasing the effectiveness of state regulation of the appropriate markets: an increase of the marginal utility of consumption of addictive goods as their consumption has increased in the past; low elasticity of demand according to income and price; zero utility for a completely addictive consumer of other goods, except addictive; As the addiction develops, the various preferences of consumers change in favor of addictive ones and within a limited period of time can be considered as stable; with the development of addiction, the loss of the connection between the level of consumption of addictive goods and the budget limitation and the coverage of the deficit from criminal sources. Abuse of addictive goods is characterized by feedback between the change in the profitability of human capital and the costs of the consumer. In the state regulation of the markets of addictive goods, it is essential to take into account: the differentiated use of methods and means for demand reduction, depending on the degree of consumer addiction; investments in reducing the degradation of human capital caused by consumption of addictive goods are a factor contributing to economic growth; The most effective way to optimize consumption of addictive goods is the combination of economic and non-economic demand regulators.

Keywords: *addictive goods, consumer behavior, state regulation, human capital.*

Referances

1. Becker G.S. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod* [Human behavior: an economic approach. Selected works on economic theory]. Moscow, State University Higher School of Economics. 2013. 672 p. (In Russ.).

2. Bochkareva E.A. Postroenie funkcii Torqvista dlya tovarov pervoj neobhodimosti [Construction of the Torquist function for essential goods]. *SWorld* [SWorld]. 2014. Available at: <http://www.sworld.com.ua/konfer37/675.pdf> (In Russ.).

3. Bryukhov A.M. Nauchnyj analiz ponyatij “chelovecheskij kapital” i “upravlenie chelovecheskim kapitalom” [Scientific analysis of the concepts “Human Capital” and “Managing Human Capital”]. *Chelyabinskij gumanitarnij* [Chelyabinsk Humanitarian], 2012, no. 1 (18). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/nauchnyj-analiz-ponyatij-chelovecheskiy-kapital-i-upravlenie-chelovecheskim-kapitalom> (In Russ.).

4. The average monthly nominal wages of employees for a full range of organizations in general for the economy of the Russian Federation in 1991-2016. *Federal State Statistics Service*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (In Russ.).
5. Kazarinova D.B. Uchebno-metodicheskij kompleks discipliny (kursa) "Upravlenie chelovecheskim kapitalom" [Educational-methodical complex of the discipline (course) "Managing human capital"]. *Educational portal of the Peoples' Friendship University*. 2017. Available at: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php?id=3319&mod=disc&disc_id=6278&disc_razdel=43941&p=-1 (In Russ.).
6. Keselman L.E., Matskevich M.G., Timofeev L.M. *Social'noe prostranstvo narkotizma. Narkobiznes* [Social space of drug addiction. The drug business. The initial theory of the economic sector]. St. Petersburg, The medical press, 2001. 272 p. (In Russ.).
7. Kim V.V., Roshchin S.Yu. Vliyaniye potrebleniya alkogolya na zarabotnuyu platu i zanyatost' v Rossii [The Influence of Alcohol Consumption on Wages and Employment in Russia]. *Ekonomicheskij zhurnal VSHE* [The Economic Journal of the Higher School of Economics], 2011, no. 1. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-potrebleniya-alkogolya-na-zarabotnuyu-platu-i-zanyatost-v-rossii> (In Russ.).
8. Levin M.I. *Ekonomicheskie modeli addiktivnogo povedeniya* [Jekonomicheskie modeli addiktivnogo povedeniya]. 2008. Available at: finbiz.spb.ru/download/4_2008_levin.pdf (In Russ.).
9. Narcologist: "Women are getting addictive faster than men". *Arguments and Facts*. 2013. Available at: <http://www.smol.aif.ru/health/938253> (In Russ.).
10. Podberezkin A.I. Tempy rosta VVP i chelovecheskij kapital [GDP growth rates and human capital]. *MGIMO Universitet MID Rossii* [MGIMO University of the Russian Foreign Ministry]. 2013. Available at: <http://mgimo.ru/about/news/experts/242193/> (In Russ.).
11. Practical manual on the organization of the program of prevention of alcohol and drug abuse at enterprises. Under the general editorship of the candidate of medical sciences. *Center for Medical Prevention of Novokuznetsk*. 2014. Available at: <http://mp.nkz5.ru/wp-content/uploads/2014/10/Практ-пособие-Профилактика-злоупотребления-алкоголем-и-наркотиками-на-предприятиях.pdf> (In Russ.).
12. Retail trade, public services, tourism. *Federal State Statistics Service*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/# (In Russ.).
13. *Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. Stat. sbornik. Goskomstat Rossii* [Russian Statistical Yearbook Stat. digest. Goskomstat of Russia]. 1997. 749 p. (In Russ.).
14. *Rossiya v cifrah* [Russia in figures. Brief stat. digest]. Rosstat, 2017. 511 p. (In Russ.).
15. Average wages of workers within professional groups. *Federal Service of State Statistics*. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/# (In Russ.).
16. Economic forecast "The World in 2050" (2015). *PricewaterhouseCoopers Audit*. Available at: http://www.pwc.ru/ru/press-releases/2015/economic_forecast_2050.html (In Russ.).
17. Koch J.V., Grupp S.E.. The Economics of Drug Control Policies [The Economics of Drug Control Policies]. *The Economics of Crime. Cambridge* [The Economics of Crime]. Cambridge (Mass.), 1980. Pp. 339-350. (In Russ.).

КОРПОРАЦИЯ «К&Б» — КЕЙС УСПЕХА НЕОБЫЧНОЙ «ГАЗЕЛИ»

Д. А. Плетнев, К. А. Наумова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Настоящие бизнес-прорывы в современной экономике чаще всего совершаются на новых географических или товарных рынках (рынках услуг). Традиционные рынки, как правило, заняты и контролируются действующими игроками, не допускающими передела рыночных долей. Прорывы возможны, но за ними обычно стоят большие капиталы. Тем интереснее проанализировать факторы успеха фирмы, добившейся уникальных результатов в России за пять лет практически с нуля до национальной торговой сети. Представлен анализ факторов успеха сети магазинов розничной торговли «Красное&Белое». В исследовании применен метод case-study. Используются данные из интервью руководителей и работников фирмы, аналитические обзоры, экспертные мнения, данные финансовой отчетности. В результате определены основные факторы успеха компании: удачно выбранная бизнес-модель, жесткая система руководства и взаимодействия с поставщиками, инновации в управлении персоналом и логистике. Выделены этапы развития компании и достигнутые результаты. Особое внимание уделено анализу особенностей отношений с клиентами, работниками и поставщиками как ключевым факторам успеха.

Ключевые слова: ретейл, «газель», быстрорастущая компания, факторы успешности, case-study.

Введение

Эксперты ежегодно отмечают, что прирост точек продаж крупнейшей алкогольной сети «Красное&Белое» сопоставим с ведущими продуктовыми сетями. И это в условиях снижения объемов потребления алкоголя в стране, снижения реальных доходов населения и государственной политики, направленной на пропаганду здорового образа жизни и ограничения потребления алкоголя. Так в чем же заключается секрет успешности необычной алкогольной сети? Ответ на этот вопрос предполагает исследование данной компании как феномена «газели», быстрорастущей фирмы, не имеющей аналогов в мировой практике.

Рынок алкоголя по своим масштабам небольшой, он представлен всего несколькими крупными федеральными сетями и множеством региональных точек продаж. Также бизнес алкогольного ретейла слабо изучен и имеет сложный механизм функционирования, что доказывается большим количеством закрывающихся сетей. Так, лидер продовольственного рынка X5 Retail Group начал развивать сеть алкогольных магазинов «Пятница» в 2016 г., но позже свернул этот проект. Таким образом, стабильно удерживаться на плаву, тем более стать «газелью» на таком рынке — вдвойне почетно. А оставаться «газелью» долго — весьма тонкое искусство, имеющее свои секреты.

Целью статьи является анализ факторов успешности крупнейшей сети алкогольных ретейлов России — «Красное&Белое».

Обзор литературы

Анализ быстрорастущих компаний в различных секторах экономики осуществлял ряд российских ученых: А. Ю. Юданов [23]; Д. С. Медовников, Т. К. Оганесян, С. Д. Розмирович [18]; авторы также внесли свой вклад в изучение этого феномена ([15; 19; 20; 22]). Среди зарубежных авторов необходимо отметить Д. Берча [2], К. Армингтон и З. Акса [1], С.-О. Даунфельдта [3], М. Дж. Феррантино [5], П. Лопес-Гарсию, С. Пуэнте [8]. Среди ключевых факторов успеха таких компаний часто называют уникальный продукт или технологию производства, высококвалифицированный персонал, инновационная деятельность и научные разработки, проводимые собственными усилиями компаний, высокую долю применения высоких технологий и т. д. Высокая доля быстрорастущих компаний наблюдается среди компаний, имеющих нетрадиционный подход к ведению бизнеса, среди которых можно отметить уникальные бизнес-модели, высочайше развитые логистические схемы, качество доставки и многое другое [21]. Кроме того, немаловажную роль играет географическое положение фирмы [20]. Так, многие авторы отмечают, что большая доля быстрорастущих компаний приходится на регионы с более высоким уровнем инновационного развития, что объясняется относительно «свободным» доступом к ключевым ресурсам, необходимым для ведения хозяйственной деятельности, — финансовым, интеллектуальным, логистическим и т. д. Для российских быстрорастущих компаний выделяется

дополнительный фактор успешности, нехарактерный для зарубежных: сотрудничество с государственными органами по изготовлению продукции или оказанию услуг (госзаказ). В условиях особенностей экономической ситуации и политики России в последние годы в строй быстрорастущих компаний прибывают те, чья деятельность связана с импортозамещением.

Особенности развития компаний на рынке алкогольного ретейла исследуются различными авторами. Так, Д. Х. Джерниган отмечает, что глобализированный сегмент алкогольной промышленности сконцентрирован в руках относительно небольшого числа компаний, в частности, в сегменте пива и спиртового концентрата [7].

Производители и ретейлеры алкогольной продукции вынуждены менять стратегию продаж и позиционирования продукции под влиянием изменения отношения общественности к алкоголю и прочим веществам, порождающим зависимость. Так, в последние десятилетия наблюдается стойкий мировой тренд на сокращение потребления вредных для здоровья продуктов. Кроме того, алкогольная зависимость негативно влияет не только на отдельного индивида, но и на благосостояние всего общества, поскольку влечет за собой прекращение носителем заболевания производства общественно полезных благ: труд, повышение духовного, физического и интеллектуального уровня и т. д. Все это вынуждает представителей алкогольной индустрии придерживаться программы ответственного употребления алкоголя (RDPs) Д. Пантани [10]. Компании не только призывают к употреблению алкоголя в «безопасных» количествах, но и вынуждены для поддержания репутации ежегодно выделять средства на независимые исследования последствий употребления алкоголя, проводить различного рода социологические исследования и т. д.

Алкогольная индустрия является специфичной сферой ведения бизнеса. Во-первых, все участники находятся под пристальным контролем государственных органов. Во-вторых, алкогольная продукция является таким сегментом продуктовой корзины, который вызывает негативные ассоциации у покупателей в силу вреда употребления алкоголя для здоровья. Поэтому крупные алкогольные компании вынуждены объединять усилия в продвижении продукции и создании доверительного отношения покупателей к алкоголю.

В ряде исследований уделяется внимание современным трендам развития рынка алкоголь-

ного ретейла. Компании в своих маркетинговых стратегиях делают упор на ассоциативное потребление в качестве средств продвижения реализации. В рекламных кампаниях пропагандируется употребление алкоголя в увязке с определенными событиями: праздники, выходные. Часто можно увидеть кадры, когда алкоголь является поощрением за проделанную работу [4].

По усредненной статистике, человек тратит на социальные сети около 7 ч в неделю. Мобильный телефон с доступом к Интернету стал неотъемлемой частью ежедневной рутины. Алкогольные производители и ретейлы не упускают возможности стать «ближе» к потенциальным покупателям. Многими крупными сетями по продаже алкоголя созданы фирменные сайты и приложения для интернет-продажи алкогольной продукции. Важным аспектом является простота заказа интересующего товара, буквально в 2—3 касания, чаще всего предлагается бесплатная доставка. С целью увеличения продаж некоторые электронные ресурсы сохраняют историю покупок для того, чтобы у покупателя была возможность купить товар снова лишь в одно касание. Созданы тематические разделы и порталы для покупателей, облегчающие выбор: «Вино к рыбе до 1000 руб.» и т. п.

Также во время взаимодействия в Интернете компании прибегают к более изолированным способам, например к персонализации коммуникации с покупателем. Компании направляют именное письмо на электронную почту покупателя с сезонным предложением или акцией, уникальным кодом на скидку или подборкой напитков, сформированных на основе предпочтений, просчитанных через уже осуществленные покупки. По данным статистики, именные (персонализированные) заголовки писем приносят на 26% больше уникальных откликов¹. В случае нахождения покупателя неподалеку от места сбыта продукции (алкомаркета) ему на мобильный телефон приходит оповещение-напоминание.

В этом отношении исследуемая компания «Красное&Белое» находится среди лидеров, активно ведет официальные группы в социальных сетях. Концепция взаимодействия с аудиторией давно перешагнула формальную черту (публикация лишь новостей и аукционных предложений). Компания часто организует интерактивные тематические обсуждения, публикует развлекательный контент.

¹ <https://absolutnet.com/wp-content/uploads/2018/01/The-Digital-Transformation-of-Alcohol-Retail-ENG-US.pdf>

В начале 2019 г. министр здравоохранения России В. И. Скворцова представила доклад на заседании итоговой коллегии Минздрава России¹. В докладе, помимо прочих статистических данных, указаны весьма интересные данные: «Так, потребление алкоголя сократилось в 2018 г. до 9,3 л на душу населения с 18 л в 2011 г., то есть почти в два раза». Также в докладе говорится о работе министерства над проблемой потребления алкогольной и табачной продукции, отрицательном влиянии на продолжительность жизни, здоровье, уровень смертности в ДТП по причине нетрезвости водителя и т. д. В целом текущие мероприятия министерства направлены на «снижение доступности алкогольной и табачной продукции, создание безопасной и свободной от табачного дыма окружающей среды, формирование здорового образа жизни, в том числе на рабочем месте».

Вместе с тем в начале мая 2019 г. вышло объемное исследование, направленное на изучение всемирного тренда потребления алкоголя. Исследование опубликовано в одном из ведущих медицинских журналов *The Lancet*. Группой из шести ученых Германии и Канады были оценены основные показатели воздействия алкоголя для 189 стран в период 1990—2017 гг. с прогнозами до 2030 г., возрастной охват группы населения — от 15 до 99 лет. Ученые выяснили, что потребление алкоголя за исследуемый период возросло с 5,9 л на человека в 1990 г. до 6,5 л в 2017 г. Причем с помощью многомерной логарифмической модели распределения Пуассона спрогнозировано потребление алкоголя к 2030 г. в объеме 7,6 л на человека в год. Также наблюдается небольшая динамика роста распространения употребления алкоголя наряду со случаями эпизодического употребления алкоголя. В 1990 г. таким «срывам» были подвержены лишь 18,5 % людей, в 2017 г. показатель возрос до 20%. Ожидается увеличение показателя до 23 % в 2030 г. Таким образом, общемировая практика мер по снижению употребления алкоголя не является эффективной [6].

Методология и данные

В целом алкогольный ретейл России достаточно закрыт для внешнего наблюдателя. Истинные законы его функционирования известны только тем, кто в нем работает. В общем доступе сложно найти официальные рейтинги алкоретейлов, все игроки представлены непубличными формами собствен-

ности. Доступ к исследованиям, проведенным рейтинговыми и аналитическими агентствами, может быть получен сугубо на возмездной основе, что, безусловно, затрудняет эмпирические исследования. По этой причине, а также из-за многогранности изучаемого явления в настоящем исследовании будет отдано предпочтение качественным методам анализа, включая *case-study*.

Case-study как метод исследования позволяет оценить экономические и социокультурные условия, с течением которых стало возможно становление компании как лидирующего алкогольного ретейлера России. Согласно типологии А. Лейпхарта, данное исследование можно отнести к типу «Исследование отдельного “случая” для разработки теоретической модели» [17]. Исследование основывается на принципах исторической реконструкции ключевых этапов развития компаний и стратегических решений, способствующих ее росту. Основными источниками сбора информации являются интервью руководителя компании, данные рейтинговых агентств, отзывы экспертов, сотрудников и потребителей о компании, новостные сводки, что позволяет построить портрет компании.

Результаты

Российская практика

регулирования алкогольного рынка

За последние десять лет действительно можно наблюдать ограничительные меры со стороны государства по борьбе с алкоголизацией населения России. Так, установлен запрет на продажу содержащей алкоголь продукции в определенные вечерние и ночные часы на основании Федерального закона № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [11]. В большинстве регионов запрещены продажи спиртного в ночное время: с 23:00 до 8:00 (в ряде регионов этот интервал больше), а также в праздничные дни. Была ограничена реализация пива в ларьках и павильонах, практически ежегодно повышались акцизы на алкоголь и минимальная розничная цена на водку. При этом увеличились рейды по выявлению несанкционированной продажи алкоголя несовершеннолетним.

Также в рамках предупредительных мер был создан федеральный проект «Трезвая Россия»,

¹ <https://www.rosminzdrav.ru/news/2019/04/24/11389-vystuplenie-ministra-veroniki-skvortsovoy-na-zasedanii-itogovoy-kollegii-minzdrava-rossii>

который вступил в действие в апреле 2012 г.¹ В рамках проекта ведется учет потребления алкоголя по регионам. На сайт проекта представлен Национальный рейтинг трезвости субъектов Российской Федерации. По данным за 2018 г., наиболее пьющими являются Чукотский автономный округ, Магаданская область и Ненецкий автономный округ; таким образом, наиболее пьющим является Дальневосточный федеральный округ. Возглавляют рейтинг трезвости регионы Кавказа: Чеченская Республика, Республика Ингушетия и Республика Дагестан².

В 2006 г. был принят ФЗ «О рекламе» [12], который серьезно повлиял на деятельность представителей алкогольного рынка. В законе выделена целая глава (гл. 21), регулирующая правила размещения рекламы алкогольной продукции.

В 2015 г. также была принята «дорожная карта» развития алкогольного рынка России [13]. Документ, содержащий план мероприятий, призван усовершенствовать механизм государственного регулирования производства и оборота продукции, содержащей алкоголь. Например, запланировано увеличение сборов акцизов, снижение потребления алкоголя в России и другие мероприятия. Контрольные показатели «дорожной карты» просчитаны до 2018 г.

Следующим серьезным этапом развития алкогольного рынка России стало введение Единой государственной автоматизированной информационной системы (ЕГАИС), регламентированного изменениями в ФЗ № 171 от 29.06.2015. Введение системы обусловлено высоким оборотом контрафактной алкогольной продукции на территории страны. До 1 июля 2016 г. автоматизированная система, предназначенная для государственного контроля над объемом производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (ЕГАИС) подлежала обязательной установке не только у крупных производителей алкогольной продукции, но и во всех точках продажи алкосодержащей продукции.

Значимые события, влияющие на ведение торговой деятельности в сфере реализации алкогольной продукции представлены в табл. 1.

На данный момент минимальные цены устанавливаются на алкогольную продукцию, крепость которой превышает 28%. Однако в середине фев-

раля 2019 г. был представлен проект постановления Правительства, инициированный Министерством Финансов, который предполагает получение контроля Минфином за минимальной ценой на всю алкогольную продукцию [14].

Таблица 1

Значимые события, влияющие на ведение торговой деятельности в сфере реализации алкогольной продукции

Дата	Мероприятие
01.01.2006	Упразднены региональные акцизные склады и специальные марки, отменено квотирование закупок этилового спирта
01.07.2006	Первая попытка внедрения Единой государственной автоматизированной информационной системы учета алкогольной продукции (ЕГАИС). Однако в силу технической недоработки система приостановила работу
01.01.2010	Впервые установлена минимальная розничная цена на водку — 89 руб. за поллитровую бутылку
18.07.2011	Подписан закон, приравняющий пиво к алкогольным напиткам
23.07.2012	Ограничения/запрет рекламы алкоголя (кроме пива) по телевидению, радио и в наружной рекламе
01.01.2013	Запрет на продажу пива в ночное время и в нестационарных торговых объектах (киосках). Запрещена реклама любого алкоголя, в том числе пива, в печатных СМИ
12.02.2013	Принят закон, ограничивающий места курения и продажи сигарет
25.12.2014	Подписан приказ о снижении минимальной розничной цены на водку с 220 руб. за пол-литровую бутылку до 185 руб. Впервые цена была снижена, а не увеличена
01.02.2015	Вступила в силу новая минимальная розничная цена на водку — 185 руб.
01.01.2016	Обязательное подключение к ЕГАИС всех оптовых и розничных продавцов. Полноценный запуск системы учета по всей стране
14.02.2019	Проект Минфина России об осуществлении контроля и установлении минимальных розничных цен на любые виды алкогольной продукции*
* https://www.rbc.ru/politics/18/02/2019/5c6ab6549a79470f8a477088	

*Место на рынке
и позиционирование*

На конец первого полугодия 2019 г. структура крупнейших алкогольных ретейлов представлена следующим образом (расчеты авторов по открытым данным сети Интернет, табл. 2):

¹ <http://trezvros.ru/about>

² <http://www.trezvros.ru/calendar/702>

Таблица 2

**Количество розничных точек
у крупнейших алкогольных ретейлеров**

Название сети алкогольного ретейлера	Кол-во розничных точек
Красное&Белое	7562
Бристоль	2700
Лит.Ра	456
Ароматный мир	446
Горилка	305
Винлаб	500
Норман	170
Башспирт	200
Отдохни	160
ВЕЕРжа	194
Кристалл	140
Арыш Мае	105
Алкотека	106
Градусы всего мира	156
Серебряный шар	125

Лидеры списка алкогольных ретейлов «Красное&Белое» и «Бристоль» представляют собой формат «магазин у дома». Площадь торгового зала сравнительно небольшая — около 80—90 кв. м, однако все торговое пространство эффективно используется: от пола до потолка в пять-шесть рядов расставлены алкогольные напитки широкого ассортимента (более 800 товарных позиций).

Формат вспомогательного ассортиментного ряда у двух лидирующих игроков различается. «Бристоль» делает ставку на широкий ассортимент табачной продукции — более 200 наименований. «Красное&Белое» характеризуется диверсификацией товаров: от сухариков и мелких закусок до принадлежностей для автолюбителей и детских игрушек, что было введено еще в 2010 г. В первых магазинах сети ассортимент состоял на 85 % из алкогольной продукции, доля которой к 2012 г. сократилась до 40 %. Сергей Студенников, владелец сети «Красное&Белое», находит свое философское обоснование высокой реализации товаров для детей: по его мнению, родители при покупке алкогольных напитков испытывают вину перед своими детьми, и это чувство вины можно загладить, купив игрушку для ребенка, причем чаще всего игрушку, которая оказывается в несколько раз дороже стоимости спиртного напитка.

Особенности ценообразования

Политику ценообразования сам Сергей Студенников описывает следующими так: «Наша стратегия — работа на низкой марже, на грани рентабельности»¹.

И действительно, залогом успеха «Красного&Белого» является выбранная концепция и ценовая ниша. Ассортимент настроен на покупателя среднего достатка и ниже. Однако широкая номенклатура товара по низкой цене придает покупателю ощущение «роскоши выбора». Ранее в СМИ приводился следующий пример: компания установила самую низкую на рынке розничную цену — на отметке 220 руб. Данная цена едва ли превышала себестоимость. Казалось бы, можно представить, что в силу большой партии или высокого оборота с определенным поставщиком компании удалось получить экстравыгодную закупочную цену, чтобы установить едва ли мыслимую для конкурентов цену. Данная схема могла сработать с несколькими поставщиками. Но компании удалось выстроить непреодолимую стену, отделяющую потребителей от всех остальных конкурентов: «Красное&Белое» предлагало 16 видов водки по 220 руб. Зимой 2017 г. вступила в действие сниженная минимальная цена на водку — 180 руб., к чему сеть смогла быстро адаптироваться и обновила ценник на сниженный.

В целом «Красное&Белое» смогло провести переворот в системе розничной продажи алкоголя. Если ранее продавцы могли реализовать алкогольную продукцию с наценкой в 100—150 %, а порой и выше, то с приходом «Красного&Белого» политика резко изменилась. Именно компания Студенникова вынудила всех подстраиваться под максимально низкую на тот момент наценку на уровне 20—25 %.

По прошествии лет Студенников смог позволить изменить схему расчета и работы с алкогольными контрагентами: если ранее и до сих пор даже крупные сети закупали алкоголь в рассрочку и часто просят максимальные отсрочки по платежам, то «Красное&Белое» заходит к поставщику со своим предложением: предлагают сразу же выкупить большую партию продукции на несколько десятков миллионов рублей, тем самым добиваясь скидки.

Также Студенников высокие доходы зарабатывает не за счет высокой наценки, а за счет стабильно высокого оборота. Компания использует высокотехнологичные программные продукты для анализа ассортимента, что позволяет оперативно

¹ <https://www.rbc.ru/business/20/02/2015/54e62e259a794759e1f65581>

отслеживать аутсайдеров спроса и выводить их из продажи.

Ассортиментная политика

Рассмотрим подробнее ассортиментную политику компании: помимо алкогольной и табачной продукции, а также сопутствующих товаров, таких как чипсы, сухарики, соленые рыба и орехи, «Красное&Белое» вводит все новые непродуктовые категории, тем самым пытаясь уйти от формата алкомаркета и стать продовольственным магазином формата «у дома». Партнеры сети сообщают, что в компании не предусмотрены входные барьеры для поставщиков, потенциальный товар лишь должен соответствовать актуальному спросу. Несмотря на то что компания придерживается только отечественных поставщиков и производителей алкогольной продукции, она самостоятельно расширяет продуктовый ассортимент сети, поставляя ранее неизвестные или малораспространенные зарубежные товары. Примером такой интеграции служит реализация в сети чипсов Jaker из Малайзии.

«Красное&Белое» уже давно ушло от формата алкомаркета. Причем правило низкой наценки действует не только на алкоголь, но и в целом на всю реализуемую продукцию. Также компания взяла на вооружение прием СТМ. Широкий охват территорий и большое количество точек продаж позволяет выкупать товар у поставщиков большими партиями, причем продавать этот товар под собственной маркой. Как правило, товары собственной марки практически во всех сетях продаются с меньшей наценкой, «Красное&Белое» не исключение.

В целом успешную модель бизнеса сети «Красное&Белое» можно доходчиво описать словами челябинского коллеги Студенникова — Александра Ширекова: «Сергей Петрович создал примитивную и brutальную концепцию, которая точно попала в свою целевую аудиторию. Уже из названия понятно, что это магазины для небогатых людей, которые вино выбирают по цвету — красное или белое»¹.

Рассматривая историческую эволюцию компании, необходимо отметить одно из самых ярких событий на отечественном рынке. В середине сентября 2019 г. было официально объявлено об успешном слиянии компаний «Красное&Белое», «Диски» и «Бристоль» в одну сеть. Объединенная компания представляет третий по величине ретейл России. Слухи об объединении стали появляться в прессе в конце 2018 г. Однако в силу череды

обысков офисов компании в преддверии Нового 2019 года и серии судебных разбирательств компании с налоговыми органами, возникали сомнения о состоятельности сделки. Также, учитывая масштаб объединяющихся компаний, необходимо было дождаться решения ФАС о состоятельности сделки. 26 апреля 2019 г. ФАС одобрила слияние². Сделка происходила скрытно от глаз общественности. При оценке стоимости бизнеса для определения доли партнеров не были привлечены специализированные консультанта. Таким образом, 51 % объединенной компании принадлежит владельцам «Дикси» и «Бристоля» — структурам Игоря Кесаева, Сергея Кадиева и их партнеров. Основатель «Красного&Белого» Сергей Студенников обладает 45 % «ДКБР мега ретейл групп», и 4 % приходится на долю его жены Елены Соболевой³.

В целом компания «Красное&Белое» прошла через непростые фазы становления и завоевания сначала регионального, а затем и российского рынка (табл. 3). Кроме того, компания постепенно усиливала свое присутствие в различных рейтингах (табл. 4) крупнейших компаний России, крупнейших ретейлеров и быстрорастущих компаний, умудряясь присутствовать сразу в трех рейтингах, сочетая большие объемы продаж и быстрый рост. Кроме того, начиная с 2018 г. компания возглавила «Алкорейтинг»: топ-5 магазинов, торгующих спиртным по версии MarketMedia.

В результате проведенного кейсового анализа (также см. табл. 5), основанного на изучении обширного материала публикаций в журналах и сети Интернет, включая форумы и группы в социальных сетях, была составлена специальная карта, отражающая ключевые характеристики компании «Красное&Белое», которые обеспечили ее доминирование на рынке алкогольного ретейла, а также постоянное присутствие в рейтинге быстрорастущих компаний и в рейтинге крупнейших компаний России. Установлено, что в условиях нестабильной макроэкономической ситуации и недружественной медиасреды компании удалось совершить проыв на рынке ретейла, в первую очередь за счет агрессивной, «brutальной» концепции, проявляющейся во взаимодействии и с потребителями, и с работниками, и с поставщиками. Компания вела себя как агрессивно настроенный альфа-самец

² <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5cc2bb0a9a7947b5438fc6c8>

³ <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/09/18/811479-sliyanie>

¹ <https://www.rbc.ru/business/20/02/2015/54e62e259a794759e1f65581>

Таблица 3

Этапы эволюции компании «Красное&Белое»

Период (год)	Событие, характеризующее этап	Комментарии к событию
2006	Открыт магазин спиртных напитков «Красное&Белое» в Копейске. К концу года сеть расширилась до 8 магазинов	Запуск «Красного&Белого» совпал с введением ЕГАИС и закрытием импорта алкоголя из Молдавии и Грузии. Из-за дефицита алкоголя старт бизнеса был успешным ¹
2007	Сеть «Красное&Белое» расширилась до 38 торговых точек	—
2008	Расширение географии присутствия: «Красное&Белое» открылось в Барнауле, на 2009 год запланировано открытие алкогольных магазинов в Белокурихе и Горно-Алтайске	—
2010	Изменение позиционирования с «алкомаркетов» на формат «магазин у дома»	Диверсификация товаров, введение продуктовых категорий (бакалея, кондитерские изделия, молочная и мясная продукция), а также непродовольственные товары (детские игрушки и т. д.). В целом на долю неалкогольных товаров приходилось 30% ассортимента. Компании пришлось подстроиться к общественному порицанию и негативному отношению к приставке «алко» ²
2011	Прекратилась продажа портвейна «777» и его производных, а также пакетированных порошковых вин, с целью исключить хотя бы малейший теоретический вред здоровью покупателей ³	Компания столкнулась с негодованием представителей власти. Так, глава администрации Челябинска Сергей Давыдов резко высказался против данной сети. Во-первых, магазины компании располагались в жилых домах, во-вторых, предлагались алкогольные продукты по чрезвычайно низким ценам ⁴
2014	Компания вошла в топ-15 продовольственных ретейлеров страны	Ассортимент насчитывает около 100 сортов пива, 70 марок сигарет и 300 позиций сопутствующих товаров. «В 2014 году мы планировали довести численность наших магазинов до 2200. Не удалось — наших магазинов к концу года стало 1700. Открыли 715 и ликвидировали 49. Итого 666 новых точек — таков наш прирост за прошлый год» ⁵
2015	Сеть заняла 7-е место в рейтинге самых быстрорастущих компаний России, основанном на финансовых результатах за 2011—2014 гг.	Сеть «Красное&Белое» выросла до 2500 магазинов в 39 регионах
2016	За год открылось более 850 магазинов в 40 субъектах России. Планы на «освоение» Санкт-Петербурга	Состоялась деловая встреча главы компании и президента Республики Татарстан Рустама Минниханова, после которой «Красное&Белое» зашло на рынок республики. Однако процесс заключения соглашения был долгим, поскольку «Красное&Белое» встретило сильное сопротивление представителей местных алкогольных сетей, которые утверждали, что с заходом компании на рынок Татарстана все мелкие розничные магазины в скором времени закроются под натиском конкурента ⁶
2017	Компания вошла в топ-10 самых крупных ретейлеров России, став в нем первой сетью алкомаркетов	За год компания открыла 1338 новых объектов, заняв третье место после «Магнита» и X5. Всего открыто 5286 торговых точек. Планы на «освоение» южных регионов страны
2018	По итогам первого полугодия 2018 г. компания стала вторым ретейлером в России по темпу открытия новых магазинов, обойдя «Магнит»	Открыто 882 объекта против 610. Лидером остается X5 Retail Group с 1057 торговыми точками. Сергей Студенников занял 115-е место в рейтинге богатейших бизнесменов, по версии журнала Forbes, с состоянием в \$950 млн. В октябре Студенников вошел в список долларовых миллиардеров, по версии Bloomberg Billionaires Index. Фиксируются серьезные проблемы компании с контролирующими органами
2019	18 сентября СМИ сообщили о финале истории о слиянии «Красного&Белого» с сетями «Дикси» и «Бристоль» ⁷	Участники сделки отмечают, что после слияния бренды сетей продолжат свое существование для поддержания конкуренции

Источники: ¹ <https://www.rbc.ru/business/24/02/2015/54eb56279a7947d1aea5d335>; ² <https://vc.ru/trade/54483-ot-pervogo-magazina-v-kopeyske-do-top-10-krupneyshih-riteylerov-rossii-korotko-o-razviti-i-seti-krasnoe-beloe>; ³ <http://www.missiya.info/articles/1969#.Xc6N3ZpKhPb>; ⁴ <http://uraldaily.ru/biznes/5550.html>; ⁵ <https://vc.ru/trade/54483-ot-pervogo-magazina-v-kopeyske-do-top-10-krupneyshih-riteylerov-rossii-korotko-o-razviti-i-seti-krasnoe-beloe>; ⁶ <https://dailystorm.ru/obschestvo/alkomarket-bristol-sistematicheski-zhalovalsya-na-konkurenta-krasnoe-beloe-v-fas-v-10-regionah-strany>; ⁷ <https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/383775-diksi-bristol-i-krasnoe-beloe-zavershili-sliyanie>.

Таблица 4

Основные рейтинги, в которых компания «Красное&Белое» находилась в качестве лидера в 2014—2019 гг. (место в рейтингах)

Год	ТОП-500 крупнейших по выручке компаний России (РБК) ¹	ТОП ретейлеров (рейтинг ИНФО-лайн)	Рейтинг самых быстрорастущих компаний (РБК)
2014	195-е	26-е ²	7-е ³
2015	128-е	14-е ⁴ (и 8-е в рейтинге продовольственного ретейла ⁵)	10-е ⁶
2016	83-е	11-е, между DNS и «Эльдорадо» ⁷	20-е ⁸
2017	60-е	8-е, между «Метро» и «М.Видео» ⁹	8-е ¹⁰
2018	47-е	6-е, между «Ашаном» и «Дикси» ¹¹	25-е ¹²

Источники: ¹ Все рейтинги ТОП-500 представлены — <https://www.rbc.ru/rbc500/>; ² <https://panor.ru/news/infoline-retail-russia-top-100-cto-rastyet-bystree-vsekh.html>; ³ <https://www.rbc.ru/ratings/business/18/11/2015/5649e7269a79478a63c3e236>; ⁴ <https://www.pivnoe-delo.info/2018/06/06/rossiya-v-top-10-ritejlerov-voshla-set-alkomarketov/>; ⁵ <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/04/08/636913-sredi-top-10-ritejlerov-poyavilas-esche-odna-zarubezhnaya-set>; ⁶ <https://www.rbc.ru/magazine/2016/12/5829b4f79a7947f1826c21fb>; ⁷ [https://www.retail.ru/news/rejting-krupneyshikh-po-vyruchke-ritejlerov-za-2016/](https://www.retail.ru/news/rejting-krupneyshikh-po-vyruchke-ritejlerov-za-2016/2019-06-12); ⁸ <https://www.rbc.ru/magazine/2017/12/5a0b22159a7947451dd73394>; ⁹ <https://www.kommersant.ru/doc/3650919>; ¹⁰ <https://www.rbc.ru/magazine/2018/12/5bf2eac39a7947ec0fd1785f>; ¹¹ <https://www.kommersant.ru/doc/3975596>; ¹² <https://www.rbc.ru/business/31/10/2019/5db6f6a19a79476eb64e7e51>.

на рынке (подробнее о подходе «организационной этиологии» и феномене «альфа-компаний» можно прочитать в [24]), где остальные игроки были не готовы к подобной конкуренции, и в результате подавила своей активностью конкурентов. При этом прекрасно организованная логистика и система внутреннего контроля дают возможность минимизировать транзакционные издержки, повышая отдачу от использования имеющихся финансовых ресурсов, что позволяет обходиться без избыточных кредитов. Компания умело пользуется и новыми информационными технологиями, и пытается «взломать» (в рамках правового поля) действующие ограничения на рекламу, и постоянно самосовершенствуется, приспосабливается.

Вопрос о том, насколько кейс компании «Красное&Белое» уникален, остается открытым. Скорее всего, ее стратегия развития затронула те струны души массового потребителя в России, которые

в ней были изначально, и поэтому вполне можно ожидать, что такого рода попытки будут повторяться. А их успех будет зависеть от множества факторов — как внешних, так и связанных с организацией работы самой компании.

Продолжение исследования феномена компании «Красное&Белое» перспективно и в первую очередь целесообразно по следующим направлениям:

1. Корреляционно-регрессионный анализ факторов успешности компании с использованием данных, отражающих институциональные изменения.
2. Анализ финансового положения компаний, образующих «Красное&Белое», с последующим выявлением закономерностей, определяющих успешность бизнес-модели.
3. Оценка влияния институциональных изменений 2019 г. (объединение с сетями «Дикси» и «Бристоль») на стратегию ее поведения и полученные результаты.

Список литературы

1. Armington, C. Job creation and persistence in service and manufacturing / C. Armington, Z. J. Acs // Journal of Evolutionary Economics. — 2004. — Vol. 14. — P. 305—329.
2. Birch, D. L. Who creates jobs? / D. L. Birch // The Public Interest. — 1981. — No. 65. — P. 3—14.
3. Daunfeldt, S. O. Are High-Growth Firms Overrepresented in High-Tech Industries? [Электронный ресурс] / S. O. Daunfeldt, N. Elert, D. Johansson. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2585895> (дата обращения 06.09.2019)
4. Institute of Alcohol Studies. The alcohol Industry [Электронный ресурс]. 2018. London: Institute of Alcohol Studies. — URL: <http://www.ias.org.uk/uploads/pdf/Factsheets/FS%20industry%20012018.pdf> (дата обращения 06.09.2019).
5. Ferrantino, M. J. Gazelles and Gazillas in China and India (October 2012) [Электронный ресурс] / M. J. Ferrantino, M. Mukim, A. Pearson, N. D. Snow. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2167303> (дата обращения 06.09.2019).

6. Holzl, W. Is the R&D behaviour of fast-growing SMEs different? Evidence from CIS III data for 16 countries / W. Holzl // *Small Business Economics*. — 2009. — Vol. 33, iss. 1. — P. 59—75.
7. Jernigan, D. H. The global alcohol industry: an overview / D. H. Jernigan // *Special Issue: The Alcohol Industry and Alcohol Policy*. — 2009. — Vol. 104, iss. 1. — P. 6—12.
8. Lopez-Garcia, P. What makes a high-growth firm? A dynamic probit analysis using Spanish firm-level data / P. Lopez-Garcia, S. Puente // *Small Business Economics*. — 2012. — Vol. 39, iss. 4. — P. 1029—1041.
9. Manthey, J. Global alcohol exposure between 1990 and 2017 and forecasts until 2030: a modelling study [Электронный ресурс] / J. Manthey, K. D. Shield, M. Rylett, O.S. M. Hasan, C. Probst, Jürgen. Rehm // *The Lancet*. May 07, 2019. — URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)32744-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)32744-2) (дата обращения 06.09.2019).
10. Pantani, D. Responsible drinking' programs and the alcohol industry in Brazil: Killing two birds with one stone? / D. Pantani, R. Sparks, Z. M. Sanchez, I. Pinsky // *Social Science & Medicine*. — 2012. — Vol. 75, iss. 8. — P. 1387—1391.
11. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» .
12. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе».
13. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по стабилизации ситуации и развитию конкуренции на алкогольном рынке» от 26 ноября 2015 года № 2413-р.
14. Проект постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в перечень продукции производственно-технического назначения, товаров народного потребления и услуг, на которые государственное регулирование цен (тарифов) на внутреннем рынке Российской Федерации осуществляют Правительство Российской Федерации и федеральные органы исполнительной власти» от 14.02.2019.
15. Бархатов, В. И. Успешность быстрорастущих предприятий среднего бизнеса в России / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. — 2015. — № 4. — С. 65—81.
16. Земцов, С. Какие факторы влияют на концентрацию быстрорастущих компаний в регионах России? [Электронный ресурс] (2016) / С. Земцов, В. Баринаова, А. Сорокина. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2731662> (дата обращения 06.09.2019).
17. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт. — М., 1997.
18. Медовников, Д. С. Кандидаты в чемпионы: средние быстрорастущие компании и программы их поддержки / Д. С. Медовников, Т. К. Оганесян, С. Д. Розмирович // *Вопросы экономики*. — 2016. — № 9. — С. 50—66.
19. Наумова, К. А. Анализ факторов успешности быстрорастущих компаний среднего бизнеса в России / К. А. Наумова // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2017. — № 5 (401). — С. 139—138.
20. Наумова, К. А. Быстрорастущие фирмы в России: портрет в посткризисном интерьере / К. А. Наумова, Д. А. Плетнев // *Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем : материалы Второй Всероссийской научной конференции памяти академика А. И. Татаркина / под общ. ред. В. И. Бархатова*. — Челябинск, 2019. — С. 170—174.
21. Окунцева, А. Ю. Особенности зарубежных быстрорастущих фирм / А. Ю. Окунцева // *Economics*. — 2016. — № 12 (21).
22. Успешность предприятий малого и среднего бизнеса в России : монография / под общ. ред. В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева. — М. : Перо, 2016. — 212 с.
23. Юданов, А. Ю. Покорители «голубых океанов» (фирмы-«газели» в России) / А. Ю. Юданов // *Современная конкуренция*. — 2010. — № 2. — С. 27—48.
24. Николаева Е. В. Теоретико-методологические аспекты организационной этологии / Е. В. Николаева // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2013. — № 15 (306). — С. 68—72.

Таблица 5

Основные результаты case-study компании «Красное&Белое»

Год основания:	Бизнес-модель	Основатель, его предыдущий опыт	Слухи и новостные поводы
2006 Динамика развития (объемы продаж) 2013. 29 млрд 2014. 47 млрд (+62%) 2015. 82 млрд (+74%) 2016. 138 млрд (+68%) 2017. 210 млрд (+52%) 2018. 301 млрд (+43%)	Магазин у дома. Формат не алкомаркета, а продуктового магазина. Стратегия и основные принципы: — «Красное&Белое» назначает самые низкие цены на алкоголь в городе. Отслеживает аукционные предложения других торговых сетей и назначает цену не выше, а порой ниже, чем у конкурентов. — Шаговая доступность: магазины площадью 80—100 м ² открываются на первых этажах, в том числе многоквартирных домов. — Клиентоориентированность: скидочная система, регулярно обновляющиеся аукционные предложения ¹ . Основатель компании говорит о том, что изначально ставил цель вывести сеть на федеральный уровень ² . Основные источники финансирования расширения масштабов деятельности: кредитование, частные инвестиции, прибыль ³ . 100% магазинов — арендованные помещения ⁴	В 1992 г. основал SPS-холдинг, занимавшийся дистрибуцией пива, водки и сигарет. «Дом кафеля» в Челябинске. В середине 2000-х гг. открыл супермаркеты, которые занимались продажей строительных материалов — «Евроград»	На протяжении долгого времени компанию не перестают преследовать подозрения в торговле контрафактом ⁵ . В 2016 г. со склада МВД в Челябинске пропал почти миллион бутылок контрафакта. По одной из версий, спиртное якобы реализовывали через «Красное&Белое» ⁶ . 25 июня 2018 г. в отношении компании было открыто дело о неуплате налогов, пени и штрафов на общую сумму 1,9 млрд руб. 4 февраля 2019 г. дело было прекращено ⁷ . 26 декабря 2018 г. в офисах и на складах компании по всей стране: в Москве, Воронеже, Екатеринбурге, Казани, Самаре, Уфе, Челябинске — одновременно были проведены обыски с участием сотрудников ФСБ, Росалкогольрегулирования, ФНС по факту торговли контрафактной продукцией и неуплаты налогов. По результатам проверки нарушений не выявлено ⁸

Источники: ¹ <https://vc.ru/trade/54483-ot-pervogo-magazina-v-koreyske-do-top-10-krupneyshih-riteylov-rossii-korotko-o-razviti-setsi-krasnoe-beloe>; ² <https://www.rbc.ru/business/24/02/2015/54eb56279a7947d1aea5d335>; ³ <https://www.rbc.ru/business/24/02/2015/54eb56279a7947d1aea5d335>; ⁴ <https://www.rbc.ru/business/24/02/2015/54eb56279a7947d1aea5d335>; ⁵ <https://meduza.io/feature/2018/12/27/set-alkomarketo-krasnoe-beloe-zaragoza-ili-v-prodazhe-kontrafakta-i-neuplate-nalogo-ekonomika/6049599>; ⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/3843821>; ⁷ <https://tass.ru>; ⁸ https://74.ru/text/incidents/65789371/?from=centerleftcol_old... (продолжение на с. 121).

Сведения об авторах

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Наумова Ксения Андреевна — магистрантка 2-го курса (группа 21ЭМ-201) кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ksuha-457000@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 111—123.*

K&B CORPORATION: CASE OF SUCCESS OF THE UNUSUAL GAZELLE

D.A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

K.A. Naumova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ksuha-457000@mail.ru

Real business breakthroughs in the modern economy most often happens in new geographical or commodity (service) markets. Traditional markets, as a general rule, are occupied and controlled by existing players who do not allow redistribution of market shares. Breakthroughs are possible, but they usually have large capitals. It is more interesting to analyze the success factors of a company that has achieved unique results in Russia over five years from almost zero to a national retail chain. The chapter provides an analysis of the success factors of the “Krasnoye&Beloe” retail company. The case-study method used in the study. Data from interviews with managers and employees of the company, analytical reviews, expert opinions, financial reporting data used. As a result, the main success factors of the company were identified, consisting of a well-chosen business model, a rigid system of leadership and interaction with suppliers, innovations in personnel management and logistics. The stages of development of the company and the results achieved highlighted. Special attention is paid to the analysis of the characteristics of relations with customers, employees, and suppliers as key success factors.

Keywords: *retail, gazelle, fast-growing company, success factors, case-study.*

References

1. Armington C., Acs Z.J. Job creation and persistence in service and manufacturing. *Journal of Evolutionary Economics*, 2004, vol. 14, pp. 305-329.
2. Birch D. L. Who creates jobs? *The Public Interest*, 1981, no. 65, pp. 3-14.
3. Daunfeldt S.O., Elert N., Johansson D. *Are High-Growth Firms Overrepresented in High-Tech Industries?* Available at: <https://ssrn.com/abstract=2585895>.
4. Institute of Alcohol Studies. *The alcohol Industry*. 2018. London: Institute of Alcohol Studies. Available at: <http://www.ias.org.uk/uploads/pdf/Factsheets/FS%20industry%20012018.pdf>.
5. Ferrantino M.J., Mukim M., Pearson A., Snow N.D. *Gazelles and Gazillas in China and India*. 2012. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2167303>, accessed 06.09.2019.
6. Holzl W. Is the R&D behavior of fast-growing SMEs different? Evidence from CIS III data for 16 countries. *Small Business Economics*, 2009, vol. 33, iss. 1, pp. 59-75.
7. Jernigan D.H. The global alcohol industry: an overview. *Special Issue: The Alcohol Industry and Alcohol Policy*, 2009, vol. 104, iss. 1, pp. 6-12.
8. Lopez-Garcia P., Puente S. What makes a high-growth firm? A dynamic probit analysis using Spanish firm-level data. *Small Business Economics*, 2012, vol. 39, iss. 4, pp. 1029-1041.
9. Manthey J., Shield K. D., Rylett M., Hasan O.S.M., Probst C., Rehm J. Global alcohol exposure between 1990 and 2017 and forecasts until 2030: a modeling study. *The Lancet*. 2019. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)32744-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)32744-2), accessed 06.09.2019.
10. Pantani D., Sparks R., Sanchez Z.M., Pinsky I. Responsible drinking ‘programs and the alcohol industry in Brazil: Killing two birds with one stone? *Social Science & Medicine*, 2012, vol. 75, iss. 8, pp. 1387-1391.

11. Federal Law “On State Regulation of the Production and Turnover of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products and on the Limitation of Consumption (Drinking) of Alcoholic Products” dated 11/22/1995. N 171-FZ. (In Russ.).

12. The Federal Law “On Advertising” dated 13.03.2006. N 38-FZ. (In Russ.).

13. The order of the Government of the Russian Federation “On approval of the action plan (roadmap) to stabilize the situation and promote competition in the alcohol market” dated November 26, 2015. N 2413-R. (In Russ.).

14. Draft Decree of the Government of the Russian Federation “On Amendments to the List of Industrial Products, Consumer Goods and Services for which State Regulation of Prices (Tariffs) on the Domestic Market of the Russian Federation is Carried out by the Government of the Russian Federation and Federal Executive Bodies” dated 14.02.2019. (In Russ.).

15. Barkhatov V.I., Pletnev D.A. Uspeshnost' bystrorastushchikh predpriyatiy srednego biznesa v Rossii [The success of fast-growing medium-sized enterprises in Russia]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences], 2015, no. 4, pp. 65-81. (In Russ.).

16. Zemtsov S., Barinova V., Sorokina A. *What Factors Affect Concentration of Fast Growing Companies in Russian Regions?* 2016. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2731662>, accessed 06.09.2019.

17. Leiphart A. *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: sravnitel'noye issledovaniye* [Democracy in Compound Societies: A Comparative Study]. Moscow, 1997. (In Russ.).

18. Medovnikov D.S., Oganessian T.K., Rozmirovich S.D. Kandidaty v chempiony: sredniye bystrorastushchiye kompanii i programmy ikh podderzhki [Candidates for champions: medium fast-growing companies and their support programs]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 2016, no. 9, pp. 50-66.

19. Naumova K.A. Analiz faktorov uspekhnosti bystrorastushchikh kompaniy srednego biznesa v Rossii [Analysis of success factors for fast-growing medium-sized companies in Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2017, no. 5 (401), pp. 139-138. (In Russ.).

20. Naumova K.A., Pletnev D.A. Bystrorastushchiye firmy v Rossii: portret v postkrisisnom inter'yere [Fast-growing firms in Russia: a portrait in the post-crisis interior]. *Konkurentosposobnost' i razvitiye sotsial'no-ekonomicheskikh sistem. Materialy Vtoroy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii pamyati akademika A.I. Tatarkina* [Competitiveness and development of socio-economic systems Materials of the Second All-Russian Scientific Conference in memory of Academician A.I. Tatarkina, general editorship of V.I. Barkhatov]. Chelyabinsk, 2019. Pp. 170-174.

21. Okuntseva A.Yu. Osobennosti zarubezhnykh bystrorastushchikh firm [Features of foreign rapidly growing firms]. *Economics*, 2016, no. 12 (21). (In Russ.).

22. Barkhatova V.I., Pletnev D.A. *Uspeshnost' predpriyatiy malogo i srednego biznesa v Rossii* [The success of small and medium-sized enterprises in Russia]. Moscow, Pero Publ., 2016. 212 p. (In Russ.).

23. Yudanov A.Yu. Pokoriteli “golubykh okeanov” [The conquerors of the “blue oceans” (gazelle firms in Russia)]. *Sovremennaya konkurentsia* [Modern competition], 2010, no. 2, pp. 27-48. (In Russ.).

24. Nikolaeva E.V. Teoretiko-metodologicheskiye aspekty organizatsionnoy etologii [Theoretical and methodological aspects of organizational ethology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2013, no. 15 (306), pp. 68-72. (In Russ.).

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ МЕНЕДЖЕРОВ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ*

В. Н. Белкин¹, Н. А. Белкина¹, О. А. Антонова^{1,2}

¹ Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются причины низкой инновационной активности российских организаций. Показаны основные субъекты, государство, экономическая наука, сами организации и их роль в инновационной деятельности. Более подробно рассмотрена одна из причин низкой инновационной активности организаций — отсутствие заинтересованности менеджеров в реализации своего инновационного потенциала. В связи с этим основное внимание уделено путям преодоления инновационной пассивности менеджеров. В ходе исследования использован наш опыт по изучению инновационной активности менеджеров в ряде организаций, предложен системный подход к стимулированию их инновационной активности. Представлен авторский российский вариант японской системы бережливого производства, система «Инновация» и опыт ее внедрения на ряде предприятий Уральского федерального округа. Данный опыт показал, что возможно коренное повышение инновационной активности менеджеров. Гипотеза исследования заключается в следующем: высокий уровень инновационной активности менеджеров российских организаций возможен при условии разработки и внедрения в практику двусторонней системы стимулирования инновационной активности менеджеров, в которой будет предусмотрена не только их ответственность за инновационную пассивность, но и поощрения за их инновационную активность. Реализация этого условия отразится на росте инновационной активности организаций и процессах модернизации российской экономики.

Ключевые слова: модернизация экономики, инновационная активность менеджеров, система стимулирования инновационной активности персонала организаций, стимулы организации, мотивы, демотивы инновационной деятельности работников, рационализация, изобретательство.

Актуальность темы вызвана тем, что роль менеджеров (руководителей всех уровней управления организации) в инновационной деятельности организаций существенно повышается. Их роль двояка: от них зависит, будут ли созданы экономические, социальные, организационные условия для стимулирования инновационной активности персонала организации, в то же время они сами могут выступать в роли новаторов. Цель статьи заключается в определении роли менеджеров в процессе модернизации российской экономики. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, а именно: определить факторы, способствующие и препятствующие модернизации экономики, показать существующее положение дел в организациях по инновационной активности менеджеров, определить алгоритм реализации инновационного потенциала менеджеров организации, показать, какую роль играет авторская система «Инновация», внедренная в ряде организаций, в повышении ин-

новационной активности менеджеров организаций в процессе модернизации российской экономики.

Большинство ученых, таких как Ю. С. Емельянов, А. А. Хачатурян [5], Дж. Лайкр [8], Масааки Имаи [9], Д. Бергер, Л. Бергер [13], Т. Н. Davenport, L. Prusak [14], Т. Stewart [15], при рассмотрении проблем инновационной активности сосредотачивают свое внимание на материальных и социальных стимулах инновационной активности менеджеров организаций. В частности, в своем исследовании по практике управления человеческими ресурсами (УЧР) М. Армстронг и С. Тейлор дают рекомендации по поводу инноваций в сфере УЧР [1. С. 101]. Л. Грэхем в своем масштабном исследовании указывает, что одной из причин, которая оказывает влияние на коммерциализацию новации, является недостаточный интерес и поддержка со стороны собственников предприятий руководителей проявляющих рационализаторскую и изобретательскую деятельность, что в свою очередь влияет на инновационную активность рядовых работников [4. С. 111]. В работе А. Я. Кибанова, И. Б. Дураковой, И. А. Эсауловой раскрывается влияние поведенчес-

* Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН «Институт экономики» УрО РАН на 2019—2021 гг.

кого аспекта работника на реализацию инновационного потенциала работников [12].

Таким образом, в работах указанных авторов по данной тематике не нашли в достаточной мере отражения вопросы, связанные с ролью менеджеров организаций в модернизации российской экономики.

В истории Российской Федерации известны две попытки модернизации экономики. Первая была осуществлена в 1930-х гг., в период индустриализации социалистической экономики. Вводились в строй новые металлургические, машиностроительные заводы, шахты и разрезы, тепло- и гидроэлектростанции и т. д. Обновлялись производственные фонды разных отраслей экономики страны, велась ускоренная подготовка кадров на основе всеобщего начального образования, открытия многих средних и высших учебных заведений. На этой основе экономика быстро развивалась, что позволило Советскому Союзу в 1937 г. занять второе место в мире по производству валового внутреннего продукта после США. Вторая попытка была предпринята по инициативе М. С. Горбачева в 1980-х гг. В этот период происходило падение темпов развития экономики страны, что привело к глубокому экономическому кризису 1990-х гг. Вторая попытка закончилась полным провалом. Однако это вовсе не снимает вопроса о модернизации российской экономики, наоборот, стала очевиднее историческая необходимость модернизация экономики России.

Модернизация экономики сама по себе является сложным, не только экономическим, но также социальным и политическим явлением. Для ее реализации необходимо объединить усилия всех субъектов экономической деятельности страны, прежде всего российских организаций разных отраслей и организационно-правовых форм. Необходим их переход на инновационный путь развития. Однако за последние 20—30 лет не наблюдается повышения их инновационной активности. В связи с этим Российская Федерация теряет свои и так невысокие позиции в мировой экономике. Насколько здесь серьезное отставание, видно из следующих статистических материалов.

В Германии осуществляют технологические инновации 65,8% промышленных предприятий, в Бельгии — 58,7, во Франции — 45,5, а в РФ — 9,3% [6].

В целом затраты на инновационное развитие, опытно-конструкторские и научно-исследовательские работы РФ затрачивает 1,3% валового внутреннего продукта [10]. Совершенно иное положение

— в развитых странах. Так, например, аналогичные расходы Израиля составляют 4,7% ВВП, Швеции — 3, Японии — 3, США — 2,7, ЕС — 1,9, Китая и Индии — 1,8% ВВП [11].

Объем внутреннего российского рынка инновационной продукции составляет менее 1% мирового. Он меньше, чем в США, в 192 раза, Японии — в 85, Китае — в 15 раз [3; 7]. Менее 5% зарегистрированных изобретений становятся объектами коммерческих сделок. В хозяйственном обороте находится лишь 1% результатов научно-технической деятельности, тогда как, например, в США и Великобритании — 70%.

По нашему мнению, сложившееся положение является результатом следующих трех обстоятельств.

Главное — это отсутствие должной политики государства по поддержке инновационных организаций. Хорошо известно, что в развитых странах государственная власть стимулирует инновационные организации с помощью налоговой, кредитной и таможенной политики. Так, например, широко используется инвестиционный налоговый кредит, который предоставляется организациям после ввода новой техники и технологии в эксплуатацию. Используются также скидки с налога на прибыль в размере расходов на НИОКР. Одной из форм стимулирования организаций является налоговый исследовательский кредит. Используются также налоговые каникулы в качестве временного освобождения от уплаты налога на прибыль в первые годы деятельности. Кроме того, существует система амортизационных списаний, что предполагает возможность одномоментного полного списания всех инновационных капитальных расходов уже в первый год. В ряде стран применяется снижение налоговых ставок, в частности ставок налога на прибыль для стартующих инновационных компаний. Российское государство не использует такие рычаги воздействия на субъекты хозяйственной деятельности.

Теоретически государство имеет возможность косвенного влияния на инновационную активность организаций за счет создания конкурентной среды. Однако для российской экономики характерна монополизация рынков товаров и услуг. Слабая конкурентная среда позволяет организациям сравнительно благополучно существовать, выпуская устаревшие в технологическом отношении товары и услуги с высокими производственными издержками.

Следующая причина — это низкая инновационная активность самих организаций. Она вызвана не только указанной выше слабой поддержкой

государства, но и явно недостаточно развитым инновационным потенциалом организаций. Как правило, у них отсутствуют или недостаточны такие структурные элементы инновационного потенциала, как ноу-хау, специальные кадры и структурные подразделения, занимающиеся НИР, ОКР и т. п. Весьма серьезной проблемой российских организаций являются сравнительно низкая рентабельность производства и высокий процент за банковский кредит. В связи с этим организации не имеют возможности воспользоваться заемными средствами. По этой же причине большинство организаций не могут приобретать патенты и другие ноу-хау. Подтверждением этому являются результаты опроса организаций проведенного в 2015 году в Уральском Федеральном округе. Среди основных обстоятельств, препятствующих инновационной деятельности, 19,4% организаций указали недостаток собственных средств, 18,4% — недостаток финансовой поддержки со стороны государства, 17,8% — высокий экономический риск¹.

Как показывают наши исследования, инновационную активность российских организаций наряду с указанными выше двумя основными причинами сдерживает недостаточная научная проработанность проблем, связанных с инновационным потенциалом предприятий. До сих пор остаются дискуссионными многие теоретические вопросы, не разработано методическое сопровождение процессов вовлечения персонала организаций в инновационную деятельность, системы понятий инновационной деятельности персонала организаций и т. д. Остаются открытыми многие вопросы, в том числе связанные со стимулированием инновационной активности менеджеров организаций.

Наши исследования в российских организациях металлургии, машиностроения, строительства показали, что в большинстве организаций этих отраслей практически не сложилась система управления инновационной активностью персонала. В отдельных организациях стимулируется рационализаторская деятельность работников, но даже на крупных предприятиях одно внедренное рационализаторское предложение приходится на 100 и более работников в год. Объективно наибольший вклад в инновационное развитие предприятия должны вносить их менеджеры, учитывая их высокий уровень обра-

зования и занимаемые ими руководящие посты. Однако прямой зависимости их инновационной активности от указанных причин в организациях нами не выявлено. Но выявлена связь их активности с системой трудовых отношений, в которой они работают. Эта система может как стимулировать, так и гасить их инновационную активность.

Чтобы реализовать стратегию развития, организация должна разработать систему стимулов инновационной активности менеджеров, предложить им в обмен на технологические, технические, организационные и прочие усовершенствования материальные и социальные блага. В ответ на систему благ в сознании менеджеров рождается система мотивов инновационной активности. Обе системы взаимодействуют, оказывают влияние на отношение менеджеров к инновационной деятельности. Наши опросы менеджеров ряда организаций убедительно показывают, что всем этим проблемы инновационной активности менеджеров не исчерпываются. На практике имеются различные факторы, влияющие на отношение менеджеров к инновационной деятельности. Имеются обстоятельства, существенно снижающие инновационную активность менеджеров. Например, иногда рационализаторы не поддерживаются вышестоящими руководителями или им же поручается реализация их предложений без всякого материального и морального вознаграждения. Все это порождает демотивацию инновационной деятельности менеджеров, которая проявляется в различных формах. Сложные процессы стимулирования, мотивации и демотивации инновационной деятельности менеджеров организаций представлены на рисунке.

В связи с необходимостью перехода российской экономики на инновационный путь развития неизбежно должна активизироваться инновационная деятельность организаций, что объективно предполагает усиление инновационной деятельности персонала, прежде всего их менеджеров. Однако инновационная активность персонала сама по себе не появляется, не развивается. Для разработки системы стимулирования инноваций нами был проведен социологический опрос менеджеров на одном из предприятий Уральского федерального округа — в ООО «Ойлпамп Сервис».

Было опрошено более половины менеджеров разных уровней управления. Анализ итогов опроса показал заметные различия в отношении инновационной активности менеджеров разного уровня управления. Желают заниматься рационализаторской работой все менеджеры высшего уровня

¹ Инновационная деятельность в регионах Российской Федерации за 2014—2015 гг. (<https://www.hse.ru/data/2017/06/29/1171183765/II%202017.%206.%20Innovacionnaja%20dejatel'nost'%20v%20regionah%20Rossijskoj%20Federacii.pdf>).

Алгоритм реализации инновационного потенциала менеджеров организации

управления и только половина менеджеров среднего и низового уровней.

Итоги опроса выявили причины низкой инновационной активности менеджеров. В предшествующий опросу период материально поощрялись за инновации только 18% менеджеров, морально — 27%, морально и материально — 13%, никак не поощрялись — 29%. Весьма показательно, что каждый десятый менеджер был не рад, что сделал предложение. Данные итоги свидетельствуют о неблагоприятном положении со стимулированием инновационной активности менеджеров в ООО.

Опыт нашей работы в ряде организаций машиностроения, металлургии, строительства показывает, что этого недостаточно. При таком подходе вне поля зрения исследователей оказывается корпоративная культура организаций, которая реально оказывает существенное влияние на инновационную активность персонала. Как правило, не изучаются ценности культуры, которых придерживаются работники и которые далеко не всегда совпадают с ценностями, утверждаемыми собственниками и топ-менеджерами организаций. Это неизбежно порождает противоречия ценностей работников и ценностей корпоративной культуры организации. Цель корпоративной культуры организации — прибыль, цель работников — зарплата. Однако эти цели можно сблизить или привести к существенному сближению.

Как показывает наш опыт работы в ряде российских организаций, в системе ценностей культуры работников, как правило, не содержатся ценности инновационной активности.

Социологические опросы показывают, что происходит подавление инновационной активности персонала социально-психологической средой организации. Сама экономическая действительность поставила перед российскими организациями задачу исторического значения — создать такую корпоративную культуру, которая порождает бы желание у работников творить, созидать новое, совершенствовать все вокруг себя в производственном пространстве.

Особо важное значение для развития корпоративной культуры имеет вовлеченность персонала в дела организаций. Опыт фирм в западноевропейских странах показал, что при этом решаются задачи фундаментального характера, и одна из них — это вовлеченность менеджеров в инновационную деятельность. При этом не только сами менеджеры вовлекаются в процессы разработки и реализации инноваций, но и, что особенно важно, вовлекаются их подчиненные, рядовые работники.

В связи с тем что в экономической науке пока нет общепринятого определения понятия «вовлеченность персонала», мы предлагаем его авторское определение. По нашему мнению, вовлеченность персонала — это внутреннее позитивное отношение работников к своей организации, причем отношение не пассивное, а активное, выражающееся в повседневной трудовой жизни в стремлении проявлять свои трудовые и творческие способности на благо организации.

Как показывают наши исследования, вовлеченность менеджеров в большинстве российских организаций находится на низком уровне.

Так, например, на вопрос: «Считается ли ваш труд на предприятии престижным?» — в ПАО «Уралэлектромедь» были получены следующие ответы: 18 % респондентов ответили «да», 63 % — «нет», остальные затруднились ответить. Только 20 % респондентов полагают, что фирменный патриотизм присущ их коллегам, 44 % считают, что такого чувства нет, затруднились ответить 34 % респондентов.

О слабой вовлеченности менеджеров в дела организаций свидетельствуют следующие итоги опроса. Только 43 % респондентов считают, что организация заинтересована в росте зарплаты, 43 % — в повышении социальных льгот работникам. Опыт работы западноевропейских организаций показывает, что высокую конкурентоспособность невозможно обеспечить, если вовлеченность персонала не превышает 60 %. Наши замеры вовлеченности в российских организациях показывают, что она не превышает 30—40 %. Этого недостаточно для того, чтобы стать конкурентоспособными на мировых рынках.

Насколько еще недостаточно вовлечены менеджеры в дела организаций, свидетельствуют итоги нашего опроса на одном металлургическом предприятии. Вовлеченность менеджеров невозможно обеспечить без постоянства их работы в организации. Проведенный нами опрос менеджеров дал следующие результаты: 58 % респондентов намерены работать долго в организации, в будущем могут уволиться 18 %, увольются при первой возможности 11 %, затруднились ответить 15 %. Таким образом, почти половина менеджеров (44 %) непрочны связаны с организацией¹. Среди рядовых работников около 80 % готовы поменять место работы и перейти в другие организации, если при смене работы зарплата увеличится на 15—20 %. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что в российских организациях предстоит еще многое сделать, чтобы работники оказались вовлеченными в их дела.

Для практического решения проблем перехода российских организаций на инновационный путь развития нами была разработана и внедрена в практику система стимулирования инновационной активности персонала организаций «Инновация». Разрабатывалась она на примере двух предприятий Уральского федерального округа — ОАО «Шадринский автоагрегатный завод» и ПАО

«Уралэлектромедь». В этой системе главная роль отведена менеджерам организации. Она вовлекает их в рационализаторскую и изобретательскую деятельность; более того, она заинтересовывает их в рационализаторской работе их подчиненных работников. Средствами решения первой задачи являются материальные и моральные поощрения. Наиболее сложным является решение второй задачи.

Наше знакомство с реальными условиями производственной жизни показали, что далеко не всегда менеджеры лично заинтересованы в инновационной активности подчиненных. Как правило, инновационный подчиненный работник приносит своему «шефу» дополнительную работу по оказанию помощи в оформлении и внедрении рационализаторского предложения. И работа эта, за редким исключением, не оплачивается. Поэтому часть менеджеров гасят инновационную активность подчиненных. В системе «Инновация» предложены следующие меры для преодоления указанного недостатка.

В должностные инструкции менеджеров было внесено положение, во-первых, об их обязательном участии в инновационной деятельности а, во-вторых, о поддержке рационализаторов среди подчиненных работников. Но всего этого было бы явно недостаточно, как показывает практика, так как и раньше менеджеры обязывали всем этим заниматься. Однако в системе «Инновация» менеджеры имеют двусторонний порядок стимулирования — систему «кнута и пряника». Каждое полугодие специальная комиссия оценивает как личную инновационную активность менеджера, так и активность подчиненных ему работников. В зависимости от оценки комиссия рекомендует поощрить или наказать менеджера через повышение или понижение ежемесячной премии на следующее полугодие, и это оказалось очень эффективным.

Большую роль в развитии инновационной активности персонала организаций сыграло соревнование, в которое включились как коллективы структурных подразделений организации, так и отдельные работники по профессиям. До внедрения системы «Инновация» инновационная активность работников организации была очень низкой. В год обычно поступало 130—150 рационализаторских предложений. В первый же год работы по-новому 2950 работников подали более 4000 предложений.

Данная система по своей сути является российским вариантом японской системы бережливого производства, которая используется в корпорации «Тойота» [2]. Система «Инновация» построена

¹ Материалы социологических опросов получены учеными Челябинского филиала Института экономики УрО РАН. В связи с конфиденциальностью информации организация в тексте данной статьи не названа.

по простому принципу: «внес предложение — иди в кассу». В среднем каждый новатор за одно предложение получал: в 2010 г. — 1433 руб., в 2011 — 1907, в 2012 — 1712, в 2013 г. — 1813 руб. Большая активизация инновационной деятельности персонала организации не потребовала сколько нибудь значительных финансовых средств. На вознаграждения за инновационную активность персонала организация тратит всего лишь 0,2 % годового фонда зарплаты, то есть в 500 раз меньше годового фонда зарплаты.

Система «Инновация» внесла свой заметный вклад в улучшение экономических показателей ПАО «Уралэлектромедь»: за четыре года выросла производительность труда на 131 %, фонд зарплаты — на 135 %, средняя зарплата — на 151 %. Особенно выросли расходы ПАО на всевозможные льготы для работников — 180 %.

Коренным образом изменилось отношение работников к рационализаторской деятельности. Эти изменения были зафиксированы с помощью социологических опросов, которые были проведены с промежутком времени в три года. Так, например, получали материальное поощрение за инновации в 2009 г. 21 % опрошенных, а через три года — 71 % работников. Доля менеджеров,

желающих заниматься рационализацией, выросла в 1,4 раза. Доля респондентов, считающих, что в организации всякая инициатива поощряется, увеличилась более чем в 2 раза, а доля респондентов, считающих, что всякая инициатива наказуема, снизилась в 3 раза.

На протяжении двух — трех лет у работников организации под влиянием системы «Инновация» получили развитие инновационные ценности, такие как желание творчества, стремление к самореализации и т. п. Происходит процесс идентификации инновационных ценностей менеджеров-новаторов с корпоративными инновационными ценностями. Таким образом, в корпоративной культуре организации появляется субкультура, связанная с инновационной деятельностью персонала.

Годы работы ОАО «Шадринский автоагрегатный завод» и ПАО «Уралэлектромедь» по системе «Инновация» убедительно показали, что у персонала большинства российских организаций, и прежде всего у их менеджерского корпуса, имеется большой инновационный потенциал, который может быть реализован при научно-методической поддержке организаций со стороны экономической науки, при существенной поддержке со стороны государства.

Список литературы

1. Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг, С. Тейлор. — СПб. : Питер, 2018. — 1040 с.
2. Белкин, В. Н. Инновационная активность менеджеров предприятий как условие развития трудового потенциала региона / В. Н. Белкин, Н. А. Белкина, О. А. Антонова // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 4. — С. 1327—1340.
3. Гохберг, Л. Российская наука: библиометрические индикаторы / Л. Гохберг, Г. Сагиева // Форсайт. — 2007. — № 1.
4. Грэхем, Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России / Л. Грэхем. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 166 с.
5. Емельянов, Ю. С. Человеческий капитал в модернизации России: институциональный и корпоративный аспекты / Ю. С. Емельянов, А. А. Хачатурян. — М. : Едиториал УРСС, 2011. — 416 с.
6. Индикаторы инновационной деятельности: 2007 : стат. сб. — М. : ГУ ВШЭ, 2007.
7. Кузьминов, Я. Перспективы Форсайта в России безграничны / Я. Кузьминов // Форсайт. — 2007. — № 1.
8. Лайкр, Дж. Корпоративная культура Тойоты: Уроки для групп компаний / Дж. Лайкр. — М. : Альпина Паблшерз, 2011. — 354 с.
9. Масааки Имаи. Кайдзен. Ключ к успеху японских компаний / Масааки Имаи. — М. : Альпина Паблшерз, 2019. — 274 с.
10. Российский статистический ежегодник, 2010 : стат. сб. — М., 2010.
11. Мировая экономика: прогноз до 2020 г. / под ред. А. Дынкина. — М. : Магистр, 2007. — 429 с.
12. Управление персоналом в России: история и современность : монография / [А. Я. Кибанов, И. Б. Дуракова, И. А. Эсаулова и др.] ; под ред. А. Я. Кибанова. — М. : ИНФРА-М, 2015. — 240 с.
13. Энциклопедия систем мотивации и оплаты труда : пер. с англ. / под ред. Д. Бергер, Л. Бергера. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. — 761 с.

14. Davenport, T. H. *Working Knowledge: How Organizations Manage What They Know* / T. H. Davenport, L. Prusak. — Boston, Massachusetts : Harvard Business School Press, 2000.

15. Stewart, T. *Intellectual capital. The New Wealth of Organizations*. Doubleday / T. Stewart. — New York, 1997.

Сведения об авторах

Белкин Владимир Никифорович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия. akademiya28@bk.ru

Белкина Надежда Андреевна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия. akademiya28@bk.ru

Антонова Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Государственного и муниципального управления» Челябинского государственного университета, старший научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия. akademiya28@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 124—131.*

THE MANAGER'S INNOVATION ROLE IN THE MODERNIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

V.N. Belkin

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of UB RAS, Chelyabinsk, Russia. akademiya28@bk.ru

N.A. Belkina

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of UB RAS, Chelyabinsk, Russia. akademiya28@bk.ru

O.A. Antonova

Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of UB RAS, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. akademiya28@bk.ru

The article discusses the reasons for the low innovative activity of Russian organizations. The main subjects, the state, economic science, and the organizations themselves, and their role in innovation are shown. One of the reasons for the low innovation activity of organizations is considered in more detail - this is the lack of interest of managers in realizing their innovative potential. In this regard, the primary attention in the article is paid to ways to overcome the innovative passivity of managers. During the study, we used our experience in studying the innovative activity of managers in several organizations and proposed a systematic approach to stimulating their innovative activity. The author's Russian version of the Japanese lean manufacturing system, the Innovation System and the experience of its implementation at several enterprises of the Ural Federal District are presented. This experience has shown that a radical increase in the innovative activity of managers is possible. The hypothesis put forward by the authors is as follows, a high level of innovation activity of managers of Russian organizations is possible provided that a bilateral system for stimulating innovation activity of managers is developed and put into practice, which will provide for not only their responsibility for innovative passivity but also incentives for their innovative activity. The implementation of this condition will affect the growth of the innovative activity of organizations and the processes of modernization of the Russian economy.

Keywords: *modernization of the economy, innovation activity of managers, innovative activity of managers of organizations, a system of stimulating innovative activity of personnel of organizations, incentives for innovative activity of managers, motives for innovative activity of managers, demotives for innovative activity of managers, rationalization, inventiveness.*

References

1. Armstrong M., Taylor S. *The practice of human resource management* [The study details the theory and practice of human resource management]. St. Petersburg, Peter, 2018. 1040 p. (In Russ.).

2. Belkin V.N., Belkina N.A., Antonova O.A. *Innovacionnaya aktivnost' menedzherov predpriyatij kak uslovie razvitiya trudovogo potenciala regiona* [Innovative activity of enterprise managers as a condition for the

development of the labor potential of the region]. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2018, vol. 14, no. 4, pp. 1327-1340. (In Russ.).

3. Gokhberg, L. Rossijskaya nauka: bibliometricheskie indikatory [Russian science: bibliometric indicators]. *Forsajt* [Forsyth], 2007, no. 1. (In Russ.).

4. Graham L. *Will Russia be able to compete? The history of innovation in tsarist, Soviet and modern Russia* [In the study, the author made an attempt to find the reasons for the technological failure of Russia on the way to an innovative economy over a 300 year period]. Moscow, Publishing House Mann, Ivanov and Ferber, 2014. 166 p. (In Russ.).

5. Yemelyanov Yu.S., Khachaturian A.A. *Human capital in the modernization of Russia: institutional and corporate aspects* [The study shows the history and specifics of all significant modernization projects implemented in Russia]. Moscow, Editorial URSS Publ. 2011. 416 p. (In Russ.).

6. Innovation Indicators: 2007. Moscow, SU HSE Publ., 2007. (In Russ.).

7. Kuzminov I. Perspektivy Forsajta v Rossii bezgranichny [Foresight Forests in Russia are endless]. *Forsajt* [Forsyth], 2007, no. 1. (In Russ.).

8. Laykr J. *Korporativnaya kul'tura Toyoty: Uroki dlia grupp kompaniy* [The corporate culture of Toyota: Lessons for groups of companies]. Moscow, Wiley Publishers Publ., 2011. 354 p. (In Russ.).

9. Masaaki Imai. *Kayzen. Cliuch k uspehu yaponskikh kompaniy* [Kaizen. The key to the success of Japanese companies]. Moscow, Alpina Publisher. 2019. 274 p. (In Russ.).

10. Russian statistical yearbook, 2010: stat. collection. Rosstat. Moscow, 2010. (In Russ.).

11. *World Economy: Forecast to 2020*. Moscow, Master, 2007. 429 p. (In Russ.).

12. *Control personnel in Russia: History and Modernity*. Monograph. Moscow, INFRA-M Publ., 2015. 240 p. (In Russ.).

13. *Entsiklopediya systems of motivation and remuneration*. Moscow, Alpina Business Books, 2008. 761 p. (In Russ.).

14. Davenport T. H., Prusak L. *Working Knowledge: How Organizations Manage What They Know*. Boston, Massachusetts, Havard Business School Press, 2000.

15. Stewart T. *Intellectual capital. The New Wealth of Organizations*. Doubleday. New York, 1997.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

И. В. Лаврентьева^{1,2}, Д. С. Руденко²

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*

² *Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

В век цифровых технологий Россия не стоит на месте, а постоянно развивается. Так как цифровизация коснулась всех этапов нашей жизни, то и предприятия не остались в стороне. Для успешного функционирования и конкурентоспособности на рынке компании должны постоянно совершенствоваться. Главным движущим инструментом в любой организации является человеческий капитал, на который в первую очередь нужно обращать внимание. В статье рассматривается развитие организационной культуры под влиянием внешних факторов в условиях цифровизации. Раскрыты новые возможности компаний, а также выявлены определенные требования к персоналу в условиях цифровой среды. Целью исследования является рассмотрение организационной культуры в современном мире под факторами внешней среды.

Ключевые слова: *организационная культура, цифровизация, развитие человеческого капитала, цифровая экономика.*

Культура является основополагающим элементом жизнедеятельности общества. Для успешного функционирования фирмы необходимо формировать организационную культуру, которая отражает собственный облик и репутацию в деловом мире. Представляя собой стратегический инструмент, ориентируя персонал на общие цели, создавая развитые коммуникационные связи, организационная культура отличает одну организацию от другой, являясь социальной и материальной жизнью коллектива, включая ценности, нормы, принципы и кодекс поведения. Поэтому так важно уделить особое внимание руководящему составу на формирование, анализ и управление организационной культурой.

На рубеже XX и XXI вв. понятие организационной культуры стало одно из ключевых в теории и практике управления. Данный термин проявил себя еще в 1970-х гг., но до сих пор в современном мире нет единого понятия организационной культуры. Г. Морган определяет организационную культуру посредством передачи фольклора, традиций и ценностей; Г. Хофстеде [14] считает, что это некоторый психологический актив, который может быть использован для прогнозирования финансовых результатов деятельности компании; Т. Ю. Базаров указывает на то, что это сложный комплекс предположений, принимаемых всеми членами конкретной организации, задающих общие рамки поведения [См.: 1; 2]. Таким образом, определения организационной культуры большинства авторов разнятся, но есть общие моменты.

Организационная культура имеет отношение к всеобщим принятым убеждениям, а именно к ним относятся основные элементы: ценности, убеждения, нормы, традиции, ритуалы, положения, — которые принимаются всеми членами организации и задают единый вектор взаимодействия.

Организационная культура выступает в качестве инструмента управления и направлена на достижение целей организации благодаря ее функционалу, заключающемуся в реализации целей организации и персонала [15]. Кроме того, организационная культура несет в себе не только социально-духовную, но и экономическую нагрузку. В этом плане организационная культура тесно взаимодействует с человеческим капиталом.

Главным источником развития экономики и элементом производительных сил являются люди, а именно их мастерство, профессиональная подготовка, образование, мотивация. Впервые термин «человеческий капитал» был рассмотрен в XX в. Основным приверженцами этого направления в экономике стали Т. Шульц и Г. Беккер [3]. Первоначально под человеческим капиталом понималась лишь совокупность инвестиций в человека, повышающая способность к труду. В дальнейшем данное понятие расширилось, в него были включены потребительские расходы. В последнее время уделяется пристальное внимание проблемам инвестиций в человеческий капитал и развития человеческих ресурсов. Термин «человеческие ресурсы» в современной литературе был рассмотрен многими

российскими экономистами: А. Я. Кибанов видит в человеческих ресурсах главное богатство любого общества [4]; Э. Н. Разнодежина включает в это понятие не только трудовые навыки, но и морально-нравственные качества личности, религиозные пристрастия и т. д. [5]; А. Л. Гапоненко указывает в термине ресурсную трудовую составляющую и социокультурные характеристики, проявляющиеся в их отношении к предприятию [6]. Определяя роль человеческих ресурсов в системе социально-экономических отношений, многие исследователи делают акцент на образовании, личностных качествах, квалификации работников, опыте, творческих и предпринимательских способностях. Необходимо уделять особое внимание человеческим ресурсам, так как все эти качества в совокупности обеспечивают эффективность и конкурентные преимущества организации, в результате чего достигаются общеорганизационные и личные цели сотрудников.

На сегодняшний день увеличение темпов роста, внедрение новых технологий, влияние информационных потоков обусловлены требованиями к новому типу сотрудника. Новый тип сотрудника должен быть с новой идейной заряженностью, быстрой адаптацией к турбулентным изменениям внешней среды, показывающим высокие навыки работы в условиях неопределенности и риска, постоянно развивающейся и креативной личностью.

В условиях глобализации Россия шагнула в век цифровой экономики, которая внедряется ежедневно во все структуры нашей жизни. Современные информационные и коммуникационные технологии существенно меняют общественные и производственные отношения, взаимодействуя с цифровой средой. До сих пор в мире не существовало единого понятия, как «цифровая экономика». Впервые термин был введен в 1995 г. математиком-программистом из Массачусетского университета, США, Николасом Негропonte [7]. В Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» содержится официальное государственное определение: «Цифровая экономика — хозяйственная деятельность, в которой ключевыми факторами производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют су-

щественно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [8].

Рассматривая вклад цифровой экономики в ВВП России по сравнению с другими странами, можно сделать вывод, что Россия находится на последнем месте, как показано на рис. 1. Лидирующие позиции занимают США, Китай и Чехия. Эффективное внедрение цифровых технологий позволит повысить долгосрочное устойчивое развитие в стране. Несмотря на то что, цифровая экономика внедрилась в жизнь россиян несколько лет назад, по сравнению со странами-лидерами, где использование цифровизации осуществилось намного раньше, прогнозируется, что Россия утроит свои показатели к 2025 г. [9].

Цифровая трансформация повышает эффективность и открытость бизнес-процессов под влиянием внутренних и внешних факторов. Под цифровой трансформацией понимается внедрение цифровых технологий во все области бизнеса. А именно: совершенствуются бизнес-процессы, устраняется неэффективность, внедряются новые бизнес-модели, повышается скорость принятия решений за счет использования всевозможных технологий, изменяется способ взаимодействия с клиентами, сотрудниками и партнерами. Тем самым за счет цифровых изменений происходит преобразование в корпоративной культуре и преобладает гибкое управление командой.

Нельзя не отметить, что современное развитие цифровой экономики часто характеризуется такими терминами, как цифровизация, роботизация, искусственный интеллект, трансгуманизм [10]. Данная терминология давно применяется в крупных организациях, оставляя конкурентов позади. Многие рутинные рабочие процессы автоматизировались, заменились роботами с использованием искусственного интеллекта. В основном документооборот

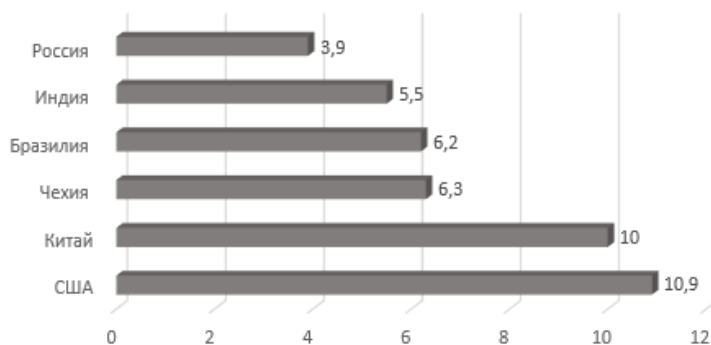

Рис. 1. Вклад цифровой экономики в ВВП России в сравнении с другими странами (2018)

замещается электронным, что позволяет сокращать время на обработку документов, сводя риск ошибок к минимуму. Существует три направления цифровой трансформации: клиентский опыт, операционные процессы и бизнес-модели [17]. Обычно компании реализуют одно из трех направлений. Клиентский опыт позволяет расширять границы общения с клиентами с помощью различных приложений и увеличения точек контакта с ними. За счет обучения и постоянного повышения квалификации сотрудников компании добиваются большей производительности работников. С созданием цифровых продуктов меняются границы бизнес-моделей и осваиваются новые рынки.

Согласно исследованию [16], наибольший экономический эффект, по мнению российских компаний, принесла роботизация бизнес-процессов. С помощью внедрения технологий увеличивается производительность деятельности до 30%. Драйверами внедрения цифровых технологий в России выступают повышение эффективности процессов и сокращение издержек. На рис. 2 показан эффект от использования цифровых технологий.

Для того чтобы оставаться на рынке конкурентоспособным, необходимо постоянно совершенствоваться и идти в ногу со временем. Важным отличием одной организации от другой является успешно сформированная организационная культура, в состав которой входят элементы: история организации, культура компании, развитие и обучение персонала, а также коммуникации. Организационная культура способствует повышению эффективности деятельности организации, является важным мотиватором и способствует формированию уверенности потребителей.

Высокий уровень цифровизации в современном мире является синонимом конкурентоспособности и перспективности успешных компаний. Внедрение

новых цифровых технологий повышает производительность труда, совершенствуются бизнес-процессы, снижаются барьеры входа на новые рынки, уменьшаются издержки бизнеса, что благоприятно влияет на развитие экономики в целом. В цифровой трансформации лежат три составляющие: технологические, образовательные и коммуникационные элементы. При формировании организационной культуры данные направления следует постоянно совершенствовать. Не стоит забывать о сотрудниках, которые трудятся на общую цель компании.

В России практически с нуля удалось создать крупные цифровые компании. К таким компаниям можно отнести «Тинькофф Банк», который не имеет физических отделений, Superjob, «Авито» [11]. Вся деятельность этих компаний осуществляется через разработанные приложения. Клиент может выполнять в приложении множество действий, начиная от выбора товара или услуги и заканчивая онлайн-оплатой. В любое время приходят на помощь онлайн-специалисты, которые могут быть заменены роботами с использованием искусственного интеллекта. Все эти компании используют цифровые возможности, чат и видеороботов, автоматизированные рабочие системы, искусственный интеллект, виртуальную реальность, но за контролем и принятием решений стоит все же человек.

Так как клиенты данных компаний могут пользоваться услугами в любом месте нашей страны, то и сотрудники не привязаны к одному офису, а наоборот, работу могут выполнять из дома. При развитии крупных компаний открываются филиалы в других регионах, а иногда и за пределами страны. Для успешного функционирования необходимо выстраивать коммуникационные связи как среди высшего звена, так и между подчиненными. Для моментальной коммуникации работников, а их в одной организации может быть более тысячи,

компании прибегают к различным мессенджерам и программам, которые применяются для удобства общения [12]. Таким образом, в одно и то же время, можно передать важную информацию, поставить новые задачи сразу множеству людей или отправить задание только определенному кругу лиц. С помощью онлайн-конференций, голосовых звонков, программ синхронизаторов как с профессионального компьютера, так и с мобильно-

Рис. 2. Эффект от использования цифровых технологий, по мнению российских компаний

го устройства можно успешно взаимодействовать друг с другом.

Успешность вовлечения персонала в процессы цифровизации зависит от желания сотрудников участвовать в совершенствовании организации, постоянно генерировать и применять в работе новые идеи и возможности. Для этого необходимо выстроить организационную культуру, которая содержит цифровые технологии и подобрать сотрудников, разделяющих взгляды компании на технологические процессы. Благодаря современным технологиям работодатели могут осуществлять свою деятельность удаленно. При удаленной работе важно выстроить эффективную систему управления персоналом: понимать, над чем трудится сотрудник, посмотреть на каком этапе выполняется то или иное задание, оценить его деятельность. Цифровые возможности позволяют достичь всего этого [13].

Для преодоления сопротивления сотрудников нововведениям необходимо максимально открыто разъяснять преимущества цифровизации. В таком случае подключается образовательная деятельность, которая способствует быстрому развитию персонала без отрыва от рабочего процесса. Это могут быть различные веб-семинары, однодневные курсы, лекции. Таким образом, рабочий персонал при различных изменениях на рынке будет реагировать адекватно и принимать правильные решения в условиях неопределенности.

Цифровая трансформация не может быть ограничена внедрением новых технологий. В компаниях должна быть сформирована сильная организационная культура. Она складывается на основе из стиля руководства, ценностей и норм, принятых в организации, истории создания. Организационная культура позволяет работникам осознать идентичность, стимулирует высокую ответственность, мотиви-

рует сотрудников, дает ощущение стабильности и надежности. Под влиянием внешних факторов руководителям следует постоянно совершенствоваться и видоизменять организационную культуру, так как она является мощным показателем успешности организации. В случае полного соответствия культуры и стратегическим планам организацией достигаются успешные результаты.

При всех положительных для организации моментах цифровизации необходимо отметить и отрицательные, к которым можно отнести следующее:

- потеря идентичности и обезличивание работы и организационной культуры;
- уклон к технократизации в управлении персоналом;
- доминирование;
- сокращение рабочих мест, высокая безработица на традиционном рынке.

Эффективность организационной культуры в условиях цифровизации зависит от политических, экономических, социально-демографических и технологических факторов. Таким образом, сформированная, управляемая, постоянно совершенствуемая и гибко меняющаяся организационная культура — это конкурентное преимущество компании. Организации всегда будут добиваться стабильности и эффективности деятельности на рынке. Информационные технологии помогают снижать издержки, значительно повышать эффективность и производительность труда практически во всех секторах экономики. Таким образом, компании должны внедрять новые технологии в бизнес-процессы, повышать эффективность конкурентной борьбы и развивать человеческий капитал, учитывая отрицательные и положительные факторы воздействия цифровых информационных технологий.

Список литературы

1. Тихомирова, О. Г. Организационная культура: формирование, развитие и оценка : учеб. пособие / О. Г. Тихомирова. — М. : НИЦ ИНФРА-М, 2013. — 151 с.
2. Стеклова, О. Е. Организационная культура : учеб. пособие / О. Е. Стеклова. — Ульяновск : УлГТУ, 2012. — 127 с.
3. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. С. Беккер ; пер. с англ. под ред. Капелюшников Р. И., Левина М. И. — М. : ГУ ВШЭ, 2003.
4. Управление персоналом : учеб. пособие / А. Я. Кибанов, Г. П. Гагаринская, О. Ю. Калмыкова, Е. В. Мюллер. — М. : НИЦ ИНФРА-М, 2013. — 238 с.
5. Разнодежина Э. Н. Человеческие ресурсы: их роль и значение // Управление экономическими системами. — 2011. — № 1 (25).
6. Гапоненко, А. Л. Стратегическое управление : учебник / А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухин. — 5-е изд. — М. : Омега-Л, 2011.

7. Введение в «цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В. Г. Буданов, В. Ю. Румянцев [и др.] ; под общ. ред. А. В. Кешелава ; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. — ВНИИГеосистем, 2017. — 28 с. (На пороге «цифрового будущего». Книга первая).
8. Развитие цифровой экономики в России: программа до 2035 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (дата обращения 06.08.2019).
9. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: www.gks.ru (дата обращения 06.08.2019).
10. Луков, В. А. Трансгуманизм / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 1. — С. 245—252.
11. Черницова, К. А. Развитие инновационного бизнеса и управление инновационными компаниями / К. А. Черницова // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2016. — № 3. — С. 124—128.
12. Руденко, Д. С. Особенности организационной культуры в условиях развития цифровой экономики / Д. С. Руденко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 12 (422). — С. 153—156.
13. Капкаев, Ю. Ш. Потенциал развития персонала предприятий в условиях цифровой экономики / Ю. Ш. Капкаев, Д. С. Емельянова // Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики : материалы нац. (всерос.) науч.-практ. конф. — 2018. — С. 379—384.
14. Хофстеде, Г. Организационная культура: понятие, составляющие, характеристика / Г. Хофстеде. — М. : БЕК, 2008.
15. Бархатов, В. И. Корпоративная культура как рутинизированный процесс / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев // Экономическая культура: ценности и интересы. — 2013. — С. 82—85.
16. Цифровые технологии в российских компаниях [Электронный ресурс]. — URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2019/01/ru-ru-digital-technologies-in-russian-companies.pdf> (дата обращения 06.08.2019).
17. Макрушин, С. В. Цифровая экономика: трансформация технологий в новый экономический уклад / С. В. Макрушин // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2018. — № 2 (197). — С. 10—18.

Сведения об авторах

Лаврентьева Ирина Викторовна — доктор экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры менеджмента Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия.

Руденко Дарья Сергеевна — научный сотрудник Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. eds@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 11 (433). Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 132—137.

ORGANIZATIONAL CULTURE AS A MANAGEMENT TOOL IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION DEVELOPMENT

I.V. Lavrentieva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

D.S. Rudenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. eds@csu.ru

In the digital age, Russia does not stand still but is continuously evolving. Since digitalization has touched all stages of our lives, enterprises have not remained aloof. For successful operation and competitiveness in the market, companies must continuously improve. The primary driving tool in any organization is human capital, which must first be addressed. The article considers the development of organizational culture under the influence of external factors in the context of digitalization. New opportunities of the companies revealed, as well as specific requirements for personnel in the digital environment, are revealed. The aim of the study is to consider the organizational culture in the modern world under environmental factors.

Keywords: *organizational culture, digitalization, human capital development, digital economy.*

References

1. Tikhomirova O.G. *Organizacionnaya kul'tura: formirovanie, razvitie i ocenka* [Organizational culture: formation, development and evaluation]. Moscow, SIC INFRA-M Publ, 2013. 151 p. (In Russ.).
2. Steklova O.E. *Organizacionnaya kul'tura* [Organizational culture. Allowance]. Ulyanovsk, UISTU Publ., 2012. 127 p. (In Russ.).
3. Becker G.S. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod* [Human behavior: an economic approach. Selected works on economic theory]. Moscow, SU HSE Publ., 2003, p. 672. (In Russ.).
4. Kibanov A.Ya. *Upravlenie personalom* [Personnel Management]. Moscow, SIC INFRA-M Publ., 2013. 238 p. (In Russ.).
5. Razodezhina E.N. Chelovecheskie resursy: ih rol' i znachenie [Human resources: their role and importance]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Management of economic systems: electronic scientific journal], 2011, no. 1 (25). (In Russ.).
6. Gaponenko A.L., Pankrukhin A.P. *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. Moscow, Omega-L Publ., 2011. (In Russ.).
7. Keshelava A.V., Budanov V.G., Rumyantsev V.Yu. and others. *Vvedenie v "cifrovuyu" ekonomiku* [Introduction to the "digital" economy"]. 2017. 28 p. (On the threshold of the "digital future." Book One). (In Russ.).
8. *The development of the digital economy in Russia: program until 2035*. Available at: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf>, accessed 06.08.2019. (In Russ.).
9. *Federal State Statistics Service*. Available at: www.gks.ru, accessed 06.08.2019. (In Russ.).
10. Lukov V.A. *Transgumanizm* [Transhumanism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2017, no. 1, pp. 245-252. (In Russ.).
11. Chernitsova K.A. *Razvitie innovacionnogo biznesa i upravlenie innovacionnymi kompaniyami* [Development of innovative business and management of innovative companies]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 2016, no. 3, pp. 124-128. (In Russ.).
12. Rudenko D.S. *Osobennosti organizacionnoj kul'tury v usloviyah razvitiya cifrovoj ekonomiki* [Features of organizational culture in the context of the development of the digital economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 12 (422), pp. 153-156. (In Russ.).
13. Kapkaev Yu.S., Emelyanova D.S. *Potencial razvitiya personala predpriyatij v usloviyah cifrovoj ekonomiki* [The potential for the development of enterprise personnel in the digital economy]. *Kompleksnoe razvitie territorial'nyh sistem i povyshenie effektivnosti regional'nogo upravleniya v usloviyah cifrovizacii ekonomiki Materialy nacional'noj (vserossijskoj) nauchno-prakticheskoy konferencii* [Integrated development of territorial systems and increased efficiency of regional management in the context of the digitalization of the economy Materials of a national (all-Russian) scientific and practical conference], 2018, pp. 379-384. (In Russ.).
14. Hovstede G. *Organizacionnaya kul'tura: ponyatie, sostavlyayushchie, harakteristika* [Organizational culture: concept, components, characteristics]. Moscow, BEK Publ., 2008. (In Russ.).
15. Barkhatov V.I., Pletnev D.A. *Korporativnaya kul'tura kak rutinizirovannyj process* [Corporate culture as a routine process]. *Ekonomicheskaya kul'tura: cennosti i interesy* [Economic culture: values and interests]. 2013. Pp. 82-85. (In Russ.).
16. *Digital technologies in Russian companies*. Available at: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2019/01/ru-ru-digital-technologies-in-russian-companies.pdf>, accessed 06.08.2019. (In Russ.).
17. Makrushin S.V. *Cifrovaya ekonomika: transformaciya tekhnologij v novyj ekonomicheskij ukklad* [Digital economy: transformation of technologies into a new economic order]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii* [Property relations in the Russian Federation], 2018, no. 2 (197), pp. 10-18. (In Russ.).

ОПОРТУНИСТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ

Е. В. Козлова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Одним из ключевых условий эффективного межфирменного взаимодействия является добросовестное выполнение условий договора всеми участниками взаимодействия. Вследствие оппортунистического поведения происходит не только нарушение взятых на себя обязательств, но и негативные изменения самой предпринимательской среды. Внешние неблагоприятные факторы приводят к повышению рисков предпринимательской деятельности и, как следствие, увеличивают издержки и снижают эффективность взаимодействия. В статье проводится анализ оппортунистического поведения в межфирменных взаимодействиях. Особое внимание уделено исследованию доверия, как одного из механизмов предотвращения и ограничения оппортунизма. Выявлены условия и причины формирования оппортунистического поведения, а также предложены способы управления.

Ключевые слова: *оппортунизм, оппортунистическое поведение, доверие, недоверие, неопределенность, риск.*

На сегодняшний день значительное внимание в современной экономической литературе уделяется вопросам внутрифирменного оппортунизма [3—5]. При этом исследование внешнего по отношению к границам предприятия оппортунизма является не менее важной задачей.

Проявление оппортунистического поведения во внешних взаимодействиях можно наблюдать в форме сокрытия или искажения существенной для партнера информации. Информационная асимметрия является одной из основных причин возникновения и проявления оппортунизма. Использование информационного преимущества одной из сторон способно существенно увеличить ее выгоды и повысить издержки стороны противоположной.

Нестабильная экономическая ситуация в стране приводит к ориентации партнеров на максимизацию выгоды в краткосрочном периоде, отодвигая на второй план деловую репутацию или возможные выгоды от долгосрочных взаимоотношений компаний. Существующая неопределенность, вызванная недостаточным объемом информации, необходимой для принятия ключевых решений, становится дополнительной проблемой при оценке деятельности других экономических агентов. Немаловажным становится вопрос минимизации транзакционных издержек поиска информации о потенциальном партнере и защита от возможного оппортунистического поведения. При решении данных вопросов в бизнес-среде для оценки репутации компаний используют рейтинги деловой

репутации. Если несколько десятилетий назад о развитой системе оценки репутации можно было говорить только в США, то на сегодняшний день оценка производится как на международном уровне, так и в рамках отдельно взятой страны. Наиболее известные зарубежные рейтинги деловой репутации — Global RepTrak ranking и World's Most Reputable Companies [18; 19]. Такие рейтинги являются результатом анализа большого количества информации ведущими аналитиками, агентствами и руководителями корпораций, что позволяет использовать их в качестве индикаторов привлекательности компании для потенциальных партнеров и инвесторов.

Вероятность проявления оппортунизма одной из сторон напрямую зависит от оценки возможных выгод и потерь, связанных с таким поведением. Оценить потенциальные дополнительные выгоды от добросовестного соблюдения условий соглашения достаточно сложно, а риски, возникающие в результате уклонения от выполнения договора в полном объеме или прямого нарушения его пунктов, — гораздо проще. Ориентация на краткосрочную выгоду приводит к тому, что предприятия не стремятся инвестировать в долгосрочные партнерские отношения, деловую репутацию и т. д. Предрасположенность сторон к оппортунизму обусловлена также и вероятностью обнаружения такого поведения. Если нет реальной возможности отследить нарушение условий договора или затраты на такое обнаружение будут слишком высоки,

то риск возникновения оппортунизма существенно возрастает.

Продолжительность взаимодействия также может влиять на вероятность проявления оппортунизма. При краткосрочных или разовых контактах стороны стремятся получить максимальную выгоду от сделки, в то время как при долгосрочных партнерских связях значительную роль начинают играть неформальные отношения. Впрочем, при длительных взаимодействиях часто возникают ситуации, когда агенты начинают нарушать договоренности уже на заключительных этапах.

Степень доверия в партнерской среде играет ключевую роль при оценке вероятности возникновения оппортунизма. По утверждению Ф. Фукуямы, «доверие есть возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что члены данного общества будут вести себя нормально и честно» [8]. Существенную роль межличностным отношениям отводил М. Грановеттер, предложивший рассматривать концепцию укорененности экономического поведения [12]. По мнению А. Хиршмана, в условиях конкурентных рынков, где каждый покупатель или продавец обладает всем объемом информации и ориентируется на цены, нет места длительному человеческому или социальному контакту. В таких условиях нет необходимости вступать в длительные или повторяющиеся отношения [13]. Однако реальные рынки не удовлетворяют описанным условиям. В концепции укорененности М. Грановеттер отводит особое место роли межличностных отношений при производстве доверия и сдерживании мошенничества. Тем не менее он также утверждает, что «доверие, порожденное личными отношениями, самим своим существованием открывает огромные возможности для мошенничества» [12]. Действительно, злоупотребление доверием в предпринимательской среде оборачивается для участников существенными издержками и потерями при нарушении обязательств, особенно в случае неформальных договоренностей сторон. Причем «чем полнее доверие, тем большую выгоду приносит мошенничество» [Там же].

Рассматривая неформальные взаимоотношения между партнерами, экономисты все большее внимание уделяют оценке выгод и рисков при таком типе взаимодействия. В. Радаев отмечает, что «неформальные договоренности базируются на конвенциях, предписывающих следовать обговоренным правилам, не принимая на себя каких-либо формальных обязательств» [6]. Возникают межфирменные социальные связи несколькими спо-

собами: при помощи рыночных сигналов других контрагентов, вовлечения в уже существующие прочные связи либо объединения с целью решения совместных задач. Стоит помнить, что установление таких неформальных взаимоотношений также связано с издержками — встречи, переговоры, взятие на себя личных обязательств, установление личных связей и т. д.

Зачастую доверие рассматривается как ожидание от противоположной стороны действий в общих интересах, даже без осуществления какого-либо контроля. То есть высокий уровень доверия между контрагентами приносит существенную экономию на издержках, связанных с детальной проработкой контрактов (например, включение множества пунктов о санкциях и штрафах, вызванных нарушением условий соглашения), а также с обоюдным контролем [11]. Одним из основных способов минимизировать такие трансакционные издержки является выполнение каждым контрагентом взятых на себя обязательств в полном объеме в соответствии с условиями контракта.

В литературе выделяют различные способы управления оппортунизмом контрагента [14]. Среди ключевых можно выделить, во-первых, постоянный мониторинг на всех стадиях взаимодействия, начиная от момента поиска партнера и заканчивая наблюдением за его деятельностью в момент сотрудничества. Данный способ в значительной степени позволяет снизить асимметрию информации. Во-вторых, стимуляция контрагента, направленная на выравнивание интересов сторон. Стимулы могут носить как нематериальный характер (направлены на создание долгосрочных отношений), так и материальный. В-третьих, отбор, который изначально предполагает выбор в качестве партнеров, только компании, максимально удовлетворяющие особым критериям (характеристики подбираются на этапе отбора потенциальных контрагентов). В-четвертых, социализация, подразумевающая выбор партнера, разделяющего интересы и принципы компании. Также при взаимодействии стороны могут проводить мероприятия, направленные на сближение их интересов (встречи, тренинги и пр.).

Оппортунистическое поведение в предпринимательской среде способно возникать на нескольких уровнях: во взаимоотношениях с партнерами, клиентами, сотрудниками, государством, и т. д. Среди ключевых факторов, способствующих появлению доверия, в первую очередь стоит отметить личные отношения. Личное доверие возникает, как правило,

в малых группах и способствует повышению прочности деловых связей. О. Уильямсон рассматривал личное доверие (*personal trust*), не подвергающееся оценке издержек и выгод, «гарантированное лишь особыми личными отношениями, которым был бы нанесен серьезный ущерб, если бы был допущен расчет» [15]. Впрочем, личное доверие может обладать некоторыми характеристиками доверия институционального. Например, если контрагент выбирается по рекомендации бизнес-сообщества, степень доверия к которому достаточно высока. В этом случае бизнес-сообщество выступает локальным институтом.

Снижению риска возникновения оппортунистического поведения в предпринимательской среде также может способствовать снижение неопределенности в межфирменных взаимодействиях. Неопределенность является одним из главных факторов возникновения оппортунизма. Следовательно, ее снижение способно существенно повлиять на вероятность проявления оппортунистического поведения участниками взаимодействия. Вследствие ограниченной рациональности агенты не могут до заключения контракта предусмотреть все возможные исходы будущего взаимодействия, поэтому будут стараться занять максимально выгодное для себя положение. Иногда контрагенту сложно оценить, являются ли действия злонамеренным поведением или результатом влияния независимых от него факторов. Можно выделить оппортунистическое поведение вынужденное, возникающее под влиянием негативной внешней среды и инициативное — проявляющееся в стабильных условиях для удовлетворения личных эгоистических потребностей [1].

Таким образом, возникает необходимость поиска критерия оценки потенциального партнера. Одним из таких критериев может выступать деловая репутация. Компания, обладающая хорошей репутацией, сокращает дополнительные издержки потенциальных партнеров на поиск информации и снижает уровень неопределенности. Оценить репутационные затраты добросовестного контрагента можно приравняв их в упущенной выгоде, получаемой в случае проявления оппортунистического поведения. С другой стороны, хорошая деловая репутация открывает для компании дополнительные возможности работы с надежными партнерами.

Значимость данного вопроса была оценена не только в предпринимательской среде, но и на уровне государства. С недавнего време-

ни Торгово-промышленная палата России осуществляет ведение «негосударственного реестра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, финансовое и экономическое положение которых свидетельствует об их надежности как партнеров для предпринимательской деятельности в российской Федерации и за рубежом» [10]. Одна из ключевых задач данного проекта — выявление и поддержка организаций, готовых предоставлять достоверную информацию о своей деятельности и честно взаимодействовать с партнерами. Среди основных требований для включения в реестр является не менее чем трехлетний лет срок работы на рынке. Это условие вызвано необходимостью защитить контрагентов от «фирм-однодневок» получивших широкое распространение на российском рынке.

Кроме того, ряд других ведомств также способствуют снижению неопределенности на отечественном рынке и публикуют критерии самостоятельной оценки рисков [9]. Для того чтобы удостовериться в добросовестности потенциального партнера, необходимо выполнить ряд условий, таких как до заключения сделки осуществить запрос документов о регистрации и постановке на налоговый учет, выписка из ЕГРЮЛ, и т. д. Можно также запросить документы, подтверждающие возможность контрагента выполнить условия предстоящего договора (например, наличие необходимого оборудования, квалифицированных сотрудников, опыт работы в данной сфере). Узнать, не является ли фирма ответчиком в судебных разбирательствах, не находится ли в стадии банкротства, не состоит ли в реестре недобросовестных поставщиков и т. д.

Кроме того, существенное влияние оказывает характеристика среды, в которой происходит взаимодействие. На стимулы агента существенное влияние оказывают не только действующие правовые институты, регулирующие контрактные отношения, но также культура и ценности, характеризующие среду. Одним из ключевых индексов оценки доверия является *Edelman Trust barometer* [17]. Данное исследование проводится ежегодно компанией *Edelman* для оценки доверия граждан к общественным институтам и институтам власти. По результатам исследования 2019 г. Россия занимает последнее место набрав всего 29 пунктов из 100 [18]. Особое внимание стоит уделить уровню доверия бизнесу — предпринимателям доверяют всего 34 %, что существенно ниже, чем в других странах и в мире в целом (табл. 1).

Таблица 1

Доверие бизнесу в различных странах в 2019 г.

№	Страна	Доверие бизнесу
1	Китай	80
2	Индонезия	79
3	Индия	77
4	ОАЭ	74
5	Мексика	71
6	Колумбия	65
7	Малайзия	61
8	Нидерланды	60
9	Сингапур	60
10	Южная Африка	58
11	Бразилия	58
12	Канада	56
13	США	54
14	Италия	53
15	Австралия	52
16	Франция	50
17	Аргентина	49
18	Великобритания	47
19	Германия	47
20	Гонконг	45
21	Испания	44
22	Япония	44
23	Ирландия	44
24	Турция	43
25	Южная Корея	39
26	Россия	34
Общеприимной уровень — 56		

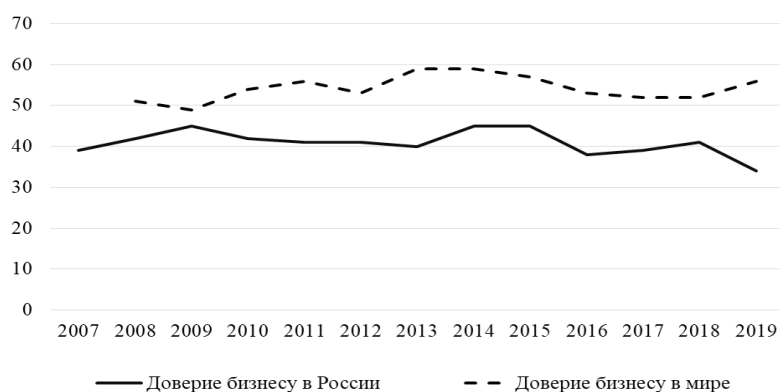
Источник: Edelman Trust barometer 2019 Global Report.

Текущую ситуацию можно оценить, как негативную. Тем не менее подобную обстановку можно наблюдать на протяжении последних десяти лет — уровень доверия бизнесу в России существенно ниже не только, чем в развитых странах, но и общемирового уровня (см. рисунок).

Особенно хочется отметить негативную тенденцию снижения доверия в последние несколько лет. Снижение общего уровня доверия в стране приводит к тому, что обостряются проблемы, связанные с недостаточной защищенностью прав собственности, неэффективностью технологий взаимодействия бизнеса и государства, коррупцией и недобросовестной конкуренцией. Чем лучше работают институты, тем неразумнее нарушать договоренности, то есть выгоднее становится соблюдать условия соглашений.

Основой оппортунистического поведения, безусловно, является противоречие интересов сторон. Если интересы сторон полностью совпадают, то стимулы для проявления оппортунизма существенно меньше. Однако сближение интересов и «наличие общей цели не означает, что стороны перестают заботиться о личной выгоде. Стороны любого заключаемого контракта, безусловно, имеют общие цели, что не отменяет преследование ими и собственных, в том числе вполне корыстных» [7].

Если одна из сторон существенно зависима от другой, вероятность возникновения оппортунистического поведения крайне высока. Агент занимающий доминирующее положение, стремится реализовать свое преимущество и максимизировать доход в ущерб другой стороне. В случае, когда снизить зависимость не представляется возможным (например, когда компания является единственным потребителем или производителем продукции), ограничить оппортунизм можно только путем включения санкций и штрафов в условия договора. Зависимость увеличивается также при наличии специфических инвестиций, причем если такого рода инвестиции были сделаны только одной стороной, то риск проявления оппортунизма резко возрастает.

Динамика уровня доверия бизнесу в России и мире (2007—2019)

Кроме того, участники рынка, вступая в постоянные взаимодействия друг с другом выстраивают свои собственные стратегии, ориентируясь на поведение других, то есть происходит постоянное заимствования моделей поведения. Поэтому бизнес-среда с низким уровнем норм провоцирует оппортунистическое поведение всех ее участников.

Немаловажным фактором остается стимулирование, под которым можно понимать создание для контрагента условий и мотивов выполнения, взятых на себя обязательств в полном объеме. Мотивация к добросовестному исполнению условий соглашения должна быть обусловлена не только возможными штрафными санкциями, а в большей степени нормами, регулирующими поведение участников рынка.

Одним из факторов благоприятного развития бизнес-среды является возможность свободного появления новых агентов. По оценкам российских предпринимателей, существующая деловая среда не только не способствует формированию новых предприятий, а наоборот, провоцирует закрытие действующих. Причем конкуренция на рынке не является основным сдерживающим фактором. Среди негативных факторов выделяют необходимость прохождения различных процедур, связанных с созданием и регистрацией нового бизнеса. Наиболее известным рейтингом стран по благоприятности условий ведения бизнеса является рейтинг *Doing business*, рассчитываемый по методике Международного банка [16]. Данный рейтинг оценивает совокупность условий (нормативно-правовые, институциональные, и т. д.) для создания и развития бизнеса. Россия в данном рейтинге в 2019 г. заняла 31-е место. Несмотря на невысокий показатель, можно сказать, что за последние несколько лет позиции нашей страны существенно улучшились (табл. 2).

Таблица 2

Анализ рейтинга *Doing business*

Год	Место России в рейтинге	Значение показателя «Обеспечение исполнения контрактов»
2012	120	13
2013	112	11
2014	92	10
2015	62	14
2016	51	5
2017	40	12
2018	35	18

Источник: Группа Всемирного банка (<https://russian.doingbusiness.org/>).

В данном рейтинге наибольший интерес для характеристики предпринимательской среды внутри страны представляет показатель «Обеспечение исполнения контрактов» [16]. Данный показатель напрямую зависит от временных и финансовых затрат разрешения коммерческого спора, а также качества судопроизводства. Другими словами, данный показатель оценивает последствия для фирмы в случае оппортунистического поведения контрагента.

Несмотря на устойчивое мнение о том, что фирма ориентирована на максимизацию собственного дохода, доверие к партнерам является одним из ключевых факторов деловой активности бизнеса. Доверие в предпринимательской среде является фактором повышения единства и успешности ведения предпринимательской деятельности. Повышение доверия между фирмами приводит к позитивному отношению к добросовестной конкуренции среди всех участников рынка. В этом случае доверие можно рассмотреть, как механизм, снижающий риск возникновения оппортунистического поведения.

Ряд экономистов предлагают рассматривать доверие как разновидность риска. Доверяя, мы предполагаем, что вероятность сознательного нанесения ущерба со стороны контрагента крайне мала. Тем не менее избыток доверия также можно рассматривать как источник возможных потерь, вызванных недостатком контроля за действиями контрагента. Получение кредита доверия от партнера не гарантирует добросовестного исполнения условий соглашения противоположной стороной, то есть отсутствия оппортунистического поведения. Недоверие, в свою очередь, можно рассматривать не только как отсутствие доверия, но и как ожидание от противоположной стороны недобросовестного поведения [2]. Проявление недоверия к партнерам необязательно имеет в своей основе предыдущий негативный опыт взаимодействия с данным контрагентом или другие существенные основания. Иногда недоверие вызвано больше общим недоверием в предпринимательской среде или отсутствием институционального и личного доверия в стране, субъективной оценкой рисков и т. д. Таким образом, дефицит доверия приводит к росту издержек оппортунистического поведения, снижает эффективность межфирменного взаимодействия и является существенным фактором при принятии решений о выборе партнера.

Список литературы

1. Алескерова, С. Э. Оппортунистическое поведение предпринимательства как неформальный институт рыночной экономики в России / С. Э. Алескерова // Рос. предпринимательство. — 2017. — Т. 18, № 2. — С. 111—120.
2. Аюпова, С. Г. Влияние «доверия» и «недоверия» на эффективность субъектов хозяйствования / С. Г. Аюпова, Д. С. Бенц, Е. В. Козлова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2018. — № 12 (422). — С. 132—136.
3. Бархатов, В. И. Особенности проявления оппортунизма в российских машиностроительных корпорациях / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев // Организатор производства. — 2013. — № 2. — С. 15—20.
4. Попов, Е. В. Оппортунизм на производственных предприятиях / Е. В. Попов, Е. В. Ерш // Управление. — 2015. — № 2 (54). — С. 60—64.
5. Попов, Е. В. Эндогенный оппортунизм в теории «принципала — агента» / Е. В. Попов, В. Л. Симонина // Вопр. экономики. — 2005. — № 3. — С. 118—130.
6. Радаев В. В. Атомизированные действия и социальные связи: основы конкуренции в российской розничной торговле / В. В. Радаев // Мир России. — 2009. — № 2. — С. 50—88.
7. Тамбовцев В. Планирование и оппортунизм / В. Тамбовцев // Вопр. экономики. — 2017. — № 1. — С. 22—39.
8. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния / Ф. Фукуяма ; под ред. В. Л. Иноземцева // Новая постиндустриал. волна на Западе. — М. : Academia, 1999. — 631 с.
9. 10 способов проверить контрагента: необходимые документы и полезные сервисы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.garant.ru/article/511892/>.
10. Реестр надежных партнеров. Система торгово-промышленных палат в Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://reestr.tpprf.ru/>.
11. Barkhatov V., Bents D., Ayupova S., Kozlova E. Is the Trust a Condition of Russian Economy Growth? / European Proc. of Social & Behavioural Sciences — 2019. — Т. 59. — P. 310—319.
12. Granovetter, M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness / M. Granovetter // American J. of Sociology. — 1985. — Vol. 91. — P. 481—510.
13. Hirschman, A. Rival Interpretations of Market Society: Civilizing, Destructive or Feeble? / A. Hirschman // J. of Economic Literature. — 1982. — Vol. 20, no. 4. — P. 1463—1484.
14. Wathne, K. Opportunism in Interfirm Relationships: Forms, Outcomes, and Solutions / K. Wathne, J. Heide // J. of Marketing. — 2000. — № 64(4). — Pp. 36—51.
15. Williamson, O. E. Calculativeness, Trust and Economic Organization / O. E. Williamson // J. of Law and Economics. — 1993. — Vol. 36. — P. 453—486.
16. “Doing business” Ranking [Электронный ресурс]. — URL: <https://doingbusiness.org/ru/rankings> (дата обращения 06.09.2019).
17. Edelman Trust barometer [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.edelman.com/trust-barometer> (дата обращения 06.09.2019).
18. Edelman Trust barometer 2019 Global Report [Электронный ресурс]. — URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-03/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf (дата обращения 06.09.2019).
19. Global RepTrak ranking [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.reputationinstitute.com/global-reptrak-100> (дата обращения 06.09.2019).
20. World’s Most Reputable Companies 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.forbes.com/sites/vickyvalet/2019/03/07/the-worlds-most-reputable-companies-2019/#71b270ac13b6> (дата обращения 06.09.2019).

Сведения об авторе

Козлова Елена Викторовна — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kozlova@csu.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 11 (433). Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 138—145.

OPPORTUNISTIC BEHAVIOR IN THE ENTREPRENEURIAL ENVIRONMENT

E.V. Kozlova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kozlova@csu.ru

One of the key conditions for effective intercompany interaction is the conscientious fulfillment of the terms of the contract by all parties to the interaction. As a result of opportunistic behavior, there is not only a violation of their obligations, but also negative changes in the business environment itself. External adverse factors increase the risks of entrepreneurial activity and, as a result, increase costs and reduce the effectiveness of interaction. The article analyzes the opportunistic behavior in interfirm interactions. Particular attention is paid to the study of trust as one of the mechanisms to prevent and limit opportunism. The conditions and reasons for the formation of opportunistic behavior are identified, and management methods are proposed.

Keywords: *opportunism, opportunistic behavior, trust, mistrust, uncertainty, risk.*

References

1. Aleskerova S.E. Opportunisticheskoye povedeniye predprinimatel'stva kak neformal'nyy institut rynochnoy ekonomiki v Rossii [The opportunistic behavior of entrepreneurship as an informal institution of a market economy in Russia]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2017, t. 18, no. 2, pp. 111-120. (In Russ.).
2. Ayupova S.G. Vliyaniye "doveriya" i "nedoveriya" na effektivnost' sub'yektov khozyaystvovaniya [The influence of "trust" and "distrust" on the efficiency of business entities]. *Vestn. Chelyab. gos. un-ta*. [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 12 (422), pp. 132-136. (In Russ.).
3. Barkhatov V.I. Osobennosti proyavleniya opportunizma v rossiyskikh mashinostroitel'nykh korporatsiyakh [Features of the manifestation of opportunism in Russian engineering corporations]. *Organizator proizvodstva* [Production Organizer], 2013, no. 2, pp. 15-20. (In Russ.).
4. Popov Ye.V. Opportunizm na proizvodstvennykh predpriyatiyakh [Opportunism at manufacturing enterprises]. *Upravlenets* [Manager], 2015, no. 2 (54), pp. 60-64. (In Russ.).
5. Popov Ye.V. Endogennyy opportunizm v teorii "printsipala — agenta" [Endogenous opportunism in the theory of "principal — agent"]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2005, no. 3, pp. 118-130. (In Russ.).
6. Radayev V.V. Atomizirovannyye deystviya i sotsial'nyye svyazi: osnovy konkurentsii v rossiyskoy roznichnoy torgovle [Atomized actions and social ties: the basis of competition in Russian retail trade]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2009, no. 2, pp. 50-88. (In Russ.).
7. Tambovtsev V. Planirovaniye i opportunizm [Planning and opportunism]. *Voprosy ekonomiki* [Economy questions], 2017, no. 1, pp. 22-39. (In Russ.).
8. *Frensis Fukuyama*. Doveriye. Sotsial'nyye dobrodeteli i sozdaniye blagosostoyaniya [Francis Fukuyama. The trust. Social virtues and building wealth]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New post-industrial wave in the West]. Moscow, Academia, 1999. 631 p. (In Russ.).
9. *10 sposobov proverit' kontragenta: neobkhodimyye dokumenty i poleznyye servisy*. [10 ways to check the counterparty: the necessary documents and useful services]. Available at: <http://www.garant.ru/article/511892/> (In Russ.).
10. *Reyestr nadezhnykh partnerov. Sistema torgovo-promyshlennykh palat v Rossiyskoy Federatsii*. [Register of reliable partners. The system of chambers of commerce in the Russian Federation]. Available at: <http://reestr.tpprf.ru/> (In Russ.).
11. Barkhatov V., Bents D., Ayupova S., Kozlova E. Is the Trust a Condition of Russian Economy Growth? // *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2019, vol. 59, pp. 310-319.
12. Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // *American Journal of Sociology*, November 1985, vol. 91, pp. 481-510.

13. Hirschman, Albert. Rival Interpretations of Market Society: Civilizing, Destructive or Feeble? *Journal of Economic Literature*, 1982, vol. 20, no. 4, pp. 1463-1484.
14. Wathne, K. Opportunism in Interfirm Relationships: Forms, Outcomes, and Solutions. *Journal of Marketing*, 2000, no. 64 (4), pp. 36-51.
15. Williamson O. E. Calculativeness, Trust and Economic Organization. *Journal of Law and Economics*. 1993, vol. 36, pp. 453-486.
16. "Doing business" Ranking. Available at: <https://doingbusiness.org/ru/rankings>.
17. Edelman Trust barometer. Available at: <https://www.edelman.com/trust-barometer>.
18. Edelman Trust barometer 2019 Global Report. Available at: https://www.edelman.com/sites/g/files/aa-tuss191/files/2019-03/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf.
19. Global RepTrak ranking. Available at: <https://www.reputationinstitute.com/global-reptrak-100>.
20. World's Most Reputable Companies 2019. Available at: <https://www.forbes.com/sites/vickyvalet/2019/03/07/the-worlds-most-reputable-companies-2019/#71b270ac13b6>.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 11 (433). Экономические науки. Вып. 67. С. 146—149.

УДК 339.137
ББК 65.290.32

DOI 10.24411/1994-2796-2019-11116

АНТИМОНОПОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИЛИ АНТИМОНОПОЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ? (О КНИГЕ Э. РОКФЕЛЛЕРА «АНТИМОНОПОЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ»)

Е. С. Силова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Представлен анализ основных положений книги американского юриста Эдвина Рокфеллера «Анти-монопольная религия». Эта книга — иной взгляд на проблему антимонопольного регулирования, в которой автор показывает спорность и неоднозначность правоприменительной практики в этой сфере регулирования. Неопределенность базовых понятий и крайняя субъективность выводов при подготовке судебных решений делают антитраст, по мнению автора, настоящей религией. Антимонопольная практика США, таким образом, мало помогает потребителю. В книге приводится очень много интересных примеров из реальной судебной практики и опровергается представление об эффективности и необходимости антимонопольной политики. Данная книга может быть очень полезна при изучении проблематики отраслевых рынков и при проектировании антимонопольного законодательства и регулирования.

Ключевые слова: конкуренция, монополия, антимонопольная политика.

Конкуренция — понятие очень сложное и многоаспектное. Классическая экономическая школа (А. Смит, А. Маршалл) рассматривала конкуренцию как идеальную модель функционирования рынка, однако позднее проявились на практике и ее негативные последствия, о чем подробнее мы уже говорили [3]. Тем не менее одной из важнейших государственных экономических задач является защита конкуренции и создание равных условий для доступа на рынок. В большинстве стран мира давно существуют антимонопольные органы и соответствующее законодательство. Данная тема очень актуальна для России, поскольку, как указывает в своей работе Д. С. Бенц, структура российской экономики представлена крупными монополистическими структурами, которые обеспечивают создание рабочих мест и инфраструктуры, две трети выплат в бюджет [2]. Согласно мнению С. Б. Авдашевой и ее коллег, антимонопольная политика в узком смысле — это борьба с картелями, предотвращение ограничения конкуренции со стороны крупных компаний, предварительный контроль сделок экономической концентрации; исходит из того, что независимо от причины появления на рынке крупных компаний, при определенных условиях они обладают стимулами и возможностями ограничения конкуренции и перераспреде-

ления выигрыша потребителей в свою пользу [1]. Антимонопольное регулирование в России прошло ряд значительных изменений; выделяют три этапа в его развитии. Закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности» был принят в 1991 г., в самом начале переходного периода. Он был направлен главным образом на регулирование ограничивающих конкуренцию сделок и случаев злоупотребления доминирующим положением, сделок на рынке корпоративного контроля, ограничение конкуренции со стороны органов государственной власти, рекламную деятельность и др. В законе отсутствовали четкие формулировки основных понятий, небольшие суммы штрафов за антимонопольные нарушения не привели к снижению явлений монополизации экономики. В 2006 г. был принят закон «О защите конкуренции» и ряд других нормативно-правовых актов. Акцент регулирования сместился на применение санкций к крупным игрокам за нарушения условий добросовестной конкуренции. В 2009 г. был принят так называемый второй пакет антимонопольного регулирования, в котором акцент сделан на контроль за экономической концентрацией и совершенствование законодательства в сфере естественных монополий. В ходе третьего этапа совершенствования конкурентного законодательства — 2012 г. —

было усовершенствовано противодействие антиконкурентным соглашениям, закреплен механизм анализа ценообразования монополий, установлено административное обжалование электронных торгов в сфере государственных закупок; утверждена четкая методика расчета штрафов за нарушение антимонопольного законодательства [3]. Целями Федерального закона «О защите конкуренции» являются обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, защита конкуренции и создание условий для эффективного функционирования товарных рынков [6]. В 2009 г. в России была принята Программа развития конкуренции, тем не менее наша страна лишь в начале пути развития эффективного конкурентного законодательства.

Однако Э. Рокфеллер в своей книге «Антимонопольная религия» приводит иной взгляд на проблему антимонопольного регулирования. В США действует два антимонопольных закона: закон Шермана (1890) и закон Клейтона (1914). В ст. 1 закона Шермана федеральным преступлением объявляется «любое соглашение, объединение в форме треста или любой иной либо сговор, направленные на ограничение торговли или коммерческих отношений между штатами или с другими странами» [5. С. 30]. Как подчеркивает автор, в рамках такого подхода любой договор можно рассматривать как ограничивающий торговлю (заклучая договор с одним партнером, всех остальных вы тем самым ограничиваете).

Э. Рокфеллер считает одной из основных проблем антимонопольных законов отсутствие четких правил, что позволяет судам принимать произвольные решения. В качестве примеров автор приводит понятия «взвешенного подхода», «рыночной власти», «антитраста». Исследователь подчеркивает, что антимонопольная религия избегает постановки трех реальных проблем: как сформулировать норму, позволяющую выделить те соглашения, которые необоснованно ограничивают торговлю; как отличить намеренное приобретение «рыночной власти» от преимущества и эффективности перед конкурентом; как определить, существенно ли ослабляет данное слияние конкуренцию.

Антимонопольная политика часто преследует противоречивые цели; так, в 1978 г. профессор Р. Борк описал парадокс преследования взаимоисключающих целей протекционизма и свободной торговли, в результате чего последовала коррекция антимонопольной доктрины. В 1976 г. Ричард

Познер, профессор Чикагского университета, рекомендовал отменить все антимонопольные законы, за исключением 1-й статьи закона Шермана. Кроме того, ни в одном из законов нет определения конкуренции, в реальном мире политика контролирует деловое соперничество посредством патентов, лицензий, выборочных изъятий из норм, норм экономики топлива, контроля состояния окружающей среды, минимальной заработной платы, налогов и налоговых кредитов, а также посредством случайного, выборочного применения неоднозначных антимонопольных законов [Там же. С. 73].

Автор подчеркивает эфемерность и метафоричность многих понятий, используемых антимонопольным законодательством. Например, рыночная власть нереальна, это воображаемая власть, так как в реальности невозможно заставить кого-либо покупать что-либо. Наиболее сложная и неопределенная категория — антитраст: он является интуитивной смесью законодательства, экономической теории и политики; мистической подборкой устремлений, верований, подозрений, презумпций и предсказаний. Антитраст есть квазирелигиозная вера, не зависящая от положений антимонопольных законов» [Там же. С. 30]. Цель антитраста — защита от монополизации, однако ни один антимонопольный закон не дает четкого описания треста.

В основе антитраста лежит дело компании Standart Oil. В 1882 г. эта компания сформировала первый трест, в 1911 г. Верховный суд постановил, что Standard Oil Company of New Jersey была незаконной монополией, сосредоточившей власть и контроль над нефтью и продуктами ее переработки. При этом следует отметить, что на пике предположительного доминирования над рынком цены на нефтепродукты достигли самого низкого уровня в истории, а после разделения компании цены выросли. Многие современные авторы считают, что Standard Oil обеспечила свое положение на рынке прежде всего за счет внутренней эффективности и слияний, а не за счет систематического применения хищнических методов [Там же. С. 110].

Сложности возникают и с таким термином, как монополизация. Согласно закону Шермана, монополии присущи две черты: обладание монопольной властью на релевантном рынке и умышленное приобретение или удержание такой властью в отличие от роста или развития, обусловленного качеством продукции, деловой сметкой или исторической случайностью. Обладание монопольной властью, по мнению Э. Рокфеллера, ненаблюдаемо, а второе условие и вовсе недоказуемо.

Еще одним значимым делом стало преследование IBM, правительство начало расследование в 1967 г., дело вылилось в 700 дней слушаний на протяжении почти семи лет после шести лет предварительного следствия, судебные издержки составили 16,8 млн долл., не считая выплат экспертам. И спустя 15 лет после начала расследования Соединенные Штаты просто прекратили дело против IBM. Обвинение заключалось в том, что компания монополизировала рынок компьютеров общего назначения, получив 74 % продаж. Компанию обвиняли в незаконных антиконкурентных действиях, однако не было никаких разумных объяснений доминированию, кроме более высокой эффективности IBM по сравнению с конкурентами.

Отдельные главы книги посвящены анализу таких явлений, как рыночная власть, монополизация, слияния, навязывание условий договора и «исключительное» дилерство, фиксирование цен. Рассматривая слияния, автор подчеркивает, что 7-я статья закона Клейтона запрещает слияния, если они могут «снизить конкуренцию» или «вести к созданию монополии», но Верховный суд истолковал данный закон как относящийся к любым слияниям [5. С. 134]. В 1960-х гг. практически все слияния были под запретом. В 1968 г. Министерство юстиции совместно с Федеральной комиссией по торговле выпустило Руководство по слияниям, которое было существенно пересмотрено в 1982 г. Постепенно это привело к тому, что подход к «горизонтальным» слияниям стал отличаться; к другим видам слияний (прежде всего вертикальным и конгломератным) суды стали относиться более лояльно, так как в них не усматривалось слияние непосредственных конкурентов. Спорными делами стали такие, как поглощение PepsiCo Quaker Oats Co., слияние Phillips Petroleum Corp. и Tosco Corp. Автор подчеркивает, что ни Руководство по слияниям, ни комментарий к нему не содержат четких критериев к слияниям, которые могут быть

разрешены, поэтому «правительственные атаки на слияния произвольны и непредсказуемы» [Там же. С. 145]. Спорным и неопределенным вопросом остается вопрос о навязывании условий договора. К основным условиям навязывания относят следующие: наличие двух отдельных товаров; продажа одного из них, обусловленная покупкой другого; наличие рыночной власти у продавца. Из наиболее известных обвинений — включение компанией Microsoft интернет-браузера (Internet Explorer) в свою операционную систему, однако впоследствии это обвинение было снято.

Не менее сложным вопросом является фиксирование цен или сговоры о фиксировании. Ученые находят мало свидетельств влиянию преследования фиксирования цен на благосостояние потребителей. Если цена фиксируется ниже рыночного уровня, все распродается, и это выгодно покупателям. Если цена фиксируется на рыночном уровне — соглашение не имеет последствий, если же на уровне выше рынка, у каждого продавца есть стимул втайне снизить фиксированную цену и повысить свою прибыль, в конечном итоге картель скорее всего распадется. Ценовые картели пресекаются с учетом политических интересов. Так, например, в 1994 г. Правительство США инициировало создание глобального алюминиевого картеля, это происходило под влиянием резкого падения мировых цен.

Таким образом, рассмотрев различные аспекты антимонопольного регулирования, Э. Рокфеллер приходит к выводу, что антимонопольные законы служат орудием осуществления бесполезной и даже вредной деятельности. Антитраст называли «разновидностью идеологии», «религией без оснований», «мистификацией» [Там же. С. 195]. Несмотря на категоричность выводов автора, на наш взгляд, эта книга является очень полезной для изучения альтернативной точки зрения на антимонопольную политику, позволяет критически оценить различные меры конкурентной политики и их эффективность.

Список литературы

1. Авдашева, С. Б. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта / С. Б. Авдашева, А. Е. Шаститка, Е. Н. Калмычкова // *Экономический журнал ВШЭ*. — 2007. — № 1. — С. 89—123.
2. Бенц, Д. С. Монополия vs. конкуренция: идеология современной России / Д. С. Бенц // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2019. — № 3 (425). — С. 216—221.
3. Бенц, Д. С. Теория конкуренции: pro et contra / Д. С. Бенц, Е. С. Силова // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2018. — № 3 (413). — С. 157—164.
4. Пахомова, Н. В. Конкурентная политика и развитие антимонопольного регулирования в России / Н. В. Пахомова, Е. А. Некрасова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. — 2013. — № 3. С. 25—36.

5. Рокфеллер, Э. Антимонопольная религия / Э. Рокфеллер. — Челябинск : Социум, 2012. — 207 с.
6. Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О защите конкуренции» [Электронный ресурс]. — URL: consultant.ru (дата обращения: 14.10.2019).

Сведения об авторе

Силова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. metod@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 146—149.*

ANTITRUST POLICY OR ANTITRUST RELIGION? (ON E. ROCKEFELLER'S BOOK "ANTITRUST RELIGION")

E.S. Silova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. metod@csu.ru

The article provides an analysis of the main provisions of the book of American lawyer Edwin Rockefeller "Antitrust Religion." This book is a different look at the problem of antitrust regulation, in which the author shows the controversy and ambiguity of law enforcement in this area of regulation. Uncertainty of basic concepts and extreme subjectivity of conclusions in the preparation of court decisions make antitrust, in the author's opinion, a real religion. US antitrust practices thus do little to help the consumer. The book gives many interesting examples from real court practice and refutes the idea of effectiveness and necessity of antitrust policy. This book can be very handy in studying the issues of industry markets and in designing antitrust legislation and regulation.

Keywords: *competition, monopoly, antitrust policy*

References

1. Avdasheva. S.B., Shastitko A.E., Kalmychkova E.N. Ekonomicheskie osnovy antimonopol'noj politiki: rossijskaya praktika v kontekste mirovogo opyta [Economic fundamentals of antitrust policy: Russian practice in the context of world experience]. *Ekonomicheskij zhurnal VSHE* [HSE Journal of Economics], 2007, no. 1, pp. 89-123. (In Russ.).
2. Benz D.S. Monopoliya vs. konkurenciya: ideologiya sovremennoj Rossii [Monopoly vs. competition: the ideology of modern Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2019, no. 3 (425), pp. 216-221. (In Russ.).
3. Benz D.S. Teoriya konkurencii: pro et contra [Competition Theory: pro et contra]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 3 (413), pp. 157-164. (In Russ.).
4. Pahomova N.V., Nekrasova E.A. Konkurentnaya politika i razvitie antimonopol'nogo regulirovaniya v Rossii [Competitive policy and the development of antitrust regulation in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University. Economy], 2013, no. 3, pp. 25-36. (In Russ.).
5. Rokfeller E. *Antimonopol'naya religiya* [Antitrust Religion]. Chelyabinsk, Socium, 2012. 207 p. (In Russ.).
6. Federal'nyj zakon ot 26.07.2006 N 135-FZ (red. ot 18.07.2019) "O zashchite konkurencii". *Consultant.ru*. (In Russ.).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ МЕСТНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ И ИТАЛЬЯНСКИЙ ОПЫТ

Е. В. Николаева, А. Кампа

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В условиях «нового протекционизма» важна разработка экономического механизма, который позволял бы создавать эффективно действующие новые производства, при этом обеспечивая максимально широкие возможности для участия в этом процессе различных субъектов. Одним из инструментов в рамках данного механизма могли бы стать рынки экологически чистых продуктов питания местного производства (0km-food market). В статье рассмотрены перспективы развития индустрии экологически чистых продуктов питания местного производства в России. Особое внимание уделено анализу мирового опыта развития экологически чистого производства, а также успешным практикам внедрения 0km food в Италии.

Ключевые слова: экологически чистое производство, устойчивое развитие, сельскохозяйственная продукция, кооперация, локальные рынки, 0 kilometer food.

Здоровье людей во многом зависит от разнообразия, качества и конкретных видов продовольствия, входящих в каждодневный рацион человека. Выполнение этих условий требует дополнительных затрат и в производстве, и при покупке товаров на рынке при неочевидных их достоинствах и отличиях от более дешевых аналогов. Кроме того, вопросом национальной безопасности является возможность обеспечения страны продуктами питания, произведенными на ее территории. Развитие рынков экологически чистой продукции является важным и перспективным направлением государственной стратегии России. В то же время мировые тренды указывают на сложности массового внедрения таких производств по причине заведомо более высокой стоимости произведенного продукта и отсутствия в сознании у массового потребителя понимания важности потребления экологически чистых продуктов питания. Эта проблема тесно связана с краеугольным камнем современного общественного развития — концепцией sustainable development. Ее применение при планировании развития подсистем национальной экономики важно для реализации приоритетов научно-технологического развития России, в первую очередь речь идет об экологически чистом агрохозяйстве. Эффективные формы организации такого хозяйства позволят построить справедливое, экологичное и благополучное общество. Однако до настоящего времени не найдено таких эффективных форм, готовых к массовому тиражиро-

ванию. На этом рынке трудятся энтузиасты, находящие ниши для сбыта своей продукции через Интернет и соцсети. Между тем потенциал рынка экологически чистой продукции велик. С другой стороны, особенности территориального состояния России делают важной задачу соразмерного развития ее регионов (и в рамках отдельных регионов — сельских территорий). Создание условий для эффективной работы местных производителей продуктов питания — важный шаг на пути к устойчивому развитию многочисленных сельских поселений по всей территории России. Более того, растет популярность концепций «зеленой экономики», в рамках которых проблема эффективного агропроизводства, и особенно использования «срединных» (Э. Шумахер, о них — в [15]) технологий, выходит на первый план. Таким образом, проблема нахождения экономических форм (и механизма их внедрения в хозяйственную практику), которые способствовали бы разрешению двух противоречий: между качеством и доступностью продуктов питания, а также между эффективностью малых форм предпринимательства и устойчивостью крупных — является для российской экономической науки важной и актуальной.

До настоящего времени в экономике сельского хозяйства с разной эффективностью действуют предприятия различных организационных форм и продолжается дискуссия о том, какие формы обладают преимуществами перед другими; на практике устойчивых примеров успешного ведения хо-

зяйства в сфере АПК крайне мало. Четвертая промышленная революция, цифровизация экономики предоставляют новые возможности и в этой сфере, и эти возможности требуют научного осмысления.

В современной экономике остро проявляется противоречие между существующими передовыми технологиями (как производственными, так и информационными), создающими практически неограниченные возможности для развития малых форм ведения предпринимательской деятельности, и встречающимся повсеместно доминированием крупных форм организации производства. Апогеем развития крупных форм стали международные и транснациональные компании, которые используют универсальные технологии производства и сбыта, способствуют гипертрофированному разделению труда, часто пренебрегают экологическими и социальными нормами при производстве продукции. В глобальном масштабе это противоречие является катализатором защитной реакции последних, в результате чего часто малые предприятия выдавливаются с рынков крупными игроками посредством демпингования, использования преимуществ от международного разделения труда и замещения качественного сырья на дешевые аналоги крупными компаниями. Кроме того, крупные игроки занимают центральные места в цепочках создания добавленной стоимости, из-за чего получают возможность распределения прибыли в свою пользу. В этих условиях выжить малым предприятиям оказывается крайне сложно, и на одного «чемпиона», которого ставят другим в пример, приходится 100, а то и 1000 неудачных бизнес-проектов. Таким образом, на данный момент стоит научная и практическая необходимость разрешения двух противоречий:

- 1) между качеством и доступностью продуктов питания;
- 2) между эффективностью малых форм предпринимательства и устойчивостью крупных.

Разрешение указанных противоречий позволит в среднесрочной перспективе обеспечить население России качественными, разнообразными и недорогими продуктами питания местного производства, создать миллионы высокотехнологичных рабочих мест в сельском хозяйстве и смежных отраслях, существенно увеличить доходы федерального и местных бюджетов и, как следствие, обеспечить экономическое развитие территорий.

В мировой научной литературе проблема развития индустрии локального производства продуктов питания представлена слабо. В статьях,

посвященных развитию агропромышленного комплекса, основной фокус направлен на повышение его эффективности за счет других средств: эффекта от масштаба, применения новых производственных технологий. Комплексный анализ влияния институциональной среды на стратегический рост малых и средних предприятий (МСП) в странах с формирующейся рыночной экономикой на основе интернационализации провели Д. Волчек, А. Янтунен и А. Сааренкетто [1]. Анализ влияния регуляторной среды на рост микро-, малых и средних предприятий выполнили А. С. Малик и А. Гоги [2]. Концепцию органического сельского хозяйства и предпринимательства разрабатывают Т. Ларссон [3], М. Ларссон и коллеги [4], С. Падель [5], М. Касагранде и коллеги [6], К. Линггаард [7]. Большое внимание в работах зарубежных ученых уделено аспектам устойчивого развития фермерских хозяйств, а также влиянию следования принципам устойчивости на эффективность производителей. Устойчивость хозяйств означает их способность не только заниматься текущей деятельностью, но и развиваться. Это возможно, если ферма имеет соответствующую экономическую эффективность, которая измеряется уровнем дохода и должна обеспечивать покрытие затрат на использование собственных факторов производства (земли, капитала и рабочей силы) и должна предусматривать инвестиции в новые активы, а не только замену старых.

Х. Бачев [8] исследовал формы и эффективность экологического менеджмента в сельском хозяйстве, определяя экоманеджмент как специфическую систему социального порядка, регулиующую поведение и отношения различных агентов, связанных с природной средой и природопользованием в сельском хозяйстве, или как экологическое управление, связанное с сельскохозяйственным производством. Он предложил новую рамку для анализа устойчивости фермерских хозяйств на основе новой институциональной теории и теории транзакционных издержек, определяя устойчивость как состояние, когда она управляет всеми транзакциями наиболее экономичным способом, — это ситуация, когда нет транзакций, которые могли бы быть выполнены с большей выгодой. Кроме того, автор исследует интеграцию мелких фермеров — производителей органической продукции в цепочки создания стоимости в Болгарии.

А. Б. Маркс [9] утверждает, что статус землевладения — арендует ли фермер или владеет своей землей — предотвращает использование принципов устойчивого развития для производства продукции.

Арендаторы, как правило, используют меньше устойчивых методов на арендуемой земле, потому что юридические соглашения между арендодателем и арендатором не стимулируют устойчивые методы. Чтобы накормить экопотребителя и мотивировать принятие устойчивой практики, арендаторам нужны стимулы для внедрения принципов устойчивого развития. Стимулы для устойчивого производства жизненно важны.

Г. Начтман [10] провел анализ эффективности органических и неорганических ферм в Польше, в результате чего доказал большую конкурентоспособность и меньшую зависимость от внешней поддержки смешанных ферм (использующих как органические, так и неорганические методы производства), при этом уровень субсидий был практически одинаковым. Кроме того, он исследовал экономическую устойчивость органических ферм в Польше в 2010—2013 гг. Автор отмечает, что фермы, использующие исключительно органические методы, отличаются более целостным подходом к выполненной сельскохозяйственной деятельности, они также более надежны в отношении качества производимых органических продуктов питания, но они достигают худших экономических результатов. Анализ показал, что эти фермы слабы в отношении производства и экономики, сильно зависят от субсидий.

М. Дютра де Барселлос, М. Боссли, М Перин, Л. Виейра [11] исследовали сознательное поведение потребителей органических продуктов питания в Бразилии для проверки взаимосвязи между личными ценностями, отношением к окружающей среде и технологиям, а также отношением и поведением потребителей к экоинновационным продуктам питания. В результате исследования было выявлено, что потребители демонстрируют сильные коллективистские ценности и очень позитивное отношение к окружающей среде и природе. Эти отношения положительно влияют на покупку экоинновационных продуктов питания.

Необходимость особого внимания к развитию малых форм ведения бизнеса в российской экономике обосновано в работах Д. А. Плетнева и коллег [15—17]. Они отметили объективные сложности развития именно этой формы ведения бизнеса в России и указали на барьеры, мешающие дальнейшему их развитию.

Развитие рынков экологически чистых продуктов питания в России является одним их перспективных направлений повышения эффективности малых форм организации сельскохозяйственно-

го производства. На данный момент этот вопрос назрел ввиду высокой концентрации на ключевых сельскохозяйственных рынках и существенной рыночной власти крупных производителей. Сельскохозяйственное производство слишком олигополизировано по всему миру, поэтому средние и малые предприятия (фермерские хозяйства) имеют низкие шансы на выживание в этой конкурентной борьбе. Вместе с тем в результате конкуренции между крупным и малым бизнесом снижается качество продуктов наряду со снижением затрат на рабочую силу. Эта проблема актуальна не только для России, но и для всей Западной Европы (в том числе особую актуальность имеет для Италии как страны с высокой долей сельскохозяйственного производства в ВВП).

В ЕС решением, которое успешно работало 10 лет назад, было создание параллельного продовольственного рынка, на котором фермеры конкурировали между собой. Это локальное производство экологически чистой продукции, нишевый сегмент, в котором производятся продукты питания, совершенно отличные от продуктов крупномасштабной розничной торговли и прежде всего уникальные с точки зрения качества и восприятия потребителем.

Этот «компромисс» между локальным производством продуктов питания и крупными поставками с торговлей через розничные сети перестал работать с момента наступления мирового экономического кризиса 2008 г. До этого потребители с доходами выше среднего были основными покупателями на рынке локального производства сельскохозяйственной продукции в Европе. С наступлением кризиса они значительно сократили потребление местных продуктов питания и стали чаще осуществлять покупки у крупных ретейлеров. Похожая ситуация сегодня складывается и в России — в погоне за низкими ценами потребители предпочитают высококачественным продуктам питания местного производства дешевые продукты массового сегмента из крупных розничных сетевых магазинов, существенно уступающих по качеству и вкусовым характеристикам.

Более того, новый глобализированный и более либеральный рынок делает жизнь мелких производителей сельскохозяйственной продукции более сложной, чем раньше. Местное производство не было готово к такого рода конкуренции и до сих пор слабо использует различные способы продвижения товаров, такие как ноу-хау, маркетинговые стратегии и маркетинговые инновации. Крупные же

сетевые поставщики, напротив, используя весь спектр маркетинговых инструментов, успешно продвигают свою продукцию, создавая при этом дополнительные барьеры для малых производителей, связанные с крупномасштабными бюджетами на рекламу, наряду с положительным эффектом от масштаба деятельности, позволяющего значительно снизить затраты на единицу продукции.

Как переломить негативную тенденцию?

Перемены должны быть радикальным и затрагивать все стороны взаимодействия на рынках продуктов питания — производителя (фермера), потребителя и государство как регулятора стратегически важного рынка. С одной стороны, они касаются уровня доходов населения страны и формирования в ней среднего класса как основного потребителя высококачественных сельскохозяйственных продуктов. С другой стороны, должен измениться менталитет покупателей и их подход к выбору продуктов питания. Кроме того, должна измениться продовольственная политика правительства. Меры государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в стране должны быть по меньшей мере сопоставимы с теми масштабными финансовыми ресурсами, которые на сегодняшний день получают крупные агропромышленные холдинги. Однако, вероятно, первые и наиболее важные изменения должны начаться с фермеров и их способа производить и продавать свои товары — с использованием современных технологий и методов продвижения продукции. В этом случае и потребитель, и государство будут рассматривать малых производителей как полноправных участников рынка как с точки зрения долговременного прямого взаимодействия (потребитель — производитель), так и с точки зрения надежного заемщика и распорядителя финансовыми ресурсами, полученными в рамках мер государственной поддержки.

Одной из важнейших из мер повышения эффективности малых производителей сельскохозяйственной продукции является кооперация [12; 13]. Кооперация среди малых и средних производителей в сельском хозяйстве России на данный момент слабо развита и как форма поддержки и развития фермерства практически не работает. Опыт ЕС и, в частности, Италии мог бы стать хорошим примером для российских производителей экологически чистой сельскохозяйственной продукции на локальных рынках.

Примером объединения мелких производителей в Италии является консорциум «Мелинда», соз-

данный в провинции Тренто и Больцано Северной Италии. В этой провинции 4000 мелких фермеров объединились и создали уникальный кооператив, который является частью консорциума «Мелинда». Он состоит из нескольких малых и средних предприятий, которые работают на каждом этапе цепочки создания ценности продукта, от «поля» до потребителя (включая хранение, отбор, упаковку, доставку, продвижение, продажу, администрирование, закупки, управление персоналом)¹.

Еще одним успешным примером является хорошо известный опыт — Parmiggiano Reggiano Consortium: 3500 хозяйств производят молоко от более чем 200 тыс. коров, а 63 молокоперерабатывающих завода используют его для изготовления сыра пармиджано, одного из самых известных и дорогих сыров во всем мире².

Преимущество использования таких форм кооперации, как консорциум или сельскохозяйственный кооператив, в том, что, с одной стороны, каждый мелкий фермер может сохранять свою независимость, а с другой — он не конкурирует с остальными фермерами и имеет возможность продавать свой товар не просто как яблоко или сыр, но как «Мелинда» и «Пармиджано». Консорциум заключает договоры купли-продажи с малыми и средними компаниями, что дает дополнительные конкурентные преимущества фермерским хозяйствам и увеличивает их доход от производимой продукции. Консорциум — это не просто союз фермеров; это также маркетинговая стратегия, форма объединения сельского хозяйства и современного бизнеса.

Одной из форм реализации продукции местных производителей в сфере сельского хозяйства в странах Европы являются 0-kilometer-рынки (локальные рынки продуктов питания, произведенных менее чем в 100 км от места потребления).

Впервые термин 0 kilometer food (продукты питания, произведенные и потребленные локально на территории, в доступности 0 км) появился в Италии в 1986 г. Сейчас по всей Европе действуют рестораны и другие пункты питания, работающие на принципах 0 kilometer food, а также созданы ассоциации продвижения данного принципа в массы.

Одна из причин, по которой фермеры продают свою продукцию по слишком низкой цене, а потребители покупают ее по слишком высокой, заключается в том, что между фермерами и потребителями

¹ Melinda Consortium (<https://www.melinda.it/il-consorzio/il-consorzio.html>).

² Parmiggiano Reggiano Consortium (<https://www.parmiggiano-reggiano.it/come/default.aspx>).

слишком много посредников. В ЕС действует Регламент № 178/2002, который создан для того, чтобы помочь фермерам продавать свою продукцию напрямую покупателям: упрощает продажу переработанных продуктов питания, а также создает систему налоговых льгот и упрощает систему законов с точки зрения снижения бюрократии для мелких производителей. Еще одним способом повысить эффективность деятельности и взаимодействия между продавцами и потребителями товаров местного производства могут стать инновационные каналы взаимодействия, такие как сети и средства SMM (Social Media Marketing). Здесь актуальна работа ассоциаций, профсоюзов, молодых активных предпринимателей, что может повысить значимость и видимость 0-kilometer-рынков.

Имеется в виду не традиционное взаимодействие по типу «клиент — магазин — продавец», а реальные встречи фермеров и конечных потребителей. В рамках такого взаимодействия фермеры могут предоставить покупателям возможность «прикоснуться» к своему производству, почувствовать сопричастность в процессе потребления. В глобализованном мире реализация таких мероприятий может быть проще, поскольку социальные сети

разрушают физические барьеры между участниками рынка. Электронная коммерция может быть идеальным «транспортным средством» для рынков 0 kilometer.

Таким образом, развитие индустрии экологически чистых продуктов питания местного производства в России имеет большие перспективы с учетом большого числа фермерских хозяйств, не включенных в общую цепочку поставок продукции через крупные сетевые структуры. Пока что участники рынка — мелкие производители и потребители продуктов питания местного производства — не имеют четко выстроенной работающей модели взаимодействия. Тормозит развитие и отсутствие поддержки в этом направлении развития рынков сельскохозяйственной продукции со стороны государства. Однако опыт европейских стран показывает, что такое взаимодействие строить можно и нужно, это даст ощутимые выгоды для всех сторон: производителю-фермеру — в виде стабильного потока покупателей, снижения давления со стороны крупных игроков рынка; потребителю — в виде доступности на локальном рынке продуктов высокого качества.

Список литературы

1. Volchek, D. The institutional environment for international entrepreneurship in Russia: reflections on growth decisions and performance in SMEs / D. Volchek, A. Jantunen, S. Saarenketo // *Journal of International Entrepreneurship*. — 2013. — No. 11 (4). Pp. 320—350.
2. Creating a Conducive Policy Environment for Micro, Small & Medium-Sized Enterprises in Pakistan / A. S. Malik, A. Gogi [et al.] // *Working Papers by SMEDA, International Labour Office Geneva*. — 2002. — Vol. 9. P. 1—105.
3. Larsson, T. The Rise of the Organic Foods Movement as a Transnational Phenomenon / T. Larsson // *Oxford handbook of food, politics, and society*, edited by Ronald Herring. — Oxford University Press, 2015.
4. Institutional barriers to organic farming in Central and Eastern European countries of the Baltic Sea region / M. Larsson, L. Morin, T. Hahn, J. Sandahl // *Agric. Food Econ.* — 2013. — No. 1. — P. 1—20.
5. Padel, S. Values of organic producers converting at different times: results of a focus group study in five European countries / S. Padel // *Int. Agric. Res. Governance Ecol.* — 2008 — No. 7. — P. 63—77.
6. Organic Farmers motivations and challenges for adopting conservation agriculture in Europe / M. Casagrande, J. Peigné, V. Payet, P. Mäder, F. X. Sans, J. M. Blanco-Moreno, D. Antichi, P. M. Bárberi, A. Beeckman, F. Bigoniali, J. Cooper, H. Dierauer, K. Gascoyne, M. Grosse, J. Heß, A. Kranzler, A. Luik, E. Peetsmann, A. Surböck, K. Willekens, C. David // *Org. Agric.* — 2016 — No. 6. — P. 281—295.
7. Lynggaard, K. The Common Agricultural Policy and Organic Farming: An Institutional Perspective on Continuity and Change / K. Lynggaard. — 1st ed. — Wallingford, UK : CABI Publ., 2006.
8. Bachev, H. Governing of Agro-ecosystem Services. Modes, Efficiency, Perspectives / H. Bachev. — VDM Verlag, Saarbrücken, 2009.
9. Alexia Brunet Marks A. B. Feeding the Eco-Consumer // *Vermont Law Review*. — 2018. — No. 42 (3). — P. 567—603.
10. Nachtman, G. Economic Sustainability of Organic Farms in 2010—2013 / G. Nachtman // *Problems of Agricultural Economics*. — 2015. — No. 4 (345). — P. 105—124/

11. Consumption of Eco-Innovative Food: How Values and Attitudes Drive Consumers' Purchase of Organics? / Dutra de Barcellos M., Bonzanini Bossle M., Gattermann Perin M., Marques Vieira L. // *Brazilian Journal of Marketing*. — 2015. — Vol. 14, no. 1, Janeiro/Março. — P. 110—121.
12. Николаева, Е. В. Анализ успешных практик предприятий малого бизнеса в России / Е. В. Николаева // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2017. — № 2 (398). — С. 86—97.
13. Николаева, Е. В. Модель оценки эффективности сельскохозяйственной кооперации / Е. В. Николаева // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2018. — № 7 (417). — С. 123—132.
14. Сердюкова, М. Н. Развитие сельскохозяйственной кооперации и малых форм хозяйствования в зарубежных странах / Е. В. Николаева, М. Н. Сердюкова // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2017. — № 10 (406). — С. 147—155.
15. Плетнев, Д. А. Экономика для человека как нетривиальная цель развития современного хозяйства / Д. А. Плетнев // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2013. — № 15 (306). — С. 35—42.
16. Николаева, Е. В. Анализ практик функционирования предприятий среднего бизнеса — лидеров успешности: сельское хозяйство vs промышленное производство / Е. В. Николаева, Д. А. Плетнев // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. — 2017. — № 1. — С. 256—270.
17. Barhatov, V. I. Key success factors and barriers for small businesses: comparative analysis / V. I. Barhatov, D. A. Pletnev, A. Campa // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. — 2016. — Т. 221. — С. 29—38.

Сведения об авторах

Николаева Екатерина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. nikolaeva@csu.ru

Кампа Антонио — преподаватель Института экономики отраслей бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. campa@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 150—156.*

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INDUSTRY OF ECO-LOCAL FOOD IN RUSSIA AND ITALIAN EXPERIENCE

Ekaterina Nikolaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nikolaeva@csu.ru

Antonio Campa

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. campa@csu.ru

Under the conditions of “new protectionism,” it is vital to develop an economic mechanism that would allow the creation of efficiently operating new industries while ensuring the broadest possible opportunities for various actors to participate in this process. One of the instruments within the framework of this mechanism could be markets for organic food locally produced (“0km-food” market). The article discusses the development prospects of the industry of organic food locally produced in Russia. Particular attention is paid to the analysis of world experience in the development of environmentally friendly production, as well as to the successful implementation practices of “0km food” in Italy.

Keywords: *environmentally friendly production, sustainable development, agricultural products, cooperation, local markets, 0-kilometer food.*

References

1. Volchek D, Jantunen A, Saarenketo S The institutional environment for international entrepreneurship in Russia: reflections on growth decisions and performance in SMEs. *Journal of International Entrepreneurship*, 2013, 11 (4), pp. 320-350.

2. Malik A.S., Gogi A., and et al. Creating a Conducive Policy Environment for Micro, Small & Medium-Sized Enterprises in Pakistan. *Working Papers by SMEDA, International Labour Office Geneva*, 2002, vol. 9, pp. 1-105.
3. Larsson T. The Rise of the Organic Foods Movement as a Transnational Phenomenon. *Oxford handbook of food, politics, and society*, edited by Ronald Herring. Oxford University Press 2015.
4. Larsson M., Morin L., Hahn T., Sandahl J. Institutional barriers to organic farming in Central and Eastern European countries of the Baltic Sea region. *Agric. Food Econ.* 1, 2013, pp. 1-20.
5. Padel S. Values of organic producers converting at different times: results of a focus group study in five European countries. *Int. Agric. Res. Governance Ecol.*, 2008, 7, pp. 63-77.
6. Casagrande M., Peigné J., Payet V., Mäder P., Sans F.X., Blanco-Moreno J.M., Antichi D., Bárberi P. m Beeckman A., Bigongiali F., Cooper J., Dierauer H., Gascoyne K., Grosse M., Heß J., Kranzler A., Luik A., Peetsmann E., Surböck A., Willekens K., David C. Organic Farmers motivations and challenges for adopting conservation agriculture in Europe. *Org. Agric.*, 2016, 6, pp. 281-295.
7. Lynggaard K. *The Common Agricultural Policy and Organic Farming: An Institutional Perspective on Continuity and Change* (1. ed.) Wallingford, UK: CABI Publishing, 2006.
8. Bachev H. *Governing of Agro-ecosystem Services. Modes, Efficiency, Perspectives*. VDM Verlag, Saarbrücken, 2009.
9. Alexia Brunet Marks A.B. Feeding the Eco-Consumer. *Vermont Law Review*, 2018, 42 (3), pp. 567-603.
10. Nachtman G. Economic Sustainability of Organic Farms in 2010-2013. *Problems of Agricultural Economics*, 2015, 4 (345), pp. 105-124.
11. Dutra de Barcellos M., Bonzanini Bossle M., Gattermann Perin M., Marques Vieira L. Consumption of Eco-Innovative Food: How Values and Attitudes Drive Consumers' Purchase of Organics? *Brazilian Journal of Marketing*, 2015, vol. 14, no. 1, Janeiro/Março, pp. 110-121.
12. Nikolaeva E.V. Analysis of successful practices of small businesses in Russia [Analysis of successful practices of small businesses in Russia]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2017, no. 2 (398), pp. 86-97. (In Russ.).
13. Nikolaeva E.V. A model for assessing the effectiveness of agricultural cooperation [A model for assessing the effectiveness of agricultural cooperation]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2018, no. 7 (417), pp. 123-132. (In Russ.).
14. Serdyukova M.N., Nikolaeva E.V. Development of agricultural cooperation and small business forms in foreign countries [Development of agricultural cooperation and small business forms in foreign countries]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2017, no. 10 (406), pp. 147-155. (In Russ.).
15. Pletnev D.A. Economics for humans as a non-trivial goal of the development of modern economy [Economics for humans as a non-trivial goal of the development of modern economy]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2013, no. 15 (306), pp. 35-42. (In Russ.).
16. Nikolaeva E.V., Pletnev D.A. Analysis of the functioning practices of medium-sized enterprises - leaders of success: agriculture vs industrial production [Analysis of the functioning practices of medium-sized enterprises - leaders of success: agriculture vs industrial production]. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*, 2017, no. 1, pp. 256-270. (In Russ.).
17. Barhatov V.I., Pletnev D.A., Campa A. Key success factors and barriers for small businesses: comparative analysis. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2016, vol. 221, pp. 29-38.

«ПОРТРЕТ» УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ТРЕНДЫ НЕРАВНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ

Д. С. Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Раскрыта общая характеристика Уральского федерального округа и его субъектов. Приведен «портрет» Уральского региона, предполагающий обзор ключевых индикаторов деятельности. Описаны тренды базовых, технологических, социальных, экологических индикаторов. Выявлена неравномерность развития областей округа по ряду показателей. Сделан вывод о том, что промышленность не является источником экономического роста для Курганской области. Подвергнут критической оценке тезис о наступлении условий «новой нормальности» в Челябинской и Свердловской областях.

Ключевые слова: *Уральский федеральный округ, Челябинская область, Курганская область, Свердловская область, Тюменская область, базовые тренды, технологические тренды, социальные тренды, экологические тренды, неравномерность развития региона.*

Уральский регион (Уральский федеральный округ) — это 13,51 % валового регионального продукта на 10,62 % площади территории России, это 35,43 % поступлений налогов и сборов в федеральный бюджет, притом что доля населения составляет чуть выше 8 % и около 9 % — численность занятых¹.

За период 1995—2004 гг. в структуре отечественной промышленности доминирующими отраслями были машиностроение и металлообработка, а также топливная промышленность. На долю металлообработки приходилось 19 %, топливной промышленности — 12 %. Далее за период до 2010 г. кардинальных изменений не происходило. Тем не менее ряд тенденций все же налицо: доля тяжелой и топливной промышленности растет, а доля машиностроения сокращается [1].

Урал был, есть и, вероятно, длительное время будет промышленным регионом. Для этого есть все предпосылки, глубоко укоренившиеся еще со времен Петровской России. И во времена Советского Союза Урал нес индустриальное бремя. Если анализировать долю промышленного производства в структуре валовой добавленной стоимости, то по состоянию на конец 2016 г. это значение составило 52,4 %. Последнее десятилетие отмечено тенденцией снижения доли промышленного производства. Исключение составляет лишь Дальневосточный федеральный округ, где по состоянию на конец 2005 г. этот показатель был равен 27,9 %, а на конец 2016 г. достиг значения

37,8 %. Тем не менее Уральский федеральный округ как лидировал по данному показателю на конец 2005 г. (56,7 %), так лидирует и сегодня. Однако Урал нельзя назвать исключительно однородным с точки зрения присутствия промышленного производства во всех субъектах. Соотношение долей среди областей, входящих в состав исследуемого округа, приведено в табл. 1.

Доля промышленного производства сократилась как в среднем по федеральному округу, так и в каждой области. Исключение представляет лишь Курганская область, где данный показатель вырос, причем существенно.

Общая характеристика Урала и входящих в него областей приведена в табл. 2. Темная заливка отражает максимальную долю (или же максимальное значение) в общей величине показателя по всему федеральному округу среди всех субъектов округа.

Из табл. 2 мы видим, что 80 % территории Уральского региона — это Тюменская область, причем 43,8 % ее площади занимает Ямало-Ненецкий автономный округ, 29,4 % — Ханты-Мансийский автономный округ. При этом наибольший удельный вес численности населения приходится на Свердловскую область. Тюменская и Челябинская области населены примерно одинаково (3692,4 тыс. и 3493,0 тыс. чел. соответственно), хотя на долю Челябинской области приходится меньше 5 % территории.

Экономические тренды классифицируют по следующим направлениям: базовые показатели; технологические тренды; демографические тренды; социальные тренды. Для целостности формируемого

¹По данным Росстата (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf).

Таблица 1

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости, % к итогу

Регион / область	Виды экономической деятельности							
	Добыча полезных ископаемых		Обрабатывающие производства		Производство и распределение электроэнергии, газа и воды		Итоговая доля промышленного производства	
	2005	2016	2005	2016	2005	2016	2005	2016
Россия	12,8	10,9	18,5	17,3	3,8	3,9	35,1	32,1
Уральский федеральный округ	43,5	35,0	11,1	14,2	2,1	3,2	56,7	52,4
Курганская область	0,5	1,0	18,4	22,0	4,7	8,2	23,6	31,2
Свердловская область	4,4	1,4	31,5	30,9	3,5	3,7	39,4	36,0
Тюменская область,	59,9	54,1	1,7	3,8	1,5	2,7	63,1	60,6
в том числе:								
ХМАО	74,9	66,1	1,2	2,0	1,6	3,1	77,7	71,2
ЯНАО	61,4	54,5	2,0	1,8	1,5	1,8	64,9	58,1
Челябинская область	0,9	2,4	41,4	35,5	3,3	3,9	45,6	41,8

Источник: данные Росстата [5].

регионального портрета предлагаем добавить экологические тренды. С точки зрения вектора направленности принято выделять восходящие, нисходящие тренды, тренды с неявно выраженным направлением и тренды, характеризующие отсутствие тенденции. С точки зрения скорости изменений называют: равномерные, ускоренные, замедляющиеся. При сопоставлении тренды бывают синхронные и асинхронные. Кроме того, тренды могут быть с лагами [2].

В ранее проведенных исследованиях автор анализировал возможные источники экономического роста. С учетом промышленного характера региона автором были изучены источники роста промышленных рынков — рынков добывающей и обрабатывающей промышленности. Для роста добывающей промышленности значимыми оказались собственные средства, направленные на инвестиции в основной капитал, для рынков обрабатывающих производств наибольшее влияние оказывает темп роста заработной платы [3].

В качестве базовых трендов покажем динамику валового регионального продукта, инвестиций в основной капитал (рис. 1), численности рабочей силы (рис. 4), индекс физического объема ВРП (рис. 2), темпы роста промышленного производства (рис. 3); в качестве технологических трендов — динамику затрат на технологические инновации (рис. 5); в качестве социальных —

среднедушевые денежные доходы (рис. 7); и, наконец, экологические тренды покажем при помощи объема выбросов, отходящих от стационарных источников (рис. 6). Динамику этих показателей сопоставим между собой, выдвинем ряд гипотез.

Рисунок 1 позволяет увидеть однонаправленные тенденции. И с этой точки зрения можно смело подтвердить гипотезу об инвестициях как о ключевом факторе экономического роста. Если бы не сокращение после 2014 г. инвестиций во всех областях, за исключением Тюменской. Тем не менее и после 2014 г. мы наблюдаем рост валового регионального продукта. Рисунок 1 представляет динамику абсолютных величин. И поэтому важно помнить, что речь идет о номинальных величинах.

Динамика же темпов роста очевидна в явной форме лишь с точки зрения быстрорастущего тренда, а визуально это видно лишь в Тюменской области. На рис. 2 приведены темпы роста валового регионального продукта.

Если говорить об измерении ВРП в фиксированных ценах, картина несколько изменится. В 2010 г. наибольший темп роста продемонстрировала Свердловская область, однако далее темпы роста стабильно снижались. Но к 2016 г. область опередила все прочие субъекты Урала. Условно

Таблица 2

**Характеристика субъектов Уральского федерального округа
по отношению к аналогичному показателю всего округа на конец 2017 г.***

№	Показатель	Уральский федеральный округ		Области (% к УрФО)				
		Абсолютные величины	По отношению к РФ, %	Курганская	Свердловская	Тюменская	Челябинская	
1	Площадь территории, тыс. кв. км	1 818,50	10,62	3,93	10,68	80,52	4,87	
2	Численность населения, тыс. чел.	12 356,20	8,41	6,84	35,01	29,88	28,27	
3	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	6 366,70	8,86	5,32	32,48	34,98	27,22	
4	Среднедушевые денежные доходы, руб. в месяц	32 944,00	1,05	0,63	1,07	1,28	0,71	
5	Потребительские расходы в среднем на душу населения, руб. в месяц	24 123,00	1,01	0,59	1,21	1,15	0,67	
6	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	43 977,00	1,12	0,58	0,79	1,45	0,73	
7	Валовой региональный продукт, млн руб.	9 354 739,30	13,51	2,07	21,14	63,31	13,48	
8	Инвестиции в основной капитал, млн руб.	2 870 072,00	17,98	0,78	11,77	80,66	6,79	
9	Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости), млн руб.	35 953 434,00	18,47	2,02	17,18	72,32	8,48	
10	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млн руб.	добыча полезных ископаемых	5 202 482,00	37,38	0,06	1,29	97,43	1,22
11		обрабатывающие производства	4 760 492,00	12,29	2,03	36,43	32,95	28,59
12		обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	712 098,00	13,24	2,88	33,10	44,78	19,24
13		водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	142 211,00	13,91	2,01	42,42	31,50	24,07
14	Продукция сельского хозяйства, млн руб., в том числе:	323 585,70	6,32	11,97	24,46	24,55	39,03	
15	растениеводства	136 067,80	5,21	17,35	21,13	26,25	35,27	
16	животноводства	187 517,90	7,47	8,07	26,87	23,32	41,75	
17	Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м	6 301,70	7,95	4,31	34,02	39,17	22,49	
18	Оборот розничной торговли, млн руб.	2 555 718,40	8,57	4,25	42,19	34,29	19,27	
19	Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в федеральный бюджет, %	3 246 332,70	0,35	0,28	2,96	94,34	2,42	

* В строках 4—6 приведено отношение соответствующих величин к аналогичному значению по УрФО.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата [5].

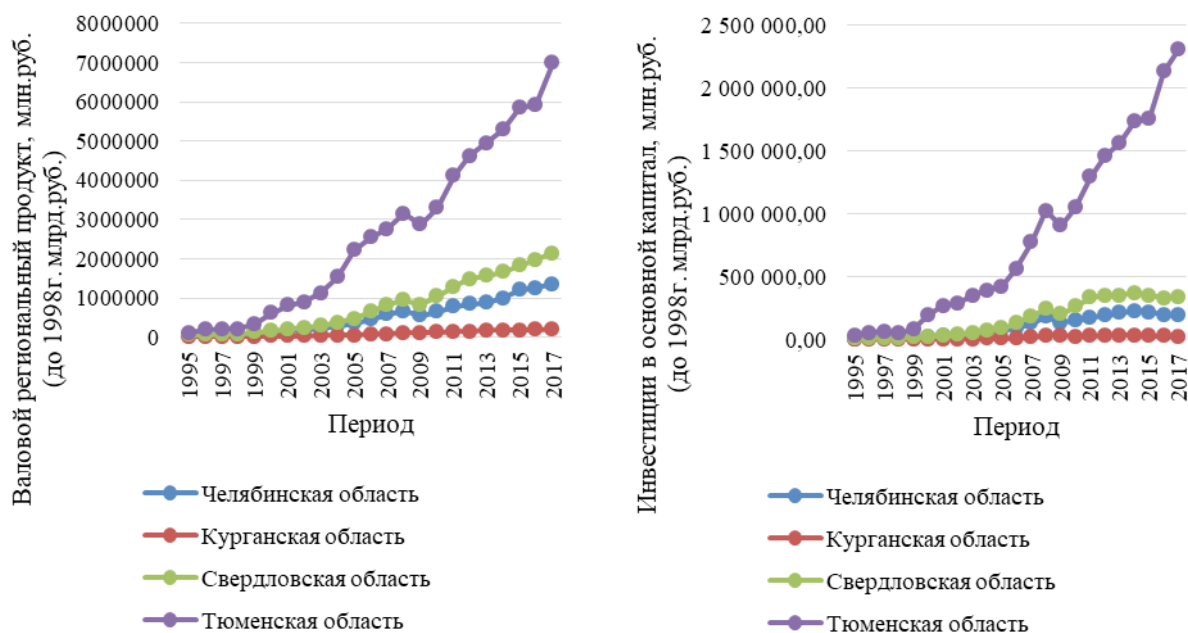

Рис. 1. Динамика валового регионального продукта и инвестиций в основной капитал субъектов УрФО (1995—2017)

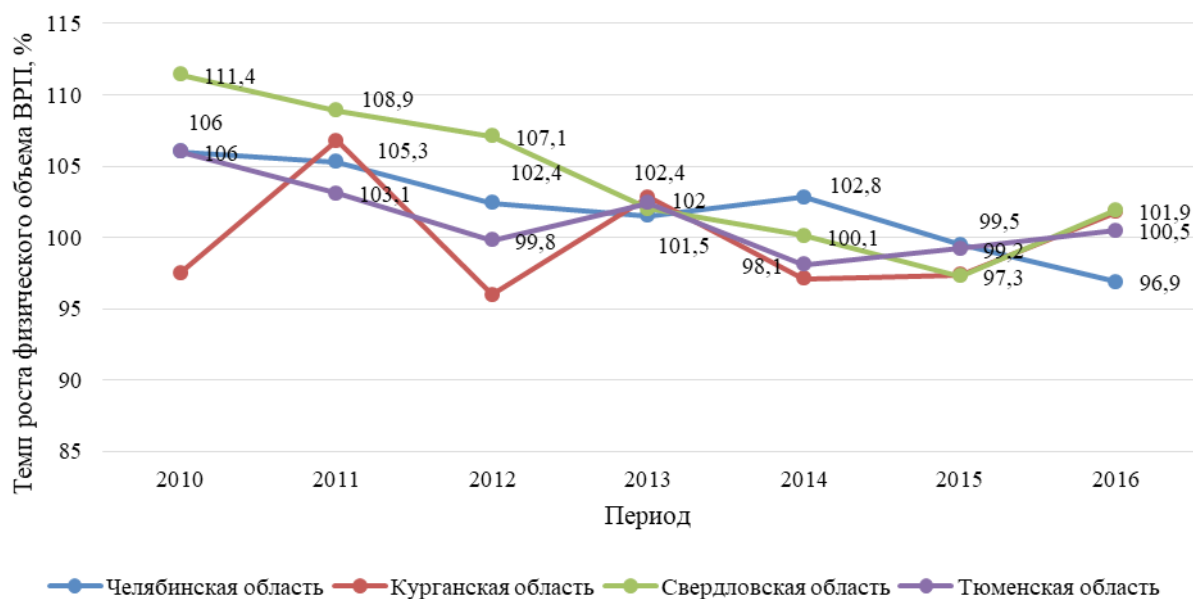

Рис. 2. Темпы роста реального валового регионального продукта субъектов УрФО (1996—2017)

снижающимся трендом можно назвать и динамику физического ВРП Тюменской области, пусть и 2016 г. показал прирост. Данных по состоянию на 2017 г. Росстат пока не представил, но номинальные величины уже известны. За 2017 г. по сравнению с предыдущим номинально ВРП Тюменской области вырос на 18%, в то время как прочие области показали номинальный рост на порядок ниже: Челябинская область — 7%,

Курганская область — 3,6%, Свердловская область — 8,3%.

Таблица 1 демонстрирует большой удельный вес промышленного производства в общем объеме добавленной стоимости, а потому вполне логичным будет сравнить тренды роста ВРП и промышленного производства (рис. 3).

Однонаправленность трендов видна только у Челябинской и Свердловской областей. Тем

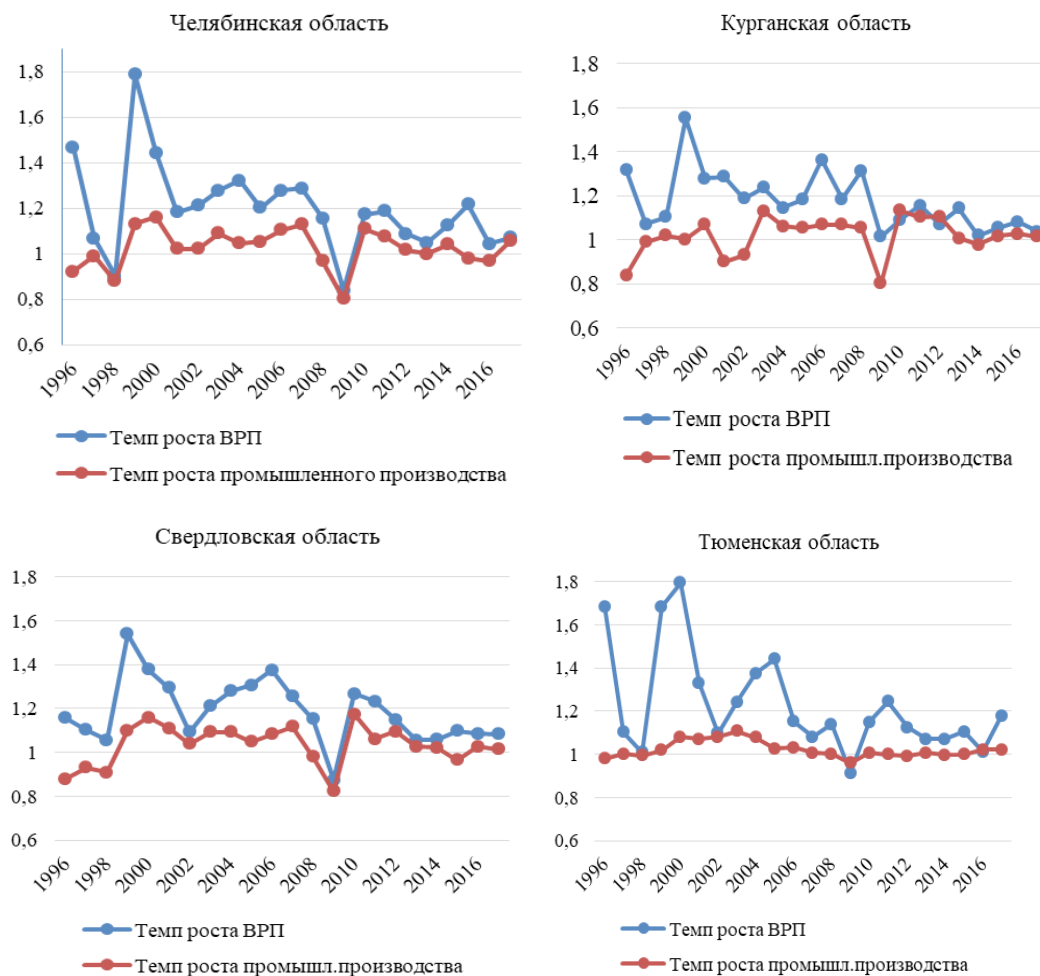

Рис. 3. Темпы роста валового регионального продукта и промышленного производства субъектов УрФО (1996—2017)

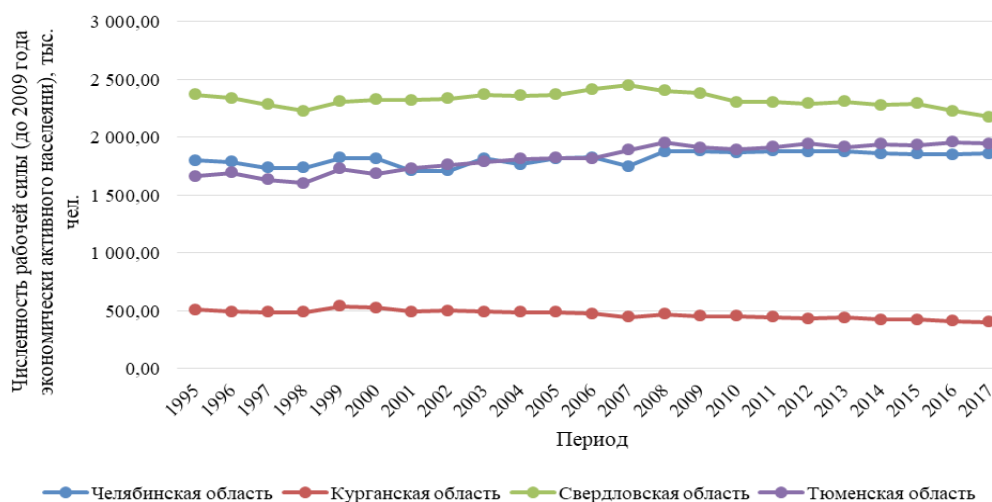

Рис. 4. Динамика численности рабочей силы субъектов УрФО (1995—2017)

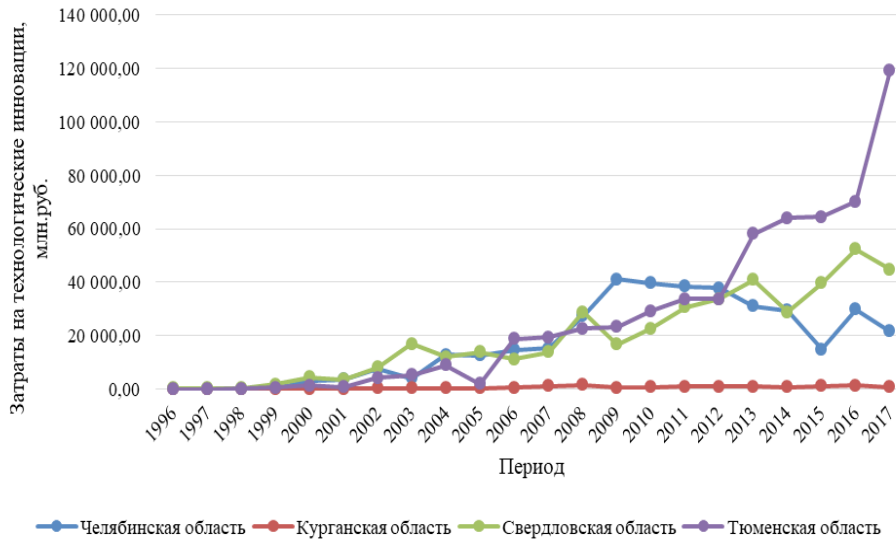

Рис. 5. Динамика затрат на технологические инновации субъектов УрФО (1995—2017)

временем Курганская и Тюменская области демонстрируют разнородность двух линий — как таковой зависимости увидеть не удастся. Хотя доля промышленного производства в Тюменской области самая высокая (табл. 1), тем не менее темпы роста явно не коррелируют.

Проанализируем трудовые ресурсы. Динамика численности рабочей силы приведена на рис. 4. Если бы в данном исследовании автор проводил некий swot-анализ, логично было бы в раздел «угрозы» внести падение численности рабочей силы в регионах. Усугубляют ситуацию и ранее полученные результаты, согласно которым трудовые ресурсы, как правило, представляют собой значимый и высокоэластичный фактор в построенных нелинейных регрессиях, иллюстрирующих региональный экономический рост [3]. И если кадры — это один из ключевых факторов экономического роста, то такая динамика априори подрывает возможности дальнейшего роста регионов Урала.

Источником экономического роста могут быть и затраты на технологические инновации.

Динамика затрат на технологические инновации выглядит несколько странно, так как порядок величин в период 1996—2001 гг. и далее совершенно различный. Для Тюменской области рост показателя за весь исследуемый период составил 546 194,04 раза. А потому важно разобраться в методике сбора такой статистики. А до тех пор анализировать показатель как потенциальный источник роста — особенно в период 1990-х гг. — все же не следует.

Соотнесем пропорции роста ВРП, инвестиций в основной капитал и численности рабочей силы. В табл. 3 приведен результат отношения значений 2017 г. к величинам 1995 г.

Таблица 3

Сравнение роста ВРП, инвестиций в основной капитал, численности рабочей силы субъектов УрФО

Регион (область)	ВРП	Инвестиции в ОК	Численность рабочей силы
Челябинская	40,71	35,15	1,03
Курганская	31,67	21,43	0,79
Свердловская	36,88	40,24	0,92
Тюменская	64,16	65,44	1,17

Источник: рассчитано автором по данным Росстата [5].

Можно предположить, что для Челябинской и Курганской областей в долгосрочной перспективе рост инвестиций в основной капитал дал даже некий мультипликативный эффект в росте ВРП ($40,71/35,15 = 1,18$ и $31,67/21,43 = 1,48$). В Свердловской и Тюменской областях рост ВРП оказался меньшим по сравнению с ростом инвестиций. В этом плане такую динамику в Свердловской области, вероятно, можно объяснить падением численности рабочей силы. В плане долгосрочного соотношения рост ВРП Курганской области выглядит даже несколько феноменально — так как наблюдаем его мы на фоне сокращения численности рабочей силы на 21%. Вероятнее всего, такие тенденции могут быть объяснены возрастающей

производительностью капитала. Но этот вопрос требует отдельной проработки.

Сегодня мы все чаще говорим об экологической обстановке региона. А потому, если продолжать путь развития промышленного региона, важно не забывать и о сопутствующих такому развитию вредных выбросах (рис. 6).

И здесь картина не столь печальна, если анализировать общий тренд — падение таковых во всех субъектах Уральского региона. Однако при существенном снижении выбросов с 2005 по 2014 г. Тюменская область за последние три года все же демонстрирует рост выбросов.

И, наконец, проанализируем динамику среднедушевых денежных доходов населения (рис. 7).

Рост номинальных денежных доходов налицо — тренд можно назвать «хорошо восходящим». Однако реальные доходы населения, к сожалению, сокращаются. После 2013 г. в Челябинской, Свердловской, Курганской областях индекс реальных доходов не превышает единицы. В Тюменской области реальный рост доходов закончился в 2014 г.

Таким образом, проведя обзор некоторых ключевых трендов, характеризующих экономическую (и не только) сторону жизни субъектов Уральского региона, можно сформулировать некоторые выводы, из которых напрашивается ряд гипотез для будущих исследований. Во-первых, мы наблюдаем падение численности рабочей силы в Курганской и Свердловской областях. Челябинская область

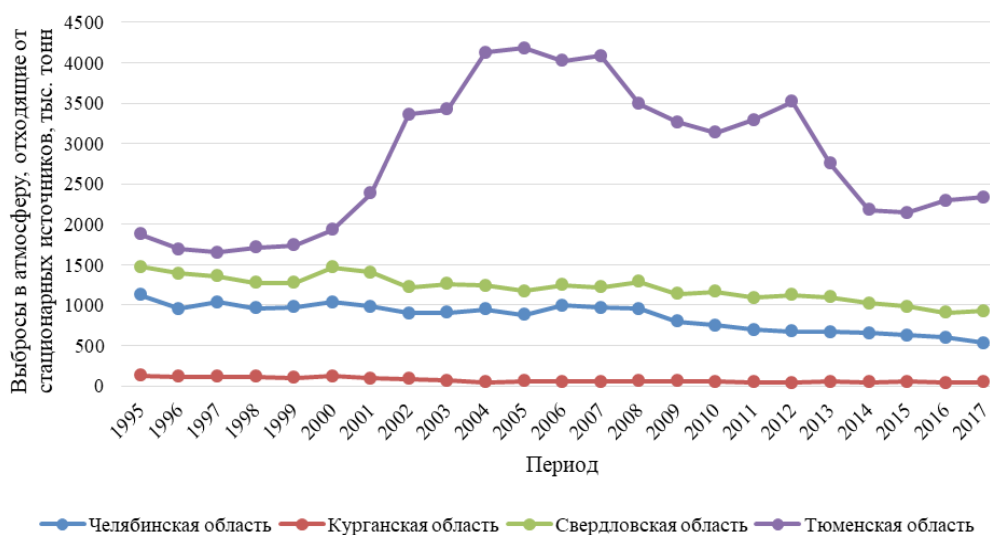

Рис. 6. Динамика выбросов в атмосферу, отходящих от стационарных источников в субъектах УрФО (1995—2017)

Рис. 7. Динамика среднедушевых денежных доходов населения в субъектах УрФО (1995—2017)

демонстрирует постоянство, Тюменская — рост (почти 17%). Во-вторых, инвестиции в основной капитал свое дело делают. Отсюда гипотеза: быть может, классические факторы экономического роста (как то: труд и капитал) для субъектов Уральского региона все еще не исчерпаны? И для Урала в этом контексте пока рано говорить о «новой нормальности» [4; 6; 7]? Просто мы наблюдаем отток населения из региона, а потому задача местных властей сделать его несколько более комфортным для жизни, привлекательным (особенно актуальной задачей является для Курганской и Челябинской областей). В-третьих, налицо периферийность Курганской области. Об этом свидетельствуют и полученные в табл. 2 значения. В отношении «центр» и «периферия» данная область может быть названа такой. Всегда Курганская область признавалась сельскохозяйственным краем — краем, где можно развивать и растениеводство, и животноводство. Однако при сопоставимости территорий Челябинская область дает 39% сельскохозяйствен-

ной продукции, в то время как Курганская — лишь 6%. Вопрос же, какой субъект считать «центром», остается открытым. Свердловская область является лидером и по значению обрабатывающих производств, и по обороту розничной торговли. Однако и по валовому продукту, и по уровню заработных плат явное лидерство у Тюменской области.

И, наконец, последняя гипотеза: не для всех субъектов Уральского федерального округа локомотивом экономики является промышленное производство. Корреляция между темпами роста ВРП и промышленного производства в Курганской области составляет 0,02. В Тюменской области аналогичный показатель равен 0,35, в Челябинской и Свердловской — 0,63 и 0,72 соответственно. Тюменская область требует отдельного исследования, так как связь здесь слабая, но территория исключительно промышленная. И эта территория дает 97% добычи полезных ископаемых всему округу.

Список литературы

1. Анимица, Е. Г. Структурная модернизация промышленности крупнейших городов Урала: новый виток в спирали развития / Е. Г. Анимица, И. В. Ивлева // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 23 (302). — С. 2—9.
2. Артемова, О. В. Основные тренды регионального развития: коридор возможностей // О. В. Артемова, А. Н. Савченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2019. — Т. 13, № 3. — С. 5—13.
3. Бархатов, В. И. Промышленные рынки Уральского региона: экономический рост в условиях «новой нормальности» / В. И. Бархатов, Д. С. Бенц // Управленец. — 2019. — Т. 10, № 3. — С. 83—93.
4. Медведев, Д. А. Новая реальность. Россия и глобальные вызовы / Д. А. Медведев // Вопросы экономики. — 2015. — № 10. — С. 5—29.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf.
6. Силин, Я. П. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика / Я. П. Силин, Е. Г. Анимица, Н. В. Новикова // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, № 3. — С. 714—725.
7. Улюкаев, А. Что делать? Версия Минэкономразвития / А. Улюкаев. — 2016. — URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/09/644720-chto-delat> (дата обращения 26.09.2019)/

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 157—165*

PORTRAIT OF THE URAL FEDERAL DISTRICT: TRENDS OF THE UNEVEN DEVELOPMENT

D.S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The article reveals the general characteristic of the Ural Federal District and its regions. We show a portrait of the Ural Federal District, using an overview of key indicators. Also, we construct the trends of the basic, technological, social, environmental indicators. We show uneven development of the region using several indicators. We concluded that industry is not a source of economic growth for the Kurgan Region. We criticize the thesis about the conditions of “new normal” in Chelyabinsk and Sverdlovsk Regions.

Keywords: *the Ural Federal District, Chelyabinsk Region, Kurgan Region, Sverdlovsk Region, Tyumen Region, basic trends, technological trends, social trends, environmental trends, uneven development of the region.*

References

1. Animitsa E.G., Ivleva I.V. Strukturnaya modernizatsiya promyshlennosti krupnejshih gorodov Urala: novyj vitok v spirali razvitiya [Structural modernization of industry of the largest cities of the Ural: a new turn in the spiral of development]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice.], 2013, no. 23 (302), pp. 2-9. (In Russ.).
2. Artemova O.V., Savchenko A.N. Osnovnye trendy regional'nogo razvitiya: koridor vozmozhnostej [The Main trends of regional development: the room for opportunities]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management], 2019, vol. 13, no. 3, pp. 5-13. (In Russ.).
3. Barhatov V.I., Bents D.S. Promyshlennyye rynki Ural'skogo regiona: ekonomicheskij rost v usloviyah “no-voj normal'nosti” [Industrial markets of the Ural region: Economic growth under “new normal”]. *Upravlenets* [The Manager], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 83-93. (In Russ.).
4. Medvedev D.A. Novaya real'nost'. Rossiya i global'nye vyzovy [New real. Russia and Global Challenges]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2015, no. 10, pp. 5-29. (In Russ.).
5. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli* [Russian regions: social-economic indicators]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/region/reg-pok18.pdf (In Russ.).
6. Silin Ya.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. “Novaya normal'nost” v rossijskoj ekonomike: regional'naya specifika [“New Normal” in the Russian Economy: Regional Specificity]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 714-725. (In Russ.).
7. Ulyukaev A. Chto delat'? *Versiya Minekonomrazvitiya*, 2016. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/09/644720-chto-delat>, accessed 26.09.2019. (In Russ.).

ОБЗОР ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИНАНСОВОГО РЫНКА В ПРОЦЕССЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

И. О. Контелов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рыночная экономика предполагает цикличность экономического развития. Многие из ученых выявляли взаимосвязь экономического и финансового циклов. Появление финансовых рынков в начале XX в. дало толчок для развития теории финансовых циклов, которые формируют финансовые подъемы и спады подобно экономическим циклам. Необходимо выявить и проанализировать показатели финансовых циклов в национальной экономике, которые дают возможность предсказать подъемы и спады финансового и, как следствие, экономического циклов. В статье подробно рассмотрены показатели, характеризующие финансовый рынок и оказывающие воздействие на финансовый и экономический циклы. Цель статьи — представить результаты анализа показателей, характеризующих финансовый рынок, в процессе циклического развития национальной экономики.

Ключевые слова: *финансовые рынки, финансовые циклы, национальная экономика, финансовый кризис, финансовый подъем.*

В основу исследования положен анализ восьми относительных показателей, выбранных для идентификации финансовых циклов в российской экономике. Показатели составлены таким образом, чтобы максимально широко охватить все сферы экономики, которые могут быть затронуты в случае общего изменений на финансовых рынках:

Показатель К1 — отношение требований банков к экономике к ВВП. Данный показатель используется для измерения долговой нагрузки на макроуровне и рекомендован международными стандартами Базель III в качестве базового при расчете кредитного разрыва и определении величины регулирующего размера капитала.

Как показывает обширная международная практика, закредитованность реального сектора экономики является достоверным предвестником полномасштабного банковского и, как следствие, финансового кризиса. Выбранная переменная более корректно отражает изменения кредитной нагрузки, чем, например, темпы роста нового кредитования, так как, будучи выраженным в процентах ВВП, показатель нормируется размером экономики [1]. Это говорит о том, что он, во-первых, не подвержен влиянию естественной цикличности спроса на кредиты, а, во-вторых, имеет более сглаженную динамику, чем другие аналогичные показатели.

Период конца 1990-х — начала 2000-х гг. отмечен спадом показателя К1 (рис. 1). Это связано с ростом количества кредитов, выдаваемых предприятиям

и учреждениям. Такая же тенденция наблюдается и в исторические спады финансового цикла — 2007 и 2012—2013 гг.

Показатель К2 — отношение денежного агрегата М2 к золотовалютным резервам (ЗВР) страны. Он отражает одновременно степень «накачки» экономики рублевой ликвидностью и возможности регулятора обеспечивать конвертируемость национальной валюты. Международный опыт подтверждает, что рост отношения М2 к ЗВР повышает вероятность наступления валютного кризиса [5]. Кроме того, увеличение данного показателя может сопровождать рост ВВП или быть связанным с изменениями в поведении населения, когда оно оптимистично оценивает перспективную динамику финансовых рынков и стремится накапливать сбережения. В этом смысле движение показателя М2 к золотовалютному резерву тесно связано и с экономическими, и с финансовыми циклами.

Спад показателя наблюдается на протяжении периода 2001—2008 гг. Ситуация меняется в последние 10 лет (рис. 2).

Показатель К3 (рис. 3) — отношение внешнеторгового оборота страны (сумма экспорта и импорта товаров и услуг) к общему обороту внутреннего валютного рынка. В случае доминирования оптимистических ожиданий среди экономических агентов переменная принимает более высокие значения, так как на фоне доверия к национальной денежной единице валютные операции осуществляются

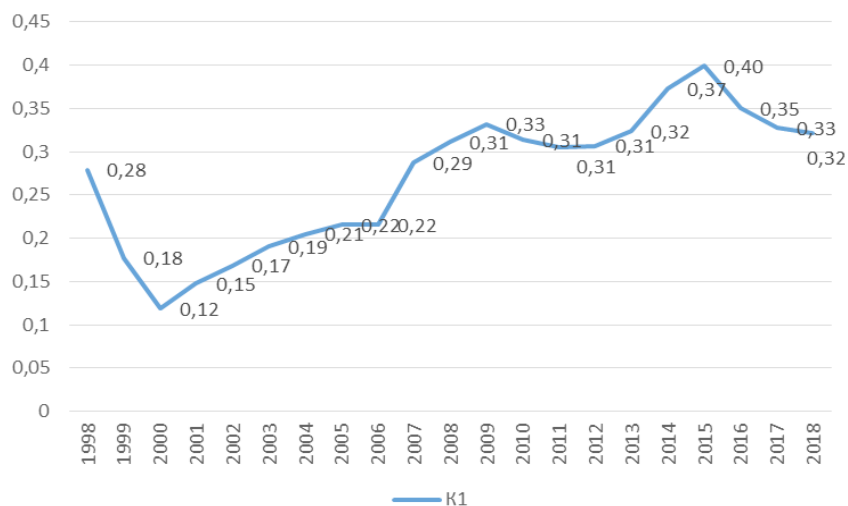

Рис. 1. Динамика показателя K1 за 1998—2018 гг.

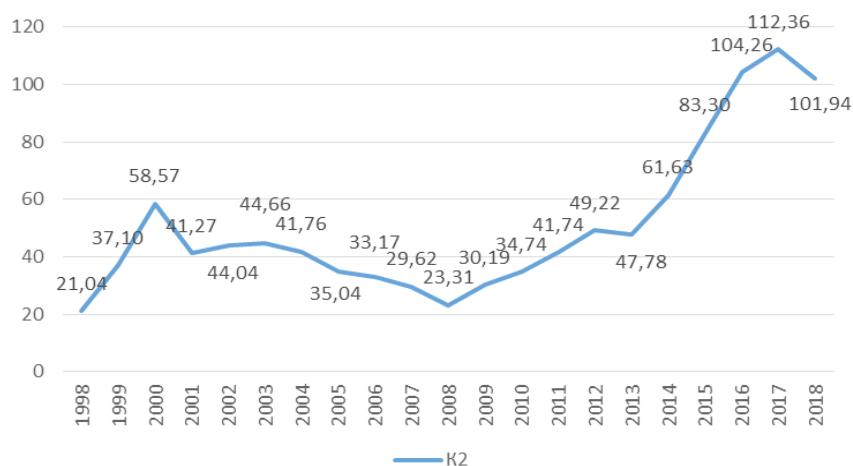

Рис. 2. Динамика показателя K2 за 1998—2018 гг.

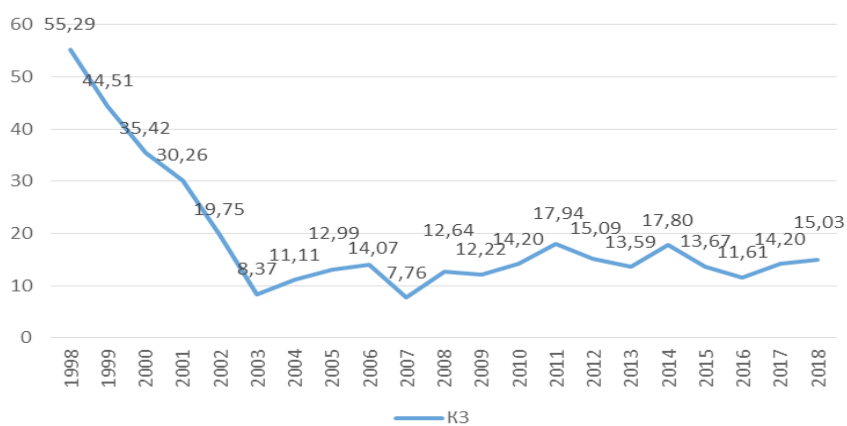

Рис. 3. Динамика показателя K3 за 1998—2018 гг.

в целях проведения расчетов по сделкам либо движения капитала, направленного на его прирост (депозиты, кредиты, факторинг и др.), а поступления по экспорту уравнивают отток иностранной валюты по импорту (в большинстве случаев даже в рамках одного субъекта хозяйствования). При переходе к пессимистической фазе финансового цикла на валютном рынке начинают преобладать спекулятивные операции, увеличиваются его обороты, в то время как объемы внешней торговли снижаются (как правило, экспорт в большей степени, чем импорт, что оказывает дополнительное давление на валютный рынок).

Показатель K4 (рис. 4) — условия кредитования. Показатель характеризует восприятие финансовых рисков со стороны кредитного предложения. В период фазы роста цикла банки могут стимулировать кредитование менее кредитоспособных и более рискованных клиентов, предлагая низкие процентные ставки и длительные сроки (недооценка уровня риска). Когда же происходит материализация риска, банки, напротив, склонны к чрезмерному ужесточению условий кредитования, что приводит к существенному ограничению финансирования платежеспособной части реального сектора экономики (кредитный кризис) [4]. В рамках построения FCI условия кредитования аппроксимированы отношением среднего срока (в месяцах) долгосрочного рублевого кредитования юридических лиц к величине соответствующей ставки процента (по новым кредитам). Средний срок долгосрочных кредитов оценивался исходя из фактических остатков кредитной задолженности клиентов и годовых объемов погашения. Таким образом, удлинение сроков и снижение ставок приводит к росту значений показателя условий кредитования, и наоборот.

Показатель K5 (рис. 5) — соотношение активов и собственного капитала банковского сектора (леверидж). Показатель наглядно характеризует цикличность в деятельности финансовых посредников. Рост левериджа означает увеличение масштаба и рискованности банковских операций в период преобладания оптимистических настроений в экономике. Соответственно, сокращение активов банковского сектора относительно его капитала свидетельствует о наступлении циклического спада на финансовом рынке, сопровождаемого выбытием значительного объема неработающих кредитов и досрочным изъятием «здоровой» части активов из экономики [3]. При этом, как правило, резко ужесточаются условия предоставления новых кредитов и снижается эффективность банковской деятельности.

Показатель K6 (рис. 6) — отношение стоимости акций акционерных обществ, находящихся в обращении, к годовой выручке организаций от реализации произведенной продукции. Подобные индикаторы капитализации рынка ценных бумаг напрямую связаны скорее с бизнес-циклом, а не с финансовым циклом [6]. Тем не менее данная переменная дополняет общую картину о характере сформированных у участников рынка ожиданий, показывая своей динамикой, насколько оптимистичны субъекты хозяйствования при оценке будущих финансовых потоков. Наиболее значительный спад показателя наблюдается в 2008—2009 гг. — спад капитализации крупных российских корпораций вследствие мирового финансового кризиса.

Показатель K7 (рис. 7) — отношение объема государственных ценных бумаг, находящихся в обращении на внутреннем рынке, к доходам консолидированного бюджета. Рост показателя не только свидетельствует об увеличении емкости и ликвидности рынка государственных ценных бумаг во время циклического подъема, но и является сигналом недооценки финансовых рисков со стороны эмитента [2]. Соответственно, снижение указанного соотношения (объем погашаемых облигаций превышает объем выпускаемых) может быть следствием роста недоверия инвесторов к государственным ценным бумагам на фоне изменения ожиданий в экономике (либо, напротив, следствием бюджетного профицита и устойчивого экономического роста).

Изменения данного показателя не так значительны. На протяжении всего периода значение практически не меняется. Это связано с общими направлениями государственной политики.

Показатель K8 (рис. 8) — отношение процентных доходов банков по кредитам и иным операциям с физическими лицами к денежным доходам населения. Динамика данного показателя складывается под влиянием двух основных моментов — готовности населения осуществлять заимствования исходя из оценки перспектив роста будущих доходов и платежной дисциплины розничных клиентов банка. Оба аспекта тесно связаны с циклическостью деятельности банковского сектора страны.

На рис. 8 можно наблюдать снижение показателя в 1998, 2009 и 2015—2016 гг. Это периоды финансового и экономического спадов.

В приведенном исследовании были определены восемь основных значимых показателей, характеризующих финансовый рынок, в процессе циклического развития в национальной экономики:

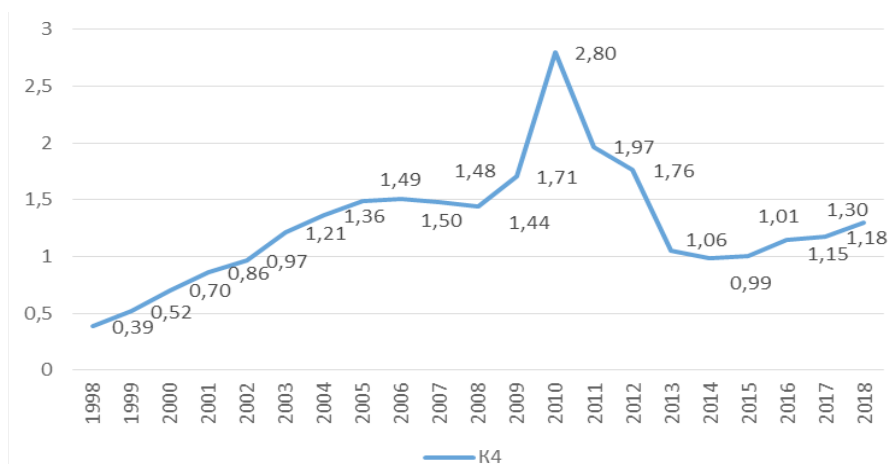

Рис. 4. Динамика показателя K4 за 1998—2018 гг.

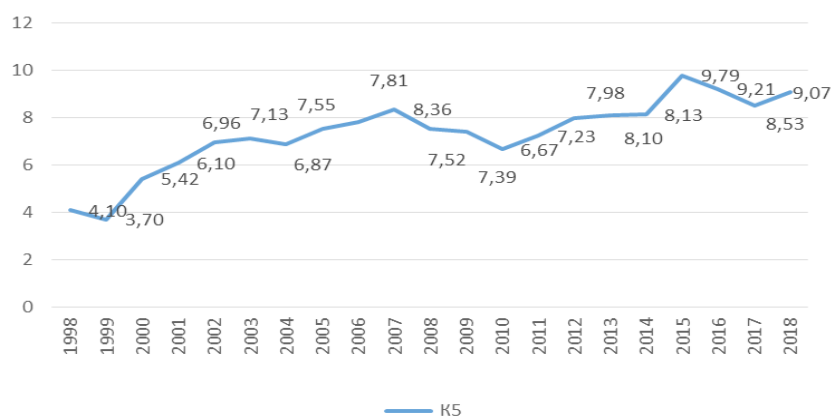

Рис. 5. Динамика показателя K5 за 1998—2018 гг.

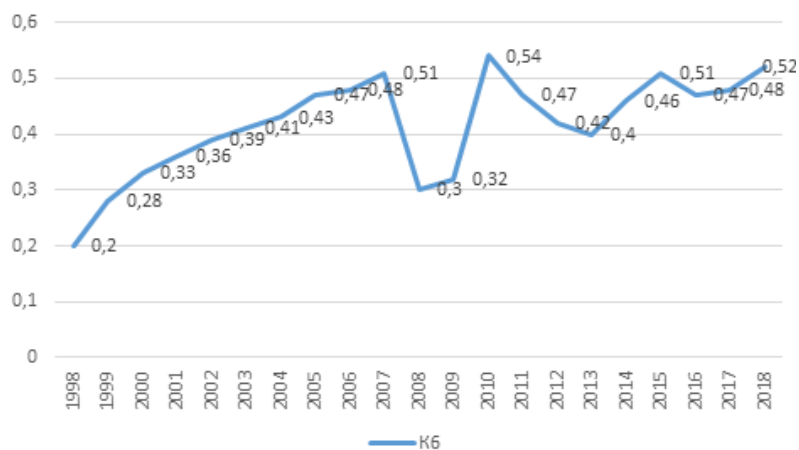

Рис. 6. Динамика показателя K6 за 1998—2018 гг.

отношение требований банков к экономике к ВВП (K1), отношение денежного агрегата M2 к золотовалютным резервам (ЗВР) страны (K2), отношение внешнеторгового оборота страны (сумма экспорта и импорта товаров и услуг) к общему

обороту внутреннего валютного рынка (K3), условия кредитования (K4), леверидж (K5), отношение стоимости акций акционерных обществ, находящихся в обращении, к годовой выручке организаций от реализации произведенной продукции,

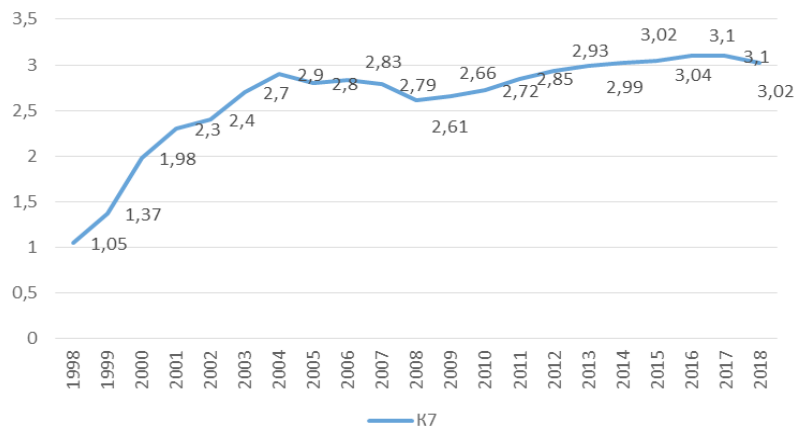

Рис. 7. Динамика показателя K7 за 1998—2018 гг.

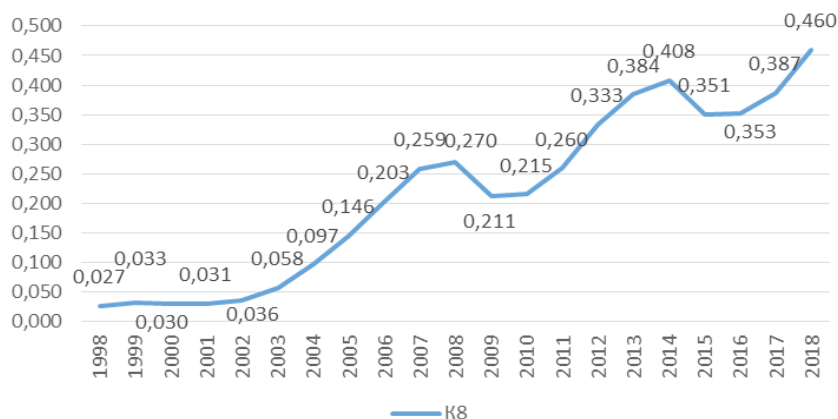

Рис. 8. Динамика показателя K8 за 1998—2018 гг.

отношение объема государственных ценных бумаг, находящихся в обращении на внутреннем рынке, к доходам консолидированного бюджета (K7), отношению процентных доходов банков по кредитам и иным операциям с физическими лицами к денежным доходам населения (K8). Динамика данных показателей свидетельствует о наличии корреляции между ними и фазами финансового и экономического циклов.

В свою очередь информация о совместной динамике экономических переменных в агрегированном виде может быть собрана на основе факторных моделей. В рамках данного подхода может быть рассмотрена статистически значимая корреляция между переменными как следствие влияния на них общих факторов (в данном случае фаз финансового цикла).

Список литературы

1. Абрамов, А. Е. Регулирование финансовых рынков: модели, эволюция, эффективность / А. Е. Абрамов, А. Д. Радыгин, М. И. Чернова // Вопросы экономики. — 2014. — № 2. — С. 33—49.
2. Коптелов, И. О. Экономический рост и анализ развития страны через макроэкономические показатели / И. О. Коптелов, Е. С. Зарубежнов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 7 (417). — С. 204—210.

3. Alessi, L. Comparing different early warning systems: Results from a horse race competition among members of the Macro-Prudential Research Network [Электронный ресурс] (2014) / L. Alessi, A. Antunes, J. Babecky, S. Baltussen, etc. — URL: http://www.ecb.europa.eu/events/pdf/conferences/140623/Vasicek-et-al_Comparing-Different-Early-Warning-Systems.pdf (дата обращения 06.08.2019).

4. Borio, C. Macroprudential policies: What have we learnt? [Электронный ресурс] / C. Borio. — URL: http://www.bis.org/speeches/sp151124_slides.pdf. 2015 (дата обращения 06.08.2019).

5. Glick, R. Money and Credit, Competitiveness, and Currency Crises in Asia and Latin America / R. Glick, R. Moreno // Centre for Pacific Basin Monetary & Economic Studies. — Working Paper PB99-01, Federal Reserve Bank of San Francisco (1999).

6. Plasil, M. An indicator of the financial cycle in the Czech economy [Электронный ресурс] / M. Plasil, J. Seidler, P. Hlavac, T. Konecny. — URL: http://www.cnb.cz/en/financial_stability/fs_reports/fsr_2013-2014/fsr_2013-2014_article_i.pdf. 2013 (дата обращения 06.08.2019).

7. Song Shin, H. Procyclicality and the Search for Early Warning Indicators / H. Song Shin // International Monetary Fund. — WP/13/258 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp13258.pdf>. 2013. (дата обращения 06.08.2019).

Сведения об авторе

Коптелов Иван Олегович — преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 166—172*

THE DYNAMIC OF INDICATORS OF THE FINANCIAL MARKET IN THE CYCLICAL DEVELOPMENT IN THE NATIONAL ECONOMY

I.O. Koptelov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

The market economy assumes a cyclical economic development. Many of the scientists have identified the relationship between the economic and financial cycles. The emergence of financial markets in the early 20th century gave rise to the theory of financial cycles, which shape financial UPS and downs, like economic cycles. It is necessary to identify and analyze indicators of financial cycles in the national economy, which make it possible to predict the UPS and downs of the financial and, consequently, economic cycles. The article describes in detail the indicators characterizing the financial market and having an impact on the financial and economic cycles. The purpose of the article is to present the results of the analysis of indicators characterizing the financial market in the process of cyclical development of the national economy.

Keywords: *financial markets, financial cycles, national economy, financial crisis, financial recovery.*

References

1. Abramov A.E., Radygin A.D., Chernova M.I. Chernova M.I. Regulirovanie finansovyh .rynkov: modeli, evolyuciya, effektivnost' [Regulation of financial markets: models, evolution, efficiency]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2014, no. 2, pp. 33-49. (In Russ.).

2. Koptelov I.O., Zarubezhnov E.S., Ekonomicheskij rost i analiz razvitiya strany cherez makroekonomicheskie pokazateli [Economic growth and analysis of the country's development through macroeconomic indicators]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 7 (417), pp. 204-210. (In Russ.).

3. Alessi L. *Comparing different early warning systems: Results from a horse race competition among members of the Macro-Prudential Research Network* (2014). Available at: http://www.ecb.europa.eu/events/pdf/conferences/140623/Vasicek-et-al_Comparing-Different-Early-Warning-Systems.pdf, accessed 06.08.2019.

4. Borio C. *Macprudential policies: What have we learnt?* (2015). Available at: http://www.bis.org/speeches/sp151124_slides.pdf, accessed 06.08.2019.
5. Glick R., Moreno R. Money and Credit, Competitiveness, and Currency Crises in Asia and Latin America. *Centre for Pacific Basin Monetary & Economic Studies. Working Paper PB99-01, Federal Reserve Bank of San Francisco*, 1999.
6. Plasil M., Seidler J., Hlavac P., Konecny T. *An indicator or the financial cycle in the Czech economy*. 2013. Available at: http://www.cnb.cz/en/financial_stability/fs_reports/fsr_2013-2014/fsr_2013-2014_article_i.pdf, accessed 06.08.2019.
7. Song Shin H. Procyclicality and the Search for Early Warning Indicators. *International Monetary Fund. – WP/13/258*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp13258.pdf>. 2013, accessed 06.08.2019.

ВОСПРОИЗВОДСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА ОСНОВЕ ФИНАНСОВО-УЧЕТНЫХ ПРОЦЕДУР

М. А. Пестунов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Конкурентоспособность и динамика роста и развития экономики во многом определяются тем, какие новые знания могут участвовать в хозяйственном обороте в форме интеллектуального капитала, каков размер его рыночной стоимости и какова интенсивность его воспроизводства. Роль интеллектуального капитала в цифровой инфраструктуре оборота исключительных прав возрастает и становится главным фактором, определяющим рост и развитие экономики. В статье предлагается механизм воспроизводства интеллектуального капитала на основе финансово-учетных процедур.

Ключевые слова: *интеллектуальный капитал, результаты интеллектуальной деятельности, нематериальные активы, объекты интеллектуальной собственности.*

Интеллектуальный капитал фирмы составляет основу экономической деятельности предприятий в условиях цифровой экономики. Появление новых знаний в результате творческой деятельности, спецификация прав результатов интеллектуальной деятельности делает их его оборотоспособным, то есть полноценным, товаром. Размеры вовлеченности в экономический оборот результатов интеллектуальной деятельности растут более высокими темпами, чем рост «материальных» рынков. Темп роста рынка интеллектуального капитала превышает в среднем в мировой экономике 10% в год (Китай — 23%, США — 5%, Франция — 2%, Россия — 5%) [1].

Конкурентоспособность и динамика роста и развития экономики во многом определяется тем, какие новые знания могут участвовать в хозяйственном обороте в форме интеллектуального капитала, каков размер его рыночной стоимости и какова интенсивность его воспроизводства. Роль интеллектуального капитала в цифровой инфраструктуре оборота исключительных прав возрастает и становится главным фактором, определяющим рост и развитие экономики. Более 70% транзакций составляет движение объектов интеллектуальной собственности в форме различных лицензионных соглашений. В ближайшее десятилетие рост трафика и рынков будет связан с передачей нематериальных объектов, предназначенных для промышленного производства [1].

Анализ и прогноз научно-технологического развития стран показывает, что около 80% капитала развитых стран составляет оборот интеллекту-

ального капитала в виде исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, используемых на предприятии в качестве нематериальных активов. Рост объемов трансферта интеллектуального капитала в форме специфицированных исключительных прав опережает рост ВВП развитых стран. Темпы роста доходов от экспорта результатов интеллектуальной деятельности (РИД) в этих странах увеличились в 3,1 раза при росте ВВП в 2,1 раза [4]. Число стран, экспортирующих знания, выросло за 17 лет (1990—2007) с 22 до 75% (число стран, компании которых заключают лицензионные договоры увеличилось с 62 до 147 [1].

Возрастающие требования со стороны потребителей характеризуются обострением конкуренции на рынке и говорят о необходимости разработки новых методов управления экономической безопасностью организации на основе всестороннего применения механизма управления использованием интеллектуального капитала. Одним из важных показателей технологического развития является уровень изобретательской активности, определяемой количеством зарегистрированных охранных документов. Этот факт напрямую оказывает влияние на эффективность экономики, которая, в свою очередь, зависит от наличия системы управления интеллектуальным капиталом, определяемой уровнем компетенций в области воспроизводства интеллектуального капитала.

По уровню патентной активности (число поданных заявок на патенты на изобретения от национальных заявителей на 10 тыс. населения) в 2018 г. Россия отставала в 5—18 раз от технологически развитых стран.

В целом по абсолютному количеству заявок на патенты на изобретения Россия занимает 7-е место в мире (41,6 тыс. шт. в 2018 г.), уступая Китаю (1202 тыс.), США (591 тыс.), Японии (320 тыс.), Республике Корея (214 тыс.), Германии (68 тыс.) и Индии (47 тыс.). Одновременно за последние 10 лет более чем в 2 раза вырос коэффициент технологической зависимости (соотношение зарубежных и отечественных заявок на изобретения) — с 0,3 в 2004 г. до 0,55 в 2015 г. Такое увеличение особенно примечательно на фоне снижения данного показателя в Китае с 0,98 до 0,14 и нахождения показателей таких стран, как Япония, Германия, Республика Корея, в интервале 0,23—0,28) [1].

Уже наметились положительные сдвиги в области исследований и разработок по управлению интеллектуальным капиталом. Например, в крупных компаниях (Газпромнефть Роскосмос, Росатом и др.) внедряется система управления интеллектуальным капиталом (знаниями) (СУЗ) представляющая собой комплексный подход, позволяющий повысить эффективность создания, сохранения, распространения и применения ценных для компании знаний, которые определяют величину и качество интеллектуального капитала.

В рамках СУЗ развивается пять ключевых инструментов управления интеллектуальным капиталом:

- формирование сообщества практиков;
- обучение;
- создание профиля сотрудника
- накопление базы интеллектуального капитала;
- банк идей [2].

Эти компании, оценивая финансовые показатели, ориентируются на коэффициент Тобина, который показывает долю интеллектуального капитала. Эта процедура осуществляется в рамках проведения оценки рыночной стоимости нематериальных активов компании. В качестве ценообразующих факторов формирующих рыночную стоимость включают: талант персонала, эффективность управляющих систем, эффективность организационных и производственных систем, уровень новизны, уровень, решаемой задачи и уровень возможного достижения финансового результата. Предприятия нефтегазового сектора с высоким коэффициентом Тобина являются признанными лидерами в сфере управления интеллектуальным капиталом.

Однако эти отдельные прорывы пока не привели к качественному изменению инновационной сферы и существенному повышению ее влияния на научно-технологическое развитие и темп экономического роста и развития страны [4].

Более того, низка культура менеджмента в области управления интеллектуальным капиталом, включая охрану исключительных прав в качестве РИД и использование компаниями, отсутствие соответствующих механизмов и инструментов в бизнесе. Несмотря на то что действующее законодательство создает необходимые условия развития системы управления интеллектуальным капиталом, риски тем не менее не снижаются. Это проявляется в потере исключительных прав на РИД, потере уже используемых предприятиями и вновь разрабатываемых технологий, как правило, не обладающих патентной чистотой, снижение инвестиций в новые разработки, снижение возможностей устанавливать патентные барьеры конкурентам.

Все названное показывает, что научно-технический прогресс является важным фактором в капиталообразовании и определяет развитие новых форм и методов исследования и анализа управленческих процедур. И в первую очередь требует новых подходов и механизмов, а также теоретических разработок экономической теории, исследующих различные формы экономических изменений в долгосрочном периоде. Следует отметить, что большинство ученых — приверженцев классической экономической науки склонялись к тому, что процессы управления интеллектуальным капиталом определяют экономический прогресс и повышают скорость внедрения новых продуктов, технологических процессов, организационных и управленческих инноваций, что приводит к экономическим изменениям в долгосрочном периоде [Там же].

Такая связь экономических процессов, предопределила выдвижение гипотезы о том, что в любой момент организация выбирает из множества взаимосвязанных вариантов наличия и соотношения производственных ресурсов те, которые наилучшим образом будут соответствовать рыночному спросу и требованиям к выпускаемой продукции со стороны потребителей. По мнению представителей неоклассической экономической теории, выбор технологических процессов осуществляется из целевых установок, направленных на получение прибыли и максимизации финансовых результатов деятельности организации. С этой точки зрения, неоклассические эконометрические модели адекватно объясняют экономический рост, опираясь на анализ затрат, технических изменений и других производственных факторов.

Изучая влияние технологических изменений, ученые сталкиваются с трудностями объяснения того факта, что невозможно предсказать, како-

го уровня и какого качества должны быть знания, обеспечивающие эти изменения. Они только отмечают, что должны появиться новые знания, на основе которых появляются новые технические решения и которые в дальнейшем преобразуются в интеллектуальный капитал фирмы [3].

В качестве объяснения можно предложить следующую трактовку интеллектуального капитала. В основе роста и развития фирмы лежат новые формализованные и неформализованные знания, что позволяет выделить знания двух типов:

- Знания, неотделимые от индивидуума, — неформализованные, экспертные, полученные в результате обучения, которые включают: научные знания (знание теорий, законов, принципов, аксиом), специальные знания, приобретенные с опытом (умения, навыки, компетенции, профессионализм, мастерство).

- Знания, отделимые от индивидуума, — формализованные знания, результаты прикладных исследований и разработок, специфицируемые как объекты интеллектуальной собственности и используемые в экономическом обороте в качестве нематериальных активов [5].

Конечно, владение интеллектуальным капиталом является колоссальным ресурсом. Но в то же время важно понимать: незнание проблем в сфере инноваций, отсутствие финансово-учетного механизма управления созданием и использованием интеллектуального капитала снижает полезность наличия интеллектуального капитала.

Нами предлагается механизм управления воспроизводством интеллектуального капитала, который включает процесс создания, хранения и передачи накопленных неявного и явного интеллектуального капитала. Что касается неформализованного интеллектуального капитала, это распространение передового опыта (интервьюирование, видеолекции, наставничество и др.).

Управление формализованными элементами интеллектуального капитала группируется в совокупность процедур, связанных с созданием новых знаний и их спецификацией. Здесь возникают различные проблемы учета, аудита, анализа и другие процедуры идентификации интеллектуального капитала. Среди них важное место занимает выбор наиболее перспективного способа охраны новых знаний, обеспечивающих экономическую безопасность и судебную защиту в случае нарушения исключительных прав.

Предлагаемый учетно-финансовый механизм позволит ускорить процессы создания и коммер-

циализации новых знаний, формирующих интеллектуальный капитал фирмы, в том числе лицензирование объектов интеллектуальной собственности других организаций за счет более адекватной оценки трансформационных и транзакционных издержек.

Предлагаемый финансово-учетный механизм содержит следующие элементы.

1-й этап — создание новых знаний.

1.1. Использование опыта и знаний работников фирмы, творчески одаренных людей. Планирование и организация передачи знаний от опытных специалистов (наставников) молодым специалистам.

1.2. Обучение методам активизации творческого мышления.

1.2.1. Методы случайного поиска (метод контрольных вопросов, метод фокальных объектов, мозговой шторм и др.).

1.2.2. Методы систематического поиска — (морфологический анализ, матричный анализ).

1.2.3. Методы логического поиска (АРИЗ, ТРИЗ, АИПС).

В качестве результата здесь появляются новые продукты, технологии, материалы, основанные на новых разработках (изобретениях).

2-й этап — идентификация и спецификация исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

2.1. Патентное право.

2.2. Патентная информация.

2.3. Оформление и подача заявок на изобретения, полезные модели, промышленные образцы.

2.4. Экспертиза на патентную чистоту новых продуктов, технологий, материалов.

2.5. Патентно-конъюнктурные исследования (технический уровень, тенденции развития, патентный паспорт).

Реализация указанных мероприятий обеспечит получение новых знаний в области защиты исключительных прав (умение определять достигнутый и перспективный технический уровни, выявлять тенденции развития в отрасли, выстраивать стратегию обеспечения конкурентоспособности фирмы в операционном и стратегическом аспектах. Эти знания оформляются в форме специальных документов, например составляется патентный формуляр или патентный паспорт.

В результате формируется портфель исключительных прав на новые разработки в различных режимах (патентного права, авторского права, коммерческой тайны, ноу-хау).

3-й этап — коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности.

3.1. Регулирование инновационной деятельности, мотивация и контроль.

3.2. Финансовый и статистический учет, аудит, анализ интеллектуального капитала как результатов интеллектуальной деятельности (РИД) в рамках оценки рыночной стоимости, более точное обоснование трансакционных и трансформационных издержек. На основе адекватной оценки принимаются обоснованные управленческие решения о возможном трансферте технологий. В свою очередь коммерциализация новых разработок сокращает время выхода на рынок с новым продуктом, способствует повышению объемов продаж, повышению цены продукции, снижению затрат на производство и, как следствие, повышает уровень доходов.

Внедрение системы менеджмента интеллектуального капитала на основе финансово-учетного механизма обеспечивает техническое и технологическое лидерство, повышение конкурентоспособности фирмы в текущем и стратегическом аспектах.

Результаты патентно-конъюнктурных исследований сводятся в единый реестр по учету, аудиту и анализу интеллектуального капитала по видам объектов интеллектуальной собственности — изобретения, полезные модели, промышленные образцы и ноу-хау.

В процессе реализации управляющей системы формируются целевые показатели финансового механизма, направленного на развитие инновационной деятельности организации в операционном (текущем) процессе и инвестиционном (прогнозном) периоде по управлению интеллектуальным капиталом.

Так как развитие экономики организации проявляется прежде всего в устойчивом увеличении доли на рынке, конкурентные преимущества определяются уровнем вовлечения в экономический оборот результатов интеллектуальной деятельности. Инновационный вариант развития экономики организаций предполагает ее рост с ориен-

тацией на производство продукции, основанной на новом поколении РИД.

Осуществляется переход с выпуска продукции, основанной на предыдущем поколении результатов интеллектуальной деятельности, на выпуск продукции, основанный на новом поколении объектов интеллектуальной собственности, для чего по элементам финансового механизма предусматривается составление бюджетов затрат для планомерного и своевременного перехода с одного жизненного цикла продукта на последующий (см. таблицу) [4. С. 309].

**Структура РИД по стадиям
жизненного цикла продукта, %**

Вид РИД	Стадия разработки	Стадия роста	Стадия зрелости
Продуктовые РИД	70	20	10
Технологические РИД	20	50	10
Управленческие РИД	10	30	80
Всего РИД	100	100	100

Таким образом, исследования показали, что промышленные организации могут успешно конкурировать на внутреннем и внешнем рынке. Базой для этого служит своевременное вовлечение соответствующего вида РИД в соответствующий период (с учетом жизненного цикла продукта, значимости РИД, срока исчерпания эффективности) в экономической оборот.

Предложенный финансовый механизм воспроизводства интеллектуального капитала реализуется в форме конкретных рекомендаций, методов и методик управления формированием финансовых затрат на воспроизводство результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть применены в качестве инструментов, обеспечивающих необходимый уровень конкурентоспособности организаций.

Список литературы

1. Центр стратегических разработок. Эффективное использование интеллектуальной собственности технологии. Москва, сентябрь 2017, доклад.
2. WOW, HR2017 Hero [Электронный ресурс] // The Arts in Innovation. — 2014. — Vol. 51, iss. 4. — P. 265—269. — URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.aip.2014.03.004> (дата обращения 26.09.2019).
3. Нельсон, Р. Р. Эволюционная теория экономических изменений : пер с англ. / Р. Р. Нельсон, С Дж. Уинтер. — М. : Дело, 2002.

4. Пестунов, М. А. Реструктуризация и устойчивое развитие экономических систем / М. А. Пестунов ; под ред. А. В. Бабкина. — СПб. : Изд-во политехн. ун-та, 2006. — 715 с.

5. Пестунов, М. А. Управление интеллектуальной собственностью / М. А. Пестунов. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2006.

Сведения об авторе

Пестунов Михаил Александрович — доктор экономических наук, профессор кафедры учета и финансов Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pestunov_ma@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 173—177.*

REPRODUCTION OF INTELLECTUAL CAPITAL BASED ON FINANCIAL-ACCOUNTING PROCEDURES

M.A. Pestunov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pestunov_ma@mail.ru

The competitiveness and dynamics of growth and development of the economy are primarily determined by what new knowledge can participate in the economic turnover in the form of intellectual capital, what is the size of its market value and what is the intensity of its reproduction. The role of intellectual capital in the digital infrastructure of the circulation of exclusive rights is growing and becoming the main factor determining the growth and development of the economy. The article proposes a mechanism for the reproduction of intellectual capital based on financial accounting procedures

Keywords: *intellectual capital, results of intellectual activity, intangible assets, intellectual property.*

References

1. *Centr strategicheskikh razrabotok Effektivnoe ispol'zovanie intellektual'noj sobstvennosti tekhnologii* [Center for Strategic Research Effective use of intellectual property technology]. Moscow, September 2017, report. (In Russ.).

2. WOW, HR2017 Hero. *The Arts in Innovation*, 2014, vol. 51, iss. 4, pp. 265-269. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.aip.2014.03.004>, accessed 09.26.2019.

3. Nelson R.R. Winter S.J. *Evolucionnaya teoriya ekonomicheskikh izmenenij* [The Evolutionary Theory of Economic Change]. Moscow, Delo Publ., 2002. (In Russ.).

4. Pestunov M.A. *Restrukturizaciya i ustojchivoe razvitie ekonomicheskikh sistem* [Restructuring and sustainable development of economic systems]. St. Petersburg, Publishing house of the Polytechnic University, 2006. 715 p. (In Russ.).

5. Pestunov M.A. *Upravlenie intellektual'noj sobstvennost'yu* [Intellectual Property Management]. Chelyabinsk, Publishing house of ChelSU, 2006. (In Russ.).

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

A FRESH VIEW

Вестник Челябинского государственного университета.
2019. № 11 (433). Экономические науки. Вып. 67. С. 178—182.

УДК 339.13
ББК 65.291.3

DOI 10.24411/1994-2796-2019-11121

МАТЕМАТИКО-КОМБИНАТОРНАЯ МОДЕЛЬ ПО ПОИСКУ ОПТИМАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ПРОИЗВОДСТВА ДЛЯ ВЫХОДА НА НОВЫЙ РЫНОК

Д. В. Злобина, М. А. Лебедев, В. А. Пилюгина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Представлена модель, которая в точности подходит к экономической ситуации, когда предприятию еще предстоит выйти на рынок, оно осуществляет попытки по определению мест производства из списка и пытается произвести и отправить как можно больше товара, чтобы занять свою нишу на рынке, осуществлять доставку до места потребления. Задача, которую мы решаем, впервые появилась на предприятии лесоперерабатывающей направленности. Подобные модели рассматривались и ранее, однако они не учитывали время прохождения по графу и вместимость складов, что крайне важно при планировании производства на следующий период.

Ключевые слова: математическое моделирование, линейное программирование, максимальный поток, размещение центров.

Каждое предприятие в ходе хозяйственной деятельности ставит главной задачей максимизацию прибыли при ограничениях на ресурсы. При всем многообразии методов оптимизации процессов управления ресурсами предприятий в научной литературе недостаточно представлены единые алгоритмы и модели для нахождения оптимального решения комплексных проблем хозяйственной деятельности предприятия. На любом предприятии существуют следующие основные задачи: задача производства (оптимального выпуска продукции), транспортная задача (определение пути и объема перевозок по двудольным графам), задача максимального потока (нахождение максимального по объему перевозок пути на графе), задача минимизации времени, задача размещения центров сбыта (обслуживания), задача распределения людских ресурсов при производстве. В нашей статье мы рассмотрим только четыре из них: задачу производства (оптимального выпуска продукции), задачу размещения центров, задачу учета времени, транспортную задачу, как единую комплексную задачу.

При имеющихся запасах ресурсов и заданных рынком ценах необходимо найти оптимальный объем при дополнительном условии наличия норм затрат ресурсов на производство единицы продукции. Такая задача получила распространение в ли-

тературе как производственная задача¹. Помимо этой, существует и другая задача, не менее сложная с точки зрения трудозатрат на ее решение: Задача размещения центров [1], в которой ставятся вопросы об определении мест производства из заранее определенных к рассмотрению районов. Ограничения описаны в [3]. Рассмотрим две задачи: транспортная задача и задача минимизации времени. Оптимизация проходит по объему производства. Рассмотрим ряд методов и моделей, которые решают данные задачи (табл. 1).

Таблица 1

Методы и модели решения поставленной задачи

Методы и модели / факторы	Описание стратегии
Supply Chain Management (SCM) [7]	Управленческая концепция и организационная стратегия
Генетический алгоритм [8]	Стратегия заключается в случайном подборе, комбинировании и вариациях изначальных параметров с использованием механизмов, аналогичных естественному отбору в природе

¹ <https://pastebin.com/tzp04jNn>

Для решения каждой из вышеперечисленных задач существуют отдельные модели [1—3], но мы предлагаем комплексное решение четырех вышеописанных отдельных задач. Под комплексным решением будем понимать единую линейную модель смешано-целочисленного программирования для четырех вышеуказанных проблем лесоперерабатывающего комплекса.

Сформулируем обобщенную постановку задачи: каков объем производства продукции при заданных объемах ресурсов на складе, каков оптимальный объем перевозки при заданных временных затратах на перевозку, в каких местах из рассмотренного списка стоит открывать производство. Цель: максимизировать доход от продажи, объем перевозок и минимизировать издержки в процессе открытия производства (*).

Такая модель может быть полезна для компаний в период входа на рынок. Организация должна зарекомендовать себя на рынке как хорошего продавца. Данная работа посвящена построению модели, выбору метода и алгоритма для поиска решения этой задачи. Все вышеперечисленные задачи сводятся к линейным моделям, что значительно упрощает нахождение оптимального решения; отдельно модели известны в литературе [1—3]. Для решения вышеперечисленных задач используются алгоритмы поиска оптимального решения — метод отсечения (Гомори)¹.

Пусть существует сетка трудовых затрат производства для производства каждого вида товара из исходного вида сырья. Обозначим саму сетку как

$$A = \{A_{ij}\}, i = 1:n_1, j = 1:m_1, \quad (1)$$

где A_{ij} — элемент, соответствующий тому, сколько потребуется ресурса i для производства j товара. Обозначим денежные затраты на перевозку из пункта i_1 в пункт j_1 , как

$$C = \{C_{i_1j_1}\}, i_1 = 1:n, j_1 = 1:n. \quad (2)$$

Положим матрицу T как матрицу временных затрат на перевозку из пункта i_1 в пункт j_1 :

$$T = \{t_{i_1j_1}\}, i_1 = 1:n, j_1 = 1:n. \quad (3)$$

Определим вектор цен реализации товара j как

$$P = \{p_j\}, j = 1:m_1. \quad (4)$$

Пусть известны затраты на открытие склада. Обозначим их как

$$f = \{f_j\}, j = 1:m_1. \quad (5)$$

Определим вместимость складов как

$$L = \{l_j\}, j = 1:m_1. \quad (6)$$

Для полноты набора данных остается определить количество запасов сырья, обозначим его как

$$b = \{b_i\}, i = 1:n_1. \quad (7)$$

Объем заявки в каждой конечной точке обозначим:

$$a = \{a_{j_2}\}, j_2 = 1:n_2. \quad (8)$$

Зададим параметр Q как параметр, отвечающий за максимальное количество открытых складов. Пусть $x_{i_1j_1}$ — количество товара, перевозимое из пункта i_1 в пункт j_1 , k_j — произведенное количество j товара, Z_j — j пункт производства, n_1 — разновидность ресурсов, m_1 — разновидность товара, n — вершин в графе, n_2 — число конечных пунктов, оформивших заказ.

Математическая модель задач: минимизации времени описана в [3], производственной — в [1], размещения центров — также в [1]. Объединим три вышеописанные математические модели. Производство не может произвести больше, чем у него есть на то ресурсов; обозначим следующим ограничением:

$$\sum_{j=1}^{m_1} A_{ij}k_j \leq b_i, i = 1:n_1 \quad (8)$$

Количество открытых пунктов не должно превышать Q ; запишем ограничение в виде

$$\sum_{j=1}^{m_1} z_j \leq Q, z_j \in \{0; 1\}. \quad (9)$$

Вместимость пунктов производства не должно превышать L , тогда запишем ограничение ниже:

$$k_j \leq l_j, j = 1:m_1 \quad (10)$$

Объем вывоза должен быть равен объему производства в каждом пункте, обозначим это как

$$\sum_{j_1=1}^n x_{j_1j_1} = k_j, j = 1:m_1 \quad (11)$$

Необходимо удовлетворить спрос в каждом конечном пункте, обозначим как

$$\sum_{i_1=1}^n x_{i_1j_2} = a_{j_2}, j_2 = 1:n_2 \quad (12)$$

Свяжем задачу минимизации времени и транспортную задачу как

¹ <https://pastebin.com/RD8U9nNf>

$$x_{i_1 j_1} \leq M y_{i_1 j_1}; i_1 = 1:n, j_1 = 1:n, \tag{13}$$

где $\infty > M \gg 0$. Запишем (*) в виде целевой функции, как

$$\sum_{j_1=1}^n \sum_{i_1=1}^n t_{i_1 j_1} y_{i_1 j_1} - \sum_{j_1=1}^n \sum_{i_1=1}^n c_{i_1 j_1} x_{i_1 j_1} + \sum_{j=1}^{m_1} k_j p_j - \sum_{j=1}^{m_1} z_j f_j. \tag{14}$$

→ max

Объединяя (8—14) в единую систему, получаем задачу F_0 линейного целочисленного программирования (смешанно-целочисленного). Задача F_0 решена с помощью пакета Matlab. Ответ получим в виде одномерных массивов X. Рассмотрим ее подробнее.

Пусть даны матрицы норм затрат

$$A = \begin{pmatrix} 1 & 2 & 6 & 2 \\ 2 & 6 & 9 & 4 \\ 5 & 7 & 1 & 5 \\ 4 & 8 & 9 & 8 \end{pmatrix},$$

затраты на открытие f , матрицы цен P , запасов ресурсов b , вместимость складов L , матрица денежных затрат при транспортировке C , матрица временных затрат при транспортировке T . Все данные представлены в [3; 14]. Решим задачу двумя способами: последовательно (код представлен в [14]) и комплексно (код представлен в [3]). На рис. 1 и 2 представлены визуализации их решений.

В табл. 2 представлены выходные данные программных реализаций [3; 14].

Таблица 2

Сравнение методов решения поставленной задачи описанными выше методами

	Последовательно	Комплексно
Объем произведенной продукции (вектор), шт.	(12, 0, 4, 0)	(10, 0, 3, 3)
Суммарные затраты на перевозку по времени, у. е.	40	28
Остатки сырья (вектор), шт.	(31, 43, 57, 79)	(6, 1, 2, 9)
Прибыль, у. е. (15)	-77,5	11

$$-\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n x_{ij} c_{ij} + \sum_{i=1}^{m_1} k_j p_j \tag{15}$$

Рассмотрим объемы произведенной продукции при решении обоими методами: (12, 0, 4, 0) и (10, 0, 3, 3). Видно, что суммарный объем равный. Рассмотрим производственный вектор — (12, 0, 4, 0). Из него явствует, что первый завод произвел 12 единиц, второй 0 единиц, третий 4 единицы, четвертый 0 единиц товаров. Суммарные временные издержки на транспор-

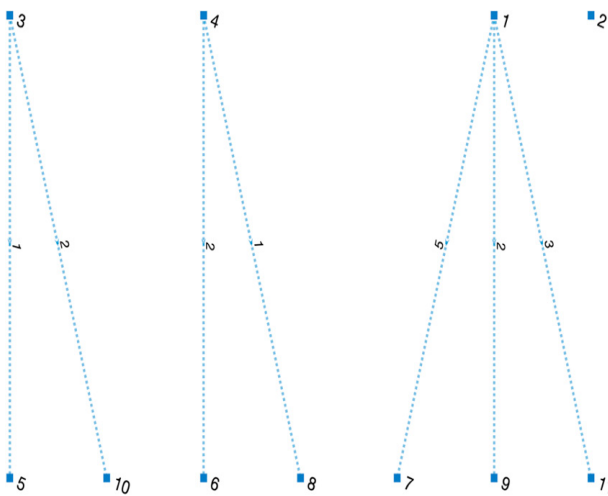

Рис. 1. Визуализация способа транспортировки при решении задачи комплексно

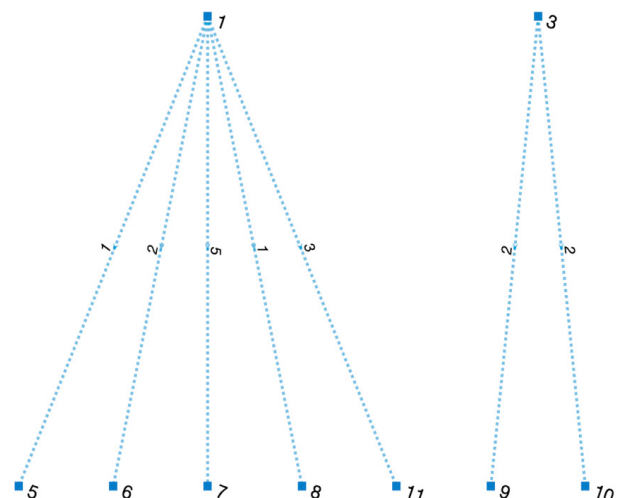

Рис. 2. Визуализация способа транспортировки при решении задачи последовательно

тировку при решении рассматриваемыми методами разнятся в пользу комплексного метода. Значения вектора запаса ресурсов (6, 1, 2, 9) говорят о том, что первого ресурса осталось 6 единиц, второго — 1, третьего — 2, четвертого — 9. Сравним оба вектора: (31, 43, 57, 79), (6, 1, 2, 9). Они разнятся в пользу последовательного. Рассмотрим прибыль при решении обоими методами: она больше при решении комплексной модели ввиду того, что комплексная модель дает при решении менее затратный путь.

В данной статье рассмотрена одна из возможных постановок задачи, которая обобщает ранее

известные четыре классические задачи линейного программирования. Показано, что такую задачу возможно сформулировать в рамках задачи линейного программирования. Рассмотрен ряд возможных добавлений ограничений в модель. Такая постановка задачи и модель могут быть использованы на любом предприятии, где необходимо найти оптимальный комбинаторный вариант для производства с целью минимизации издержек как денежных, так и временных в ходе производства и транспортировки, а также для получения максимальной прибыли.

Список литературы

1. Писарук, Н. Н. Исследование операций / Н. Н. Писарук. — Минск : БГУ, — 2015. — 304 с.
2. A Branch-and-Bound Framework for Unsupervised Common Event Discovery / W. S. Chu, F. de la Torre, J. F. Cohn, D. S. Messinger // International Journal of Computer Vision. — 2017. — 1—20.
3. Daganzo, C. F. Bounds and approximations for the transportation problem of linear programming and other scalable network problems / C. F. Daganzo, K. R. Smilowitz // Transportation Science. — 2004. — No. 38 (3). — P. 343—356.
4. Обобщенная оптимизационная задача производственно-транспортных процессов на предприятии / Р. С. Рогулин, П. В. Нечаев, Д. Е. Плешанов, Н. С. Евдакимова, Е. Д. Гончаров, В. И. Максименко // Прикладная информатика. — 2018. — Т. 13, № 6 (78). — С. 133—141.

Сведения об авторах

Злобина Дарья Вячеславовна — лаборант Школы биомедицины Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. zlobina.dv@students.dvfu.ru

Лебедев Михаил Анатольевич — лаборант Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. zlobina.dv@students.dvfu.ru

Пилюгина Вера Александровна — лаборант Школы биомедицины Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. pilugina.va@students.dvfu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 11 (433). *Economic Sciences. Iss. 67. Pp. 178—182.*

MATHEMATICAL-COMBINATORIAL MODEL FOR FINDING THE OPTIMAL PRODUCTION STRATEGY FOR ENTERING A NEW MARKET

D.V. Zlobina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. zlobina.dv@students.dvfu.ru

M.A. Lebedev

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. zlobina.dv@students.dvfu.ru

V.A. Pilyugina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. va@students.dvfu.ru

The article presents a model that fits exactly with the economic situation when an enterprise has yet to enter the market, and it is trying to determine the production sites from the list and is trying to produce to send as many goods as possible to occupy its niche in the market delivery to the place of consumption. The task we are solving for the first time appeared at a wood processing plant. Similar models were considered earlier; however, they did not take into account the transit time according to the graph and the storage capacity, which is extremely important when planning production for the next period.

Keywords: *mathematical modeling, linear programming, maximum flow, center placement.*

References

1. Pisaruk N.N. *Issledovanie operacij* [Operations Research]. Minsk, BSU, 2015. 304 p. (In Russ.).
1. Chu W.S., de la Torre F., Cohn J.F., Messinger D.S. A Branch-and-Bound Framework for Unsupervised Common Event Discovery. *International Journal of Computer Vision*, 2017, 1-20.
2. Daganzo C.F., Smilowitz K.R. Bounds and approximations for the transportation problem of linear programming and other scalable network problems. *Transportation Science*, 2004, no. 38 (3), pp. 343-356.
3. Rogulin R.S., Nechaev P.V., Pleshanov D.E., Evdakimova N.S., Goncharov E.D., Maksimenko V.I. Obobshchennaya optimizacionnaya zadacha proizvodstvenno-transportnyh processov na predpriyatii [The generalized optimization problem of production and transport processes at the enterprise]. *Prikladnaya informatika* [Applied Informatics], 2018, vol. 13, no. 6 (78), pp. 133-141. (In Russ.).